

Глава 12

ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО № У-279

*Спецзадания Сталина Микояну. –
«Граждане начальники» и товарищи заключенные. –
Смертельная опасность. – «Берия сгорел!».*

Как-то в начале осени 1950 г., выйдя из кинотеатра «Художественный» на уже темную Арбатскую площадь, я подождал, пока не поредела толпа оживленных зрителей, смотревших впервые появившийся на наших экранах французский фильм «Граф Монте-Кристо», и поделился со своей спутницей, с которой мог быть абсолютно откровенен, далеко не романтическими мыслями, навеянными этой картиной:

– Знаешь, я готов перенести то же, что и Монте-Кристо, – только с несколько меньшим сроком: 14 лет мне не выдержать, – лишь бы отомстить той сволочи, которая делает сейчас все, чтобы отправить на смерть моих родных.

Очевидно, судьба была ко мне благосклонна, поскольку очень скоро две трети моего пожелания сбылись: читатель уже знает, что я оказался в тюрьме, где и получил срок меньший, чем литературный граф (правда, только «для начала»), и даже камеру мне отвели за тем же номером, что и у него, – 34. Ну а через три с лишним года настал черед исполнению и заключительной части моей «заявки». В предпоследнем из моих лагерей в январе или феврале 53-го г., ко мне подошел старый, по моим тогдашним понятиям, заросший седой бородой незнакомец, представившийся бывшим наркомом Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики Георгием Александровичем Цатуровым. (В одной из книг А. В. Антонова-Овсеенко он назван секретарем партийной организации наркомата внутренних дел ЗСФСР, но это разночтение не имеет большого значения для моего рассказа.)

– Ты этого не замечал, – сказал он, – но я долго приглядывался к тебе прежде, чем решиться на такой разговор. Ты кажешься мне порядочным человеком и, надеюсь, не выдашь меня. В заключении я нахожусь уже 17 лет. До ареста долгое время был правой рукой Берии, когда он творил свои дела в Закавказье. Полностью отдаю себе отчет в том, что я – подлец и мне нет прощения за все, соделанное вместе с Берией. Но хочу, чтобы ты знал об этом, так как, скорее всего, я здесь погибну. Ты же молод, и у тебя есть шансы выжить и когда-нибудь рассказать об этих преступлениях людям.

После такого многообещающего предисловия он в течение нескольких дней излагал мне историю того, что происходило в Закавказье, когда там хозяйничал Берия: террора, беззакония и прочих преступлений, которые тот совершал при поддержке и личном участии рассказчика. В конце концов, однако, Берия, по словам Цатурова, предал его и многих других своих соратников, и он оказался в числе восемнадцати арестованных закавказских наркомов, облыжно обвиненных в работе на иностранные разведки, заговоре против Советской власти и т. п. Но люди эти оказались крепкими орешками и, несмотря на пытки и зверские избиения, яростно отвергали приписываемые им преступления. И тогда Сталин направил в Закавказье для встречи с этими упрямыми А. И. Микояна. (Теперь я думаю, что это был, возможно, лишь один из эпизодов его поездки в Армению вместе с Маленковым и Ежовым, в результате которой они практически полностью уничтожили партийно-хозяйственное руководство республики. — Л. В.) Арестантов привели в относительный порядок и доставили к Микояну, который принял их как родных, за накрытым столом, и сказал им:

— Меня, дорогие *товарищи*, прислал к вам товарищ Сталин. Он передает вам свой привет и просит вас — коммунистов, организаторов Советской власти в Закавказье, помочь Центральному Комитету. Дело в том, что в стране зреет серьезное недовольство политикой партии и вам, старым ее членам, революционерам, надо отвести от нее гнев народа. Иосиф Виссарионович просит вас подписать предъявленные вам обвинения, взять ответственность на себя. Конечно, вам сохраняют жизнь, вы лишь перейдете на подпольную (?! — Л. В.) партийную работу. Центральный Комитет вас не забудет...

Семнадцать человек подписали обвинительные заключения — и тотчас были расстреляны. Цатуров отказался, прошел еще более изощренные муки ада, получил срок в 25 лет заключения с последующими пятью годами поражения в правах, но остался жить, если таким громким словом можно обозначить погребение заживо в спецлагере для «врагов народа».

Здесь необходимо дать маленькое пояснение относительно «подпольной партийной работы». В жизни я несколько раз встречался с этой формулировкой, нелепой, казалось бы, для послереволюционного времени. Точнее было бы назвать такую «работу» *подземной*, поскольку согласившиеся на нее тут же оказывались в общей могиле. С Микояном же, кроме описанного эпизода, связан еще один: в одном из недавних изданий рассказано об аналогичной миссии Анастаса Ивановича, имевшей столь же трагические последствия в Перми, если память мне не изменяет.

А завершил он такую специфическую свою деятельность, можно сказать, на международном уровне. В 1951 г. по распоряжению Сталина был арестован Генеральный секретарь ЦК Компартии Чехословакии Р. Сланский. Активный борец против фашизма, подпольщик, упорно сопротивлялся попыткам следствия приписать ему «вражескую» связь с

Тито. Сталину ничего не оставалось, как прибегнуть к испытанному средству: послать (или лучше сказать – подослать) к нему Микояна. Тот и уговорил Сланского подписать нужные Сталину, то бишь «международному коммунистическому движению», конечно, показания, которые раскрывали бы всю бездну предательства Тито и его сторонников. От имени «корифея» Микоян заверил подследственного, что необходимый в столь высоких интересах смертный приговор в исполнение не приведет и Сланский будет направлен на закрытую, секретную работу. И когда его вели на расстрел, он кричал, что приговор этот формальный, о чем была договоренность со Сталиным. В общем, схема знакомая, примененная и в «ленинградском деле», как помнит читатель. Не в этом ли высоком искусстве убеждения состоит секрет того, что Анастас Иванович, как говорили о нем в прошлые годы, сумел прожить «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича»?

Исповедь Цатурова мне довелось выслушать на лагпункте в Ольжерассе, тогда небольшом поселке в Кузбассе. А через некоторое время мы оказались с ним снова в одном лагере, теперь уже под Омском. И там рассказ моего нового знакомого и последняя треть моего пожелания получили неожиданное завершение. Но прежде все же о том, что этому предшествовало, еще несколько штрихов из лагерных наблюдений.

Началось мое знакомство с этой стороной, с этой гигантской сферой жизни нашего общества в так называемом Песчлаге (от слова «песчаный»). Видимо, он же тогда или в иное время именовался Степлагом, т. е. «степным»), в лагпункте, находившемся около поселка Чурбай-Нура – недалеко от Долинки и в нескольких десятках километров от Караганды. Сначала начальство почему-то не знало, что со мной делать, и какое-то время я даже ходил в своей военной форме и без лагерных номеров. Как выяснилось позже, один подобный случай у них перед глазами уже был в лице сына генерала П. Н. Кубаткина, погибшего по «ленинградскому делу». Ни отца, ни сына я не знал, но, видимо, считалось, что общение заключенных – членов семей расстрелянных по одному «делу» – ни к чему хорошему не приведет, и молодого человека тотчас перебросили в другой лагпункт. Меня же пока отправили выполнять какие-то канцелярские работы внутри лагеря. И в первой же бумаге в глаза бросилось сокращение: з/к з/к, что в переводе, как тут же выяснилось, означало «заключенные». От такого показавшегося унижительным сокращения меня аж передернуло, и в своих документах на протяжении всех лагерных лет я писал, вопреки традиции, это слово только полностью – «заключенный» – и от такого «звания» не страдал. Кстати, и ни одного «гражданина начальника» я таким образом не назвал.

Однако в течение нескольких недель я был в ужасном психологическом состоянии по другому поводу: душу постоянно, неотступно сверлила мысль о том, что у кого-нибудь из дорогих мне людей может возникнуть сомнение в моей невиновности. Ведь «на воле» всем постоянно

внушали, что органы зря не арестовывают, что в нашем справедливом обществе в тюрьмах, лагерях, на высылке находятся только предатели и прочие враги народа. И не было страшнее мысли, что кто-то из родных и друзей хоть на минуту может подумать обо мне таким же образом. Без малейшего преувеличения скажу, что в тот момент я был готов умереть, лишь бы подобные сомнения не возникли у моих близких. И выдернул этот гвоздь из сознания и души только тогда, когда, немного освоившись в новых условиях, умудрился нелегально (писать официально нам разрешалось два раза в году) отправить несколько коротких писем, из которых дошло одно, моей тетушке Лидии Васильевне, с сообщением о сугубо формальной причине моего ареста, а через нее и другим дорогим мне людям.

Это письмо, как и прочие мои послания ей, она сохранила, и теперь они находятся где-то в моем архиве. Правда, о первом из них вспоминаю со стыдом, так как, кажется, в нем содержится мысль о том, что вокруг меня, невиновного перед своей страной, находятся ее действительные враги. Прозрение пришло довольно быстро, когда я ближе познакомился с моими товарищами по заключению. Кто-то действительно был виновен и признавал это, кто-то скрывал те или иные моменты из своего прошлого, но в подавляющем большинстве своем это были люди, преданные Родине и ее идеалам. Убедившись в этом, я, можно сказать, успокоился, психологически вписавшись в круг таких же по своим убеждениям советских граждан, несправедливо опороченных государством, каким был сам. Недаром первым вопросом, который задал мне бывший полковник Советской Армии Медведев, один из руководителей восстания военнопленных в немецком концлагере, а в нашем спецлагере бригадир, когда я был направлен к нему для продолжения своей исправительно-трудовой деятельности, был такой:

– Как ты думаешь, кто виноват во всем этом, – широким жестом он обвел трехъярусные нары, набитые людьми, – поп или церковь?

Вопрос прозвучал, как говорится, в лоб.

– Поп, – ответил я, сообразив, что речь идет о Сталине и о социализме, и стал полноправным, а точнее, полноправно бесправным, как и все, членом лагерного коллектива.

В бригаде я оказался недели, наверное, через две после прибытия в лагерь, после того, как из Москвы пришли мои бумаги с указаниями о том, в каком режиме меня должно содержать. В соответствии с ними меня и направили в бригаду, выполнявшую и днем и ночью самые, пожалуй, тяжелые работы. Но рассказать мне хочется не о них, а о картине, которая и через полвека стоит перед глазами.

Представьте себе лютую стужу в казахстанской степи. Утопая по колено в снегу, бригада из низины вручную поднимает на высокую насыпь шпалы и рельсы и укладывает железнодорожный путь. Начало вечера, скоро съём, т. е. конец работы, и возвращение в лагерь. Втаскиваю свою последнюю шпалу на насыпь, укладываю ее там, спускаюсь вниз,

оборачиваюсь и в изумлении застываю от картины, кажущейся написанной художником-плакатистом, да к тому же сочными контрастными красками. Слева внизу на ослепительно белом снегу догорает небольшой костер, к нему жмутся согбенные фигуры заключенных в бесформенной темной одежде; на верхней кромке ярко-желтой насыпи видна обрывающаяся стальная нить рельсов, дальше лежат только шпалы; за насыпью на фоне чистейшего синего неба садится огромное и естественно кроваво-багровое солнце, которое она, как по линейке, перерезает пополам; а прямо в середине оставшегося от него полукруга в профиль четко прорисован неподвижный силуэт одетого в черный тулуп часового с винтовкой наперевес с примкнутым штыком. При этом все горизонтальные линии – насыпь, рельсы, винтовка со штыком – идут строго параллельно друг другу. Какой удивительный в каждой детали плакат – символ нашего тогдашнего строя создал случай!..

На нашем лагпункте находилось примерно 2,5 – 3 тысячи человек. В таком людском массиве каждый не мог знать всех, и все не могли знать каждого, и повседневная жизнь человека протекала в рамках локальных образований – формальных (производственных бригад или внутрилагерных служб) и неформальных (этнических групп, объединявших главным образом представителей сравнительно малочисленных народов; землячеств; приверженцев какого-либо религиозного течения и т. п.). Думаю, что подобные неформальные образования играли очень важную роль в сохранении человеческого в человеке в нечеловеческих условиях. Сложившиеся тогда глубокие и искренние отношения с определенным кругом людей не только помогли выдержать испытания тех лет, но и сохранились во все последующие годы. И это – несмотря на различное прошлое каждого из нас и даже на политические и идеологические несогласия друг с другом. Жизнь научила нас терпимости к чужим взглядам, научила уважать право любого иметь собственное мнение и защищать его.

Четыре моих лагеря связали меня крепчайшими узами пожизненной дружбы с уже упоминавшимися Львом Николаевичем Гумилевым, Юрием Михайловичем Захаровым, Алексеем Федоровичем Савченко, со здравствующим поныне Борисом Глебовичем Штейном – прозаиком и поэтом. Назову еще несколько имен: фронтовик, детский писатель и поэт Олег Кельсиевич Бедарев; фронтовик, капитан-артиллерист, раньше меня окончивший то же самое военное училище, Владимир Ильич Блинков; Леонид Матвеевич Бортник; Виктор Янович Везеберг; студент-биолог Борис Николаевич Вепринцев; молодой офицер-кавалерист Сергей Николаевич Галушко; выдающийся оперный певец, Народный артист РСФСР, еще до войны награжденный орденом Ленина, Николай Константинович Печковский; Антон Павлович Романов; фронтовик, полковник Федор Петрович Северов; писатель, автор многих известных произведений, в том числе и знаменитой «Повести о Ходже Насреддине», Ле-

онид Васильевич Соловьев; доктор филологических наук, историк литературы Абель Исаакович Старцев; первый секретарь Ульяновского обкома партии Иван Николаевич Терентьев; радиожурналист Георгий Вильямович (Джордж Герберт) Ханна – это лишь немногие из того широкого круга людей (их письма храню до сих пор), общение с которыми в моей лагерной и послелагерной жизни внесло в нее немало искреннего тепла и сердечности.

Светло вспоминаю и полковника Бориса Петровича Кауфмана. Выходец из семьи обрусевших немцев, педант до мозга костей, потомственный военный и мой сосед по нарам в бригаде, о которой упомянуто чуть выше, он оставался верен самому себе и кодексу офицерской чести в большом и малом. Например, во всем лагере только он и я, насколько можно было заметить, подшивали к арестантской робе, как в армии к гимнастерке, белые подворотнички. Мы стирали эти тряпочки в ледяной воде без мыла, но упорно придерживались установленного для себя порядка. И эту мелкую деталь, маленький символический противовес судьбе и окружающим обстоятельствам тамошнее начальство читало совершенно правильно, т. е. достаточно негативно.

Соседом по нарам с другой стороны был у меня Сергей Галушко. Одногодки, мы с ним сдружились сразу и навсегда. Как он сам говорил, у него было незаконченное среднее образование, но он обладал удивительно живым умом, явным артистизмом и славился своими более чем удачными остротами. Служил он в кавалерийском полку, входившем в охранную дивизию МГБ, и выполнял весьма специфические задания. Вот, например, в сухом изложении один из его рассказов.

«Вызывает меня наш командир, полковник Литовченко, я стою на вытяжку, и он мне говорит:

– Товарищ старший лейтенант! Вам поручается выполнение особо важного правительственного задания: взять коня такого-то и пони такого-то и с соблюдением полной секретности доставить их к такому-то часу на объект номер такой-то, а по миновании надобности – обратно. Задание понятно?

– Так точно, товарищ полковник!

– Выполняйте!

– Есть, выполнять!

Погружаю лошадей на автомашину и доставляю их на объект, которым обычно оказывалась дача Микояна, реже – дачи других высокопоставленных лиц, помогаю хозяевам, а чаще их детям подняться в седло и удержаться на коне, а в перерывах меня кормят и поят «от пуза» на кухне. Не могу сказать, что такая служба меня обременяла...».

Пострадал же Сергей за любовь. Его подругу, пребывавшую в таком же воинском звании, «органы» внедрили в качестве уборщицы в дом голландского торгового представителя, о котором было известно как о крупном шпионе, связанном с рядом иностранных разведок. И когда тот уехал в отпуск, наши влюбленные, страдавшие от невозможности уеди-

ниться, – тогда в Москве был острейший жилищный кризис – провели ночь в его пустой квартире. Потом у Сергея образовался огромный нарыв подмышкой, который ничем вылечить не удавалось. Тогда подруга его подруги свела Сергея с врачом индийского посольства, который за несколько часов избавил мученика от этой напасти. Беда пришла, когда «по плану» (ибо считалось, что ни одна девушка слишком долго не может сопротивляться соблазну посольской клубники в сливках) его подруга была арестована, а вслед за нею – и он тоже. Ее и его знакомства с гражданами других государств позволили следствию объявить Сергея резидентом семи (!) иностранных разведок, начиная от голландской и индийской и кончая, помнится, болгарской. При таком букете ему грозила, наверное, смертная казнь, но после знакомства на первом же допросе с методами физического воздействия III степени, в результате чего он сутки провел, перегнувшись без рубахи и брюк через спинку кровати, Сергей решил не изучать содержание таких мер более высоких степеней и подписал все обвинения. В результате он отделался «всего» 15 годами заключения в особом лагере, а его отец – генерал, Герой Советского Союза, что тоже, наверное, сыграло свою роль при вынесении приговора, – потерей работы и увольнением со службы.

Сергей был очень чувствительным, что ли, человеком, и наш первый общий вечер прошел под аккомпанемент его рыданий, сквозь которые прорывались возгласы: «Ой, Нина, Нина, Ниночка!..» Оказалось, что незадолго до своего ареста он женился, мягко говоря, на весьма сомнительной особе, которая тут же, как выяснилось из полученного в тот день письма, развелась с ним. Утешения и логика здесь не помогали, и на завтра пришлось сказать ему:

– Если хоть раз услышу снова рыдания, я, не спрашивая, по какому они поводу, врежу тебе так, что ты запомнишь на всю жизнь.

И когда они все-таки раздались, пришлось выполнить обещанное. Года на два урока хватило, но уже в другом лагере при новом эмоциональном срыве я не рассчитал силу удара и вынужден был явиться к начальнику санчасти со словами:

– Делайте со мной что хотите, но посмотрите, пожалуйста, моего друга: не сломал ли я ему ребро?

Дело, к счастью, ограничилось трещиной в месте удара, и моему «подопечному» какое-то время пришлось ходить в некоем подобии корсета.

Но это было потом, а пока мы на следующий день после знакомства бредем под конвоем в колонне заключенных на работу, и Сергей спрашивает меня:

– А где ты жил в Москве?

– В доме 2 по улице Серафимовича, в 195-й квартире.

– А-а, в Допре...

Я был поражен: какие удивительные сочетания и совпадения могут возникать в нашем языке! Ведь Допр – это сокращение и от «дома правительства», и от «дома предварительного заключения»! А в нашем доме,

который позднее стал широко известен как Дом на набережной, и в 30-е, и в первые послевоенные годы множество квартир стояли опечатанными после ареста их обитателей. Для них он стал и впрямь домом предварительного заключения перед гибелью на уготованной для них Сталиным Голгофе...

Думаю, в лагере было мало людей из знавших Сергея, кто не ценил бы его за прекрасные душевные качества, неизменно доброе отношение к окружающим и неиссякаемый юмор, в том числе и по отношению к себе самому. В любой, даже, казалось бы, не очень подходящей для этой ситуации он видел смешные или нелепые ее стороны и талантливо обыгрывал их, хотя и не всегда встречал благожелательное понимание.

Вот решил он примкнуть к какой-нибудь группе в нашей барачной секции, а попросту – камере. Выбор не очень большой. Слева внизу в торцовой части объединились эстонцы и, тихо переговариваясь по-своему, угощают друг друга чем-то из полученной посылки. Это замкнутый мир, и там Сергею места быть заведомо не может. Вся правая часть секции – владения западных украинцев, в своей обособленности мало уступающих прибалтам и не очень-то жалующих «москалей». В центре – русские и разные там интеллигенты – индивидуалисты, сосредоточенные на собственных проблемах и переживаниях. А вот с третьего этажа нар сквозь гул, стоящий в битком набитом людьми бараке, пробивается сладкоголосое духовное песнопение. Голоса очень высокие, пение дружное, и даже можно различить отдельные слова, что-то вроде «В небесах, в небесах, мой Бог – в небесах...». Это собрались баптисты, разучивающие псалмы. Как удалось Сергею приобщиться к ним, не знаю, но вскоре его голос влился в хор, чье звучание перемежалось чтением текстов и их разъяснением. И вдруг мимо нас, сидящих на нижних нарах, сверху пронеслось нечто, с грохотом упавшее на пол. При ближайшем рассмотрении оказалось, что этим «нечто» был Сергей, неожиданным ударом отлученный от благодати за внешне невинный, а по сути иронически-критический вопрос главному разъяснителю какого-то фрагмента священного текста. Да, видимо, одно дело проповедовать учение о любви к ближнему и совсем, совсем иное – во всем и всегда следовать ему.

А этот эпизод из жизни уже в другом лагере. Прозвучал сигнал отбоя, надзиратели нас пересчитали и ушли, заперев барак на амбарные замки. Все укладываются спать. Сергей сидит, скрестив ноги, в одном белье на верхнем этаже нар. К этому месту подходит в таком же одеянии наш собригадник И. М. Пронман и, задрав голову, говорит:

– Сережа, по лагерю ходят слухи, что Вы стали брать уроки всемирной истории у Льва Николаевича Гумилева. Так ли это?

Все замерли, разговоры вокруг затихли...

– Ваши сведения верны, Измаил Маркович, – отвечает Сергей, не меняя позы и глядя на него с высоты нар.

– Так не скажете ли Вы мне тогда, каково было положение евреев в Бухарском ханстве за шесть веков до нашей эры?

В бараке – абсолютная тишина. Все хотят услышать, как прореагирует Сергей на явную «провокацию». И тот делает это мгновенно:

– Видите ли, как известно, мы со Львом Николаевичем знаем всемирную историю на 100 процентов: 80 процентов знаю я, 20 процентов – Гумилев. Но Ваш вопрос относится именно к тем 20 процентам, которые знает Лев Николаевич. Так что с этим вопросом, Измаил Маркович, обратитесь к нему.

Раздался такой громовой хохот, что тут же опять загремели замки и в барак ворвались надзиратели. Пришлось кому-то объяснять им, чем вызвано столь необычное нарушение режима.

...Пусть же эти маленькие заметки будут эпитафией моему давно скончавшемуся светлomu и доброму другу.

На другом московском кладбище – могила О. Бедарева. Ни в одной из его книг, стоящих у меня на полках, нет двух стихотворений, записанных в лагере под его диктовку на коричневом грубом листке бумаги из так называемого «Дневника работ». Может быть, они и не публиковались? Приведу их не только в память об авторе, но и потому, что они лучше моих слов расскажут об этом человеке и его чувствах – и заключенного, и гражданина.

В маленькой комнатке рядышком с мамой
Зимняя ночь не страшна.
Спит мой осколочек – нежный, упрямый,
В гости пришла тишина.
Кружат за окнами белые мухи,
В тонком узоре стекло.
Спишь ты, и зайка с тобой длинноухий,
В вашей кровати тепло.
В час этот где-то в далекой Сибири
В рельсу ударят развод,
Узник отец твой, холодный и сирый,
Вьюге навстречу идет.
Стонет тайга от пурги-завирухи
В снежном колючем дыму,
Зайка тряпичный, смешной, длинноухий
Грезится снова ему.

Второе стихотворение написано им еще до лагеря, поскольку Олег говорил, что к этому произведению приложил руку и С. В. Михалков. Не знаю, как Вы, а я, пережив вместе с миллионами моих сограждан Отечественную войну, до сих пор читаю эти строки с комком в горле:

Надпись дождями осенними смыло –
Имя бойца не прочтешь.
Плотной стеной подступила к могиле
Спелая матушка-рожь.

Не пощадил он ни крови, ни жизни,
 Принял геройскую смерть,
 Чтобы любимой, родимой Отчизне
 Нивами вечно шуметь.

Подвиг солдата время не скроет,
 Имя – народ сохранит.
 Новая жизнь над могилой героя
 Спелю нивой шумит.

Травушка в поле тропюю примята,
 Холм в придорожной пыли –
 Это простая могила солдата:
 Шапку, товарищ,ними...

Один из известных композиторов положил эти стихи на музыку, превратил их в песню, но публично прозвучать она не успела из-за ареста Олега. Ее мелодия, напетая им, до сих пор звучит в моей памяти:

3. Подвиг солдата время не скроет,
Имя – народ сохранит.
Новая жизнь над могилой героя
Спелую нивой шумит.
4. Травушка в поле тропкою примята,
Холм в придорожной пыли –
Это простая могила солдата:
Шапку, товарищ, сними...

Может быть, теперь, к 60-летию Великой Победы, эта песня в таком или каком-то ином музыкальном варианте все же возродится?..

Вспоминая какие-то небольшие фрагменты из лагерного прошлого, я думаю, что духовная пища, которую мы получали друг от друга, обсуждая проблемы, далеко выходящие за пределы лагерного быта, была не менее важна для нашего выживания и спасения, чем пища материальная. А с этой последней дела в то время, как уже было сказано, для рядовых заключенных обстояли катастрофически плохо. В лагерях существовал порочный круг: тяжелейшая физическая работа могла быть выполнена в задаваемом объеме только при достаточном восполнении сил человека, а те, напротив, с каждым днем таяли от многомесячного голода, что приводило, естественно, ко все большему снижению и без того в целом невысокой производительности подневольного труда. Все это осложнялось климатическими условиями Казахстана: попробуйте, например, на 40–50-градусном морозе в открытой, насквозь продуваемой ветрами степи отбить неподъемным ломом кусок глинистой земли хотя бы с ладонь, и вы убедитесь, что с каждым ударом отлетит кусочек не более чем с ноготь. А ведь невыработка заведомо непосильной нормы влекла за собой уменьшение и без того сверхскудного пайка.

Положение мое в какой-то мере улучшилось, когда время от времени я стал получать письма от тетушки и посылки от нее и некоторых друзей – моих и отца. Поддержка извне в любой форме была для нас в высшей степени важна, порой она просто спасала человека от отчаяния, болезни, голода. И все же важнее всего было тепло писем родных и близких, исходившее от присланных ими вещей и даже каждой бумажки, в которую они были завернуты, потому что к ней прикасались их руки.

Недавно в одном из своих лагерных писем, выплывшем из архивного массива, прочитал: «Помните, пожалуйста, что несколько слов от Вас значат для меня больше, чем любая другая форма помощи...»

Что же касается посылок, то в лагере распространился упорный слух, о чем я узнал много позднее и с величайшим удивлением, что их отправляет мне... Светлана Сталина (Аллилуевой ее тогда не называли). Не знаю, кто и зачем распустил такую глупую версию о человеке, с которым у меня было лишь мимолетное и сугубо шапочное знакомство: ее тогдашний муж Ю. А. Жданов представил нас однажды друг другу в фойе театра. На самом же деле среди помогавших мне выжить была семья друга моего отца, члена-корреспондента Академии наук, а позднее академика М. П. Алексеева. Для Михаила Павловича это был очень рискованный шаг, но и он, и члены его семьи действительно принадлежали к числу людей, поступки которых определялись высшим критерием – их собственной совестью. Недаром еще в 1937–1938 гг., в разгар сталинской бойни он с искренним недоумением говорил близким: «Почему меня не берут? Я же порядочный человек...» Всем им, ушедшим и живущим, храню бесконечную благодарность за их нравственный подвиг, за то, что они, как и большинство моих лагерных друзей, помогли мне сохранить веру в неистребимость таких принципов, таких драгоценных человеческих качеств, как Честь, Достоинство, Мужество...

В тюремных и лагерных условиях удержаться в рамках этих принципов и не предать их было не менее необходимо, чем «на воле», и, конечно, не менее трудно. Ведь здесь абсолютно все, в большом и малом, было направлено на унижение заключенного, на постепенное превращение его в бессловесное животное, занятое только проблемой физического выживания любой ценой. Скажем, вместо имени тебя называют по номеру. У меня за лагерные годы было их три. Первый забыл, вторым оказался К-666 («число зверя», как известно), а последний – У-279. Жалею, что в нелегкие после возвращения в Москву студенческие и аспирантские годы пустил этот номер и лагерную одежду на ремонт тахты, в недрах которой они, очевидно, пребывают и поныне. Номера же в особых лагерях (их называли также специальными и каторжными) представляли собой довольно большие белые лоскуты, на которые наносились черной краской крупные буквы и цифры. Во всех видах верхней лагерной одежды вырезали по четыре окна, в которые и вшивали эти тряпки с номерами. Один красовался на чем-то вроде фуражки, другой – на спине лагерной робы (назвать ее формой язык не поворачивается), третий – у сердца, четвертый – на брюках в районе левого колена. То же самое повторялось и на зимнем «обмундировании» – ватных брюках, ватнике, бушлате и шапке. Тем самым точки прицела на случай побега или неподчинения обозначались ясно и были хорошо видны даже в сумерках. Бесполезно было бы и сдирать номера, ведь под ними оставались прямоугольные дыры. К тому же сляпано все это, как и обувь, было

так уродливо, что ни один «гражданский» человек добровольно ничего подобного на себя бы не надел. Впрочем, это лишь микроэлементы той системы уничтожения человека в человеке, которая сознательно насаждалась и культивировалась в сталинско-бериевском ГУЛАГе.

Мне довелось почти одинаковое время прослужить в армии и пробыть в тюрьме и лагере – три с половиной года и три года два месяца соответственно. И в первом, и во втором случае это была достаточно суровая школа. Но вот что удивительно – для меня, по крайней мере: конечно, и от армии на всю жизнь сохранились какие-то привычки и навыки, в том числе профессиональные, ну а лагерь, сколько бы ты ни сопротивлялся его воздействию на тебя, навсегда въедается в плоть и кровь, гнездится где-то в подкорке и дает о себе знать самым неожиданным и в обычных общегражданских условиях не контролируемым сознанием образом. Вот, скажем, на протяжении уже полувека рука не поднимается выбросить зачерствевшую корку хлеба. Или, например, в заключении у меня не вызывал, казалось бы, никаких эмоций грохот открывающихся замков камеры или барака, а на воле я вздрагивал на протяжении доброго десятка лет, не меньше, от куда более деликатных звуков такого рода в собственном доме. Или в командировке вижу, как обреченных на забой бычков по пандусу загоняют в кузов машины так плотно, что они, стиснув друг друга, уже еле дышат, – и сердце обрывается не только от боли за них: подобным образом перевозили и заключенных. Только там перед кабиной ставилась загородка, за которой находились конвоиры с наведенными на нас автоматами. А в остальном – очень похоже: набивали до отказа открытый кузов грузовика людьми, по пять в ряду, а затем по команде всех сажали по нескольку раз, можно сказать, друг на друга, пока из скрюченных тел не образовывалась такая плотная масса, что ни один человек и ни один его член пошевелиться уже не мог. И ведь возили на десятки километров...

Стоит, видимо, рассказать и еще об одном лагерном наследии, объяснить которое с научных позиций никто мне пока не сумел: каким образом за пять тысяч километров от Москвы я точно знал день и час, когда там кто-то прикасался к моей судьбе, решал ее, и это вскоре подтверждалось совершенно безошибочно и документально. В такие моменты у меня где-то в сердце возникало ощущение сродни боли, но не боль, и не страх, и не тревога даже, а совершенно необычное и ни с чем не сравнимое, специфическое ощущение, ни в каких иных случаях себя не проявлявшее. Может быть, это было что-то звериное, но ведь – за тысячи километров? Что уж тогда говорить о куда более скромных расстояниях в послелагерное время, потому что эта поразительная – ее нельзя назвать *благоприобретенной* – способность сохранялась, очень постепенно сходя на нет, многие десятки лет.

Правда, потом, в обычных условиях она проявлялась только в связи с какой-то перспективой смены работы или в каких-то иных ситуациях вокруг нее. Причем это были всегда предложения или решения хоро-

шие, возникавшие из лучших побуждений, но обсуждались-то они за моей спиной, без меня, и именно это обстоятельство все равно вызывало и после лагеря такую однозначно определенную реакцию.

Скажем, в 60-е гг. работаю я в журнале «Коммунист» и в очередной раз говорю, испытывая это ощущение, друзьям:

– Опять меня на другую работу потянут...

– Да брось ты! Кому ты нужен? Сиди спокойно...

Однако на следующий же день меня вызывают в ЦК и действительно предлагают новую работу. Я благодарю и остаюсь в любимом журнале – до очередного вешего сигнала в сердце...

Или: наша группа «заброшена» на дачу Горького, в полусотне километров от Москвы, для подготовки XXIV съезда партии. Работаем под руководством Г. Л. Смирнова уже достаточно долго, и в какой-то момент мне понадобилось ненадолго уйти в отпуск. Сам Лукич, как мы тепло называли его между собой, разрешить этого не мог, но сказал, что посоветуется с Петром Ниловичем (Демичевым – секретарем ЦК), и уехал в город. Вернулся он дня через два-три и говорит мне:

– Вот что мы решили сделать с тобой...

– Минуточку, – прерываю я его. – Вы решили это вчера в три часа дня.

Лукич буквально оторопел:

– Да... Он что, тебе позвонил сам?

– Нет, конечно. Так что же Вы решили?

– Отпустить тебя на десять дней, – все еще несколько растерянно ответил Георгий Лукич.

Пришлось рассказать ему о лагерном «даре».

Так что ввелся мне этот период, как говорится, в печенки на всю оставшуюся жизнь. Никогда не чурался я никакой работы, если она была необходима в интересах дела, брал в руки – с разной степенью умелости – любой инструмент, но вот еще в одном из лагерных писем наткнулся на фразу о своем бешенстве (внутреннем, конечно) при виде сочетания лома, лопаты и штыка. Первыми двумя пользуюсь в меру сил и сейчас, третий ценю с армейских времен, но их сочетание отвратительно, когда штык направлен на тебя ... Да, ни один отрезок жизни не был так насыщен яростными эмоциями, как тюремно-лагерный. Поэтому он и сидит, вопреки моей воле, до сих пор в каждой клеточке души и тела...

Ну да ладно – давно пора двигаться дальше и в моем рассказе, и... по территории страны. К середине 1951 г. местное население вполне убедилось в том, что большинство из тех, кто был представлен ему в качестве «фашистов с руками по локоть в крови», являются такими же советскими людьми, как и они сами. (И может быть, газеты и не были уж так не правы, когда с восторгом писали о том, что наши объекты возводятся... комсомольцы.) Соответственно возникли прямые и косвенные связи, неформальные отношения между заклеяменными номерами заключенными, с одной стороны, и прорабами, десятниками и прочими воль-

нонаемыми работниками, а через них и с более широкими кругами местного населения – с другой. Такое вопиющее нарушение спецрежима требовало вырвать нас из этой обстановки и переместить туда, где свободные граждане еще не были испорчены тлетворными контактами с матерыми «врагами народа», которые, например, с высоких марксистских позиций объясняли молоденьким солдатам по их просьбе, что такое коммунизм. К тому же немало других глухих районов и запланированных крупных новостроек ожидали тех, кого уже давно приучили начинать с нуля и на голом месте создавать то, чем потом гордилась страна.

Итак, нас назначили на этап, чтобы из Казахстана перебросить, как потом выяснилось, в Кемеровскую область, где тоже предстояло освоить новые месторождения угля. По уже высказанным соображениям не стану описывать все детали этого процесса. Расскажу лишь о немногих. Этапников вывели за зону, и начался многочасовой «шмон». На глазах почтеннейшей публики из местного населения, стоявшей и проходившей в некотором отдалении, заключенных раздевали догола, и в таком виде они ожидали, пока по каждому шву и закоулку обыскивали их вещи. Но все же в сравнении с тюремной практикой личного заглядывания надзирателями во все природные закоулки человеческого тела здесь была проявлена большая деликатность: осмотр ограничивался верхней его половиной, включая полость рта, после чего надо было несколько раз присесть, дабы не пронести внутри другой полости что-нибудь запрещенное.

О технологии и прелестях этапирования заключенных в товарных поездах написано немало, но находившимся в нашем вагоне «повезло» еще больше. Ехали мы очень медленно, долго, с многочисленными длительными остановками, но этот отрезок пути задним числом показался нам почти благополучным после того, как мы оказались в гористой местности. Поезд, как на грех, именно здесь вышел из спячки и стал нагонять потерянное время, а у нашего вагона, похоже, отлетела некая часть его крепления на ходовой части. Находясь в наглухо запертой передвижной тюрьме, куда и свет-то еле проникал через четыре маленьких окошка под самой крышей, мы не могли практически ничего увидеть снаружи, но по ощущениям было ясно, что нас везли по дороге, которая вилась, как это обычно и бывает в горах, серпантином. А ощущения были такими, что кроме общего быстрого движения поезда вперед вагон приобрел дополнительную свободу движения влево и вправо. Мы лежим (сидеть и тем более стоять было невозможно) на трех- или, не помню, четырехэтажных нарах в торцах вагона, зажатые друг другом, а наш «ковчег» с точностью часового механизма начинает двигаться вбок. Скорость движения нарастает с каждой секундой, он уже несется в этом направлении быстрее, чем поезд идет вперед, и вот – сильнейший удар о какой-то ограничитель, и кажется, что мозг и все прочие твои внутренности сорвались со своих мест. Но нет – ты еще жив, и вагон, как ни странно, не слетел в пропасть, на мгновение процесс приостанавливается, и тут же начинается движение в другую сторону с тем же результатом. И так –

круглые сутки. Не знаю, как это может быть описано физической формулой, но если исходить из состояния всех находившихся в вагоне, то, наверное, в порядке мрачного юмора, линейную скорость поезда надо было бы умножить на конечную скорость амплитуды бокового движения вагона, а это еще раз умножить на его массу, и все это снова умножить на коэффициент надежности прикрепления внутренностей человека к его скелету. Получилась бы, наверное, внушительная даже для летчиков-испытателей величина. До сих пор не понятно, как мы выдержали такое путешествие.

От Сталинска (теперешнего Новокузнецка) нас везли на машинах, и уже вблизи от лагеря мы увидели, как по мосткам, проложенным вдоль его забора, идет стайка женщин в легких цветастых платях. Бог мой, какую бурю восторга вызвала эта картина у мужчин, давным-давно не видевших женщин! Но когда нас ввели в зону, мы обнаружили эти небесные создания в другом обличье, точнее, облачении – в медицинских халатах.

– Номер такой-то, – скомандовал надзиратель, впуская меня в комнату, где были врачи, – спиной к доктору! Спустить брюки.

Тонкие пальчики недавнего ангела слегка ущипнули обнажившуюся левую ягодицу, и нежный голос прошелестел:

– Вторая, легкий труд.

На этом медицинское освидетельствование было завершено. Впрочем, нельзя не признать, что решение-то действительно было ангельским. Ведь врач санчасти Лефортовской тюрьмы в своей справке написала, что я «практически здоров, годен к тяжелому физическому труду», и это было верно в то время. Но меньше чем за год пребывания в Чурбай-Нуре от меня осталось так мало, что определить мои физические возможности нетрудно было даже не на ощупь, а просто на глаз.

Впрочем, это не избавило меня от выходов на работу в промзону. А тут налетела осень с ее дождями и слякотью. К этому времени мои ботинки уже так настойчиво просили каши, что ни для чего иного они не годились. Заменить их на другие администрация возможным не сочла, и я в знак протеста решил не выходить на работу. После развода прошла традиционная «трелёвка», т. е. выявление «отказчиков», большинство которых, кстати говоря, остались в лагере по той же причине, и мы все предстали перед его начальником, в тот момент старшим лейтенантом Завальниковым. По нашему, заключенных, мнению, он был очень приятным человеком. К тому же ему надо было с нами, «работягами», выполнять план, и его разговор поочередно с каждым проходил в довольно мирных тонах. Я стоял в стороне, у стены. И тут на сцене возникло новое действующее лицо – дотоле неизвестный мне офицер, оказавшийся начальником лагерного отделения капитаном Грозовым.

Он явно заслуживает рассказа о себе. Как выяснилось в дальнейшем, он раньше В. Блинкова и меня окончил Одесское артиллерийское

училище им. М. В. Фрунзе, но предпочел голубой кант НКВД на фуражке красному армейскому канту и глубокий тыл – фронту. Военную карьеру он и без появления на полях сражений сделал успешную: года через два, когда я покидал его заведение, он был уже полковником, а затем и генералом – начальником огромных мордовских лагерей. Н. К. Печковский в своих «Воспоминаниях оперного артиста» говорит о нем, как о человеке очень властном, который даже с ним обращался с большим высокомерием, любителе драматического искусства, ощущавшем себя таким «героем-любовником». Добавлю, что он и для себя выбрал сцену – лагерь, где в меру своих скромных артистических возможностей постоянно играл роль сверхчеловека, единовластного вершителя судеб заключенных, которых он демонстративно воспринимал как «недочеловеков».

И вот такой царь и бог местного масштаба вошел в кабинет своего подчиненного – начальника лагпункта, а так как я стоял в стороне, его взгляд сразу уперся в меня. О, каким «художественным», наигранно выразительным, как в плохоньком провинциальном театре, был этот взгляд! Он просто источал глубочайшее презрение небожителя к червю земному. Я не успел сообразить, что делаю, как в доли секунды, вскинул голову и ответил таким взглядом, что его рука с вытянутым указательным пальцем поднялась, описала дугу и замерла в моем направлении, а сквозь почему-то вытянутые трубочкой губы прозвучало:

– А у-э-этого – НЕМЕ-Е-ДЛЕННО в карцер!

Туда меня тотчас и водворили. Правда, через день или два из тюрьмы в тюрьме выпустили: этому способствовал В. Я. Везеберг, имевший какое-то влияние на тамошние «верхи».

Прошло некоторое время, и в лагере появился И. Н. Терентьев. Кому-то понадобилось убрать его с поста первого секретаря Ульяновского обкома партии, и против него состряпали столь нелепое дело (по которому срок ему все же «припаяли», конечно), что даже лагерное начальство, как говорится, развело руками и... назначило его на «ответственную» должность – начальником колонны. А колонна – это ряд выстроенных по линейке друг за другом барачков, так что бывший хозяин области мог использовать свой богатый руководящий опыт в управлении несколькими дневальными из числа инвалидов. Однако такое лагерное благоденствие Ивана Николаевича длилось недолго. В лагере, расположенном в низине между двумя реками – Томью и Усой, – на болотистом месте (недаром он именовался Камышлагом), началась весьма успешная борьба за наведение санитарного порядка. Настрадавшиеся в Чурбай-Нуре от грязи и полчищ самых отвратительных насекомых на себе и в бараках, заключенные были этому рады несказанно, но все же – неблагодарные! – приклеили начальнику санчасти капитану Захарову (о котором я упомянул во 2-й главе) прозвище «Муха!». А родилось оно потому, что капитан, напустив на себя по возможности грозный вид, именно таким возгласом заставлял дневаль-

ных бросаться на каждую замеченную им в бараке потенциальную носительницу заразы.

Но вот пришла зима, лег снег, стало холодно. И тут на сцену опять выступил наш любитель театрального действия. Вообразите себе, что по лагерю продвигается процессия: впереди энергично, пружинистым шагом, в одном кителе, заложив руку за борт а la Бонапарт или Керенский, в золотых новых, уже майорских, погонах идет Громов; за ним, чуть поотстав, соблюдая субординацию, – группа офицеров и надзирателей; замыкают шествие, тоже сохраняя приличествующую их положению дистанцию, «придурки» в ватниках с номерами. Цель столь авторитетного синклита – проверка санитарного состояния барakov. В первом из колонны, возглавляемой Терентьевым, Громов, смотря на него снизу вверх (Иван Николаевич – высокий, плотного телосложения, истинно русский красавец), брюзжаще-презрительным, высокомерным тоном делает ему замечание за какой-то обнаруженный непорядок.

– Будет исправлено, гражданин начальник! – отвечает тот.

И в следующем находится повод для выговора в такой же уничижительной форме. А в третьем Громов выхватывает из кармана белоснежный платочек, проводит им по приютившейся в углу детали барачного обустройства и театральным жестом показывает присутствующим полученный результат:

– Терентьев, это что такое, я вас спрашиваю?

– Пыль, гражданин начальник.

– Какое у вас образование, Терентьев?

– Высшее и высшее политическое, гражданин начальник.

– Так неужели недостаточно высшего и высшего политического образования, чтобы заметить, что здесь – ПЫ-ЫЛЬ?!

Эту фразу наш актер-самоучка произнес размеренно, отделяя каждое слово и растягивая его звучание, с таким пафосом на последнем из них и таким презрением не столько к «виновнице» диалога, сколько к вопрошаемому, что тот ответил:

– Чтобы заметить, что здесь пыль, можно не иметь вообще никакого образования, гражданин начальник.

Не выдержал актер, вышел из роли и – в крик:

– В карцер его! На десять суток! На общие работы!..

Но, как известно, история нередко любит порезвиться и посмеяться над людьми. Прошло, наверное, еще года три. Мои лагерные товарищи (в печати, как всегда, сообщали, что это – дело рук комсомольцев) завершили строительство крупного предприятия – Омского нефтеперерабатывающего завода, а тут как раз подоспел XX съезд партии и началась реабилитация жертв сталинщины. Ивана Николаевича срочно вызвали в Москву, вернули партбилет и в ознаменование нового этапа его жизни назначили председателем Государственной комиссии по приемке... Омского нефтеперерабатывающего завода!

И вот настал счастливый день не столько для Терентьева, сколько для всего населения нашего огромного лагеря. В момент развода бригад на работу к его воротам подлетела вереница машин, из передней вышел председатель Комиссии, за ним – ее члены, и Терентьев скомандовал:

– Громова ко мне!

Что тут сотворилось!.. Из сотен глоток раздался могучий рёв:

– Иван Николаевич! Ура-а-а! Ура-а-а!

Бригады смешались, развод прекратился, люди продолжали кричать, махать руками, бросать шапки вверх... Терентьева в лагере любили за мудрость, внутреннюю силу и несокрушимое спокойствие. И конечно, в его появлении видели символ грядущей справедливости, которая, надеялись все, вскоре коснется и каждого из них.

Ликование заключенных, несмотря на усилия надзирателей и охраны, еще не утихло, когда у лагеря на большой скорости появилась машина Громова. Тот – опытный службист! – выскочил из нее, подбежал к Терентьеву, вытянулся в струнку и, держа руку у козырька фуражки, отрапортовал:

– Товарищ председатель Государственной комиссии! (Далее шел соответствующий случаю текст.) Докладывал начальник Лагерного управления полковник Громов!¹

...В дальнейшем мы с Иваном Николаевичем на протяжении нескольких десятилетий встречались, когда он приезжал в Москву, и переписывались до самой его кончины.

Вернемся, однако, в Междуречье: мне надо бы рассказать еще кое о чем из тамошней жизни.

На всех бесчисленных проверках заключенных и в Чурбай-Нуре, и в Мысках я должен был произносить свою единственную на весь лагерь статью – 58-1-в. Никто – ни мои «коллеги», ни местное начальство не знали ее реального содержания, пока однажды ко мне не прибежали друзья, с порога закричавшие:

– Лев, мы нашли твою хитрую статью!

Оказалось, что на объекте, где они работали, один из них наткнулся на обрывок странички из Уголовного кодекса РСФСР с чудом сохранившейся именно моей, ставшей притчей во языцех статьей. Прочитав ее, я понял, что «сiju неправильно», поскольку статья предусматривает наказание членам семьи военнослужащего, коим отец не был, совершившего побег или перелет за границу, чего он не делал, и предусматривает для его родственников 5 лет ссылки в Сибирь, а не 8 лет заключения в

¹ Каждый год затянувшейся работы над этой рукописью приносит мне новые сведения об упомянутых в ней людях и событиях. Так, оказалось, что несколько страниц Громову как ярко выраженному самодуру посвятил А. Т. Марченко в книге «Мои показания». Опубликованные еще в 1991 г. его воспоминания рассказывают, в частности, о дальнейшей карьере этого персонажа истории ГУЛАГа.

особом лагере. Возмущенный этими и некоторыми другими наглыми нарушениями советского законодательства, я написал аргументированные письма Генеральному прокурору СССР (копия – министру Госбезопасности), а несколько позднее – Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику. И, к своему удивлению, получил ответ, зачитанный мне начальником лагерной спецчасти лейтенантом Подорожным. В ответе признавался факт ошибочного применения статьи УК и за неимением другой, более для меня подходящей она заменялась не существующей в кодексе аббревиатурой ЧСИР (член семьи изменника Родине) с сохранением прежнего приговора. Как и в Лефортово, прочитать самому текст мне не дали, и поэтому вместо простой подписи я на оборотной стороне листа быстро изложил смысл объявленного устно решения: «С заменой мне статьи 58-1-в на формулировку ЧСИР озна...», а вот закончить фразу – «...комлен» – не успел. Отвернувшийся было Подорожный заметил мой маневр, выхватил бумагу и закричал:

– Что ты делаешь! В карцер захотел? Забываешь, что ты – только сын умного отца!

Услышать в то время и в той обстановке такую фразу о нем дорогого стоило, и я расплылся чуть ли не счастливой улыбкой, а лейтенант, несколько успокоившись, сказал:

– Ладно, расписывайся вот здесь, а все остальное я сотру.

То ли мои письма и исчезновение статьи УК из моего «дела», то ли какие-то другие неизвестные мне обстоятельства повлияли на мою лагерную судьбу в лучшую сторону: меня перестали гонять на работу за зоной и назначили заведующим пекарней, находившейся внутри лагеря. Тем самым я попал в категорию «придурков». Было это более чем своевременно, так как, по словам С. Галушко в письме моей тетушке, есть я уже почти ничего не мог из-за целого набора «животных» заболеваний. И вот в то время, когда я исполнял свои счетоводческие по существу обязанности, мне довелось встретиться с еще одним проявлением человечности в местной офицерской среде. Стою около пекарни, подходит, оглянувшись по сторонам, незнакомый мне майор (я знал только, что он ведал хозяйственными вопросами), и у нас происходит такой краткий обмен репликами:

– Лёва, я тебя очень прошу: ну не занимайся ты антиправительственной агитацией!

– Как хорошо, как точно Вы сказали: антиправительственной – возможно, антисоветской – никогда! А за предупреждение большое спасибо.

И майор, как бы случайно приостановившийся, проследовал дальше. Видимо, я находился, как это называлось, в активной разработке, но все же через некоторое время меня бросили на другой участок – статистиком санчасти, где я попал в прямое подчинение к капитану Захарову. Сначала наши отношения были сугубо официальными, формально они остались такими и в дальнейшем, но уже вскоре я мог говорить с ним о лагерных делах что называется без дураков и, судя по многим его по-

ступкам, пользовался у этого замечательного человека полным доверием. Это сыграло большую роль не только в моей судьбе, но и в жизни многих других заключенных. А началось все с того, что люди с работы вне зоны стали приносить не только дрова, но и скончавшихся товарищей – пожилых людей, с болезнями сердца и устойчиво высоким артериальным давлением. И однажды во время вечерней проверки, когда мы с Б. Г. Штейном выполняли какую-то спешную работу в санчасти и остались там после отбоя, а один из скончавшихся находился в соседнем помещении, на вопрос надзирателя о нашей численности я, не предвидя никаких последствий от такой формулировки, мрачно ответил:

– Двое пока живых и один уже мертвый.

Эти слова были тут же доложены начальству и почему-то вызвали острую реакцию. Кажется, именно они послужили поводом для откровенного разговора с моим капитаном, после чего в лагере прошла достаточно серьезная в тех условиях проверка состояния здоровья «скрытых» инвалидов. Они были переведены в категорию официально нетрудоспособных, а затем был даже образован отдельный лагерь, где и собирали таких людей из нашего и других лагпунктов. Эти хронически больные понимали, что сделанное Захаровым просто спасло им жизнь, и после реабилитации некоторые из них сочли нужным побывать у меня, чтобы сказать об этом. В те далекие годы дошли до меня слухи о том, что он уволился из системы МВД и вскоре стал первым секретарем сельского райкома партии то ли на Алтае, то ли в Сибири и был уважаем и любим людьми.

Я тоже, без сомнения, обязан ему жизнью, но перед тем, как рассказать об этом, нужно познакомить читателей с еще одним капитаном – Гайдаром. Не знаю, какая память о нем осталась у других заключенных, да я и сам не представляю себе его действительной роли в моей лагерной судьбе, но тем не менее думаю о нем с уважением и даже благодарностью. «Как так?» – может воскликнуть кто-нибудь из опытных тогдашних заключенных, вспомнив или узнав, что он был начальником оперчасти всего лагерного отделения. А вот послушайте или, точнее, прочитайте дальше. Виделся я с ним накоротке дважды. Первый раз он начал было разговор о возможности нашего «сотрудничества», но я сразу прервал его, сказав, что как заключенный нахожусь в определенных отношениях со своими товарищами по лагерю и ни при каких условиях никого и никогда выдавать не стану. Более того, прошу впредь в оперчасть не вызывать, так как это может бросить тень на меня в чьих-нибудь глазах. Он с пониманием отнесся к такому заявлению, и в дальнейшем подобных поползновений уже не возникало. И все же через несколько месяцев второй вызов состоялся. Вхожу в оперчасть и вижу двух майоров – Гайдара и неизвестного мне, сидящего за столом. В некотором отдалении стоит наш (получивший за это время новый чин) и говорит мне:

– Товарищ майор специально прибыл из Москвы, чтобы допросить вас об обстоятельствах смерти товарища Жданова. Но ведь он, – про-

должает Гайдар, неотрывно глядя на меня, но обращаясь как бы к приезжему, – или ничего не знает, или ничего не скажет.

Последнюю фразу он произносит нарочито небрежно, как нечто малозначащее. Конечно, я и без нее не стал бы накидывать себе петлю на шею, но, мысленно отдав должное большому риску, на который пошел Гайдар, подхватил игру:

– Ну что Вы, гражданин майор, я конечно же расскажу все, что знаю по этому поводу.

И, оказавшись на этом минном поле, осторожно, но якобы вполне откровенно рассказал о *дружбе* Сталина и Жданова. Записывать московскому следователю и подписывать мне было нечего, и меня довольно быстро отпустили восвояси.

С кем я мог неосторожно затронуть такую убийственно опасную тему и кто меня «продал», я так и не узнал. Но вполне возможно, что этот визит из Москвы был просто следствием приведенного в конце восьмой главы указания Сталина, данного им 17 февраля 1953 г. (т. е. всего за две недели до его последнего инсульта и последовавшей за ним смерти) министру МГБ Игнатьеву, о расследовании участия расстрелянных два года тому назад ленинградских руководителей в убийстве их шефа А. А. Жданова. Да, видно, прирожденный маньяк и провокатор остается самим собой до последнего дня и часа.

Как бы то ни было, история с моим допросом очень скоро получила весьма мрачное продолжение: уже 26 февраля я короткой запиской сообщил своей тетушке о предстоящем изменении моего адреса. Меня назначили на этап вместе с отъявленными уголовниками на... Маточкин Шар. Почти наверняка в этой компании живым туда бы я и не доехал. А если бы выжил во время этапа, погиб бы по прибытии, так как, напомним школьную географию, эта точка находится на Новой Земле в Карском море и там располагался или еще строился полигон для испытаний атомного оружия, точнее, водородных бомб. Вот уж, попади я туда, действительно оправдался бы наш шуточный «гимн» – переделанный Л. Н. Гумилевым отрывок из стихотворения погибшего в лагерях ленинградского поэта Н. М. Олейникова «Карась»:

Жареная рыба,
Золотой карась,
Вы бы жить могли бы,
Если бы не власть.
 Что же вас сгубило,
 Привело сюда,
 Где не так уж мило,
 Где – сковорода?
Не гулять карасику
Невскою водой,
Не смотреть на часики,
Торопясь к другой.

Свою любовь «корюшкою»
Он не назовет,
Плавниками-перышками
Он не шевельнет.

Так шуми же, мутная
Невская вода –
Не гулять карасику
Больше никогда...

Спас меня от такой перспективы, можно сказать, в последнюю минуту капитан Захаров, написавший заключение о действительном состоянии моего здоровья, при котором выдержать такое путешествие я бы не смог. До сих пор удивляюсь, как медицинская справка могла перевесить соображения государственной безопасности. Но на ближний этап меня все-таки направили – в Ольжерасс, и с этих пор, как якобы потенциально опасный или просто, может быть, в порядке компромисса между требованиями различных служб, я до конца пребывания в лагерях находился в особо режимной бригаде.

Начало весны принесло с собой новость, вызвавшую всеобщее ликование в лагере: Сталин умер! И в то мгновение, когда она дошла до нас, у меня буквально вырвалось:

– Братцы, в этом году я буду на свободе!

Казалось, эта уверенность противоречила фактам и логике – ведь у власти оставались и Берия, и Маленков. Но мысль эта была сродни какому-то произвольному озарению, и все оставшиеся месяцы до конца года я упорно верил в него, хотя именно поэтому каждый день ожидания воспринимался с особенной остротой. Кстати, когда в последующие десятилетия подобные озарения-прогнозы развития ситуаций облекались в словесную формулу еще до того, как сознание успевало разложить их по полочкам, я даже внутренне побаивался таких невольных предсказаний, касавшихся тяжелых событий и процессов в жизни общества, поскольку они слишком часто и слишком быстро оправдывались... Но в одном пункте своих размышлений тогда, в лагере, я ошибся. Было ясно, что, оставшись без Сталина, Берия и Маленков окажутся пауками в одной банке, но я думал, что Берия сожрет Маленкова, а вышло наоборот. Вдали от Москвы я не учел такой фактор в раскладе сил и интересов, как Хрущев...

В день и час похорон Сталина наша и несколько других бригад находились на ДОКе – деревообрабатывающем комбинате. На вышках были выставлены усиленные наряды конвойных войск с пулеметами, нацеленными на построенных побригадно заключенных, вокруг них – автоматчики, собаки и надзиратели, позади – несколько автозак. Завыли гудки предприятий – раздалась команда:

– Шапки – снять!

Неохотно, но все подчинились, кроме группы баптистов. На них не действовали ни крики, ни угрозы. Процедура обязательной публичной скорби закончилась тем, что всех их загнали в «воронки» и на месяц отправили в БУР – барак усиленного режима. Да, вера, какая бы она ни была, с долей стыда за себя обсуждало конформистское большинство, действительно великая сила.

...Лагерь в Ольжерассе был промежуточным, пересыльным, и через некоторое время мы оказались под Омском. Если память мне не изменяет, именно там произошел поразительный эпизод. В этом лагере или, по крайней мере, в нашем бараке были так называемые вагонки – собранные из деревянных деталей двухъярусные спальные места. Внизу спал Л. Н. Гумилев, наверху я. И снится мне сон, что меня снова ведут на допрос в Лефортовской тюрьме. Только делает это не надзиратель, а почему-то конвоир с винтовкой. Мы попадаем в следственный корпус и идем по длинному коридору, и у меня возникает ощущение, хотя окон в нем нет, что он пересекает здание по диагонали. (Рассказываю об этих деталях потому, что они сохранились в памяти навсегда, а такие сны, по словам Гумилева, и есть вещи.)

Слева и справа – высокие двери, обитые «руководящим» коричневым дерматином, с именными табличками. Подходим к двери с надписью *Лаврентий Павлович Берия*. Конвой осторожно приоткрывает дверь, пропускает меня в кабинет и столь же беззвучно, оставаясь в коридоре, ее прикрывает. А я застываю около нее, так как вижу своего отца и Берию. Тот сидит за большим столом, опустив голову и сбросив вперед черные волосы парика точно так же, как было почти три года тому назад, когда он допрашивал меня. В этом положении он не видит, что я присутствую в кабинете. Но это видит сидящий за приставным столиком и яростно спорящий с Берией отец и, не прерывая своей тирады, левой рукой со сжатым кулаком делает на уровне стула осторожное, но вместе с тем резкое, решительное движение, отчетливо говорящее: «Уйди!» Но я колеблюсь, не в силах оставить его. Тогда он, стиснув зубы и нахмурив брови, уже сердито дважды делает такое же движение, и я, подчиняясь этому требованию, тихо отступаю назад, в коридор и прикрываю за собой дверь. За ней никого нет, и мне ничего не остается, как самому отправиться обратно, в тюремный корпус. Делаю несколько шагов, останавливаюсь и думаю: «Нет, хоть и настаивает он на том, чтобы я ушел, сделать этого не могу. Вернусь к нему!» Снова подхожу к двери, поднимаю глаза к табличке и вижу пониже фамилии прилепленную белую бумажку с надписью *«тяжело болен»*.

Тут я просыпаюсь, прыгиваю со своего «этажа» и тотчас рассказываю этот сон Льву Николаевичу, который чуть не кричит от радости:

– Левушка, Берия сгорел!

И это было буквально накануне или в ночь – точнее теперь уже не помню – после ареста Берии за тысячи километров от Москвы. Объяс-

нения этому феномену у меня нет. Как нет и таким совпадениям: день рождения отца пришелся на день смерти его убийцы – Сталина, а день моего освобождения – на день рождения «вождя». Как нет объяснения и такому факту: зимой на объекте зашел в помещение, где бригады и надзиратели сидели вокруг раскаленной докрасна печки, и, сняв рукавицы, стал отогревать около нее руки. В это время один из заключенных стал униЗИтельно-холуйски воспевать Сталина и я, не отдавая себе отчета в том, что делаю, в бешенстве ахнул голой рукой по пышущей диким жаром печке и, хлопнув изо всей силы дверью, вышел на улицу. И представьте, на руке не было ни следа ожога. Нет, не знаем мы толком, какие психологические и физические возможности таятся в человеке, особенно в экстремальной ситуации.

Арест Берии вызвал шквал надежд у заключенных и шквал опасений у лагерного начальства. В эти первые дни начальник нашего лагпункта Завальников, тогда уже майор или подполковник, растерянно говорил группе заключенных:

– Что же я буду делать, ребята, когда вас всех отпустят и закроют лагерь? Ведь я ничего не умею, кроме как стеречь вас...

А оптимистически настроенные заключенные его утешали:

– Да не пропадете: нас выпустят, других посадят...

Вот мы и добрались, наконец, до завершения истории с Цатуровым, который тоже оказался в лагере под Омском. И после того как нам удалось ознакомиться с первым сообщением об аресте Берии, где ему были предъявлены обвинения только за преступления в послевоенное время, я пришел к Цатурову с предложением:

– Георгий, хочешь быть уже в этом году на свободе? Тогда поступай так, как я тебе скажу. Сначала мы напишем такое письмо о деятельности Берии, которое заставит местного оперуполномоченного вызвать тебя на допрос. Ты расскажешь ему то и только то, о чем мы с тобой заранее договоримся. Более того, мы распишем заранее, в какие моменты вашего общения ты будешь вести себя как сегодняшний заключенный, а в какие – как бывший нарком¹. И главное – ты ни йоту не перейдешь за очерченные рамки в своем рассказе, в результате чего оперуполномоченный обязан будет доложить о тебе в местное Управление. Оттуда пришлют следователя более высокого ранга. Для него мы подготовим другой материал, и ему ты скажешь больше, чем первому, но опять-таки до новой строго обозначенной границы. Здесь мы тоже определим линии твоего поведения. И опять ты подпишешь документы лишь такого содержания, которое мы заранее обсудим. Это приведет к тому, что твои показания отправят в Москву, а вслед за этим заберут туда и тебя самого

¹ Много позднее из литературы и фрагментов протоколов его допросов в Москве мне стало известно, что наркомом он не был, но это ни тогда, ни сейчас существенного значения не имело и не имеет.

вместе с третьим документом, который мы для этого создадим. Вот тогда ты дашь *полные* показания, в том числе о предательстве Берии еще в 1919 году, о всех его преступлениях в довоенный период. За это ты будешь освобожден. Согласен?

– Еще бы! Но знаешь, я ведь не очень уверен в том, что в 19-м г. Берия был предателем...

– А вот это нас не может и не должно волновать ни в малейшей степени. Ты ведь не забыл, по каким высосанным из пальца обвинениям арестовали вашу группу наркомов, а потом и расстреляли всех, кроме тебя? Пусть этим подозрением занимается следствие – это его дело, и пусть Берия хоть в какой-то степени сам пройдет путь, по которому он направил тебя и твоих товарищей, моих родственников и бесчисленную массу других погубленных им людей.

План этот осуществился с точностью, поразившей меня самого. Цатуров оказался прекрасным учеником. Я писал ему тексты его заявлений, строго дозируя информацию в зависимости от того, на какой уровень она должна была попасть и какие последствия вызвать. По ночам он – дневальный в бараке – переписывал эти материалы и затем уничтожал оригиналы, и дальше события разворачивались именно так, как было предусмотрено. Вскоре после отправки Цатурова в Москву Берии были предъявлены обвинения за преступления, начиная с 1919 г., и многие формулировки из написанных документов (в них я специально придерживался традиционной для тех лет стилистики) вошли в следственные материалы по его «делу», а Цатуров оказался на свободе и в течение ряда лет писал мне письма. Потом он исчез, но теперь, собирая материалы для этой книги, я снова встретился с его именем и показаниями в «деле» Берии. Между прочим, оказалось, что, несмотря на многих «вовремя» уничтоженных, все же и кроме Цатурова остались люди, знавшие о темных сторонах деятельности Берии в 1919 г.

Прощаясь перед отъездом в Москву, Георгий воскликнул:

– Эх, если бы объединить мои знания и твою голову, сколько бы хорошего мы могли сделать! Разреши мне сказать в Москве, что это ты – автор документов?

– Боже тебя упаси – ведь в руководстве еще остается Маленков, – ответил я, хотя в то время еще не представлял себе *всю* его огромную роль в создании «ленинградского дела».

Конечно, уже тогда, в лагере, мне было совершенно очевидно, что наши с Цатуровым материалы могли быть лишь еще одним осиновым колом, занесенным над приготовленной для Берии могилой¹. И все же я до сих пор вспоминаю об этой тонкой, ювелирной, можно сказать, рабо-

¹ Из воспоминаний Г. К. Жукова, опубликованных в журнале «Исторический архив»: «При расстреле БЕРИЯ держал себя очень плохо, как самый последний трус. Истерично плакал, становился на колени и, наконец, весь обмарался. Словом – гадко жил и еще более гадко умер».

те с чувством некоторого удовлетворения. Во-первых, потому, что удалось (подобно Монте-Кристо – чужими руками) внести пусть маленький вклад в разоблачение одного из главных убийц моих близких, а во-вторых, потому, что это был, может быть, первый серьезный политический экзамен для меня, так как, находясь в положении несправедливо заключенного, добиться того, чтобы все инстанции, вплоть до самых высоких, действовали по твоей программе, было очень непросто. Удалось же все это сделать только потому, что перед своим арестом отец рассказал мне многое о Берии, Маленкове, Кагановиче, Булганине и некоторых других деятелях той эпохи, да и сам я кое-что уже понял в сталинском механизме и методах управления страной. Это и позволило в случае с Берией, да и затем еще довольно долго достаточно точно анализировать многие ситуации и прогнозировать их развитие.

Однако одно дело – разум с его фактами, логикой и расчетами, а другое дело – душа, которая, не считаясь с ними, изо всех сил рвалась на волю. Для нее, души, у меня тоже было занятие, приносившее ей какое-то утешение, хотя, наверное, за этим скрывалась некая слабость. Это была игра в вопросы и ответы. Первые задавал я, вторые давала маленькая пластинка, гладкая сторона которой означала «Да», а шершавая – «Нет». Когда становилось совсем тошно, я ставил пластинку на угол, задавал «ей» вопрос, закручивал, и, упав той или иной стороной, «она» давала мне ответ. Вопросов же всегда было два: первый – жив ли мой отец (сердце, несмотря на все факты и показанный мне на следствии приговор, отказывалось верить в его гибель), а второй – буду ли я когда-нибудь на свободе? И чтобы игру можно было продолжать, я никогда не задавал вопросы, ответы на которые были бы опровергнуты завтрашней или вообще сравнительно близкой действительностью. Но 21 декабря 1953 г., когда уже прозвучал сигнал съема с работы, я почувствовал такой странный и сильный внутренний импульс, что прежде, чем идти на вахту, при дневном свете, чего никогда не делал раньше, «крутанул» свою игрушку и мысленно спросил: «Буду ли я на свободе *сегодня*?» Ответ был – «Да». И вот нас подводят к лагерной вахте, за нею огромная толпа заключенных из ранее вошедших в лагерь бригад, она колышется, машет над головой руками и что-то кричит, кричит. И вдруг до меня доходят слова: «Лев, Лев, ты на свободе, на свободе!» Не сразу начинаю понимать, что кричат мне, что люди рады за меня, что еще больше счастливы они этой первой ласточке, несущей и им надежду на возрождение, на их не только освобождение, но и полное оправдание. Ведь, по крайней мере в тех лагерях, где я находился, это был первый случай освобождения не по амнистии, а в связи с *реабилитацией*¹.

¹ К сожалению, одна ласточка, как известно, весны еще не делает: массовая реабилитация началась только после XX съезда партии, состоявшегося в 1956 г.

За вахтой теребят со всех сторон, хлопают по спине, торопят, чтобы я тотчас шел в спецчасть. Там меня срочно фотографируют на выпускной документ, делая это в лучших лагерных традициях – снизу. При этом челюсть становится огромной, ввалившиеся щеки – толстыми, а лоб, оказывающийся дальше остальных деталей лица от камеры, – глубоко дегенеративным. Ламброзо был бы доволен: такой явно преступной личности место может быть только за решеткой. Попутно выясняется, что меня надо выдворить из лагеря немедленно, поскольку так гласит, в нарушение принятой технологии освобождения заключенных, поступившее из Москвы распоряжение. Отказываюсь, потому что хочу попрощаться с товарищами, но обещаю, что завтра лагерь покину. Обхожу друзей и ловлю себя на том, что радости, а тем более эйфории нет никакой, как будто все происходящее – событие рядовое, обыденное. Ночь незаконно провожу на своем бывшем законном месте, а утром меня снабжают справкой, согласно которой я с 20 октября 1950 г. по 22 декабря 1953 г. не болтался черт знает где, а содержался в тюрьме (так в тексте), по случаю чего мне выдано пособие в размере 37 рублей 20 копеек и проездной билет до г. Горький, в котором тогда проживала моя незабвенная тетушка Лидия Васильевна. И на прощание выслушиваю просьбу кого-то из недавнего моего начальства:

– Вы уж там, в Москве, Лев Александрович, не рассказывайте о том, что тут у нас делается...

Л. Н. Гумилев еще в лагере говорил, что у французов есть поговорка: «Все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать». Мы нередко вспоминали ее, хотя мне, например, научиться этому искусству в должной мере так и не удалось. И немудрено: сейчас, вспоминая былое, перебирая документы и письма свои и друзей, я, может быть, даже острее, чем в то время, понимаю, в каком постоянном, не всегда до конца осознававшемся внутреннем напряжении прошли лагерные годы. Думаю, что большинство из нас находилось в состоянии сжатой пружины, и, оказавшись на воле, в первое время было непросто контролировать себя. Я ужаснулся, например, своей ярости, когда на каждый нечаянный толчок проходжих на улице Горького в Москве мне безумно хотелось одним ударом сбивать «виновных» с ног. Обнаженные нервы далеко не сразу заняли полагающиеся им места. Как-то мы с братом везли на трамвае в студенческое общежитие на Стромынке, в котором я жил после возвращения в университет, пачки с томами сочинений Ленина. На заднюю площадку, где мы балансировали с ними в руках, вошел какой-то крупный паренёк приبلатненного вида и небрежно толкнул меня. Я даже не успел оглянуться, как пачки из рук Эрика упали на пол, а мой обидчик от бешеного удара пролетел через весь вагон, благо пассажиры сидели, и распластался около кабины водителя. А когда мне возвращали партийный билет и Шапошникова – кажется, секретарь Московского горкома – попыталась было с этими прокурорскими интонациями потребовать каких-

то объяснений, я, перебив ее, сквозь сжатые зубы так прорычал только одну фразу: «Я – пришел – за своим – партийным – билетом!», что более деликатный член комиссии замахал руками и поспешил сказать: «Идите, идите, все в порядке...»

В порядке было далеко не все, но это уже, как говорится, другой рассказ и, надо полагать, не для моей книги. И, завершая эти свои зарисовки, мне остается лишь сказать об одной странной даже для меня теперешнего мысли: в заключении много раз думалось, что, если бы оно не было связано с гибелью родных и страданиями тех из них, кто тоже оказался в лагерях, я даже не жалел бы о произошедшем со мной, – там открылись такие бездны в человеческих судьбах и в жизни страны, о которых на свободе и подозревать было невозможно. Тюрьмы и лагеря абсолютно обнаженно показали действительную изнанку нашего тогдашнего строя, а значит, во многом и его природу в целом, глубочайшую несправедливость по отношению к человеку – этому полезному, но совершенно бесправному винтику в бездушной государственной машине. Именно лагерь укрепил во мне сохранившееся на всю жизнь стремление всеми доступными средствами бороться против античеловеческой, антисоциалистической, антисоветской сталинщины, за возрождение и осуществление поправных ею идеалов социальной справедливости.

Глава 13

«НАС МОГУТ НЕ ПОНЯТЬ!..»

*Журнал «Коммунист» и его читатели. –
Спасение нефтегазового богатства Тюмени. –
Внутриредакционная борьба против заскорузлого мышления. –
Питомник кадров для ЦК КПСС. –
За и против «развитого социализма».*

В первый же день и час, как только я перешел из Московского университета на работу в экономический отдел журнала «Коммунист», меня попросили прежде всего ответить на накопившиеся письма читателей, и особенно на одно, прошедшее до этого через все другие редакционные подразделения, автор которого ставил вопрос о правомерности... кесарева сечения. Пришлось подробно и с разных точек зрения разобрать явно далекую от тематики отдела и моих знаний в этой области проблему, после чего любые сомнения в профессиональной пригодности нового сотрудника к работе в столь многопрофильном издании возникнуть просто не могли.

Сразу скажу, раз уж начал главу с этого полуанекдотического случая, что в то время – а мне довелось работать в журнале в 1960–1966 гг. – отношения редакции и читателей были удивительно полнокровными и, я бы сказал, взаимно и глубоко уважительными. Напомню, что «Коммунист» был теоретическим и политическим журналом ЦК КПСС, а отклики на его публикации, письма с самыми разнообразными вопросами, предложениями, жалобами, вплоть до бытовых, постоянно поступали от представителей всех слоев населения. Огромная нагрузка в связи с этим падала на отдел писем, но на самые сложные теоретические вопросы, а тем более на предлагаемые журналу статьи подробно и аргументированно отвечали профильные подразделения редакции. В моем архиве сохранились своеобразные научные миниатюры по таким весьма сложным вопросам теории и практики, как объективный характер экономических законов, необходимый и прибавочный труд при социализме, принцип «кто не работает – тот не ест» и др. В этих сравнительно небольших этюдах приходилось, как правило, выходить за рамки существовавших учебных пособий, но в этом-то и состоял смысл и интерес для участников переписки редакции с читателями журнала.

Каким далеким, архаичным кажется все это теперь, когда органы массовой информации не считают себя обязанными в той или иной форме отвечать своим читателям, добиваться решения поставленных ими вопросов различными звеньями управления, а те не должны информировать редакции о принятых мерах! А тогда попробовало бы какое-ни-

будь министерство не прореагировать на критическую статью в свой адрес, опубликованную в центральной прессе... Да, сейчас можно прочитать великое множество статей по любым вопросам, нередко – с убедительными фактами, но «зато» дальше сотрясения воздуха, точнее, потрясения психики читателя, телезрителя, радиослушателя дело обычно не идет, проблемы только усугубляются, возникают все новые и новые, а разграбившие и продолжающие грабить страну воры и политические наперсточники по-прежнему покоятся в своих уютных руководящих креслах, оскорбляя тем самым нравственные чувства подавляющей части населения. В стране не находится силы, которая была бы способна создать действенный механизм реализации возникающих в различных слоях общества рациональных и проверенных практикой идей, их превращения в *государственное дело*. А ведь это и есть один из основополагающих признаков подлинной демократии.

Не могу сказать, что система взаимосвязи общественности и государственных органов, существовавшая в прошлом, была более демократической, чем нынешняя, но сильно подозреваю, что она была более эффективной. Сейчас добросовестным специалистам, квалифицированным ученым, даже авторитетным общественным организациям добиться, в том числе через прессу, реальной поддержки со стороны государства значительно труднее, чем раньше. Вот пример из тогдашней практики нашего журнала.

Предысторию вопроса мне восстановить не удалось, но, появившись на новой работе, я сразу ощутил кипение страстей, прежде всего в нашем отделе, вокруг предполагавшегося затопления гигантских территорий Тюменской области. Как известно, она расположена в Западно-Сибирской низменности, на величайшей в мире равнине, где всемогущий в те времена «Гидропроект» предлагал построить ряд – не знаю, можно ли при таком характере рельефа назвать это каскадом, – гидроэлектростанций. Проект был, так сказать, вопиющим торжеством ведомственности: ведь по нему под воду ушло бы чуть ли не все главное нефтегазовое богатство страны, которым она живет без малого уже полвека. Правда, в тот момент еще не были открыты основные западносибирские запасы нефти и газа, но специалистам-геологам было понятно, что этот регион чрезвычайно перспективен по возможному содержанию в нем углеводородного сырья.

На это обстоятельство журнал «Коммунист» обращал внимание, в частности в 1958–1959 гг. «Гидропроект» же сумел «пробить» через все экспертизы и всяческие контрольно-разрешительные звенья управления свой проект, осуществление которого привело бы к неисчислимым общегосударственным экономическим потерям, тяжелейшим социальным и катастрофическим необратимым экологическим последствиям. Опираясь на мнение специалистов различного профиля, обратившихся со своими материалами в редакцию журнала, заведующий экономическим отделом М. П. Саков и его заместитель Е. П. Фролов горой стали против

сугубо ведомственных амбициозных идей. Я застал тот этап их деятельности, когда авторам проекта оставалось получить последнюю утверждающую его подпись – Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. В тот момент Михаил Пименович и Евгений Петрович сделали все возможное, чтобы на стол Алексея Николаевича легли убедительные аргументы против безумной затеи. Это способствовало тому, что она была отклонена, а вскоре именно там, на уникальных месторождениях Тюмени, начались грандиозные работы по подготовке крупномасштабной добычи нефти и газа. И если в 1960 г. мы добыли 148 миллионов тонн нефти и 45 миллиардов кубометров природного газа, то в 1970 г. эти цифры выросли соответственно до 353 и 200, а в 1990 г. – до 571 миллиона (в 1988 г. – 624) и 815 миллиардов. На душу населения СССР, таким образом, в 1990 г. приходилось почти по 2 тонны нефти и около 3 тысяч кубометров природного газа, и народное хозяйство не сидело при этом на нищенском топливном и энергетическом пайке...

Оставляя в стороне детали состава и динамики топливно-энергетического баланса страны, скажу лишь, что, даже если через десятки лет после тогдашних событий мой рассказ в чем-то недостаточно точен, роль «Коммуниста» в ее спасении от одной из величайших глупостей невозможно переоценить. Что, правда, не избавило нас от сегодняшнего позора, когда это крупнейшее общенациональное сокровище по существу присвоено кучкой прохвостов, обворовывающих государство и народ ради умножения своих состояний, исчисляемых многими сотнями миллионов, а то и миллиардами долларов. Ведь худо-бедно страна добывает 324 миллиона тонн нефти и 584 миллиарда кубометров газа (данные за 2000 г.). Это означает, что на душу населения России даже при сократившемся объеме добычи приходится 2,2 тонны нефти и 4 тысячи кубометров природного газа, т. е. больше, чем в советские времена, а при этом целые регионы остаются без тепла и энергии. Делайте, делайте свои выводы, новоявленные дамы и господа!

К сожалению, успех редакции в борьбе с ведомственным монстром не удалось повторить, когда Е. П. Фролов и журнал в целом пытались привлечь критическое внимание общества и высших звеньев управления к проблеме уничтожения уникальных, плодороднейших земель в низовьях Волги в результате строительства на ней каскада гидроэлектростанций. По подсчетам ученых, которые представила в редакцию доктор (биологических, наверное) наук С. Вызго, затоплению подлежало как раз столько богатейших земель, сколько было поднято не идущей в сравнение с ними по плодородию целины в Казахстане. Однако обсудить публично эту сложную, многогранную проблему в журнале мы не смогли – сверху на такое предложение поступил прямой запрет, одним из инициаторов которого был крайне консервативный человек, отвечавший тогда за земледелие, заместитель заведующего и будущий заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК партии Карлов.

И все же «Коммунист» тех лет во многих отношениях представлял собой вполне реальную, практическую общественную силу. В этой книге было бы неуместно разбирать содержание журнала и его деятельность на разных этапах жизни страны. Упомяну лишь о нескольких моментах. В конце 50 – начале 60-х гг. журнал «Коммунист» был одним из центров философской жизни в стране. Самое активное, если не ведущее участие принял он и в широкой политико-экономической дискуссии по товарному производству при социализме. Здесь главная теоретическая и организационная роль в редакции принадлежала М. П. Сакову. Острая полемика на страницах журнала между так называемыми товарниками и антитоварниками сыграла немалую роль в развитии советской экономической теории и во многом подготовила зашоренное сталинскими догмами¹ общественное сознание к восприятию в дальнейшем идеи о принципиальной возможности и необходимости существования рынка в условиях социализма. Оговорюсь на всякий случай, что это не имеет ничего общего с нынешними криминально-капиталистическими вроде бы рыночными отношениями.

Обсуждение животрепещущих проблем с публикацией соответствующих материалов было весьма эффективной формой работы редакции. Например, при поддержке Михаила Пименовича и всей редколлегии мне довелось подготовить весьма представительное обсуждение положения дел в двух чрезвычайно важных для жизни общества областях социологических исследований – социальной гигиене и демографии. Перед войной они попросту были закрыты, соответствующие кафедры и институты ликвидированы или переориентированы на другую тематику, подготовка кадров по этим дисциплинам прекращена, а ведущие ученые отправлены в лагеря. И поделом: ведь обе эти науки дают оценку влияния социальной системы на жизнь человека, а это, извините, давно превратилось в прерогативу высшего руководства. Тем более что «вождь» еще в 1935 г. сказал: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». А тут какие-то безответственные ученые в своих несвоевременных социальных исследованиях с цифрами и фактами в руках показывают, что эта классическая формула относится не ко всем и что жить надо было бы намного лучше и веселее...

В общем, собрали мы на совещание известных специалистов, главным образом из числа чудом выживших, и опубликовали большой обзор их мнений и предложений по этой проблематике, а через некоторое время и обзор многочисленных откликов на выступление журнала. Уже в ходе обсуждения в редакции оказалось, что научная общественность на

¹ В своей последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин утверждал, что колхозная собственность и товарное производство «уже теперь (в 1952 г. – Л. В.) начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил», и задача состоит в том, чтобы постепенно, но неуклонно, без колебаний, шаг за шагом сокращать сферу действия товарного обращения и расширять сферу действия продуктообмена.

своих съездах и сессия Академии медицинских наук СССР принимали резолюции о восстановлении социальной гигиены как теоретической дисциплины и предмета преподавания в вузах, что и другие специалисты били тревогу по поводу крайне тяжелого положения, в котором оказалась демография, что не был востребован в должной мере весь комплекс наук, так или иначе связанный с обширной проблематикой народонаселения страны. Однако все, казалось бы, авторитетные и авторитетнейшие сигналы не меняли положения дел в этих сферах знаний. Выступление же «Коммуниста» оказалось камнем, упавшим в болото, от чего по нему пошло множество кругов не только в виде читательских писем, но и прямых решений государственных организаций. Конечно, еще в течение нескольких месяцев нашему отделу пришлось контролировать ход реализации этих решений, пока мы не убедились в том, что положение дел начало меняться к лучшему. Были восстановлены соответствующие кафедры, созданы научные центры, в том числе первый в стране центр по изучению проблем народонаселения (в МГУ), возобновлена подготовка кадров, конкретные социальные исследования получили «права гражданства», хотя в открытую печать попадали далеко не все их результаты, и т. д.

Сейчас, просматривая некоторые из опубликованных тогда материалов, связанных с проходившими по нашему отделу обсуждениями тех или иных проблем, я с удовлетворением вижу, что эти публикации объединяла твердая линия на ликвидацию сталинского догматизма. Одним из следствий ее была широко поддерживаемая читателями генеральная идея: стране на всех участках работы нужны не просто высококвалифицированные специалисты, а непременно желающие и умеющие, в том числе и прежде всего в сфере обществоведения, думать и действовать *творчески, самостоятельно*. А это по тем временам означало, можно сказать без преувеличения, необходимость совершить коренной переворот во всей системе обучения и воспитания людей, особенно в высшей школе. Массовая поддержка читателями таких выступлений редакции показывала, что настало время, когда учить и учиться, работать и жить по-старому уже было нельзя, невозможно, недопустимо.

Конечно (хотя и внутри редакции вокруг этих идей порой разворачивались тяжелые баталии), не все в ней разделяли эти и другие свежие по тем временам взгляды, а если и разделяли, не всегда решались на их обнародование. Например, мой первый главный редактор академик Ф. В. Константинов неоднократно в разной связи выражал большую озабоченность растущим социально несправедливым и поэтому политически разрушительным разрывом (разумеется, не идущим ни в какое сравнение с нынешним) в материальном положении «верхних» слоев общества и основной массы населения. Но когда ему предлагали поднять эту или какую-то другую острую тему, Федор Васильевич возводил очи горé и, указывая пальцем на потолок, многозначительно произносил:

– *Нас могут не понять!..*

Но чаще всего местные сражения происходили с заместителем главного редактора И. П. Помеловым, который курировал наш отдел. Иван Павлович был чрезвычайно осторожным, сверхосторожным человеком, и его правка текстов всегда была нацелена на их смягчение, порой до неузнаваемости, имела умиротворяющий начальство характер. И была у него еще одна психологическая особенность: исправляя на свой лад фразу, он, твердо убежденный в непогрешимости своего мышления, не видел, что внесенные изменения логически или литературно не совместимы с последующим текстом. Поэтому схватки с ним были почти постоянными и изматывающими сотрудников не только редакции, но и типографии, куда бесконечно отправлялись все новые и новые правки.

Одно из наших сражений обошлось мне так дорого, что запомнилось навсегда. Началось оно весной 1963 г., когда моя статья «Политическая экономия и формирование коммунистического мировоззрения» была, как говорится, на ура, без единого замечания, в том числе и с его стороны, принята редколлегией и намечена к публикации в ближайшем номере. Увидела же она свет только через семь месяцев, в течение которых И. П. Помелов делал все возможное и невозможное, чтобы статья или не появилась вообще, или была заредактирована им до такой степени, при которой я вообще не считал бы возможным поставить под ней свою подпись. Почему? Да потому, что материал был направлен против догматической сталинской «методологии» в экономической теории и на восстановление в ней методологии подлинно научной, диалектико-материалистической, а это полностью противоречило убеждениям моего редактора. О содержании этой публикации и реакции научной и преподавательской общественности на нее я расскажу немного подробнее в одной из следующих глав, а сейчас добавлю, что не знаю, чем бы, несмотря на бульдожью хватку, которую я считал делом чести проявлять в подобных ситуациях, закончилось наше противоборство, если бы не один телефонный звонок:

– Лев, в эти минуты, – сказал знавший о моей статье В. В. Суходеев – помощник секретаря ЦК Ильичева, – Леонид Федорович на заседании Президиума Академии наук выступает с докладом «Методологические проблемы естествознания и общественных наук».

Я тут же спустился этажом ниже в кабинет, где проходило заседание редколлегии, и сообщил эту новость. Реакция главного редактора, а им был в то время очень толковый и симпатичный человек В. П. Степанов, оказалась мгновенной:

– Вашу статью о политекономии и мировоззрении немедленно в номер, а вслед за ней – пети́том (мелким шрифтом. – *Л. В.*) изложение доклада и его обсуждение на Президиуме!

Пришлось выдержать еще несколько раундов боя с Помеловым, у которого само понятие «методология» вызывало глубочайшее возмущение:

– Да кому она нужна, эта Ваша методология! Я окончил Высшую партийную школу, а нас не учили никакой методологии. Но Вы же не можете сказать, что я не знаю политэкономии?!

– Сказать не могу, а вот пишу как раз о том, в частности, что это устаревшая, порочная система преподавания, при которой люди заучивают главным образом выводы, но в значительно меньшей мере знают доводы, владеют аргументами.

В конце концов статья, в которой многие позиции пришлось излагать, говоря словами Е. П. Фролова, левой рукой через правое ухо, лишь бы сохранить их смысл, вышла в свет, а выпавшие из нее элементы составили другую, но специально под тем же названием публикацию в журнале высшей школы «Экономические науки». Мне же борьба за право высказать свою позицию обошлась довольно дорого: частичной потерей чувствительности всей правой стороны тела и многомесячными жутковатыми головными болями, от которых приходилось почти буквально лезть на стену. Так что не запомнить на всю жизнь эту эпопею было просто невозможно.

Рассказываю о ней не ради воспоминаний о себе или Иване Павловиче, с которым мы еще встретимся в этой книге, а для того, чтобы показать на конкретном примере: и в шестидесятые годы, при Хрущеве, вводить в научный и шире – общественный оборот новые и хорошо забытые при Сталине идеи было далеко и далеко не просто. Тем более что и связанный с Никитой Сергеевичем ветер перемен слишком часто менял направление и не всегда дул в сторону социального прогресса. Незабываема неоднократно повторявшаяся сцена: во всю ширь распахивается дверь комнаты, в которой мы работаем с Б. Г. Владимировым, на пороге появляется наш Евгений Петрович (Фролов) и, потрясая свежей газетой с очередным выступлением Хрущева, яростно кричит:

– Лев! Борис! Куда вы страну ведете?!!

Дверь с треском захлопывается, соседнюю, ведущую в его кабинет, постигает та же участь, и наступает гробовая тишина: Евгений Петрович, по дороге на работу прочитавший «Правду» и выливший на нас свой праведный гнев в связи с какой-нибудь очередной эскападой Никиты Сергеевича, окутывает себя непроницаемыми клубами дыма и погружается в печальные размышления о судьбах Отечества и наших, мягко говоря, скромных возможностях повлиять на них в лучшую сторону...

Отчетливо понимая это, мы все же пытались хоть что-то сделать для демократизации и ускорения движения общества в сторону социальной справедливости, приближения на практике к идеалам социализма. А для этого надо было, как минимум, эволюционировать каждому из нас и всему коллективу редакции в целом. В последнее десятилетие стало модным представлять хрущевское и брежневское времена опрIMITивизированно и опoшленно. Но ведь и тогда жизнь не стояла на месте, и тогда, несмотря на мало благоприятные для этого условия, в разных формах и

на разных уровнях продолжалось противоборство идей, прогрессивных и консервативных взглядов. Вот, к примеру, подбирая в архиве материалы к главе, я сам удивился выдержкам из стенограмм наших партийных собраний, где даже в те годы удавалось ставить существенные вопросы жизни не только редакции, но и всего общества. К сожалению, это выдержки с моими (другими не располагаю) выступлениями, но хочется использовать хотя бы одно из них опять-таки для характеристики нашего прошлого, все менее различимого сквозь быстро сгущающийся и к тому же искусственно нагнетаемый туман забвения. Приведу этот текст со всеми огрехами устной речи, каким он прозвучал на собрании, состоявшемся вскоре после сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Как многие еще помнят, то был первый год эпохи Брежнева.

«Сентябрьский Пленум – это победа научного разума над тупостью, ограниченностью малообразованных людей, волюнтаристски вершивших судьбы больших и малых участков производства. Это победа революционной смелости и характерного для природы социализма динамизма над трусостью, безынициативностью, косностью и равнодушием, которые по известным причинам глубоко укоренились в сознании некоторой части наших кадров.

Ныне проводится не верхушечная, не просто административная, а прежде всего глубокая экономическая реформа, охватывающая широкий круг экономических явлений. В силу этих своих качеств она влечет за собой большие изменения в *социальной* жизни нашего общества. Это вытекает прежде всего из того, что реформа является крупным шагом на пути создания подлинного, органического единства интересов общества, предприятия и каждого трудящегося. И широкие социальные изменения на этой основе столь же неизбежны, сколь неизбежной в конце концов оказалась сама экономическая реформа.

Наше общество, как бы его в прошлом ни нивелировали, всегда было, есть и будет содружеством людей, объединенных одной целью, одной идеологией, но имеющих свои собственные представления о наиболее рациональных путях и темпах развития тех или иных сторон общественной жизни. Бояться этого нелепо, ибо, как известно, именно в спорах рождается истина. И мы, научные работники, а главное – партийные журналисты, должны быть акушерами при рождении этой истины, а не ее гробовщиками.

Как же мы справляемся с этой ролью? Все ли мы делаем для того, чтобы экономические, политические, идеологические победы народа и партии добывались, так сказать, «малой кровью»? Всегда ли хватает у нас дальновидности, мужества, принципиальности для того, чтобы уметь видеть и анализировать правду такой, какая она есть? Думаю, что здесь у нас есть большие неиспользованные «внутренние резервы».

Я пытаюсь объяснить себе, почему, например, мы в нашем высококвалифицированном коллективе встретили противодействие при

постановке проблем методологии экономической науки. А ведь именно здесь находится ключ к решению многих важнейших проблем развития науки, хозяйственной практики, воспитания новых поколений советских людей. Я пытаюсь понять, почему вымарывались указания на невозможность преодолеть трудности нашего развития верхушечными, административными мерами, не затрагивающими экономического существа явлений хозяйственной жизни, почему при констатации того положения, в котором находилась наша экономика и которое выпукло охарактеризовано на сентябрьском Пленуме, дело доходило до приклеивания каких-то ярлыков. Правда, все это – не только наша беда, это слаботи всей, наверное, нашей печати. Например, на Пленуме в полный голос сказано о порочной, по существу антигосударственной практике подготовки экономических кадров и распространения экономических знаний, а при публикации *не* в нашем журнале материалов на эту тему подобные мысли решительно вымарывались. Вообще нужно сказать, что в целом наш журнал ставит вопросы прямее, честнее, отчетливее, чем многие другие органы печати, работники которых неоднократно высказывали такое мнение. И конечно, при этом сначала испытываешь чувство гордости за наш журнал, а потом думаешь: но не простую ли честность люди рассматривают почти как героизм?

Главная потеря при этом – время. Когда ты убеждаешься в том, что ясные, казалось бы, вещи усваиваются с большим, иногда в несколько лет, опозданием, то с горечью думаешь, что все мы, и ты сам в частности, не захотели или не смогли подтолкнуть время вперед.

Так было в прошлом и очень не хотелось бы, чтобы так было в будущем. Ныне решениями мартовского и сентябрьского Пленумов создаются исключительно благоприятные условия, в которых не только можно, но и нужно проявлять способности к аналитическому мышлению, в которых нужны принципиальность и смелость, условия, в которых нужно выжигать всяческие проявления политиканства и быть, сколь бы скромную роль ты ни играл, политиком, помогать формировать *научно обоснованную* политику партии и государства.

Объективно решения сентябрьского Пленума означают расчистку от традиций, навыков, методов хозяйствования, сложившихся в период культа и несущих на себе отпечаток той эпохи, самой почвы нашей жизни – экономики. Именно в этом – подлинно историческое значение решений сентябрьского Пленума. Они показывают, что в обществе нет более могучей силы, чем потребности материальной жизни, и с ними рано или поздно приходится считаться даже вопреки тем или иным субъективным устремлениям. Эти решения показывают, что ничто не может прекратить великого исторического по своему значению процесса освобождения нашего общества от пут прошлого.

За изменениями в экономической почве неизбежно последуют изменения во всем том, что стоит на ней и что питается ею – в политике, в идеологии, в культуре, в науке (в общественной – прежде всего), в

психологии личности и т. д. Более того, сами эти решения, последовательно проведенные в жизнь, не явятся абсолютной, конечной истиной: они повлекут за собой дальнейшие изменения в экономической сфере.

Мне кажется, нам надо предвидеть эти всесторонние последствия, готовиться к ним и помогать их рождению. И нашу задачу я вижу именно в том, чтобы помочь глубокому внедрению во все стороны жизни общества того нового, что несет с собой последовательное осуществление решений сентябрьского Пленума.

А для этого требуется освободить наше сознание и нашу внутриредакционную деятельность от слабостей, которые в новых условиях перестают быть более или менее объяснимым и более или менее безобидным анахронизмом и все отчетливее становятся тормозом в нашей общей работе».

Смею надеяться, что разнообразные по форме и содержанию усилия экономического отдела, как говаривал его замечательный во многих отношениях руководитель (и, к слову, один из первых учеников моего отца, прошедший у него настоящую школу самостоятельного научного мышления) М. П. Саков, «пропали даром». Да, мы понимали, что раскрепостить мысль каждого человека, а в конечном счете и общественное сознание, нам не дано, но делали все возможное, чтобы рано или поздно это произошло... Стоп, однако! Иначе возникает опасность задним числом исказить наши тогдашние мысли и поступки. Чтобы не было недоразумений и сомнений, подчеркну: мы воспринимали советскую действительность как социалистическую и хотели лишь осовременить, модернизировать и очистить ее от сталинской накипи и грязи, сделать более конкурентоспособной в условиях мирного сосуществования, а точнее, учитывая тогдашние реалии, – противостояния двух мировых систем.

Были ли у нас сколько-нибудь серьезные «проколы» в работе? По существу, пожалуй, нет. А вот с точки зрения начальства... Когда экономический отдел публиковал статьи, которые могли вызвать недовольство руководства, Михаил Пименович, листая свежий номер журнала, несколько меланхолично не раз говорил мне:

– Ну что же, Лев Александрович, трудности позади, неприятности – впереди...

Такое своеобразное предупреждение о том, что расслабляться не приходится, было не лишним, но все же по отделу, насколько помнится, явных выволочек за промахи не было, если не считать таковым вызвавший в верхах большое недовольство один пассаж (он был научно некорректен в статистическом и логическом отношениях, но замечен – то был только робкий намек на возможность экономического неблагополучия в перспективе) статьи нашего сотрудника, занимавшегося аграрными проблемами. Об этом эпизоде и его последствиях для всей редакции под-

робно рассказал Н. Б. Биккенин в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Свободная мысль». Конечно, качество статей не могло быть одинаковым, и резонанс от них был большим или меньшим, хотя работа с авторами всегда проходила, на мой взгляд, очень добросовестно. Но и этого порой оказывалось недостаточно для того, чтобы статья, содержащая новые идеи, увидела свет, – и автору, и редактору приходилось проявлять незаурядное упорство. Например, профессор Ш. Я. Турецкий предложил новаторский материал по проблеме потребительной стоимости в экономической теории и плановом хозяйствовании. Тема сложная, проблема дискуссионная, статья изобиловала теоретическими тонкостями, в которых неспециалистам разобраться было непросто. Но, учитывая научное и практическое значение постановки этого вопроса, мы сделали с автором 31(!) вариант статьи, прежде чем она появилась на страницах журнала и действительно привлекла внимание читателей. Помнится и огромная работа с бесчисленными переделками, которую пришлось нам провести с профессором Н. А. Цаголовым для того, чтобы его весьма спорная статья все же появилась в рубрике «Дискуссии и обсуждения». И конечно, крайне бережно редакция относилась к материалам талантливых молодых ученых, для которых выступление на страницах главного журнала страны имело особенное значение. Нашей общей радостью было, когда начинающий научный работник после критического разбора первого варианта его статьи открывал в себе новые возможности и приносил текст, безусловно заслуживавший публикации.

Не обходилось, правда, и без попыток проникнуть на страницы журнала с разнообразными псевдонаучными спекуляциями, крайним выражением которых, по-моему, стало предложение профессора И. И. Козодоева, достаточно известного в научно-преподавательской среде. Явившись ко мне, Иван Иосифович, учивший нас на экономическом факультете Московского университета детальнейшему анализу не только каждой мысли в трудах классиков марксизма-ленинизма, но и ее оттенков, заявил:

– Если Вы согласитесь, я представлю статью на основе моего потрясающего открытия: если в (такой-то) цитате Ленина перенести запятую на одно слово раньше, можно дать совершенно новую периодизацию строительства социализма и коммунизма...

В дальнейшем разговоре выяснилось, однако, что действительно научных аргументов у потенциального автора не оказалось, и мне пришлось отказаться от такого многообещающего предложения, предоставив возможность профессору выбрать другую тему для статьи.

(Упомянув об этом авторе, не могу не рассказать об анекдотическом, но уж очень характерном для прошлого эпизоде, о котором узнал только сейчас, в процессе работы над главой. Оказывается, осенью 1952 г., когда я был лишен удовольствия учиться у Козодоева по причине моего пребывания в лагере, Иван Иосифович прочитал вдохновенную лекцию о выдающемся творческом вкладе товарища Сталина в развитие поли-

тической экономии. В течение академического часа талантливый схоласт, казуист и начетчик, исходя из только что опубликованного газетой «Правда» текста «Экономических проблем социализма в СССР», муссировал высосанный из пальца вопрос о том, почему корифей всех наук, говоря о неких внешних явлениях, написал, что они мелькают *по*, а не *на* поверхности, и насколько важен этот замечательный вклад в теорию. Тема оказалась столь актуальной и содержательной, что лектор пообещал продолжить ее рассмотрение в следующий раз. Но как только он приступил к выполнению своего намерения, с заднего ряда поднялся студент и сообщил, что по дороге купил свежий номер «Коммуниста» с текстом работы товарища Сталина, где вместо *по* написано *на*. Афронт, полученный лектором, был полным, но он не помешал ему еще много лет учить молодежь глубокому проникновению в труды классиков.)

Скрупулезная, тщательная, настойчивая работа с авторами и их материалами была превосходной школой научного, аналитического мышления для самих редакторов, именовавшихся, к слову, консультантами, а стилю изложения мы учились у наших высочайших профессионалов – литературных сотрудников (мне довелось чаще всего работать с Аэлитой Вячеславовной Мацко). И, видимо, не случайно редакция журнала стала как бы кузницей творческих кадров для аппарата ЦК КПСС. Н. Б. Биккенин, А. Е. Бовин, Ф. М. Бурлацкий, Б. Г. Владимиров, А. Г. Егоров, Ф. Ф. Петренко, А. Р. Познер, И. П. Помелов, Г. Л. Смирнов, Р. П. Федоров были приглашены в те годы (пишу здесь только о них) в Центральный Комитет, в большинстве случаев на работу с пером в руках.

Подобная судьба не миновала и меня, но произошло это только после второго приглашения. Сначала сделал мне его Ф. М. Бурлацкий, когда ему поручили сформировать первую в аппарате группу консультантов. По-моему, консультант – это самая интересная из всех работ, выполнявшихся в ЦК. Она приравнивалась к заведующему сектором, но консультант отвечал, скажем, не за отрасль промышленности, не за территорию страны, не за деятельность крупного государственного или общественного органа, а... за свою собственную голову. Он никем и ничем не руководил и, как правило, не занимался организаторской деятельностью – его обязанностью было разрабатывать различные теоретические и политические вопросы и писать, готовить доклады Генерального секретаря и другие материалы пленумов ЦК и съездов партии, выступления членов Политбюро, постановления Центрального Комитета и т. п. Но отдел, в котором создавалась первая такая группа, занимался проблемами социалистических государств, отношениями КПСС и СССР с ними, а эта тематика не была для меня главной: намного важнее и ближе мне были проблемы внутренней жизни нашей страны. Я не успел изложить свои сомнения по этому поводу, как Федор Михайлович спросил:

- А сколько страниц в день ты можешь написать?
- Если это *научная целина*, не больше двух.
- Ну-у, нам надо намного больше...

Я не стал выяснять, какого же характера будут в этом случае материалы группы, и что каждый из нас понимает под научной целиной, и нужно ли ее будет поднимать вообще, а предложил:

– Тогда пригласи... – и назвал имя известного нам обоим талантливого, хорошо и быстро пишущего человека.

Так и произошло, а я еще, наверное, года два или три проработал в любимом журнале. Ну а затем, когда с приходом нового главного редактора, отличного человека и прекрасного специалиста в своей области, но крайне далекого от экономических проблем, в результате чего по ним в журнале стали появляться поверхностные, полные всяческих неточностей скороспелки, да и обстановка в коллективе, на мой взгляд, заметно ухудшилась, я принял очередное предложение и перешел в Отдел международной информации ЦК партии. Но об этом чуть дальше. А пока – еще несколько штрихов из нашей жизни и работы в «Коммунисте» 60-х.

Мой друг и соавтор по ряду материалов Б. Г. Владимиров, когда мы писали с ним передовую статью к последнему, 18-му номеру журнала за 1965 г., втянул меня в новую для того времени постановку вопроса о степени зрелости социализма в СССР. В конце концов мы сошлись на том, что *народное хозяйство* страны стало *зрелым*, стал зрелым социалистический *способ производства*. После чьего-то окончательного редактирования статья вышла с таким текстом: «В результате предшествующего роста и совершенствования экономика страны является ныне *зрелой*, а социалистический способ производства в целом – *развитым*. Это выражается прежде всего в создании могучих производительных сил, в *качественном* их изменении, благодаря крупнейшим технико-экономическим сдвигам в производстве, его отраслевой структуре, способах обработки природных материалов». Может быть, я не прав, но, кажется, это было первое использование предложенных в свое время В. И. Лениным терминов для характеристики степени зрелости социализма в целом, отнесенное нами *только* (!) к производительным силам, народному хозяйству и способу производства, а усилиями редактора, добавившего понятие «развитой», – еще и к экономике нашей страны. В дальнейшем, однако, эти формулировки стали использоваться в официальной литературе, а затем, естественно, и в прочих публикациях как определение состояния *всего общества*, хотя объективных, научных оснований для этого, к сожалению, не было.

Зато были основания политические: общеизвестно, что провозглашенные Хрущевым развернутое строительство коммунизма и его приход в 1980 г. совершенно не просматривались по всем экономическим параметрам, кроме предполагавшегося выпуска... минеральных удобрений. Об этом говорит, например, сохранившийся у меня любопытный документ, где позиции Программы партии по созданию материально-технической базы коммунизма и подъему народного благосостояния с учетом *проекта плана* на 10-ю пятилетку (1976–1980 гг.) сравнивались

с текущим выполнением и его перспективами. Постоянное забегание на словах вперед при глубоком отставании от таких деклараций на деле – типичная отрывка сталинизма: вчера намеченное уже сегодня называть достигнутым, достигнутое частное считать общим, а все это под барабанную дробь и фанфары объявлять очередной величайшей победой партии и народа. Подобная практика, конечно, неизбежно вела к политическим конфузам, вызывавшим обычно приступ нового словотворчества. Впрочем, подобная метода имела намного более продолжительную и распространенную во времени и пространстве историю – судя хотя бы по словам Мефистофеля в «Фаусте» Гёте:

Из голых слов, ярясь и споря,
Возводят здания теорий.
Словами вера лишь жива.
Как можно отрицать слова?

Вот и в наше время в безвыходном положении руководству партии и страны приходилось идти на то, чтобы отвергнуть прежние слова, то бишь лозунги и всяческие постулаты, обставив это различными оговорками, и в образовавшиеся пустоты вводить новые, тоже далеко не бесспорные. Так произошло с развернутым строительством коммунизма и альтернативой этой генеральной идее. От кавалерийских наскоков и сабельных замахов на трудно различимый в тумане будущего бастион коммунизма надо было срочно отказываться и заменять их на нечто более благопристойное, в большей мере отражающее реальности жизни. Им и оказалась формулировка о якобы построенном у нас *зрелом, развитом социализме*. В историческом плане она как бы отодвигала нас назад, а в научном и политическом представляла собой шаг вперед, хотя и несколько вбок. Вперед – потому что это была более трезвая оценка пройденного пути и достигнутого результата. Вбок – потому что она ставила определенные ограничения для действительно научного, объективного, беспристрастного, всестороннего анализа состояния общества. И все же это было лучше, чем пустопожняя пропаганда иллюзорных – в ближайшей исторической перспективе – целей и задач. Более того, новая трактовка в чем-то даже была небесполезна для постановки и решения некоторых практических вопросов: как же так, социализм у нас развитой, а ручного неквалифицированного труда – море; как же так, общество у нас зрелое, а миллионы людей живут в бараках и коммунальных квартирах, и т. д.

Всех перипетий рождения идеи о зрелом состоянии социалистического общества в СССР я не знаю и не могу назвать ее инициатора. Но, во всяком случае, уже в 1967 г. Брежнев в докладе о 50-летию Октября сказал как о само собой разумеющемся: «Развитое социалистическое общество, построенное в нашей стране...» – и тем самым дал основание историкам партии записать: «Советский народ *первым в мире* (курсив мой. – Л. В.) построил развитое социалистическое общество». Однако обществоведам пришлось поломать головы, чтобы подвести под эти

понятия – зрелый, развитой – мало-мальски убедительные научные аргументы, тем более что наших теоретиков подстерегала здесь не всегда замечаемая методологическая ловушка. Ее устройство, например, наглядно выявилось на примере двухподвальной статьи в «Правде», опубликованной вскоре после XXII съезда партии, где была сделана попытка объяснить перерастание нашего государства в общенародное. Можно понять возникшее тогда стремление отказаться от изжившего себя положения о диктатуре пролетариата и представить наше общество поднимающимся на новую ступень демократического развития. Но чтобы подтвердить это, группа уважаемых авторов просто отняла у государства диктатуры пролетариата ряд важнейших функций и приписала их новому типу государства, «доказав» тем самым его новое качественное состояние. Это явно не представляло собой сознательную профанацию научной логики, но тем поучительнее был такой урок для тех, кто хотел оставаться в ее пределах.

Поиск, выявление действительных аргументов не только «за», но и «против» тех или иных положений теории и явлений практики составляет суть или, по крайней мере, одну из важнейших сторон научной работы. Именно по такому пути пошли мы с Ф. М. Волковым в статье «Замечательное движение современности», опубликованной в «Коммунисте» (после чего мне и предложили работу в редакции этого журнала). Пришлось выступить против политической и пропагандистской эйфории, сопровождавшей движение, как его называли, за коммунистический труд, против опять-таки очередного забегания вперед при слишком явном отрыве от реальности. Памятна, скажу попутно, и статья в нашем журнале, опубликованная под псевдонимом, «Социалистическая собственность священна и неприкосновенна!». Ближайшим практическим следствием ее было приглашение мне перейти в журнал «Социалистическая законность» в качестве его главного редактора, что я сразу же – с признательностью, конечно, – отклонил.

И была у нас еще одна форма работы – выполнение различных просьб и поручений, поступающих из Отдела пропаганды ЦК КПСС. Например, в архиве сохранилась большая, без малого на печатный лист моя аналитическая записка «Экономическая теория (политическая экономия) и ее освещение на страницах печати». Подготовлена она была в разгар обсуждения назревших перемен в управлении промышленностью страны, в 1965 г., и направлена в ЦК за два месяца до его знаменитого сентябрьского Пленума, рассмотревшего вопрос «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства», т. е. о том, что позднее получило в литературе наименование хозяйственной, или экономической, реформы, а в быту – реформы Косыгина. Она сыграла огромную роль в сфере общественного сознания и значительную, на первом этапе своего существования, – в экономике страны. К сожалению, здесь судьба этой во многом замечательной по-

пытки ускорить развитие нашего общества не может быть предметом детального рассмотрения, но к каким-то ее моментам мы все же вернемся в других главах.

Пока же позвольте процитировать хотя бы кое-что из упомянутой записки: «При существующей системе хозяйствования административное, волевое, чтобы не сказать – волюнтаристское, начало слишком часто раздувается в ущерб экономическому; несовершенство учета и отчетности позволяет вполне благополучными цифрами прикрывать гигантские фактические потери; однобокие плановые и отчетные показатели, применяемые для оценки работы предприятий, толкают их на вопиющую расточительность, сдерживают развитие техники и совершенствование производства; действующие формы материального стимулирования таковы, что далеко не каждый работник может ощутить прямую связь между получаемой долей общественного продукта и производительностью своего труда, а тем более – результатами работы предприятия в целом; методы хозяйственного и общегосударственного руководства нуждаются в дальнейшей демократизации и т. д. и т. п.». Так или почти так, резко и принципиально, оценивали, наверное, положение дел многие из тех, кто в разных формах участвовал в его обсуждении. А вот как узко и обтекаемо это было преподнесено обществу в речи Л. И. Брежнева на Пленуме: «Необходимо еще раз подчеркнуть, что Президиум Центрального Комитета партии поставил вопрос об улучшении управления промышленностью, о совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства *не потому, что у нас обнаружили какие-то провалы в работе промышленности. Конечно, ничего подобного у нас нет*» (курсив мой. – Л. В.).

Ну а в записке далее говорилось о более глубоких причинах давно очевидных для объективных наблюдателей проблем – о стремлении латать «тришкин кафтан» вместо того, чтобы принимать кардинальные решения, об очевидном разрыве между политической экономией и экономической политикой, между словом и делом, теорией и практикой, о своеобразной апологетике социалистического общественного строя вместо трезвого и глубокого анализа всех его сторон, изучения реальных экономических противоречий, действительной диалектики развития нашего общества. «Корни такого положения были заложены Сталиным, который еще в 1941 г. на встрече с учеными-экономистами бросил им упрек: «Мы – правящая партия, а вы болтаете о противоречиях!» Этот алогичный и антинаучный «тезис» имел и «теоретическое» выражение в виде печально знаменитой формулы о полном соответствии производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил...» Смею полагать, что эти и другие мысли записки в то время не были расхожими. Ну а о том, что они по обыкновению осели, в лучшем случае, в архиве, говорит хотя бы то, что ни в научной, ни в пропагандистской, ни тем более в хозяйственной практике подобные мысли еще долгие годы сколько-нибудь заметным образом себя не проявляли.

Были и поручения, выполнение которых, можно сказать, представляло собой своеобразный экзамен на моральное право пропагандировать особенности социализма как общества социальной справедливости, – это личное вмешательство в судьбы людей, до которых она не только не дошла, но и обернулась своей противоположностью. Вот у меня в руках заметки по проведенному (по заданию редакции) расследованию обстоятельств жизни И. И. Кириллова – сотрудника одного из научно-исследовательских институтов. Вот копия обширной записки в Идеологический отдел ЦК КПСС «О Шавлюгине Федосе Дмитриевиче». В свое время он был знаменитым, известным всей стране каменщиком. По поручению Отдела ЦК мне пришлось детально разбираться в причинах того, что его жизнь оказалась сломанной. В записке отражена информация, полученная при встречах со множеством людей, обобщены изученные документы, предложены конкретные меры для исправления допущенной по отношению к человеку несправедливости. Вместе с тем проанализированы и более общие вопросы – почему у нас слишком много «маяков», которые, быстро разгораясь, потом только чадают или гаснут совсем? Кто виноват в том, что вместе с хорошим начинанием нередко угасает и сам человек как личность, как передовой работник, новатор? В материале отмечено, что, кому и как надлежало бы делать во избежание подобных явлений. Не скажу, что это была приятная форма работы, но считал и считаю ее неизбежной и необходимой – для того времени, конечно.

Глава, похоже, получилась слишком деловой, и у читателя может сложиться впечатление, что мы были какими-то сухарями, занятыми только работой и борьбой с ретроgrадами. Нет, конечно, – и сотрудники редакции, и наши авторы в большинстве своем обладали немалым чувством юмора и не упускали случая от души посмеяться над ситуацией, над собой, разыграть друзей.

Скажем, приносит статью С. А. Хейнман – доктор экономических наук, специалист по проблемам научно-технического прогресса, 13 лет в лагерях ощущавший на себе его отсутствие, и рассказывает:

– Я пришел к Вам прямо от своего портного, которого знаю еще с довоенных времен. Сегодня он поставил меня в тупик вопросом: «Вот Вы, Семен Аронович, доктор наук, так ответьте мне, почему, когда наша страна была отсталой, разоренной и нищей, ею руководили светлейшие умы, выдающиеся ученые, а теперь, когда она стала второй державой в мире, богатой и сильной, ею руководят люди ограниченные и часто просто неучи?» Я не нашел, что сказать портному. Может быть, это сумеете Вы?

Ну над таким вопросом если и захочется посмеяться, то только горестно...

Можно было, выйдя в коридор, голосом Левитана с его интонациями объявить о чрезвычайно важном правительственном сообщении

(«Внимание! Внимание! Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!»), а когда все высыпали из своих кабинетов, закончить его под смех друзей внутриредакционной информацией.

Или, обнаружив в только что вышедшем томе собрания сочинений основоположников марксизма впервые опубликованные живые, остроумные ответы Ф. Энгельса, презиравшего всяческое ханжество, на вопросы дочерей К. Маркса, выпечатать те, которые не позволяли определить время их появления, раздать листки в отделы редакции с просьбой высказать мнение о том, *кто* мог думать *таким* образом, – и получить совершенно обескураживающие единодушные ответы, развеселившие всех участников нечаянного эксперимента.

Ну а когда в нашем отделе все поразъехались – кто в отпуск, кто в командировку, а я оказался в больнице (накануне Нового года и предстоящей операции), Саша Бовин, работавший в философском отделе, прислал такое письмо:

В экономической пустыне
Шуршанье зыбкого песка.
Где львиный рык гремел, там ныне
Безмолвье, холод и тоска.

Там лишь Мацко бросает тени,
Лелея львиной шерсти клок.
Она грустна, дрожат колени
Изящно выточенных ног.

Бодришь, о Лев, не падай духом,
В больничной вялой тишине
Постель тебе пусть будет пухом,
Мацко пусть явится во сне.

Настанет день – когтистой лапой
Сорвешь покровы и бинты,
И разбегутся эскулапы,
И выйдешь на свободу ты!

Пришлось ответить ему тоже в рифму, хотя мои строки вряд ли можно назвать стихами. К тому же экономисту полагается быть более рассудочным, чем философу, и мой ответ был явно менее художественным, но не менее искренним:

Вдали от философских высей
Мой дух, казалось мне, поник,
Но фейерверк шутивых мыслей
Мне в сердце грустное проник,

И понял я: друзья и шутка –
Вот лучшее, что нам дано,
Привет друзей в одну минуту
Пьянит сильнее, чем вино.

Так пусть же дружба не ржавеет,
Пусть радость не покинет нас,
И шутки пусть не потускнеют
Ни в светлый, ни в тяжелый час!

В те годы меня еще слишком часто преследовали приобретенные в лагере болезни, особенно «животные». Съесть что-нибудь порой было просто невозможно, и острые приступы боли удавалось смягчать 20–30 граммами водки, настоянной на чае, – вместо завтрака. И когда я с трудом приходил на работу, Борис Владимиров, видя мою зеленоватую физиономию и скрюченную фигуру и помогая мне, спускался в кабинет М. П. Сакова и с наигранным возмущением говорил ему:

– Михаил Пименович, уберите от меня эту пьяную морду!

Наш дорогой шеф прибегал к нам в комнату, видел мое состояние и спрашивал:

– Лев Александрович, Вы можете работать лежа?

И, получив утвердительный ответ, добавлял:

– Идите, идите домой, а завтра принесите отредактированную статью...

Да, время работы в журнале было самым светлым за всю более чем полувековую трудовую часть моей жизни, и я благодарю судьбу и друзей за эту немеркнущую радость.

Глава 14

«ЗА НЕПЕНИЕ ПЕСЕН В СТРОЮ...»

*Из Отдела информации – в Отдел пропаганды ЦК КПСС. –
Некоторые приемы частичного преодоления устаревших традиций. –
Кто и как тормозил движение мысли и дела. –
«Бег на месте – общепримирующий».*

Ситуация в «Коммунисте» изменилась, на мой взгляд, настолько, что осенью 1965 г. я принял предложение о переходе в недавно образованный Отдел информации ЦК КПСС во главе с Д. П. Шевлягиным. Оно не во всем устраивало меня, прежде всего из-за международной, а не внутренней направленности его деятельности. Да и главным образом организационный ее характер тоже не очень соответствовал моим наклонностям. Но выбирать в тот момент было не из чего, и я стал инструктором этого отдела.

Основная его задача состояла в координации деятельности советских, как теперь принято на западный манер говорить, mass media, ведущих информационно-пропагандистскую работу на зарубежные страны. Эта задача была объемной, разнообразной, достаточно специфичной, можно даже сказать деликатной, и поэтому ее выделили из широкого круга проблем, которыми занимались Международный отдел и Отдел пропаганды ЦК КПСС. Но это неизбежно породило заметное дублирование в работе трех подразделений Центрального Комитета, и весной 1968 г. наш отдел был ликвидирован. Так что проработать там довелось недолго – около двух лет или чуть больше.

Конечно, у его руководства были какие-то колебания в отношении меня, ведь бывших заключенных на работу в аппарат ЦК практически не принимали. Существовал, правда, один, насколько мне известно, прецедент: первым заместителем заведующего Международным отделом стал Р. А. Ульяновский, прошедший в лагерях классический сталинский срок – 17 лет. Не знаю, как произошло его назначение на этот пост, а мою судьбу решил человек, о положительном вмешательстве которого в нее я и помыслить не мог. Ведь полтора десятка лет ранее, будучи тогда Секретарем ЦК партии и главным редактором «Правды», он принял определенное участие по крайней мере в идейном погроме ленинградцев. Им был, теперь уже член Политбюро, М. А. Суслов, сказавший, когда ему предложили на рассмотрение мою кандидатуру:

– Ну, сына Александра Алексеевича в аппарат ЦК мы возьмем непременно.

Фраза эта, в которой прозвучали и уважение, и даже какое-то тепло по отношению к отцу, в те годы еще мало кем из руководства проявляемые, значила для меня намного больше, чем само назначение в отдел. Именно после этих слов я считал себя как бы морально обязанным их автору. Вместе с тем нельзя было недооценивать и сам факт моей работы в ЦК: для достаточно широкого круга людей в Москве и Ленинграде, знавших об этом, он говорил о полной реабилитации моих родственников куда убедительнее, чем не подкрепленные официальными публикациями слухи о ней. И когда вскоре после начала работы в отделе меня попросили написать предвыборную речь для Суслова, я сделал это без колебаний и, кстати, не принаравливаясь к его консервативным, о чем уже был слышан, взглядам. Его помощники свою оценку представленного материала высказали весьма оригинально:

– Да, эта речь написана на уровне политических выступлений 30-х гг.!

Мне оставалось только гадать: или я не дотянул в ней до уровня 20-х гг., или сами помощники вошли в политическую жизнь страны позднее, в те же 30-е, в первой половине которых еще билась живая мысль в печати и в выступлениях руководящих работников на партийных съездах и конференциях. Сейчас, работая над главой, я нашел рукопись речи и понял наконец, почему ей дали такую высокую оценку. Она была вызвана не только слишком живой, слишком искренней формой выступления перед избирателями, но и забытым мной за 35 лет содержанием. Оставляя в стороне изложение коренных проблем, стоявших перед обществом, отмечу лишь, что в материале, с опорой на партийные документы 1965–1966 гг., предлагалась программа *действий* в только что начавшейся пятилетке. Они сводились к решению пяти взаимосвязанных хозяйственно-политических задач: *ключевая* состояла в том, чтобы создать подлинное *единство экономических интересов* человека, коллектива и общества; на этой основе, выдвигая на первый план *экономические* методы управления, воздействия на общественное производство, пробудить и широко развернуть *самостоятельность*, многообразную творческую *инициативу* и *ответственность* каждого работника и коллектива предприятия; таким путем полнее практически реализовать внутренние возможности социализма, резко поднять эффективность народного хозяйства; на укрепившейся материальной базе значительно повысить уровень жизни народа; в итоге – ускорить всесторонний прогресс общества. Так, может быть, ни одной, наверное, строки из моего варианта не оказалось в окончательном тексте выступления Суслова именно потому, что предлагалась достаточно конкретная программа действий, а не общие слова? Не знаю, не знаю...

В Отдел информации я пришел, когда он в основном был уже сформирован, и мне предложили на выбор работу в двух секторах. Один занимался практически только организационной работой, другой же, кроме того, в какой-то мере имел и творческую направленность. Естествен-

но, я выбрал второй и, оказавшись в секторе информационно-пропагандистской работы на развитые капиталистические страны, получил в свое, если так можно сказать, ведение два основных государства буржуазного мира – США и Японию. Руководил сектором ставший затем моим близким другом Вольф Николаевич Седых – будущий собственный корреспондент «Правды» в Париже, а затем директор издательства «Прогресс», известный франковед, литератор и в течение многих лет президент Общества «СССР – Франция».

Некоторую тоску, признаюсь, наводила на меня организационная часть работы – ознакомление с шифротелеграммами посольств и других представительств нашей страны за рубежом, разбор разных планов и отчетов подведомственных отделу организаций и т. п. Отдушиной же были поручения, требовавшие определенной интеллектуальной нагрузки, – работа для Брежнева, над программами по обществоведческим дисциплинам, о чем уже рассказано, подготовка нескольких аналитических записок и других документов и, конечно, первые две зарубежные командировки.

В одной из них, в Великобританию, мне довелось возглавить группу журналистов, пишущих на научные темы. В ее составе были признанные мастера своего дела из центральных и региональных газет и журналов. За две недели в Англии и Шотландии (не знаю, как сейчас, а тогда там было принято несколько подчеркнуто различать эти части страны) мы встретились с лауреатами Нобелевских премий и другими известнейшими учеными, представлявшими самые разные области знаний, и познакомились с новейшими достижениями науки и техники в атомной энергетике, электронике, биохимии, генетике, радиоастрономии, медицине, судостроении, морской добыче углеводородного сырья и т. д. Все это было чрезвычайно интересно, но не меньшее значение для меня имела сама атмосфера открытости, искренности, в которой проходили наши встречи с этими людьми, составлявшими, можно сказать, гордость нации. В живом общении с ними мы могли убедиться в их глубоко уважительном отношении к советской науке и технике, к нашей стране в целом, к коллективистскому, пронизанному общенациональной идеей образу жизни в СССР. Эта и следующая поездки сформировали мое убеждение в том, что в западном мире мы всегда найдем – в самых разных слоях общества – людей, с искренним интересом и теплом относящихся к нашей стране, к ее проблемам и перспективам.

Однако при всей доброжелательности, с которой нас принимали британские ученые, был и эпизод, напominивший о том, что в мире идет «холодная война». Дело в том, что меня направили в командировку под видом обозревателя Всесоюзного общества «Знание»: мое официальное амплуа работника аппарата ЦК считалось для такой поездки у нас, а тем более, наверное, у них, неуместным. Да и я, возможно, невольно дал повод соответствующим местным органам для подозрений в свой адрес тем, что, крайне не любя фотографироваться, всегда старался во время

этих процедур держаться где-то позади своих коллег и к тому же чаще всего был в темных очках. То ли по этой, то ли по какой-то другой причине на одном из последних приемов в Лондоне ко мне подошли два специалиста в штатском и под видом светского разговора устроили мне энергичную «прокачку» (кажется, это так называется на жаргоне специальных ведомств), т. е. своеобразный перекрестный допрос. Думаю, что мои собеседники были достаточно удовлетворены нашим общением, поскольку, сообразив, в чем суть дела, я в том же темпе ответил на их вопросы таким образом, что они убедились в главном: к спецслужбам я отношения не имею.

С еще более пристальным вниманием к составу делегации встретились мы в Японии. Предпринятые еще в Москве попытки основательнее замаскировать мою принадлежность к аппарату ЦК не дали заметных результатов. На прощальном приеме нам вручили памятные подарки, в том числе традиционную японскую одежду кимоно с выведенными на них иероглифами надписями, не без юмора отражающими те или иные особенности каждого члена нашей делегации. На моем значилось: «Главному пожарнику, который не хочет, чтобы знали, что он главный пожарник». Строго говоря, если перевод точен, то это был комплимент, поскольку пожарники, как известно, *тушат* уже пылающий огонь, но, может быть, авторы имели в виду нечто противоположное? Как бы то ни было, наша делегация молодых ученых делала все возможное для распространения самого эффективного средства борьбы с очагами сомнений и опасений относительно нашей страны – максимально правдивой информации о ее внутреннем положении и международной политике.

Эта более чем двухнедельная поездка оставила на всю жизнь неизгладимое впечатление, по крайней мере в двух отношениях.

Во-первых, исключительно радушной, дружеской атмосферой, в которой проходили организованные профсоюзами и Социалистической партией Японии митинги, приемы, пресс-конференции, индивидуальные беседы, разговоры в сравнительно узком кругу, многочисленные выступления в самых различных аудиториях. Формально лекций мы не читали, поскольку этот вариант контактов японские власти запретили как коммунистическую пропаганду. Но и ответы на вопросы, порой многочасовое обсуждение проблем, интересующих обе стороны, давали прекрасную возможность найти общий язык с представителями самых разных слоев японского общества. Наша поездка получила весьма объективное и доброжелательное освещение в печати и на телевидении Японии. Ну а совещание в посольстве СССР, беседы с представителями других советских учреждений в Японии позволили собрать полезный и достаточно обширный материал для сектора и Отдела информации.

Во-вторых, сам образ жизни японцев, их психология, быт, традиции оказались для нас такими необычными и в чем-то неуловимом настолько притягательными, что привели меня в состояние, напоминавшее раздвоение личности, на выход из которого понадобилось почти столько

же времени, сколько и на погружение в него. Я почти забыл, что где-то там, в Москве, есть дом и семья, есть работа, и, вернувшись, сначала выполнял свои бытовые и служебные обязанности как бы механически – и это был один человек, а другой с некоторым удивлением наблюдал его со стороны. Ни одна из стран, в которых довелось побывать позднее, как бы ни были они каждая по-своему интересны и прекрасны, психологически не затягивала меня так в себя, как Япония. Можно сказать, что в этом смысле у меня и сейчас в памяти сохранилось свое собственное «японское чудо», знакомству с которым я больше всего обязан тонкому наблюдателю и аналитику, одному из лучших отечественных журналистов В. В. Овчинникову, в то время работавшему там в качестве корреспондента «Правды».

Где-то к концу работы в отделе Г. А. Арбатов, тогда сотрудник Международного отдела, покидавший аппарат ЦК, чтобы создать академический Институт США (позднее – и Канады), предложил мне:

– Переходи-ка со мной в институт на любую должность: хочешь – заместителем директора, хочешь – заведующим отделом.

Предложение было лестным, открывавшим хорошие научные и прочие перспективы. И все же пришлось ответить:

– Спасибо огромное за такое интересное предложение. Я понимаю, что, анализируя положение дел в Америке и снабжая этой информацией руководство и общество, ты, наряду с решением других задач института, будешь показывать наше отставание во многих сферах жизни и тем самым способствовать их совершенствованию. Все это очень важно и нужно, но это *окольный* путь. А я вижу слишком много глупостей, безобразий и несправедливостей, творящихся в стране, и буквально ненавижу стоячее болото, в которое она погружается, с горечью смотрю на нежелание и неспособность верхов создать условия для действительно прогресса общества. Это с одной стороны. С другой – впереди, трезво говоря, не так уж много времени – мне пошел пятый десяток, – чтобы попытаться хоть чем-то помочь оздоровлению обстановки. Так что окольный путь для меня – непозволительная роскошь. Я хочу напрямую заниматься нашими внутренними проблемами...

Юра (так друзья называют Георгия Аркадьевича) понял этот разговор правильно и в дальнейшем предоставил мне весьма ценную возможность на протяжении десятков лет знакомиться с научной продукцией возглавляемого им института.

Всячески пытаюсь смягчить личностный характер книги, оставляю в стороне другие воспоминания о работе в Отделе информации и скажу еще лишь о том, что в большинстве своем он состоял из очень квалифицированных сотрудников. После его ликвидации многие из них перешли на ответственную работу в Министерство иностранных дел, Агентство печати «Новости» и иные центральные организации, стали посто-

янными корреспондентами наших ведущих средств массовой информации в зарубежных странах и т. д. Двум же сотрудникам отдела, в том числе мне, предложили остаться в аппарате ЦК КПСС, предоставив возможность выбора наиболее подходящего, на мой взгляд, подразделения. Так я оказался в Отделе пропаганды, где проработал шесть лет – сначала в качестве лектора, о чем упоминалось выше, а затем консультанта.

Служба в этом отделе, о чем тоже кое-что уже рассказано в предыдущих главах, началась с мелкого, но символичного эпизода, живо напомнившего мне случай еще из курсантской жизни. Под командованием старшины Красилюна (к сожалению, не помню его имени-отчества) наша 8-я батарея Одесского артиллерийского училища большой мощности имени М. В. Фрунзе возвращается в свое расположение после занятий строевой подготовкой. Происходит это в 1943 г. в городе Сухой Лог Челябинской области. Ноги курсантов в обмотках и ботинках с подковками. Вокруг осенняя сырость и непролазная грязь, и только около расположения батареи – а она размещалась в бывшем здании администрации шамотного завода – неширокая полоска асфальта. Цокаем по нему подковками, стараясь хоть немного сбить грязь с обуви, и старшина командует:

– Бат-т-арья, стой! Нале-во! Равняйся! Смирно! Курсант такой-то, выйти из строя!

Хлопаю по плечу впереди стоящего, выхожу строевым шагом и поворачиваюсь кругом.

– Курсант такой-то! *За непение песен в строю* объявляю два наряда вне очереди! Становитесь в строй!

– Есть, встать в строй!

Взыскание заслуженное, поскольку я, четко выполняя уставные команды и распоряжения, вместе с тем считал пение по приказу, уж правильно или неправильно, насилием над душой человека. И когда сам стал офицером, памятуя об этом, сначала всегда спрашивал своих подчиненных: «Споём, ребята?» И тогда песня действительно лилась от той самой души...

Формулировка же старшины стала чуть ли не девизом, своеобразным лейтмотивом моей дальнейшей жизни – не петь в строю по приказу, чего бы это ни стоило, не вливать свой голос в холуйский хор, славящий очередного «вождя». Думаю, придерживаться этого принципа удавалось достаточно последовательно, некоторым подтверждением чего может служить дошедшая до меня фраза, сказанная Г. Л. Смирновым: «Никогда заранее не знаешь, что он напишет...» И это была не критика, а вполне уважительная констатация факта. Я ведь и из нравившейся мне сферы вузовского преподавания ушел в какой-то мере потому, что не хотел из года в год возвращаться к одним и тем же устоявшимся, обязательным формулам, стремился к большей степени творчества, чем это было возможно, как мне казалось, в роли педагога.

Так вот о символичном пустяке... По приходе в отдел я был размещен в большой комнате, где уже находились трое моих новых коллег – лекторов. Предназначенный мне стол оказался около окна, но свет из него падал справа, что было крайне неудобно для пишущего человека. Сесть спиной к моим товарищам я не мог и поэтому поставил стол наискосок, что частично решало проблему дневного освещения. Но это противоречило аппаратным традициям, и старый служака, заведующий секретариатом отдела, обходя помещения после окончания рабочего дня, водворил стол на полагающееся тому место. Утром я опять поставил его по-своему, а вечером он вернул его в прежнее положение. Молчаливая борьба продолжалась, наверное, с месяц, пока наш ревнитель порядка не махнул рукой на нас – на стол и на меня. Вот такой «косой» взгляд на устаревшие порядки, а главное, на традиционные, стандартные, приевшиеся мысли был характерен для значительной части работников как в секторах аппарата, так и прежде всего в группах консультантов, появившихся в ряде отделов ЦК и состоявших в основном из людей, уже познавших до этого сладко-горький вкус плодов самостоятельного творчества в различных сферах науки и журналистики.

Конечно, аппарат, его традиции воспитывали нас, сотрудников, но и мы в какой-то мере воспитывали его, вольно или невольно внося те или иные новые черты в характер взаимоотношений, в образ мыслей, в гражданские, партийные, человеческие позиции друг друга и наших руководителей. Работало большинство из нас не за страх, а за совесть, поскольку мы надеялись, что результаты наших усилий принесут какую-то пользу стране. Нередко – до глубокой ночи, в выходные дни. Часто эти бдения разделял с нами и А. Н. Яковлев, которому однажды мы в шутку предъявили счет на многие сотни дней переработок и получили в этом же духе ответ, что в партийном аппарате профсоюзные правила охраны труда не действуют. Бывало, особенно когда я уже работал в группе консультантов (тогда ее возглавлял Р. И. Косолапов), уезжаешь среди ночи и только просишь водителя: «Скорей, пожалуйста, скорей...» – потому что того и гляди не выдержит сердце. Влетаешь домой, пальто в сторону, падаешь на тахту, чтобы тут же получить болеутоляющий укол и горчичники. И ничего – никто ни за глупость, ни за доблесть такое отношение к работе не почитал, это была элементарная норма нашей тогдашней жизни.

Существовали, однако, и другие, глубоко въевшиеся в плоть и кровь аппарата и явно шире распространенные нормы, его традиции. Так, одно из самых примечательных – но не замечательных! – качеств отечественной, в том числе и партийной, бюрократии состояло в ее феноменальной способности десятки лет отторгать, отталкивать от себя очевидно прогрессивные идеи, если они требовали для своей реализации каких-то изменений в сложившихся звеньях управления, их взаимоотношениях и тем более кадровых перемен, не гарантирующих принимающим решения продвижение вверх по служебной лестнице или хотя бы со-

хранение достигнутого ими положения. «Где бы ни работать – лишь бы не работать!» – такая подленькая формула не могла родиться в сознании рабочего у станка или пахаря в поле, это плод мечтаний и отзвук реального бытия бюрократа – специалиста по имитации бурной деятельности.

Но простым «Нет!» арсенал средств борьбы за спокойную, болотообразную жизнь не ограничивался. Было немало более совершенных методов. Например: подхватить идею, нажить на ее оглашении морально-политический капитал (произнести речь, сделать доклад, издать постановление, указ и т. п.) и – похоронить замысел на практике. Здесь тоже есть свои нюансы: или постараться забыть о нем, или не разрабатывать механизма его реализации, или не выделять вовремя необходимых ресурсов, или не контролировать ход исполнения принятых решений, или не развивать их в соответствии с изменениями в окружающем мире, или якобы в порядке уточнения прежних идей выдвигать новые, нередко – «в виде исключения», «временно», по тем или иным сторонам вопроса, что на деле компрометирует или вообще сводит на нет задуманное, провозглашенное, ожидаемое. Да и мало ли что еще сообразит выведенный из социальной спячки бюрократ, почуявший опасный для него лично и потому такой отвратительный ветер перемен!.. Добавлю-ка в связи с этим к жизненному опыту, который есть у каждого, несколько собственных наблюдений, относящихся ко времени моей работы в Отделе пропаганды, в 1968–1974 гг.

По какому-то поводу пришлось мне поинтересоваться состоянием социалистического соревнования и его практической ролью в жизни страны. На мой взгляд, существовало ни много ни мало 16 принципиальных недостатков в его организации. С их характеристикой я и выступил на партийном собрании отдела. А буквально наутро от кого-то из Секретарей ЦК нашему руководству поступило распоряжение немедленно начать подготовку постановления Центрального Комитета по этому вопросу. И оно было разработано (не помню, почему без моего участия), и принято ЦК, и вышло в свет, но вряд ли хоть у кого-нибудь вызвало желание тотчас засучить рукава и взяться за дело по-новому. Так произошло потому, что в нашем отделе критическое отношение к сложившейся практике соревнования в стране встретило понимание и поддержку, но позиция других, отраслевых отделов несла на себе печать явной кондовости, откровенного нежелания преодолеть инерцию мышления и методов управления этим процессом. Предложенные новации в подходе к нему ими не воспринимались, и в результате вынужденных компромиссов традиция вновь взяла верх над потребностями жизни. Нужно было *коренное*, качественное изменение самого подхода к соревнованию, а документ представлял собой, как это все чаще происходило в таких случаях, очередную грамотную жвачку, которая ну никак не могла задеть чью-то душу и разум. Это было очевидно уже из

самого его названия – «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования», и каждая строка документа полностью подтверждала такое соображение.

В самом деле, если вы возьмете в руки том из серии «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», где опубликовано это постановление, то в глаза бросится множество однотипных наименований содержащихся там материалов: о *дальнейшем улучшении* и даже *дальнейшем совершенствовании* руководства,.. деятельности,.. работы,.. организации,.. условий,.. использования... и т. п. Как видите, сами заголовки документов ЦК предопределяли их существо, настраивали их создателей и читателей не на кардинальные изменения в той или иной сфере, а лишь на улучшение уже улучшенного и совершенствование и без того совершенного. Такая страусиная позиция могла способствовать только притуплению политического зрения, ослаблению политического сознания, одряхлению политической мускулатуры партии. В этом же сугубо стандартном духе было подготовлено в конце концов и постановление о соревновании, которое привожу лишь в качестве примера того, как дело губилось в зародыше, еще на стадии формулирования задач, когда живая идея превращалась в голую схему, не дающую ответа на главный вопрос – как изменить устаревшую практику, как сделать человека лично *заинтересованным* в действительно инициативном, активном и экономически и социально эффективном участии в общественном производстве. Все оставалось на уровне самых общих призывов, которые сами по себе не могли, конечно, переломить привычный, с каждым годом все более заформализованный ход событий.

И вот здесь возникает вопрос более общего порядка, далеко выходящий за рамки приведенного примера: кто же виноват в таком оскотлении жизни – заказчики или исполнители? Может быть, в разной степени, но, по-моему, обе стороны. Первые не считали для себя возможным думать глубже и говорить содержательнее, смелее, острее, интереснее, чем вышестоящий руководитель, вторые писали для них доклады и речи так, чтобы не подвести своих заказчиков, нарушив это золотое правило выживания на Олимпе власти. Но ведь, получая материалы, написанные в одном и том же ключе («Все хорошо, прекрасная маркиза, за исключением пустяка», который и требует некоторой работы по улучшению, совершенствованию и т. п.), и в едином, одинаково пресном стиле, сами будущие ораторы и публикаторы укреплялись в мысли, что именно так и только так они могут и должны выступать в качестве политических деятелей.

Разорвать этот порочный круг было практически невозможно. Любые, самые скромные попытки сказать что-то свежее не только по существу, но даже и по форме пресекались отовсюду – сверху и снизу, снаружи и изнутри. Однажды Лукич (Г. Л. Смирнов) прямо сказал мне:

– Лев, прошу тебя: не высывайся со своими идеями...

И дальше как-то аргументировал этот призыв умерить критическое отношение ко многим сторонам нашей действительности, после чего я стал именовать эту сумму его, философа, взглядов не иначе как «учением Лукича о невысовывании». Он совершенно трезво оценивал достаточно сложную обстановку, в которой мы работали, и в своей последней книге «Уроки минувшего» написал, в частности: «В тезисах к 50-летию Октября, к 100-летию Ленина мы стремились, как могли, создать целостную и вместе с тем сложную картину исторического развития страны, сформулировать теоретические и политические оценки наиболее сложных и острых этапов советской жизни, реалистически обозначить наиболее важные тенденции современности. Конечно, критическая струя в документах была слабой, но если мы ее усиливали, возникали возражения и вмешательства начальства» (курсив мой. — Л. В.).

Подтверждаю эти наблюдения: на полях доклада, написанного весной 1974 г. для кандидата в члены Политбюро, Секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, читаю недоуменную пометку его помощника: «Это должен сказать Б. Н.?» — а на другой странице — самого Бориса Николаевича: «Озадачивание?» Пожалуй, не просто трудности нашей работы, но даже трагизм всей общественной ситуации, когда член высшего руководства страны отрешивается от возможности высказать животрепещущую истину, можно понять, прочитав вызвавший его тревогу весьма деликатно составленный мной текст: «Теперь уже для всех, наверное, очевидно, что повышение эффективности экономики, ускорение научно-технического прогресса, перелом в решении проблемы качества продукции и многие другие важнейшие вопросы нашего хозяйствования в решающей мере упираются в тот факт, что в свое время верно служившая нам система управления народным хозяйством ныне во многом устарела и не отвечает в должной степени потребностям сегодняшнего, а тем более — завтрашнего дня». Докладчик при обсуждении варианта материала даже специально сказал, что он вообще решительно против какого-либо «озадачивания» в его выступлении.

Таков лишь один из многочисленных примеров того, насколько осторожно-боязливými или, если хотите, умудренно-опытными были те, кто входил в ближайшее окружение Генерального секретаря, как не могли и не хотели они быть первыми или хотя бы самостоятельными даже в самой малости: «Это должно прозвучать только на съезде партии», «Это должен сказать только Генеральный...» — тоже цитаты из разговоров с нашими «олимпийцами». Но ведь и он (речь здесь идет о Брежневe и его окружении) был лишь одним из них, прошел ту же школу политического выживания и, как и все, отнюдь не порывался сколько-нибудь ощутимо, а уж тем более кардинально изменить сложившийся порядок вещей. Думаю даже, что большинство высших руководителей вообще вряд ли осознавали не только тупиковый, но и гибельный в исторической перспективе характер пути, по которому они продолжали вести страну. Не видя, не слыша, не понимая и не желая понимать этого, цепляясь за дав-

но устаревшие формы организации общественной жизни, они собственными руками невольно готовили почву для краха партии, страны, социализма. А ведь многие из них читали и заучивали, что «В начале было Слово... И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины...». Не вдаваясь в трактовку библейского текста и проводя лишь поверхностную, но бесполезную аналогию (а скорее, противопоставление), скажу лишь: не осталось у нас ни благодати, ни истины, потому что наши «пророки» забыли не только Священное Писание, но и заветы Ленина, один из которых – «Хранить наследство – вовсе не значит еще ограничиваться наследством» – сами же не раз цитировали. Охранительная доминанта в их сознании и управленческой практике полностью задавила не менее важную идею динамичного развития самой природы общества как единственно возможной формы и главного условия его существования.

Что же касается нас, работников совершенно другого уровня, то в нашем арсенале было, к сожалению, слишком мало способов публично, то есть в подготавливаемых документах, назвать вещи более или менее своими именами. Один из них – предложить нашим заказчикам нечто новое как само собою разумеющееся, ими провозглашенное, а поэтому и обязывающее их следовать ему в дальнейшем. Конечно, при этом отчасти возникал какой-то привкус выдачи желаемого за действительное, но, так или иначе, оно приковывало внимание нашего главного читателя к проблеме, и теперь уже от него зависело поддержать или отвергнуть написанное. Скажем, в моем варианте материала для беседы в 1970 г. кандидата в члены Политбюро, Секретаря ЦК КПСС с немецкими товарищами (из ГДР, конечно) содержались тезисы о том, что мы снова и снова возвращаемся к *анализу природы социализма*, к *научной* характеристике современного этапа развития нашей страны; что формируются *реалистические* представления о советском обществе, уровне его развития, путях движения вперед и действительных возможностях; что идет процесс *сближения практики социализма с его идеалом*; что массовая пропаганда строится с учетом *выяснения общественного мнения* и все больше поворачивается от свершившегося к настоящему и предстоящему. Не упоминаю о многом другом, не менее существенном, и отмечу лишь, что только через 13 лет в статье Ю. В. Андропова наряду с другими важными позициями было сказано, наконец, долгожданное и обнадеживающее: «Нам надо трезво представлять, где мы находимся... Видеть наше общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами – вот что сейчас требуется». В первоначальном варианте статьи, по словам Б. Г. Владимирова, бывшего в то время помощником Юрия Владимировича, было сказано определеннее: «Нам надо понять, в каком обществе мы живем». Опубликована же эта принципиальнейшая мысль, как видим, в другой, более расплывчатой форме. Но даже такая осторожная постановка задачи открывала перспективы для настоящей от-

крытой научной дискуссии о природе нашего общества, целях и путях его перестройки. Однако скорый уход автора из жизни снова отодвинул подобные мечты и планы.

А другой прием тот же Г. Л. Смирнов сформулировал в одном из разговоров со мной так: «Сказать о недостатках в положительном плане». Лукич был глубоко порядочным человеком, и я понял его правильно: не выдавать, разумеется, недостаток за достоинство, но показать отрицательные факты, явления, процессы на фоне уже проводимой, или хотя бы намечаемой, или уже начатой работы по их преодолению. Так что тексты тех лет надо было не только писать с подтекстом, но точно так же и читать их...

Была и более мягкая форма умиротворения начальственного сознания ради оглашения существенных для страны идей – ослабление масштаба и значимости огорчительных фактов путем некоторого принижения их отрицательного влияния на общество. Не хочу ни на кого возводить напраслину, но, например, мне всегда казалось, что с легкой руки А. Н. Яковлева в политический лексикон вошло повсеместное употребление (и злоупотребление!) вместо понятия «явление» слова «*проявление*», придающего какому-либо описываемому процессу как бы не закономерный, куда более поверхностный и вроде бы не массовый характер.

Впрочем, при использовании всех этих приемов, как и в любом деле, надлежало руководствоваться чувством меры, чтобы не попасть в ситуацию то ли анекдота, то ли были, связанной с А. В. Коробовым. В начале 60-х гг., когда он был заместителем председателя Госэкономсовета Совета Министров СССР, молодой подчиненный принес написанный для него доклад. Анатолий Васильевич полистал документ и якобы сказал:

– Ну что это такое? На каждом шагу – недостатки, недостатки, недостатки...

Подумал и добавил:

– А знаешь, ведь недостатки – это наши неиспользованные резервы, а резервы – это же наши преимущества! Вот в этом духе и переделай доклад...

Спустимся, однако, чуть ниже, на следующий от самой вершины этаж аппаратной иерархии, где чаще всего и особенно усердно усреднялись (чтобы не сказать – сводились к обязательным банальностям) такого рода документы. Скажем, «Аэн» дает мне поручение:

– Надо поехать на дачу Горького и помочь группе, готовящей вступительную речь Брежнева и доклад Полянского на Третьем Всесоюзном съезде колхозников. Все написано, но все – не то, что нужно.

Ехать мне не хочется, поэтому рождается не очень убедительный довод:

– Но ведь я мало что понимаю в сельском хозяйстве...

В голосе «Аэна» появляются металлические нотки:

– Надо поехать и *подумать*...

Подумали и переделали оба материала, работа над которыми сверх обычных трудностей осложнялась тем, что речь Брежнева не должна была обескровить доклад, а доклад не должен был оказаться содержательнее речи. Оба материала прошли без каких-либо претензий со стороны нашего руководства, после чего они попали в руки помощников выступающих. И тут, видимо, изменилась исходная задача, речь Брежнева по существу превратилась в большой основной доклад, а доклад члена Политбюро и первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянского довели до рекордного уровня бессодержательности. Да и впрямь – лучше было опозориться пустым выступлением, нежели вызвать недовольство Генсека слишком дельным, которое хоть как-то конкурировало бы в глазах слушателей и читателей с его речью. Воистину – всяк сверчок знай свой шесток, особенно если он расположен высоко и падать с него, надо полагать, бывает очень больно.

К слову, одна из таких работ, когда пришлось спасать материал, привела к неожиданному предложению. Началось с обычного рефрена «Аэна» – «Надо подумать». На этот раз в качестве пожарной команды я был откомандирован в соседнее здание, в Отдел оргпартрabоты, где пробуксовывала подготовка речи Секретаря ЦК И. В. Капитонова, с которой он должен был выступить в Эстонии. Мы выполнили и эту работу, причем настолько уважительно и деликатно по отношению к республике и всей Прибалтике, истории и национальным особенностям этого региона, что мне совершенно официально было предложено поехать в любую из трех стран, его составляющих, в качестве второго секретаря ЦК местной компартии, т. е. фактически «руки Москвы» (по традиции первым должен был быть представитель титульной национальности). Такое амплуа автоматически влекло за собой членство в ЦК КПСС, в Верховном Совете СССР и т. д. Приличия ради я взял сутки на размышления и, следуя своему давнему решению не становиться публичным политиком, отказался, формально сославшись на действительно тяжелую болезнь матери. Яковлеву я об этом даже не сказал, поскольку уже сталкивался с его странной, несколько нервной, что ли, реакцией на те или иные формы признания результатов моей работы, поступавшие к нему со стороны, хотя сам он не раз публично высоко оценивал, например, документы, подготовленные мной по итогам некоторых командировок. Впрочем, тут мы вплотную подходим к области интриг, даже невольное прикосновение к которым претило мне тогда и недостойно описания сейчас. Лучше продолжу рассказ о силах и методах, противостоявших не только в партийном, но и в государственном аппарате попыткам критически оценить положение дел в стране и внести конструктивные предложения о путях и способах его исправления.

Год 1969-й или максимум 1970-й. Мои друзья по работе в Отделе пропаганды Б. Г. Владимиров и Р. И. Косолапов, а также я получили задание подготовить материалы к пленуму ЦК по проблемам научно-технического прогресса. (Г. А. Арбатов, не зная об этом, в своих воспоминаниях ошибочно полагает, что первая такая попытка была предпринята лишь после XXIV съезда партии, где-то в 1972–1973 гг.) Эта работа памятна потому, что, сознавая остроту проблемы, от решения которой зависело все будущее страны, мы работали с колоссальным подъемом. Я даже сказал при обсуждении подходов к теме: «Надо написать такую речь Генерального и такое постановление Пленума, чтобы они прозвучали как набатный колокол! В конце концов, должно же руководство понять, что без научно-технической революции страна погибнет как великая держава». И мы всего-навсего втроем, не выезжая ни на какие дачи, действительно сделали эту работу так, что она была принята тогда еще вполне дееспособным Брежневым безоговорочно, без претензий и поправок.

Материалы разослали по министерствам и ведомствам, чтобы собрать их замечания и предложения. И они поступили в ЦК, и все они были нацелены прежде всего на то, чтобы отменить назревшее новое, без чего развитие науки и техники и широкое использование их достижений в каждом звене народного хозяйства по-прежнему не могло получить никакого простора и ускорения, и на то, чтобы не заменять привычное, устоявшееся, уютное _ непривычным прогрессивным, требующим основательной ломки методов работы государственных структур. Вместо этого все дружно обещали немедленный взлет науки и техники при условии непомерных, отсутствующих у государства капитальных вложений в них. И когда в каком-то звене аппарата – это происходило уже без нас – всё, против чего протестовали министерства и ведомства, из первоначальных документов вычеркнули, а предложенное ими (повысить, ускорить, обязать и т. п.) вписали, то в результате получился... ноль. С такой пустышкой выходить на люди было просто невозможно.

Прошло, наверное, года два, проблемы научно-технического прогресса обострились еще больше, а с ними – и проблемы экономики, а с ними – и всего состояния общества, и решено было вернуться к идее проведения пленума ЦК. Я был включен в состав значительно расширенной рабочей группы, о которой рассказано в воспоминаниях Г. А. Арбатова, но, как только первая часть ее приехала на выделенную для выполнения этой задачи служебную дачу, у меня начался такой сердечный приступ, что я должен был немедленно вернуться в город. Болезнь затянулась, и пришлось предложить заменить меня одним из коллег, ставшим с тех пор неперменным участником всех очередных, на протяжении многих лет, попыток подготовить пленум по научно-техническому прогрессу. Менялись группы, расширялись их состав и масштабы работы, но результат оставался неизменным: интересы министерств и ведомств все-

гда оказывались сильнее коренных, жизненных интересов страны в целом, и пленум по этому вопросу так никогда и не состоялся. Правда, летом 1985 г. Горбачев и Н. И. Рыжков все-таки подготовили и провели *совещание* в ЦК по вопросам ускорения научно-технического прогресса, причем доклад Генсека назывался весьма многообещающе – «Коренной вопрос экономической политики партии». Однако и эта, столь запоздавшая попытка прищипорить развитие науки и техники, а главное, создать условия для массового, повсеместного применения их достижений в народно-хозяйственной практике сколько-нибудь заметных результатов не дала. О некоторых причинах такого хода событий заинтересованный читатель может узнать из книги Николая Ивановича «Десять лет великих потрясений».

Впрочем, не стала ли эта акция просто одной из первых в длинном ряду прочих, заведомо обреченных на неудачу в условиях, когда главным делом главы партии и государства стали... слова, крайне слабо подкрепляемые конкретными делами? С приходом Горбачева на высший пост он довольно быстро раскрепостился, что было полным контрастом его поведению в первый период пребывания в ЦК еще в качестве Секретаря по вопросам сельского хозяйства. Тогда на трибуне в нашем Отделе стоял красный от волнения и боявшийся оторваться от текста человек, недавно приехавший из провинции и понимавший, что он выступает перед профессиональными пропагандистами. Но вскоре по количеству произносимого он оставил всех нас, вместе взятых, далеко позади: недержание речи на протяжении всех лет пребывания на вершине власти стало излюбленным занятием нового Генсека.

Приведу конкретный пример. Главный редактор самой массовой тогда газеты «Труд» просил организовать встречу Председателя Правительства с читателями, обращавшимися в редакцию со множеством недоуменных вопросов по поводу хода перестройки. Как заведующий Отделом информации Совета Министров СССР я доложил об этой идее Н. И. Рыжкову и поддержал ее.

– Хорошая мысль, – ответил он. – Но я должен посоветоваться с Горбачевым.

Много раз мы возвращались к этому вопросу, но только через несколько недель разговор продолжился по существу:

– Николай Иванович, Вам удалось посоветоваться с Горбачевым по поводу идеи «Труда»?

– Да, наконец-то.

– И что же он ответил?

– Сказал: «Очень интересное предложение. Но давай проведем это не в Совете Министров, а по линии ЦК».

И вот с разных концов страны в ЦК созывается народ (не знаю, были ли среди них читатели «Труда» с их вопросами), чтобы «посоветоваться с ним». Люди начинают рассказывать о правде жизни, как она есть, вно-

силь конструктивные предложения, но Горбачеву не удается, хорошо, если полтора-два выступления выслушает, а затем срывается с тормозов и топает всех и всё в потоке своего словоизвержения, за которым нет никакого реального дела. В одной из глав уже сказано (прошу извинить за повторение), что на наше несчастье во главе страны оказался Пустомеля, а мы – тоже хороши! – это поняли далеко не сразу и пошли за ним. Правда, при тогдашней системе власти у нас – у партии, у народа, по существу не имевших возможности влиять на подобные решения, – выхода-то другого и не было. К тому же он все-таки был пограмотнее и поживей умом, чем его предшественник, заметно моложе и динамичнее всех предыдущих Генсеков, и уже это казалось благом. Поэтому большинство общества в первое время приняло его появление на самой вершине управленческой пирамиды с искренней радостью, а главное – с надеждой на кардинальные изменения в стране. И они произошли, только в диаметрально противоположном направлении тому, ради которого стоило жить и работать...

Полагаю, это маленькое отклонение от темы не увело мысль читателя слишком далеко от главного вывода, навешаемого приведенными примерами из догорбачевского периода: на разных уровнях управления страной в течение долгих десятилетий существовала и укреплялась целая система отторжения аналитического, критического подхода к нашей реальности, противостоявшая действительной новизне в теории и практике строительства нового общества, а значит, объективно самому процессу его развития на деле, но при постоянной поддержке всего прогрессивного на словах. Воистину, говоря словами В. Высоцкого, то был «бег на месте общепримирющий». На примере аппарата ЦК скажу: каждая незагаскающая – иногда даже не столько по содержанию, сколько по форме – мысль, включенная в материал для высшего эшелона власти, должна была преодолеть несколько линий обороны. Первая – воспитанная практикой самоцензура (все равно, дескать, не примут, не пропустят). Вторая – твое непосредственное руководство, представлявшее материал наверх и не стремившееся оказаться в глазах пребывающих там лиц людьми со слишком самостоятельным мышлением. Третья и, по моим наблюдениям, самая мощная линия обороны от новизны – ближайшие помощники заказчика материала. Это и немудрено: ведь на них первых мог обрушиться его гнев, и они чаще всего были теми асфальтовыми катками, которые разглаживали ухабы действительности, просматриваемые в текстах, до состояния широкой и гладкой дороги, прямоком ведущей нас в светлое будущее. Ну а когда гражданские совесть и мужество побуждали их сохранить неприкрытой правду жизни, то она встречалась с четвертой линией обороны – с самим докладчиком, который, если он не был Генеральным секретарем, не считал себя вправе раньше него, как уже сказано, произнести от своего имени нечто «слишком» свежее, «слишком» новое.

Вместе с тем «сверху» постоянно раздавались упреки в адрес общественных наук за то, что они, дескать, отстают от потребностей жизни. Но о том, что надо было претерпеть ученым и журналистам при попытках выйти за рамки затертых истин (в кавычках и без них), терпеливый читатель узнает в следующих главах. Здесь же закончу рассказ о своих наблюдениях относительно противодействия новому двумя цитатами.

Первая – своеобразный комплимент из уст человека, с которым полтора-два десятка лет назад мы однажды оказались вместе в творческой бригаде: «Лев совершенно не умел писать: ни одной строки нельзя было представить начальству, не переделав ее, – сплошное диссидентство». Оценка слишком высокая: мой кратковременный соратник таким громким словом обозначил куда более простой факт – попытку предложить Брежневу назвать на XXVI съезде партии вещи, связанные с социальной сферой жизни общества, своими именами. И разумеется, уже на стадии подготовки его доклада тот постепенно стал беззубым, обтекаемым, скучным, а значит, по меньшей мере практически почти бесполезным, но зато «проходимым», убаюкивающим и руководителей, и общество. Подобную кастрацию – и самокастрацию! – мысли я и называю диверсией изнутри против очередной безнадежной попытки сказать нечто новое и хоть в чем-то по-новому. Ну а если и удавалось нашему брату сделать что-либо в этом отношении, оно все равно тонуло в море стандартных формул и деклараций. Так что итог всей этой теме можно подвести второй цитатой – припевом из песни, прозвучавшей в кинофильме «Не бойся, я с тобой!»:

В остальном – война отсталому,
Древнему и бестолковому,
Чтобы с этих пор *по-новому*
Оставалось все ... по-старому (курсив мой. – Л. В.).

Надеюсь, ни у кого не возникнет предположения, что автор этих зарисовок с натуры являлся белой вороной. Нет, я просто делюсь какой-то частью своего опыта, своих наблюдений, а мои друзья уже написали или, возможно, напишут о том, чему свидетелями или участниками каких событий были они. Мне же, придерживаясь поставленной перед собой задачи, предстоит рассказать, истины ради, еще о нескольких моментах из жизни Отдела пропаганды.

Не меньше года ушло у нас на подготовку «Тезисов ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». Бригада под руководством Г. Л. Смирнова большую часть времени проработала на «ближней» даче Сталина в Волынском-1. Туда из разных организаций время от времени приглашались и специалисты по отдельным вопросам. Первоначальный вариант «Тезисов...» был выполнен на 155 машинописных страницах, затем документ свели к 117 и, наконец, к 60 с чем-то страницам. Перед выходом в свет текст, как и полагалось, был разослан членам Политбюро и Секретарям ЦК, от которых или от имени которых поступили част-

ные замечания. Тут уж пришлось проявить чудеса находчивости, чтобы учесть все предложения, не испортив при этом текста даже тогда, когда они противоречили друг другу. Наконец все, вроде бы, осталось позади, «Тезисы...» появились в «Правде», и в считанные дни после этого их тираж в виде брошюры был подготовлен в Политиздате. И тут вдруг...

И тут в ЦК поступило письмо о том, что в 14-м тезисе ссылка на позицию Ленина о социальных факторах силы рабочего класса неправомерна, поскольку-де она отражает точку зрения не его, а известного социал-демократа О. Бауэра. Выяснилось, что текст, полученный в виде машинописной копии в Институте марксизма-ленинизма, где в это время готовился к изданию очередной Ленинский сборник, привез в группу Ю. К. Островитянов, приглашенный на некоторое время в нее профессором Э. П. Плетневым – консультантом отдела. К сожалению, Юрий Константинович не обратил внимания ни на источник, ни на характер выписки. Выяснив это, Г. Л. Смирнов попросил меня разобраться в исторической и теоретической сторонах возникшей проблемы. Оказалось, что выписка действительно была сделана из ленинского конспекта какой-то работы О. Бауэра, но его мысль совершенно не противоречила позиции самого Владимира Ильича, резко критиковавшего его за оппортунистические *выводы* из правильной в принципе постановки вопроса.

Таким образом, включение в виде цитаты этих нескольких строк было некорректным лишь в историко-научном отношении, но не по существу. Это не спасло, однако, ни тираж (18 тонн бумаги) от уничтожения, ни Эрика Пантелеймоновича от увольнения с работы.

Подготовке, а затем и пропаганде «Тезисов...» придавалось весьма важное значение, поскольку считалось, что в них получил отражение современный уровень познания обществом самого себя и своих перспектив как во внутреннем, так и в международном отношении. Поэтому через некоторое время после публикации этого документа в различные районы страны были направлены бригады с целью изучения его воздействия, так сказать, на состояние умов. Итоги проверки оказались весьма разочаровывающими: даже многие работники партийных органов на местах, до предела занятые бесконечными текущими хозяйственными и прочими проблемами, не знали его содержания, а на Сахалине, например, и вообще не держали «Тезисы...» в руках. Было очевидно, что *главная* причина слабой действенности этого и других подобных материалов состояла в их слабой критичности, явно недостаточной на фоне реального положения дел в стране.

Боязнь руководителей партии и ведущих работников аппарата ЦК, возглавлявших идеологическую работу, отбросить или хотя бы постепенно преодолеть устаревшие шаблоны обернулась и против нее самой, и против авторитета партии в народе. В политике застоявшийся сверх всякой меры консерватизм неизбежно перерастает в реакционность и становится одним из факторов загнивания общества и идейного разброда в нем. Казалось бы, эта простая мысль должна была быть самооче-

видной для любого политического деятеля. Но не умевшие и не хотевшие осознать ее высшие руководители партии и государства, которые под идеологической работой понимали прежде всего вдалбливание в сознание людей окостеневших догм, затасканных штампов, губящих на корню ее сколько-нибудь положительное воздействие, умудрялись тем не менее взваливать на этого безответного козла отпущения ответственность за свои в конечном счете провалы, недоработки, недостатки прежде всего в экономике и социальной сфере общества.

А о том, что оно было полно перезревших, созревших и созревающих проблем, говорят, к примеру, такие документы, как моя инициативная записка, относящаяся примерно к 1972 г., «О причинах негативных настроений» и другая, выполненная вместе с Б. Г. Владимировым в ее развитие и детализацию, – «О некоторых особенностях настроений и требований социальных слоев советского общества». Опасаясь утомить читателей их воспроизведением, скажу лишь, что в первой из них прямо назывались основные пороки сложившейся общественной системы, при которой, наряду с более глубинными процессами и явлениями, личность, например, «слишком часто оказывается беззащитной перед произволом представителей органов управления», а «доходы отдельных групп населения не могут обеспечить им даже прожиточный минимум, имеет место значительная, неоправданная принципами социализма дифференциация населения по уровню доходов и – шире – по уровню жизни». (В то время, конечно, было невозможно представить себе, что в нашей стране эти тревожные и возмущавшие многих факты приобретут – после уничтожения Советского государства – такие чудовищные масштабы, которые не могли возникнуть даже в воспаленном воображении.) В записке предлагалось внести соответствующие изменения в сферу управления основными тенденциями общественного развития. Во втором же документе перечислялись главные раздражители, влиявшие на те или иные группы населения, – на индустриальных и квалифицированных рабочих, занятых в промышленности, строительстве и на транспорте; мало-квалифицированных и низкооплачиваемых рабочих; рабочую и учащуюся молодежь; сельских трудящихся; инженерно-технических работников; низко- и среднеоплачиваемых служащих; научную интеллигенцию; творческую интеллигенцию; работников хозяйственного управления; работников государственного управления; пенсионеров. Заканчивалась записка такими словами: «Все категории населения выступают за смелое вскрытие и показ реальных противоречий жизни и путей их преодоления, за полную ликвидацию разрыва между словом и делом, за энергичное совершенствование всех сторон жизни советского общества на социалистической основе, в коммунистическом направлении».

Как эти, так и другие подобные документы создавались в надежде на то, что они помогут восстановить социальную справедливость или

хотя бы элементарный порядок в каких-то делах там, где они попирались и тем самым оскверняли идеалы социализма, подрывали веру в их безусловную осуществимость. Ну и что, может подумать кто-то из читателей, чего вы добились этими обращениями к руководству? Не всегда, но иногда удавалось достучаться и до «коллективного разума». Так было, например, с запиской по Байкалу. Эта любопытная история началась с того, что я вместо совещания в нашем отделе ушел в Отдел науки, где был организован просмотр документального фильма «Природа всегда права». Мне рассказывали, что старики профессора биологического факультета МГУ, когда их знакомили с этой работой, выходили из просмотрного зала буквально со слезами на глазах. Зрелище, действительно, могло тронуть сердце любого неравнодушного к природе и собственной стране человека. В темноте зала я исписал полблочнота цифрами, фактами, формулировками из фильма и, вернувшись в отдел, подготовил на этой основе записку, в которой упомянул и о том, что могло в наибольшей мере задеть сознание руководства, а именно: Байкал содержит 20 процентов мирового и 80 процентов отечественного запаса пресной воды!

В это время судьба нашего национального сокровища, уготованная ему узколобой деятельностью вокруг него и в связи с ним, стала предметом большой тревоги общественности и весьма активно разрабатываемой темой в прессе, особенно в «Литературной газете». Однако все эти публикации не вызывали никакой реакции в хозяйственных и прочих верхах. И тут А. Н. Яковлев, прочитав записку, предложил мне:

– Знаешь что, напиши-ка в начале о том, что, по наблюдениям отдела, общественность чрезвычайно взволнована положением дел вокруг Байкала, что в прессе идет нарастающий вал острых публикаций на эту тему, присоедини к такой преамбуле свой текст, размножь его и пройди по помощникам членов Политбюро и Секретарей ЦК. Сделай это неофициально, расскажи помощникам, благо все они – твои друзья, о фильме и попроси их показать его и записку своим шефам.

И представьте, этот ход дал результаты в том отношении, что вскоре состоялись с небольшим перерывом между ними два заседания Политбюро, рассматривавшего вопрос о защите Байкала. Не могу сказать, к сожалению, что засим произошли коренные изменения в его судьбе, но, по крайней мере, записка, а главное – фильм все же заставили наши «верхи» обратить внимание на позицию общественности по поводу угрозы гибели уникального творения природы и так или иначе обсудить эту проблему.

Интересно, что А. Н. Яковлев по-своему описывает этот же, судя по некоторым деталям, эпизод, но, как всегда, и здесь не очень считается с фактами. Так что, нынешние читатели «Омута памяти» и будущие историки, помните, пожалуйста, знакомясь с рассказами этого автора, о том, например, какую глубоко положительную роль сыграл он в издании книги Г. К. Жукова, как сочувственно, если не больше, относился к «пражской

весне», как сам написал статью для «Литературной газеты», послужившую поводом для его отставки, и т. д.: самое точное в его мемуарах – первое слово в их названии.

Что-то я никак не могу до сих пор избавиться от мыслей об этом человеке – Александре Николаевиче Яковлеве, дать ему какую-то однозначно определенную характеристику, сформулировать для самого себя свое теперешнее отношение к нему в свете прошлого и настоящего. Но все-таки один момент в этой странной ситуации, кажется, проясняется: сегодня он настолько противоположен самому себе тогдашнему, «коммунистическому», что чуть ли не каждым словом и поступком заставляет тех, кто знал его в прежних условиях, вздрагивать от неожиданности и вновь и вновь невольно перебирать свои воспоминания о нем. Ко многому уже рассказанному добавлю несколько штрихов – может быть, они помогут если не мне, то кому-нибудь когда-нибудь сопоставить их с тем, что он пишет и говорит сейчас, и тем самым нарисовать его подлинный портрет?

Вот он помогает мне понудить В. В. Колотова доработать рукопись книги о Н. А. Вознесенском, а позднее организовать запрос Секретаря ЦК в КГБ относительно судьбы «Политической экономии коммунизма»...

Вот он после позднего окончания рабочего дня на даче Сталина на много заполночь играет с самыми близкими ему в отделе людьми в домино...

Вот он всерьез спрашивает меня: «Что-то ты слишком часто Бога вспоминаешь?» – «Гены у меня срабатывают, Александр Николаевич, гены», – отвечаю ему...

Вот он публично на совещании или в коридоре хвалит результаты какой-то моей работы, да еще противопоставляет их чьим-то, и в результате в его обеспокоенном этим окружении возникает план проведения кампании наветов на меня под лозунгом «Пора осаживать!»...

Вот он «успокаивает» меня, когда я беспокоюсь, не повредит ли работе мое временное отсутствие: «Чтобы найти тебя в Москве и области, где бы ты ни находился, мне достаточно двух часов»...

Вот он вызывает моего друга и меня к себе в кабинет и спрашивает, что мы можем сказать по такой-то проблеме. Тема большая, и я выясняю: «Вам в пулеметном темпе или размеренно?» – «В пулеметном». Излагаю в этом темпе некую систему взглядов и вижу, как тускнеют его глаза. Спешу закончить, а мой друг с присущей ему намного более солидной манерой поведения размеренно, не торопясь, говорит то же самое, и я вижу, как оживляются глаза нашего слушателя...

Вот он, после обсуждения с Г. Л. Смирновым, подписывает бумагу с предложением назначить меня консультантом отдела...

Вот на даче Горького до трех ночи он с близким ему сотрудником, нещадно дымя, уговаривают меня отказаться от дружбы с Косолаповым и перейти в их лагерь. Я не знаю и не хочу знать, есть ли какие-то группировки в руководстве отдела, на чем они основаны, ни в одну из них не

вхожу и в конце концов просто заявляю, что к числу предателей, отказывающихся от своих друзей, не отношусь...

Вот в его кабинете мы вдвоем разговариваем по каким-то острым общественным проблемам, чтобы не подвести самих себя и третьих лиц... записками, которые он тут же сжигает в огромной пепельнице и растирает их дотла...

Вот мы с моим другом подвозим, по ее просьбе, вечером от театра на Маяковской площади прелестную девушку, которая неожиданно выходит у... американского посольства. Утром он докладывает ему об этом, и «Аэн» говорит: «Хорошо, что ты меня предупредил: через два часа у меня будет ежедневная сводка из КГБ»...

Вот он произносит кем-то навешанное нечто недоброжелательное о В. Высоцком, а я говорю ему, что это – кровоточащая Совесть, Великий гражданин, чуть ли не каждая песня которого (тогда его стихотворения еще не издавали) насквозь пронизана болью за свою страну, за народ...

Вот он говорит мне: «Что-то у тебя много друзей-евреев...» (Отвечаю, что еще больше русских и белорусов, украинцев и татар и что вообще национальность друзей меня не волнует...)

Вот в обеденный перерыв на той же даче Горького мы вдвоем играем в волейбол на полузаброшенной площадке, и я, бессовестно не считаясь с его ранением, подаю слишком сильные мячи, да еще поддразниваю: «Александр Николаевич, где я – там победа!»...

Вот он, зайдя ко мне, начисто отвергает абстрактный гуманизм, а я утверждаю, что исходное и основное содержание этого понятия – общечеловеческое, и оно должно не отбрасываться, а сохраняться в ходе его исторического обогащения и развития...

Вот он уже в его и мои послеотдельские времена, вопреки обыкновению, *читает* перед руководителями средств массовой информации написанный каким-то замечательным эрудитом такой доклад, что аудитория слушает, затаив дыхание, а вскоре снова *выступает* на таком же совещании с обычной, скучнейшей, никому не нужной жвачкой...

Вот он, член Политбюро, глава всех идеологических служб, дает согласие Н. И. Рыжкову при назначении меня на работу в Совет Министров сохранить вместе с тем за мной обязанности политического обозревателя Центрального телевидения по вопросам внутренней жизни СССР...

Не знаю, пригодятся ли эти маленькие эпизоды кому-нибудь, а мне они, написанные, уже принесли пользу хотя бы тем, что я, похоже, ими расстался в душе с тем, кто сыграл, сыгравшим в моей служебной жизни очень неоднозначную, но достаточно заметную и в целом положительную роль. И я сожалею, что, имея, как и любой человек, право на изменение своих взглядов, он не нашел в своей общественной деятельности той верной линии поведения, которая позволила бы ему сохранить уважение большинства населения страны. Как сказал о нем однажды опытнейший Григорий Трофимович Шуйский, бывший первый помощник Н. С. Хруще-

ва, а затем патриарх нашей группы консультантов Отдела пропаганды, «Александра Николаевича обхитрить не может никто. Только *он* может обхитрить самого себя». Что и получилось на самом деле.

Другую, достойную линию поведения в сложной политической ситуации избрал и выдержал до своего ухода из жизни Георгий Лукич Смирнов. Он сменил Яковлева на посту первого заместителя не существовавшего (как уже было замечено) в то время заведующего Отделом пропаганды, тоже стал академиком, директором Института философии Академии наук СССР, недолгое время был помощником Генсека Горбачева, а затем директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. И где бы он ни работал, он везде оставил по себе самую добрую память. Проводы его в последний путь, на которые собралось множество знавших его людей, были пронизаны удивительно светлой грустью и глубоким, искренним уважением к этому человеку, к нашему Лукичу. И я считаю своим долгом добавить к его облику, сохраняющемуся в памяти многих, опять-таки несколько личностно окрашенных, дорогих мне штрихов.

Вот он настаивает на какой-то точке зрения, а когда ему доказываешь ее несостоятельность, да еще поддразниваешь: «А что же Вы тогда говорили?..» – отвечает: «Я что же – не человек и не имею права на ошибку?»...

Вот он, зная о моем крайне стесненном положении с жильем, делает все возможное, чтобы я получил квартиру, где разместилась бы моя разросшаяся семья...

Вот он говорит (неоднократно): «Мне все равно, кого послать в бригаду для работы за городом, тебя или Х. Но там придется выполнять не только творческие, а и организаторские функции. Так что ты выберешь?». Я мысленно благодарю его за деликатность, и, хотя работа «в лесу» (в шутку мы называли ее «подпольной партийной», поскольку были там в какой-то мере изолированы от повседневной городской суеты) чаще всего интересна и считается престижной, говорю: «Пошлите Х. Он организаторскую работу любит»...

Вот на даче Горького в паузе, пока с вариантом материала знакомится будущий докладчик, я не даю Лукичу взять ни одной партии в бильярд, и он, слегка обиженно, но добродушно ворчит: «Больше никогда не стану с тобой играть – совершенно не уважаешь начальство!»...

Вот на другой рабочей даче, в Серебряном бору, никак не складывается небольшой, но содержательный фрагмент о социалистическом соревновании, и он спрашивает меня: «Лев, может быть, ты попробуешь? К завтрашнему дню сделаешь?» – а я отвечаю: «Нет – через десять минут принесу». Лукич недоверчиво ухмыляется и говорит: «Ну-ну, тогда мы тут подождем...» Возвращаюсь в маленький залчик, на старинном диване с высокой спинкой сидят он и другие коллеги, у всех на лицах веселое ожидание неизбежного провала авантюры, и Лукич читает вслух

уже отпечатанный на машинке текст брызжащим и полным скепсиса голосом. «Нет, тоже не получилось», – выносит свой приговор. «Если так читать, тогда вообще ничего и никогда не получится», – заявляю ему. «А как же надо читать?» – спрашивает мой критик. «А вот так» – и воспроизвожу написанное в нормальной тональности. И вдруг он ударяет себя кулаком по колену и восклицает: «А ведь верно, получилось, получилось!»...

Вот группа наших работников корпит над обобщением привезенных из командировок мнений на местах о содержании журнала «Коммунист» и путях повышения его эффективности, над подготовкой, по поручению Секретариата ЦК, соответствующей записки отдела, а затем и проекта постановления Центрального Комитета. Работа идет трудно, растягивается с перерывами на несколько месяцев, в конце концов во главе ее становится Лукич и, явно испытывая какие-то сомнения, поручает нам с Б. Г. Владимировым ознакомиться с подготовленными кем-то последними вариантами документов и высказать свои соображения. Мы читаем переданные нам материалы и хватаемся за головы: обвинения в адрес редакции совершенно не соответствуют действительному содержанию статей. Докладываем об этом Смирнову и доказываем справедливость наших выводов – и тогда за голову приходится схватиться ему. Он просит перепроверить наши выводы, вынужден согласиться с ними, идет к П. Н. Демичеву, и они (тут уже начинается область догадок или даже слухов) спускают всю эту затею на тормозах. Во всяком случае, постановление ЦК так и не состоялось. А у нас с Борисом Григорьевичем осталось впечатление, что вся эта история была игрой, а точнее, интригой одного из наших руководителей, направленной против тогдашнего главного редактора журнала А. Г. Егорова с целью убрать его из числа членов ЦК. Она рассыпалась, споткнувшись о совесть Лукича, которая оказалась сильнее его аппаратной исполнительской дисциплины...

Хотя активно действовавшие консультанты были постоянно заняты основной работой, никто из них не пренебрегал возможностью выступать с публичными лекциями, писать статьи и книги, готовить аналитические материалы и т. д. Кроме упомянутых в этой главе, мне памяты, например, записки о примитивной и небезобидной пропагандистской игре в характеристики каждого года пятилетки – «определяющий», «решающий», «завершающий»; об идеологических издержках повышения цен; о предельно застерилизованном, если позволительно так сказать, международном музее-памятнике – бывшем концлагере Освенцим в Польше и другие. Но главной моей заботой на этом этапе жизни было добиться создания в ЦК КПСС Отдела социально-экономической политики как специального механизма ее разработки и практической реализации. Разъяснению этой идеи была посвящена серия документов.

Несмотря на многочисленные заказные и инициативные материалы творческого характера и очень хорошую для меня психологическую атмосферу в отделе, к 74-му г. я стал ощущать свою работу в целом уже не как искусство, а скорее как ремесло. И если Лукич по-прежнему не знал, что будет представлено ему в очередном или внеочередном документе, то мне уже заранее было очевидно, какие места в нем окажутся проходимыми, а какие вызовут положительные оценки, но будут на словах отложены до съезда партии, переадресованы Генсеку и т. п. К тому же за годы работы в аппарате как-то незаметно сложились настолько неформальные отношения с широким кругом помощников партийных и государственных руководителей, что в ряде случаев они, помощники, от имени своих шефов или от своего собственного обращались ко мне напрямую, минуя Яковлева, с просьбами выполнить ту или другую работу, да еще иногда предупреждая, чтобы я того об этом не информировал. Это ставило меня в крайне неловкое положение перед «Аэном», тем более что рано или поздно он все равно узнавал о таких просьбах. Иногда возникал явный перебор формальных поручений и неформальных просьб: однажды пришлось практически одновременно писать четыре доклада по четырем темам четырем руководителям. Но я не роптал: самому было интересно, можно ли сделать такое. Оказалось – можно.

Еще раньше, где-то к 1970 г., я понял, что никакие призывы в виде аналитических записок, вписывание тех или иных положений в официальные тексты, предназначенные для произнесения руководством, и прочая разъяснительная работа, даже если она в разговорах один на один воспринимается совершенно адекватно, практически к ликвидации разрыва между словом и делом, коренному переустройству общества на принципах социальной справедливости, к действительной реализации идеалов социализма не приводит. Нужен был механизм, который позволил бы вывести все эти идеи из неофициального, полуподпольного существования на свет божий, сделал бы их предметом открытого обсуждения и, главное, превратил бы их в четкую и контролируемую программу действий партии, государства, общества. В то время таким механизмом, таким органом мог быть только Отдел экономической (или социально-экономической) политики партии, создать который и было предложено в первой из моих записок по этому поводу в начале 1970 г. В этом документе была даже «заделана» подпись А. Н. Яковлева, однако сразу же выяснилось, что действовать мне придется в одиночку. Чем я и с непоколебимым упрямством, истово веря в абсолютную необходимость осознания руководством, а значит, и обществом (к сожалению, нам давно навязали преимущественно именно такой – сверху вниз – порядок движения сколько-нибудь значимых мыслей) кардинальных, глубоких прогрессивных изменений в нем, занимался на протяжении, по крайней мере, 14 лет.

Предложение о создании механизма реализации принципов социальной справедливости, потенциальных возможностей социализма ста-

ло естественным продолжением идей, изложенных в Записке для Конституционной комиссии. В новом документе отмечалось, в частности, что с повышением динамизма развития общества перед ним «постоянно возникают новые, невиданные ранее проблемы и задачи, оттяжка решения которых обернулась бы крупными потерями уже в самом ближайшем будущем». После перечисления основных вопросов говорилось о том, что все они «нуждаются в комплексном научном осмыслении и едином, централизованном руководстве со стороны ЦК КПСС с тем, чтобы еще существующий в нашем обществе определенный разрыв между словом и делом эффективно уничтожался не только приближением идеологической работы к практике, но и все более активным и целенаправленным изменением всей общественной практики в соответствии с идеалами социализма и коммунизма. Однако ни один отраслевой отдел аппарата ЦК взять на себя эти задачи во всем их комплексе, естественно, не может».

Далее среди прочих задач указывалось на необходимость «научно прогнозировать ближайшие и более отдаленные перспективы социальных отношений, иметь достаточно оперативную информацию о сдвигах в массовых настроениях и стремлениях», на все более решающее во многих отношениях значение социальных факторов и другие обстоятельства, которые должны учитываться при выработке научно обоснованной экономической политики и всесторонней увязки ее с социальными, политическими, идеологическими и прочими общественными процессами. Предлагалось организовать систему социальной информации как основы научного планирования и руководства экономической, политической и всей общественной жизнью страны. Научной базой всей многогранной работы предлагаемого механизма должна была стать, по замыслу, сеть соответствующих научно-исследовательских институтов Академии наук СССР. Отделу предлагалось придать весьма широкие права и полномочия, а главное – совершенно нетрадиционные для аппарата, но жизненно необходимые для страны функции.

Не знаю, затронула ли эта записка хоть какую-нибудь руководящую душу или просто была списана за ненадобностью, но так как наша действительность продолжала постоянно подбрасывать факты, говорящие о росте социальной напряженности, а соответствующих изменений в системе управления обществом так и не происходило, я периодически возвращался к своей идее, обогащая новые варианты документа свежими соображениями и аргументами. Но об этом дальше, поскольку очередной материал я хотя и начал готовить в конце своего пребывания в аппарате ЦК, но завершил уже в начале работы на Центральном телевидении. А в заключение этой главы скажу лишь, что не доведись мне пройти интереснейшую, зачастую очень сложную, замечательную школу работы в ЦК КПСС, вряд ли бы удалось выполнить многое из того, что впервые появилось на Центральном телевидении и в жизни всего нашего общества.

Глава 15

«А КОРНИ ВЕЩЕЙ НАМ НЕ НУЖНЫ!»

Общество задает тяжелые и острые вопросы. –

Из ЦК на ЦТ. – Первые шаги на Телевидении. –

Что же такое политика? –

Борьба за право выполнять... обязанности. –

Общественные и личные последствия выступлений в телеэфире.

Бог мой, как все-таки летит время! Неужели прошло почти три десятка лет с тех пор, как я ушел с работы в ЦК на ЦТ – на Центральное телевидение? Нет, это просто невозможно, или же, вопреки представлениям элементарной физики, время постоянно убыстряет свой бег? Ведь с 1974 г. выросло новое поколение, уже взрослое, имеющее своих детей. А это значит, в частности, что миллионы и миллионы соотечественников знают о прошлом страны в лучшем случае в самой общей форме и вряд ли представляют себе, как, в каких условиях работали и жили даже отцы и матери их родителей, не говоря о более ранних поколениях. Позвольте же на примере своего личного телевизионного опыта рассказать о том, что сегодня является нормой жизни, а еще совсем недавно (или уже очень давно? – пойми, кто может) рассматривалось чуть ли не как потрясение основ.

В 1974 г. во всех наших республиках население ощутило значительное ухудшение своего материального положения. С прилавков стали исчезать не только мясо, но и рыба, сократилось жилищное строительство, и многие очередники не получили давно ожидаемых бесплатных квартир, возникли сбои в работе бесплатного же медицинского обслуживания населения и т. д. В партийные и советские органы, в газеты, на радио и телевидение пошел нараставший поток писем – сначала с недоуменными вопросами, а постепенно и со все более критическими замечаниями. И тогда на телевизионных экранах появился Виктор Григорьевич Афанасьев – член-корреспондент, а потом и академик, в течение примерно двух лет систематически отвечавший на проблемные письма телезрителей. Можно сказать, он принял удар на себя и тем сделал большое и полезное дело.

Мы изредка встречались с ним при работе над какими-то «руководящими» докладами и другими документами, в свободные минуты сражались на бильярде (он вообще был хорошим спортсменом, в частности фанатично занимался водными лыжами) и особенно, как мне показалось, сошлись, когда в течение нескольких часов пришлось нелицеприятно, но дружески разобрать вместе с ним по косточкам один из представленных им материалов. К тому же мои статьи публиковались в «Прав-

де», а он был ее главным редактором, и наши симпатии были взаимными. Во всяком случае, уже возглавляя редакцию журнала «Коммунист», этот замечательно способный человек заочно сделал мне весьма неординарный комплимент: «Было бы у меня пять таких сотрудников, как Лев, – и я мог бы только с ними выпускать весь журнал», – уж извините за воспроизведение этой дорогой мне оценки.

Так вот, будучи философом и к тому же эрудитом, но не обладая специальной подготовкой в области экономики, Виктор Григорьевич все-таки испытывал определенные затруднения в ответах на конкретные вопросы по поводу ряда народно-хозяйственных проблем, и время от времени я получал от него записки такого рода: «Лев, посмотри, пожалуйста, на этот вопрос – я не знаю, как на него отвечать». К тому же его «размышлительные» выступления, привлекавшие большое внимание слушателей, постепенно перестали их удовлетворять. (В этом отношении мне запомнился такой эпизод: Виктор Григорьевич читает письмо телезрителя о том, что в их колхоз (или совхоз?) присылают сельскохозяйственную технику без учета тамошнего рельефа местности, и отвечает: «Ну конечно, надо присылать технику с учетом рельефа местности», – после чего переходит к обращению другого автора.) Потом у В. Г. Афанасьева открылось второе дыхание, почта в его адрес снова стала доброжелательной, но на фоне быстро обострявшейся социальной напряженности нарастала потребность в более частом и более конкретном общении профессионально подготовленных обществоведов, прежде всего экономистов, с гигантской телевизионной аудиторией. Это и породило идею создать на Центральном телевидении институт политических обозревателей по вопросам внутренней жизни СССР.

Предложил ее, по его словам, В. С. Зорин – политический обозреватель ЦТ по международным вопросам. Впрочем, я и сам, если память не изменяет, видел его письмо в ЦК КПСС, где он излагал эту идею. Она была поддержана, и мой коллега по Отделу пропаганды Григорий Суренович Оганов, заведующий сектором телевидения и радиовещания, спросил меня, кого из известных мне экономистов или представителей других специальностей можно было бы пригласить на такую работу. Я назвал несколько имен, закончив этот перечень своим собственным, поскольку вдобавок к тем соображениям, о которых рассказано в предыдущей главе, у меня были и другие, более весомые. Они состояли в том, что и закрытые записки, и открытые публикации, и многочисленные лекции в узких и даже широких аудиториях, сколько бы хорошо они ни воспринимались читателями и слушателями, не приносили мне удовлетворения хотя бы потому, что кардинальных изменений в жизни страны, как уже говорилось по разным поводам, в то время так и не происходило. Я понял, что надо пытаться выходить на действительно массовую аудиторию, которую имели и имеют прежде всего телевидение и радио, хотя отчетливо представлял себе заведомую ограниченность подобных попыток в существовавших политичес-

ких условиях. Ну и кроме того, мужчине, по-моему, всегда интересно сделать то, что до него не делал никто, и мне хотелось попробовать создать на чистом месте нечто новое, никогда ранее у нас не существовавшее.

И все же, неосторожно назвав среди других свою кандидатуру, я еще полгода сомневался в правильности такого шага, поскольку мне было достаточно много лет – 48 – для того, чтобы начинать жизнь заново, в совершенно новой для меня среде. А пока я созрел для задуманной, как сам ее определял, авантюры, она уже развивалась независимо от меня. С кем бы ни советовались в ходе поисков подходящего работника руководителя Гостелерадио С. Г. Лапин и Э. Н. Мамедов (кто-то из них мне потом об этом рассказывал), – с учеными, пропагандистами, журналистами, партийными работниками, – везде получали одинаковый ответ: «Обратитесь ко Льву!». Откровенно говоря, я даже не предполагал, что мои коллеги в этих областях деятельности так хорошо ко мне относились. Спасибо им. Но в конце концов сомнения оказались сильнее желания, и, чтобы отказаться от перехода на Телевидение, я отправился туда к Энверу Назимовичу, который до этого не раз бывал у меня, соблазняя радостями тамошней работы.

Узнав о моих намерениях, он сначала попытался обогатить мои представления об открывающихся горизонтах:

– Ты даже не представляешь себе, какие трудности в нашей работе приходится постоянно преодолевать! К примеру: я сижу за этим столом, передо мной – бумага с просьбой всеобщей любимицы актрисы N выделить астрономические суммы только на парики для ее бенефиса на телевидении, а сама она, стоя позади меня и воркующим голосом доказывая настоятельную необходимость в таких расходах, наклоняется и как бы случайно опускает свою роскошнейшую грудь на мое плечо. Ты мог бы вынести такие муки и при этом принять правильное решение?

Увы, этот возбуждающий воображение пример должного эффекта не произвел, поскольку характер предстоящей работы полностью исключал подписание мной подобных финансовых документов, а значит, и возможность испытать столь волнующие переживания. И тогда мой собеседник нанес удар, что называется, ниже пояса:

– Мы здесь каждый день, каждую минуту – на передовой линии, под таким шквальным огнем со стороны телезрителей, что и головы поднять не можем. А вы там, в ЦК, отсиживаетесь, как за крепостной стеной. До вас ни пули, ни снаряды не долетают...

Это был уже вызов, а вызовы полагаются принимать. Вечером, как только я вернулся домой, состоялся разговор с моей половиной:

– Настало время окончательно решать – оставаться в ЦК или уходить на Телевидение. Если примем новое предложение, многое потеряем, но кое-что и приобретем, особенно я. Прежде всего – значительно большую свободу. Представь себе: утром я смогу, например, сбежать на свидание (видно, все-таки сказалось влияние приведенного Мамедовым

примера), а зато ночью поработать. Но вообще только жизнь покажет, правильно или неправильно мы поступим, приняв такое предложение. Так что давай введем в наши размышления последний фактор: на телевидении работает 18 тысяч человек, из них 12 тысяч женщин, из них 9 тысяч молоденьких, из них 6 тысяч хорошенек, из них 3 тысячи откликающихся на первый же призыв – ты разрешишь мне иметь там одну молоденькую хорошенекую подружку?

– Если это нужно, чтобы на экране у тебя блестели глаза и звучал голос, – пожалуйста, – не растерялась Людмила Петровна.

– Всё, завтра даю согласие.

И действительно, утром я первым делом зашел к Г. Л. Смирнову, бывшему «на хозяйстве», и сказал:

– Георгий Лукич, отпустите меня на Телевидение.

Тот, несколько опешив, ответил:

– Из ЦК добровольно не уходят.

Помолчал, подумал и добавил:

– Но если будешь настаивать, я переговорю с Петром Ниловичем.

Действительно, дня через два он рассказал, что П. Н. Демичев повторил ту же фразу: «Из ЦК добровольно не уходят» – по-видимому, она имела некий ритуальный характер – и добавил почти теми же словами, что и Лукич: «Но если он будет настаивать, то из-за хорошего отношения к нему мы его отпустим».

– Так ты и вправду настаиваешь?

И, получив утвердительный ответ, поставил условие:

– Ладно, отпустим, но только в том случае, если найдешь того, кто действительно сможет тебя заменить.

Через некоторое время такую кандидатуру я предложил – Владимира Петровича Панова, в чьих человеческих качествах и творческом потенциале был совершенно уверен. Прошло почти полтора десятка лет, и однажды – вот уж игра судьбы – раздался звонок Володи, ставшего к тому времени помощником Н. И. Рыжкова и вместе с ним перешедшего из ЦК в Совет Министров:

– Лев, ты не мог бы завтра заехать к нам? Николай Иванович хотел бы с тобой встретиться...

Но об этом этапе жизни и работы, начавшемся со звонка моего друга, рассказ впереди, а тогда, в 1974 г., Лукич, несмотря на уже принятое решение о новом назначении, попросил меня задержаться с фантастическим переходом, чтобы закончить одну или две ранее начатые работы, так что по крайней мере в течение месяца пришлось курсировать между Старой площадью и улицей Королева. Однако и после этого пуповина, связывавшая меня с любимым делом, не порывалась в течение многих лет. А в первый год пребывания в новом амплуа я сгоряча, что ли, подготовил по просьбам из ЦК и инициативно 25 различных документов. Конечно, постепенно телевизионные обязанности вышли на первый план, хотя параллельно с ними сохранялись и ста-

рые привычки – подготовка материалов для ЦК и других органов управления, научно-литературная работа, лекции и доклады внутри страны и за рубежом и т. д.

Жизнь на Телевидении оказалась сопряженной с невероятной невротичностью, и куда более сложной, чем об этом рассказывал Э. Н. Мамедов. Во многом это определялось не только ухудшавшейся из года в год обстановкой в стране, но и таким субъективным обстоятельством, как характер и манера поведения председателя Гостелерадио СССР С. Г. Лапина. Он был явно неординарным человеком, о котором немало людей и сейчас говорят и пишут в весьма положительном ключе. Мне же придется рассказать о «моем» Лاپине, «под чутким и непосредственным руководством» которого (помните Бывалова из «Волги-Волги»?) довелось проработать 11 с лишним лет.

Еще в ЦК меня предупреждали о его высокомерии, вплоть до грубости, по отношению к подчиненным и чрезмерной гибкости по отношению к вышестоящим. Однако я был уверен, что сумею найти общий язык и с ним, как находил его раньше с представителями всех слоев общества – от членов Политбюро до отпетых уголовников, с которыми сталкивался в лагерях. К сожалению, практика показала, что мой старый тезис «С умным человеком всегда можно обо всем договориться» нуждается в существенной поправке: даже развитое сознание человека может быть деформировано теми целями, которые он перед собой ставит, и средствами их достижения, которые он считает допустимым при этом выбирать. А главная цель Лапина, как говорили на Телевидении, состояла в том, чтобы «умереть министром», и для пожизненного сохранения этого статуса он не брезговал никакими средствами из своего обширного арсенала профессионального царедворца. (Тот, кто захочет учесть его опыт и перенять присущие ему замашки, может воспользоваться повестью Г. М. Шерговой «Светка – астральное тело», где он выведен под именем Швачкина.)

Наша первая встреча с ним, вполне любезная с его стороны, тем не менее уже показала некоторые особенности его управленческого мышления и методов руководства. Он согласился с первичным перечнем проблем и форм, в которых они могли находить свое решение, а дальше разговор сложился так:

– Обсудим теперь, Сергей Георгиевич, с какими сотрудниками я буду выполнять эту программу.

То ли Лапин был столь же далек от понимания технологии создания передач, как и я в тот момент, то ли по какой-то другой причине, но он воскликнул с искренним или, скорее, хорошо разыгранным удивлением:

– Сотрудники? Какие Вам нужны сотрудники?

– Пока точно сказать не могу – я ведь еще не знаю всех особенностей телевизионной работы. Наверное, нужны режиссер, редакторы...

– Какие редакторы?! Вы у нас выше всех редакторов! Хотите, завтра же будете членом коллегии, Главным редактором Главной редакции пропаганды?

– Боже упаси, Сергей Георгиевич! Давайте сразу договоримся: в Вашей организации меня интересует *только* та работа, ради которой я сюда пришел, и никогда и ни при каких обстоятельствах не будет интересов ни одна другая – будь то творческая или административная.

– Тогда вопрос решается просто. Дайте-ка еще раз Вашу программу...

Лапин взял листок и, не вглядываясь в содержание, провел пером горизонтальную черту по середине текста, после чего, возвращая бумагу, добавил:

– Сделайте половину задуманного, и мы Вам будем очень благодарны.

Поняв, что союзником в реализации моих планов он вряд ли когда-нибудь станет, да и просто для того, чтобы определить характер наших взаимоотношений в дальнейшем, я сказал:

– В заключение мне хотелось бы сделать маленькое «заявление»: я не отношусь к числу людей, которые появляются в кабинете руководителя только для того, чтобы напомнить о себе, и не стану приезжать к Вам без серьезного дела. Но если я Вам понадоблюсь – вот номер моего телефона (и я протянул ему листок с четырехзначной цифрой – номером «вертушки», телефона правительственной связи), и через полчаса я буду у Вас, чтобы услышать Ваши предложения или, коли будут для этого основания, критические замечания. Всего доброго.

Много позже Володя Дунаев, мой добрый приятель из числа политбозревателей-международников, рассказал, что Лапин еще долго в весьма уважительном тоне вспоминал эту сцену.

Итак, Сергей Георгиевич появился на страницах книги, и мне придется еще много раз вспоминать его, хотя я и не считаю необходимым предлагать читателям какой-то всесторонний анализ психологии этого человека. Вспоминать же придется потому, что он был одним из ярких выразителей и вместе с тем самых активных создателей той общественной атмосферы, которая царила в стране много десятилетий.

Вернувшись от Лапина (основной кабинет которого находился в центре Москвы, на Пятницкой) в Останкино, я зашел к Э. Н. Мамедову и рассказал ему о встрече с Председателем – его так и называли в Комитете. Энвер Назимович пригласил исполнявшего обязанности директора Телецентра И. В. Ершова и, знакомя нас и поручая ему технически обеспечить мою работу, заявил: «Это курица, которая будет нести нам золотые яйца». Не знаю, почему он в тот момент зачислил меня по женскому роду, но это не помешало в дальнейшем Игорю Владиславовичу, его заместителю Дмитрию Абдулхаковичу Харетдинову, главному инженеру Телецентра Владимиру Ивановичу Громову действительно оказывать нашей творческой группе немалую организационно-техническую помощь. А без такой поддержки со стороны подчиненных им служб рабо-

тать было бы намного труднее: тогда на Телевидении – и об этом Мамедов предупредил меня с самого начала – постоянно ощущался острый дефицит в студиях, аппаратных, кино-, а потом и видеокамерах, в соответствующей пленке, автомашинах... Все надо было, как он сказал, *пробивать* – и в самом деле, под гнетом этого понятия мы жили и работали многие годы и так с ним сроднились, что даже в тех случаях, когда ситуация заведомо складывалась благоприятно, техническое обеспечение новой передачи начиналось с тяжелого вздоха режиссера или редактора (они, как и другие сотрудники, вскоре у меня появившиеся, составили нашу небольшую творческую группу): «Ну, пойду пробивать камеру» (студию и прочее).

Впрочем, со всем этим я столкнулся не сразу, так как, уже будучи на Телевидении, не спешил на экран, и прежде всего потому, что нужно было выработать для самого себя достаточно точные и жесткие требования к своей будущей «продукции», поскольку она, на мой взгляд, должна была существенно отличаться от того, что традиционно предлагалось в то время телезрителям. В противном случае, полагал я, не было бы оснований ни создавать на Телевидении новый институт политических обозревателей по вопросам внутренней жизни страны, ни мне первому браться за эту работу. Исходный и главный принцип, который я себе обозначил, обязательный для каждого выступления, большого или малого, – *аналитический* подход к избранной теме, трезвый, *научный*, насколько это возможно для разговора с многомиллионной аудиторией, анализ тех или иных проблем. Второй принцип – безусловная честность в общении с ней. Не врать людям даже в мелочах. Третий – выступать по крупным, экономически и социально особенно важным вопросам. Четвертый – не уходить от острых, наиболее волнующих проблем жизни общества. Пятый – вовлекать в передачи руководителей такого уровня, до которых Телевидение обычно добраться не могло¹, а если они и появлялись на экране, то чаще всего в роли статистов, когда провожали или встречали на аэродроме Генерального секретаря. И седьмой принцип – делать передачи доходчивыми и интересными, по возможности публицистичными.

Смею считать, что в рамках этих принципов мне удалось держаться все 17 лет работы на Центральном телевидении, начиная буквально с первой передачи. Ее тему – бригадный подряд в строительстве, который тогда только пробивал себе дорогу, подсказал Э. Н. Мамедов. И вот – проба пера, съемка в Доме Союзов, где проходило Всесоюзное совещание по этой животрепещущей проблеме. Перед съемкой, поговорив несколько минут с московским бригадиром Злобиным, – его всячески прославляли в то время как якобы родоначальника нового движения и его лидера – я понял, что это совершенно дутая величина, марионетка в чу-

¹ В какие-то немногие годы там существовала рубрика «Вам отвечает министр», но она свелась к очень редким пресс-конференциям работников этого ранга.

жих руках¹, для которого создавались самые льготные условия работы, и дал себе слово, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не окажется в моих передачах. Разобравшись в ситуации, я пригласил в программу двух бригадиров – действительного провозвестника этого движения Владислава Пахомовича Серикова из Мурманска и толкового, симпатичного Ивана Дмитриевича Ганчева из украинского Никополья, тоже Героев Социалистического Труда, как и Злобин, но честно заработавших это звание.

Завязка передачи – наша короткая, на несколько минут беседа втроем. А перед этим меня предупредили, что съемка будет вестись *кинокамерой* и пленки в ней – только на семь минут. И вот я с ужасом смотрю в объектив и думаю лишь о том, как бы не ошибиться в выражении мысли, потому что перезаписывать вопрос или комментарий будет просто не на чем, и что через какие-то секунды отпущенная по лимиту пленка кончится... Каким-то чудом мы все-таки этот сюжет записали, но внутренне я был раздавлен своим страхом настолько (хотя до этого выступал по советскому и зарубежному телевидению, но из студии, где запись шла на *видео*пленку без сверхжесткого лимита времени и с возможностью переговорить неудачно сказанное или убрать ошибки при монтаже), что тотчас уехал домой и, не раздеваясь, вытянулся на тахте. Так пролежал я неподвижно чуть ли не сутки, и, когда испуганные члены семьи подходили ко мне, чтобы чем-то помочь, они слышали сквозь мои стиснутые зубы только одно: «Отойдите, не трогайте меня». В эти мучительные часы я понял, что, если немедленно не переломлю себя, придется срочно подавать в отставку, так как иначе дело очень быстро кончится просто инфарктом.

Проверить, возможен ли такой перелом, можно было только практикой. Мы поехали в Никополь и в Мурманск к моим собеседникам – героям передачи – и собрали у них интересный и содержательный, общественно значимый, а в чем-то и острый материал. Проблема состояла в том, как его подать в тогдашней благостной на телеэкране обстановке. Особенную «опасность» представлял эпизод, в котором приводились цифры и факты, характеризовавшие чудовищную бесхозяйственность, царившую по всей стране в строительстве. Выход был найден: я говорю на экране, что ожидал и на стройке, работающей по методу бригадного подряда, встретить такие-то и такие-то потери и безобразия, присущие тогдашнему строительству в целом, а нахожу нечто прямо противоположное. Сопоставление этих цифр и фактов действительно производило шокирующее впечатление.

В передачу был приглашен И. Т. Новиков – заместитель Председателя Совета Министров СССР, отвечавший как раз за строительство. Не

¹ Через 10 лет П. Г. Бунич сказал мне: «Злобин даже не понимает сути дела, знаменем которого его сделали», а секретарь МГК партии И. Н. Пономарев добавил: «Мы выбрали неудачную кандидатуру».

хочу преувеличивать, но не менее двух-трех месяцев понадобилось мне на то, чтобы вынудить его сначала дать обещание выступить перед страной, а затем все же и выполнить его. По существу передача была давно готова и без его участия в ней, но мне было принципиально важно с самого начала обозначить не столько перед телезрителями, сколько перед руководителями высокого ранга их новую, как я считал, выросшую из потребностей времени и положения в стране морально-политическую *обязанность* – выступать перед народом по вопросам, которые волнуют его все больше и больше. И если бы не удалось в первой же программе привести на экран высшего руководителя, ответственного за решение тех или иных проблем, вся последующая работа, по крайней мере в этом отношении, могла пойти насмарку. Поэтому никакие требования Э. Н. Мамедова поставить передачу в сетку вещания не могли сдвинуть меня с этой позиции. Но сразу после записи выступления И. Т. Новикова программа увидела свет.

Перед этим, как и полагается, состоялся ее просмотр по техническим каналам внутри телецентра, и буквально тут же у меня появился Главный редактор Главной редакции пропаганды ЦТ В. В. Егоров, по линии которой передача выходила в эфир. Он бегал по кабинету, хватался за голову и восклицал:

– Что ты делаешь! Меня посадят вместе с тобой! Я не могу подписать такую программу к эфиру!

Пришлось напомнить ему:

– И не надо. Я подпишу ее сам. На телевидении у меня только два руководителя – Лапин и Мамедов, и моя подпись повесомее твоей...

В конце концов я как-то успокоил его, но ожидание возмездия еще некоторое время преследовало Вилена Васильевича. Этим рассказом я ни в малейшей степени не хочу набросить какую-то тень на авторитет моего уважаемого тогдашнего коллеги, а лишь показываю, в какой обстановке всем нам приходилось работать. К счастью, возможная коллизия разрешилась неожиданным образом. Время выхода передачи в эфир совпало с днем и часом намеченного возвращения Брежнева из зарубежной поездки. На аэродроме собрались члены Политбюро и руководители Совета Министров страны. Вылет Леонида Ильича, кажется из Франции, задерживался, подошло время нашего эфира, и Новиков предложил:

– Сейчас начнется передача с моим участием – о бригадном подряде. Давайте посмотрим ее...

Ожидавшие согласились и дали программе высокую оценку. Это произвело на Телевидении не меньшее впечатление, чем сама передача. Оказывается, об *этом* (!), о серьезных недостатках в жизни общества, можно говорить вслух! – таков был лейтмотив возникших вокруг нее тревожений. И вот уже сотрудник Главной редакции пропаганды, работавший над передачами по строительству, выпустил программу, в чем-то подпиравшую мою. Ну, раз дело сдвинулось с мертвой точки, поду-

мал я, надо «уходить в отрыв», готовить следующие выступления на еще более высоком уровне аналитичности, откровенности и принципиальности.

Стремление общаться с многомиллионной аудиторией Центрального телевидения именно в таком ключе с пониманием встретили и многие мои новые коллеги – опытные телевизионные работники. Например, свою позицию в этом отношении весьма оригинально высказал уже упоминавшийся политический обозреватель-международник В. С. Зорин:

– Лев, скажу тебе откровенно: когда ты пришел на Телевидение, я тебя просто ненавидел, потому что у тебя были такие полномочия (нет, их мне никто официально не предлагал – я их сам постепенно «нарабатывал». – Л. В.) и возможности, которые нам и не снились. Но после первых твоих выступлений я понял, что твоя и наша работа несопоставимы. Ведь наша задача¹ – стоя в кадре, радостно воскликнуть: «И вот распахнулась дверь самолета, и на трапе появился Леонид Ильич Брежнев!» А каждая твоя передача – это хождение по лезвию ножа...

Но все это была, так сказать, более или менее светлая сторона дела. И тут же появилась другая, безусловно темная, поразительно точно характеризовавшая многие стороны нашей действительности. Передача о бригадном подряде называлась «Люди и стимулы» и была первой в объявленном постоянном цикле «Экономика. Политика. Человек». В печати, активно поддерживавшей передачу и новый цикл, справедливо отмечалось, что он посвящен злободневным социально-экономическим вопросам внутренней жизни страны. Это поняли и телезрители, судя по их откликам. Например, рабочий-строитель Аркадьев из Ленинграда писал: «Рубрика очень нужная, а название очень точное. Действительно, эти три понятия могут успешно развиваться только при условии взаимной связи». Но у тертого калача, члена ЦК КПСС тов. Лапина С. Г., мнение было совершенно иное, в связи с чем он и позвонил мне:

– Лев Александрович, из названия Вашего цикла надо убрать слово «Политика».

– Почему, Сергей Георгиевич? Ведь это название – лишь перефразировка понятия «социально – экономическая политика партии»: человек, его благо – высшая цель, экономика – материальная база, а политика – механизм достижения цели. Вы же помните ленинские мысли о том, что экономика – это наша «главная политика», «самая для нас интересная политика», т. е. эти понятия не только в теории, но и в реальной жизни неразрывны.

– Нет-нет! Политика, по Ленину, – это борьба за власть.

¹ Тут Валентин Сергеевич ради красного словца погрешил против истины: многие наверняка до сих пор помнят его крупные аналитические программы, отлично сделанные документальные фильмы других политобозревателей-международников.

– По Ленину, она борьба за власть *до* ее захвата. А после совершения пролетарской революции, по Ленину же, политика – это реальное *участие масс в управлении* делами государства.

– Нет-нет! Замените слово «Политика» словом «Коллектив».

– Это невозможно: такая замена резко сузит тематику цикла и придаст ему другую направленность.

– Ну как хотите, но слово «Политика» должно быть изъято.

– Хорошо, раз Вы настаиваете, хотя именно это название объявлено и с экрана, и в печати. Тогда придется выходить отдельными передачами, каждый раз под новым названием, вне цикла, что, конечно, приведет к потере значительной части аудитории.

Так прошедший первый, прощупывавший, можно сказать, раунд практически беспрерывной, порой приобретающей вызывающе острые формы борьбы между нами, длившейся вплоть до его отставки. Хочется избежать соблазна привести убийственные характеристики Председателя, принадлежащие внимательным и умным наблюдателям, знавшим его дольше и лучше меня и рисующим главным образом его сущность человека и политика. Попытаюсь отобрать из его высказываний и поступков те, которые позволяют увидеть некоторые черты эпохи и факторы саморазрушения тогдашнего общества. Лапин не входил в состав его высшего руководства, но был близок к нему и, подобно самому чуткому флюгеру, отражал малейшие изменения в господствовавших там настроениях. Более того, как уже говорилось, он был одним из тех, кто эти настроения формировал и поддерживал, используя для этого подчиненные ему мощные средства воздействия на сознание своих шефов – телевидение и радио. Это была постоянная, повседневная игра с теми и для тех, кто не желал ни видеть, ни слышать, ни реагировать на то, что с их односторонне убогой точки зрения подрывало стабильность, под которой они понимали прежде всего незыблемость своего пожизненного пребывания на вершине власти или хотя бы у ее подножия. Так что наберитесь, пожалуйста, толики терпения и сделайте выводы, уважаемые читатели, из серии предлагаемых вашему вниманию эпизодов.

После того как рубрика с «криминальным» словом «Политика» погибла сразу после ее появления, мы стали выходить с передачами, для каждой из которых выбиралось отдельное название. Одной из первых была передача по проблемам уровня жизни народа. В ней приняли участие еще не академик, но уже доктор экономических наук, профессор Леонид Иванович Абалкин и один из самых крупных в стране специалистов по этим вопросам, начальник подотдела социальных проблем и уровня жизни Госплана СССР Александр Иванович Смирнов, которого на работе, уважая и любя, в шутку так и называли – «друг народа». Втроем мы обсудили в эфире ряд моментов, относящихся к этой вечно животрепещущей у нас в стране теме, и телезрители весьма активно откликнулись на наше выступление своими письмами. Естественно, это обязало

нас продолжить начавшийся диалог с ними. Письма были очень доброжелательными, но и весьма критичными по отношению как к самим затронутым проблемам, так и к тем объяснениям, которые в связи с ними прозвучали с экрана.

Тогда мы выбрали наиболее острые письма и стали готовить продолжение начатого разговора. Однако в последний, можно сказать, момент я почувствовал, что само название программы должно как-то соответствовать их содержанию, и, когда будущие ее участники пришли на заключительный разговор накануне записи, я прежде всего попросил их сесть и только после этого сказал: «Друзья, вот теперь я вам скажу, что наша передача будет называться «Откровенный разговор». Понимаю, что этим мы вызовем огонь на себя, но ведь невозможно отсиживаться в окопе. На острые письма надо отвечать максимально откровенно и конкретно». Сейчас даже трудно себе это представить, но мои дорогие собеседники аж побледнели, и Леонид Иванович сказал: «К такому разговору мы не готовы». Пришлось ответить, что впереди у нас есть еще почти сутки и надо успеть переработать наши выступления. В этом новом духе и была на следующий день записана передача.

И вот она пошла в эфир. В нашей огромной стране со множеством часовых поясов ее увидели и услышали сначала на Дальнем Востоке, в Сибири, затем в Казахстане и Средней Азии, на Урале и, наконец, передача началась в Центральном районе страны. И в это время по «вертушке» раздался звонок крайне взволнованного заместителя заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК, который курировал вопросы животноводства:

– Сейчас началась твоя программа, а я только доложил своему начальству (им был зав. отделом Карлов, человек, мягко говоря, крайне консервативный. – *Л. В.*), что в ней будет разъяснение по поводу причин нехватки мяса и сохраняющихся высоких (тогда – 1 руб. 70 коп. за килограмм. – *Л. В.*) цен на него. От меня потребовали немедленно убрать этот сюжет из эфира, чтобы он никоим образом не прошел на Центр страны!

– Я убирать этого не буду, тем более что заранее договорился с тобой о том, что такой сюжет обязательно должен быть в нашей передаче. Ты же знаешь, о чем там идет речь, и этот рассказ не расшатывает общественное мнение, а, наоборот, консолидирует его.

– Нет, нет! Мне сказано, чтобы вообще эта проблема не звучала!

– Тогда, если ты считаешь это неизбежным, звони в Главную редакцию пропаганды...

И заместитель Главного редактора Ф. Р. Бруев вместе с режиссером помчались в аппаратную и успели в считанные минуты прогнать на высокой скорости второй, подстраховочный рулон видеопленки и «выставить» ее так, чтобы весь неудобный руководству сюжет не попал в эфир. Зрители могли заметить только то, что передача оказалась несколько короче, чем было объявлено в программе.

История эта осталась памятной для меня по своим последствиям. Главное состояло в том, что после передачи мы из районов, где ее увидели целиком, не получили больше ни одного письма с вопросами, а то и с проклятиями в адрес «верхов» в связи с проблемой мяса, хотя ни его там не прибавилось, ни цены не изменились, а вот из Центра и западных районов страны, где программа прошла в урезанном виде, письма подобного рода продолжали поступать. Это был убедительный урок правды, урок гласности, урок того, что народ наш всегда правильно прореагирует на ту или иную ситуацию, если с ним говорить напрямую и не пытаться обмануть пустопорожними словами и обещаниями.

Что же касается названия передачи (а у меня была надежда сохранить его и впредь), то я исходил из того, что мы будем разговаривать с телезрителями начистоту, объективно оценивая действительное положение вещей, поддерживая выраженные в письмах справедливые замечания и вместе с тем столь же откровенно критически разбирая позиции авторов, когда они в чем-то заблуждались. Вторая сторона дела, надо полагать, Лапина не очень волновала, но вот заложенное в названии обещание говорить с людьми, не приукрашивая действительность, противоречило всей практике его жизни. И он сказал Мамедову:

– Чтобы такого названия – «Откровенный разговор» – больше не было. Иначе получается, что все наши другие передачи являются не откровенными...

На что находчивый Энвер Назимович ответил ему:

– У Вас есть любимая передача «От всей души». Тогда, по Вашей логике, получается, что все остальные наши передачи идут не от всей души?

Но Председатель любил остроты только в своем исполнении, и Э. Н. Мамедову не оставалось ничего другого, как сообщить мне об этом распоряжении.

С каждой передачей увеличивалось количество писем, завязывался все более содержательный разговор между их авторами и телевидением. Множество откликов доходило до нас и в устной форме, иногда по совершенно неожиданным каналам. Например, в нашей группе стал известен такой разговор жителя Переславля-Залесского В. П. Уварова с москвичкой Е. Н. Демидовой:

– А что, Вознесенского еще не посадили?

– За что?

– Как за что? Круто мужик берет. Когда идут его передачи, мы все бросаем приусадебные участки и сидим у телевизора.

Скажу откровенно, подобные оценки перевешивали все неприятности, возникавшие в отношениях с нашим Председателем. И здесь, наверное, будет уместно сказать, что за всю многолетнюю работу на Центральном телевидении не было для меня награды важнее и дороже, чем выраженная в самых разных формах огромная поддержка со стороны

телезрителей. Она и была главной, самой прочной опорой, которая позволила сделать на телевидении хотя бы в какой-то степени то и так, что и как я считал необходимым и единственно правильным. Спасибо вам, мои дорогие товарищи телезрители!

Пора и очень хочется сказать о тех, без кого невозможно было бы создать ни одной программы, – о редакторах, режиссерах, администраторах, операторах, осветителях, звукорежиссерах, видеоинженерах, машинистках, гримерах, водителях и множестве других специалистов. Всегда с благодарностью им всем помню о совместной многолетней работе. Ну а главной моей опорой были, конечно, члены нашей творческой группы, отмеченные высокими человеческими качествами, самоотверженностью в работе и безусловным профессионализмом, отточенным максималистскими, можно сказать, требованиями к результатам труда, каждого и всех вместе, будь то передача или любой документ, выходившие от нас. Это нисколько не мешало тому, что в группе всегда была атмосфера радости от теплого, дружеского, пронизанного юмором взаимного общения, от совместного труда, хотя нередко мы разъезжались по домам только утром, после ночного монтажа передачи или вообще расходились после полутора-двух суток срочной непрерывной работы. А если передачи шли одна за другой, наш небольшой коллектив делился на две части, чтобы сменять друг друга. Сначала я работал с обеими бригадами, но потом почувствовал, что выдержать такую нагрузку физически невозможно, и на каком-то этапе стал ночью уезжать к себе. Девчата, если так можно назвать вполне взрослых коллег, по отредактированной мной расшифровке (стенограмме) записанной передачи монтировали ее вместе с видеоинженерами в аппаратной, а я ставил телефон около тахты, чтобы заочно участвовать в этом процессе. Не вдаваясь в технические подробности, скажу лишь: одно дело текст на бумаге и существенно иное – на видео пленке. И вот среди ночи раздается звонок: «Можно здесь смонтировать вот так?» – «Нет, нельзя потому-то. Сделайте так-то». Кладешь трубку и тут же проваливаешься в сон, а через десяток-другой минут снова: «А здесь?» – «Так можно». Утром приходила другая бригада и продолжала работу. Никто и никогда, однако, не роптал: дело было прежде всего.

Вводила меня в специфику телевизионной работы первая моя сотрудница – редактор (позднее – старший) Халида Абдулкадыровна Фазельянова. Живая, непосредственная, находчивая и остроумная, она была для многих участников наших передач олицетворением группы. Порой там, где уже не срабатывали мои аргументы, действовало ее обаяние, и многоуважаемые товарищи министры, академики и другие выступавшие действовали так, как это было необходимо в интересах передачи. Недаром и сейчас при встречах многие из них спрашивают: «А где сейчас Халида? Передайте ей огромный привет». Для меня же и всей моей семьи она навсегда осталась бесценным другом, который, между про-

чим, четырежды доставлял меня из командировок в тяжелейшем состоянии.

Затем в группу пришла тоже в качестве редактора очаровательная Светлана Степановна Ялович. Умница, сильная, творчески заряженная, с большим юмором, не гнушавшаяся никакой работы, она была одним из самых ценных и надежных сотрудников и остается по сей день верным другом, которому я в любых ситуациях мог доверять абсолютно и во всех отношениях.

Константин Михайлович Подлазов – редактор-консультант. Общение и сотрудничество с ним доставляло, по-моему, всем, кто его знал, истинное наслаждение. Его, добрейшего человека, чуткого друга, интеллектуала, поэта не без сатирической жилки, прекрасного работника, бравшего на себя то, что мы все, остальные члены группы, исполнить просто не могли бы, уважали и любили и женщины, и мужчины. Вечная память нашему дорогому Косте...

Валентин Михайлович Миронов – режиссер высшей категории – совершенно органично вписался в группу и живостью своего характера, и открытым русским добродушием, и готовностью идти на профессиональный риск, и организаторским талантом, и верностью делу и дружбе.

Пусть простят меня другие мои коллеги, в разное время работавшие в группе, за то, что я вынужден просто назвать имена некоторых из них: И. С. Давыдова, А. В. Новикова, Н. Б. Шаповалова – редакторы; С. А. Маслякова, Н. Н. Самко, Н. И. Соголова, Р. А. Стрелкова – режиссеры; А. А. Стржижовская – администратор; И. А. Ефанова, Е. Н. Линкина, Ф. С. Чиркова – машинистки; В. Н. Грук, М. В. Жимерикин, А. М. Жимерикин, М. И. Кузин – водители. И когда в главах о Центральном телевидении появляется слово «мы», это значит, что речь идет прежде всего именно о них, о тех, кто на том или ином этапе входил в группу и непосредственно участвовал в создании наших передач.

Некоторые результаты такого коллективного творчества «удостаивались» высокой оценки даже со стороны Председателя. Но генеральная линия в развитии наших с ним отношений состояла во все большем отчуждении и нараставшем противостоянии. Все чаще не только передачи в целом, но и отдельные сюжеты в них становились поводом для конфликтов. Все время приходилось быть настороже, чтобы не позволить ему свести мои выступления на уровень пустых, бессодержательных, бодряческих и все оправдывающих заверений и призывов и даже чтобы просто отстаивать элементарное человеческое достоинство. Примерно через полгода после начала моей деятельности в новом качестве он позвонил мне и начал разговор в присущей ему брюзжаще-недовольной манере, в которой позволял себе обращаться со своими подчиненными. После первых же слов пришлось сказать ему:

– Сергей Георгиевич, в таком тоне я разговаривать не привык.

Он проигнорировал это предупреждение и произнес еще несколько слов в том же стиле.

– Я Вас предупредил! – сказал я жестко и положил трубку.

Порой после подобных разговоров мы не общались даже по телефону по несколько месяцев. Но зато такого тона я никогда, даже во время самых яростных споров с ним, больше не слышал.

Вскоре среди прочих писем стали приходить и такие, где говорилось примерно следующее: «Что нам скажет политический обозреватель, мы можем себе примерно представить. А вот дайте нам возможность послушать тех людей, которые руководят теми или иными отраслями народного хозяйства и которые должны нести ответственность за результаты своего управления. Пусть они посмотрят нам в глаза и объяснят, что и как в стране происходит». К тому же я столкнулся с удивительным явлением, которое до сих пор не могу объяснить сам себе: телезрители все чаще обращались ко мне с требованиями навести порядок в тех вопросах, в тех звеньях общественной жизни, о проблемах которых рассказывалось в наших передачах. Конечно, у меня не было на это никаких прав, кроме права обращаться именно к тем лицам, которые действительно должны были отвечать за деятельность подведомственных им организаций, с соответствующей информацией и просьбами принять необходимые меры.

Объяснить это телезрителям и убедить их в своей неправомерности *решать* вопросы жизни страны, *контролировать* деятельность органов управления я не мог, нести ни за что ни про что в их глазах ответственность за существовавшие и только усугублявшиеся проблемы, разумеется, не хотел и окончательно пришел к выводу: единственный выход состоит в том, чтобы приглашать министров и других руководителей высокого ранга самих выступать на экране. И не с тем, чтобы они в День рыбака или в какой-то другой профессиональный праздник рассказывали о том, как прекрасно развивается отрасль под их руководством, какие грандиозные перспективы при этом открываются, а с тем, чтобы предоставить им возможность объяснить людям, что действительно происходит у нас и с нами. Тогда бы народ видел и чувствовал, что они понимают природу неблагоприятных тенденций, знают выход из трудностей, что разворачивается реальная работа по улучшению ситуации в отрасли, во всем народном хозяйстве, в стране, в обществе.

Не сразу удалось убедить руководителей разного ранга, десятками лет отчитывавшихся фактически только перед ЦК партии и Советом Министров СССР, в обостряющейся общественной потребности установить их более тесные связи с народом, ради которого, по идее, они и работали. Но постепенно, ценой немалых нервных и прочих издержек, удалось добиться того, что многие из них поняли необходимость в таком общении с «простыми людьми», в том, чтобы отвечать перед огромной аудиторией телезрителей, то бишь граждан страны, за результаты

деятельности возглавляемых ими хозяйственных отраслей и иных сфер ее жизни. Конечно, выполнять эту работу было бы невозможно без моральной, а нередко и организационной поддержки со стороны аппарата и даже некоторых членов руководства ЦК КПСС. К примеру, М. В. Зимянин, Секретарь ЦК, через несколько месяцев после начала моей работы на Телевидении сказал:

– Я смотрю все его передачи. Он совершенно справедливо говорит о всякого рода безобразиях в нашей стране. Но как же жестко он это делает! Впечатление такое, что он просто ненавидит тех, кто не борется против них, и готов расстрелять всех нас, ответственных за эти дела, из автомата – веером от живота...

Пришлось учесть справедливую критику формы выступлений и смягчить их тональность, тем более что с главным – содержанием – Михаил Васильевич был согласен (да и в дальнейшем не раз доходили до меня его положительные оценки нашей работы). Но то, что понимал и мог позволить себе высказать Секретарь ЦК хотя бы в частной беседе с сотрудником аппарата, не понимали и не хотели понимать некоторые заведующие отделами, особенно – отраслевыми. В рабочем архиве у меня сохранились многочисленные формулировки, которыми они оправдывали свои решительные запреты на подготовку выступлений министров по действительно злободневным проблемам: о ценах лет десять нельзя было заикаться, «чтобы не сыпать соль на раны»¹; не надо выступать в программе «Время» с критикой положения дел в строительстве, потому что «настрой хороший, люди дело поправят»; о мелиорации никаких обобщений не делать, поскольку этот вопрос будет вынесен на Пленум ЦК, и т. д. и т. п. Не менее изобретательными в поисках аргументов против своих телевизионных выступлений (хотя тогда передачи выходили в эфир только в записи, что позволяло сколько угодно их редактировать) были и некоторые министры. Излюбленная формулировка для объяснения отказа от участия в передаче, а в отделах аппарата и прямого запрета прикасаться к той или иной теме звучала так: «Несвоевременно ввиду отставания отрасли от выполнения плана». Так было по углю, металлу, газу, по машиностроению, по ряду областей страны, где отчетные показатели были ниже намеченных. И этот алогичный, убогий, чтобы не сказать идиотский, «аргумент» выдавался за политическую мудрость и безусловную целесообразность! Некто из отказчиков даже сказал: «Сей-

¹ В начале 1976 г. мы все-таки записали с двумя министрами программу о ценах, а после того, как она так и не появилась на экране, я подготовил аналитическую записку в ЦК партии «К вопросу о политике цен в современных условиях», где отметил, в частности, глубокое отставание системы цен от изменившихся экономических и социальных условий и современных задач, а также то, что «уровень и динамика цен является сейчас не только одной из самых важных экономических, но, может быть, самой острой внутриполитической проблемой». Добрую сотню писем – тревожных, злых, отчаянных – мы отправили руководству Государственного комитета цен Совета Министров СССР.

час мы не сможем выступить, потому что не выполнили годовой план на одну десятую процента. Вот если закончим этот год с перевыполнением на одну десятую, тогда выступим!» Ну а вершиной подобного политического маразма были, по-моему, неоднократные отказы председателя Комитета народного (!!) контроля А. М. Школьниковца от сотрудничества с Центральным телевидением, а следовательно, от самого широко-го и непосредственного контакта и совместной работы с этим самым народом!

Кто-то у нас даже запросил справку о столь печальном опыте, которую мы завершили следующим выводом: «Обобщая эти и им подобные факты, приходится отметить, что при всей исключительной ценности большой помощи отделов ЦК в выборе тем, организации, определении содержания вещания в них преобладает ошибочная установка давать практически исключительно только положительный опыт, выходить «на люди» с разговором лишь в том случае, если достигнуты достаточно весомые запланированные *результаты*. Нет представления о том, что не менее важно показать процесс *движения* мысли и дела, разработанные направления этого движения и степень реальных достижений. Широко распространено убеждение в том, что проблема, разработкой которой заняты инстанции, не подлежит обсуждению до принятия решений, хотя, казалось бы, рассказ о практическом опыте, мнение масс по соответствующему вопросу могли бы стать полезным подспорьем в такой работе. И, к сожалению, приходится констатировать, что объективно отраслевые отделы, проявляя порой узковедомственный подход к тем или иным проблемам, во многом определяют политику в области идеологической работы Центрального телевидения, причем не всегда способствуют выполнению поставленной партией перед органами пропаганды задачи всемерно способствовать решению кардинальных народно-хозяйственных проблем». Ситуация была глупейшей: с одной стороны, при каждом удобном и неудобном случае идеологические структуры получали сверху упрёки в том, что они якобы недостаточно «обеспечили» своей работой выполнение и перевыполнение планов, а с другой – затыкали им рот, как только жизнь требовала выйти за рамки уже давно не затрагивавших ни ума, ни сердца, а то и просто раздражавших людей пропагандистских шаблонов. И не было ни в партии, ни в обществе сил, желавших и способных разорвать этот порочный круг.

К счастью, все же и среди руководителей в ЦК, в министерствах, в других высших хозяйственных структурах, прежде всего в Госплане СССР, работало немало умных, знающих и совестливых людей, понимающих необходимость и в этих условиях вырываться из своей ведомственной скорлупы для общения с широкой аудиторией, для разъяснения людям происходивших в стране процессов и тех программ, которые были нацелены на разрешение существовавших трудностей. Вместе с этими работниками, с учеными, с известными специалистами и практиками мы пытались разобраться в положении вещей, связанных с такими

острыми проблемами, как темпы жилищного строительства и сроки получения квартир; как связь научно-технического прогресса и эффективности экономики; как созревшие проблемы изменения всей системы управления хозяйством; как создание экономических условий выпуска высококачественной продукции, без чего невозможно добиться изменения качества всей экономики, и т. д. Немалую роль в расширении нашей тематики сыграл и растущий поток писем телезрителей. Откликаясь на них, мы ввели новую рубрику «Социалистический образ жизни и благосостояние народа». Здесь вместе с руководителями соответствующих отраслей мы обсуждали вопросы здравоохранения, образования, культуры, охраны окружающей среды и т. д.

Но ни участие руководителей министерств и ведомств в наших программах, ни их растущая поддержка телезрителями, ни даже положительные оценки этих выступлений в «верхах» не избавляли меня от нарастающего недовольства Председателя Гостелерадио. Однажды он в чьем-то присутствии сказал мне:

– Мы Вас брали...

– Стоп, стоп, Сергей Георгиевич! – пришлось прервать его. – Вы меня не брали, а *приглашали* на эту работу и делали это долго и упорно. И я благодарен Вам за эту настойчивость, потому что работа оказалась еще более интересной, чем можно было предполагать.

– Ну да, конечно, приглашали. Так вот, мы приглашали Вас, чтобы Вы выступали в программе «Время» с короткими информацией.

– Ничего подобного. В документах ЦК – а на исходном стоит, кстати, и Ваша собственная виза – по этому вопросу прямо сказано, что политические обозреватели по вопросам внутренней жизни страны должны вести *аналитическую*, а не чисто информационную работу на экране. Ради нее я сюда пришел и именно такую работу буду выполнять.

Подобные «дискуссии» продолжались у нас на протяжении всех лет пребывания Лапина во главе Гостелерадио, то слегка затухая, то обостряясь до крайней степени¹. Одна из самых крупных схваток произошла в связи с всенародным обсуждением проекта новой Конституции СССР. Все средства массовой информации были обязаны еженедельно представлять для Конституционной Комиссии сводки материалов этого обсуждения. Но из такой мощной организации, как Центральное телевидение, поступали отчеты с буквально считанными предложениями

¹ Однажды ему удалось как бы суммарно выразить свое кредо путем... вычеркивания из проекта резолюции общекomiteетского партсоборания всего того, что Председателя не устраивало: ампутации подверглась даже содержащаяся в постановлении ЦК партии и воспроизведенная докладчиком, а им был заведующий Отделом пропаганды ЦК, ленинская мысль о том, что государство сильно тогда, когда массы все знают и на все идут сознательно; требование показывать жизнь со всеми ее проблемами и трудностями; пропагандировать передовой опыт братских социалистических стран и т. п.

трудящихся, к тому же многие из них, предложений, составителями таких сводок были, что называется, притянуты за уши. Между тем в Секретариате Конституционной Комиссии под председательством Секретаря ЦК Б. Н. Пономарева состоялся обмен мнениями о ходе обсуждения проекта и была поставлена задача поднять активность средств массовой информации в освещении этого процесса, оперативно публиковать связанные с ним материалы, показывать различия во мнениях, споры по тем или иным проблемам, отвечать на острые вопросы. Позвонивший мне по этому поводу А. И. Лукьянов сообщил также о готовности товарищей включить меня в аппарат Секретариата, чтобы дать возможность быть в курсе хода всенародного обсуждения, реакции Комиссии на поступающие предложения и, естественно, использовать эти материалы в выступлениях по Центральному телевидению.

Тотчас передав Лапину полученную информацию, я предложил организовать цикл еженедельных передач «Беседы о проекте Конституции» и разработал их программу. Однако понадобился еще месяц для того, чтобы выйти с первой «Беседой...»: несмотря на поддержку Мамедовым этой идеи, Председатель упорно сопротивлялся ее осуществлению (а незадолго до этого он успешно сорвал участие Телевидения во всенародном же обсуждении школьной реформы), публично заявив на совещании в ЦК, что я, дескать, хочу подменить собой Конституционную комиссию. И только усилия Отдела пропаганды ЦК вынудили его в конце концов дать разрешение на создание такого цикла. Ситуация обострилась еще в связи с тем, что меня пригласили войти и в состав Рабочей группы по подготовке текста Конституции. Уже были определены части документа, «закрепленные» за мной, уже были обращения к Лапину с просьбой о совмещении этой моей работы с выступлениями на экране, но тот категорически отказал даже Б. Н. Пономареву. И мне пришлось довольствоваться только регулярным общением с членами Рабочей группы А. Е. Бовиным, В. Н. Кудрявцевым, А. И. Лукьяновым, В. К. Собакиным и пользоваться их важными и полезными советами относительно тех или иных позиций будущей Конституции.

Вместе с профессором М. А. Крутоголовым и некоторыми другими товарищами, вовлеченными в этот цикл, мы сделали девять таких передач. Первая же прорвала запруды: на Телевидение пошел поток писем с предложениями и вопросами по проекту Конституции. Примерно через полгода началось обсуждение проектов Конституций союзных республик, в связи с чем мы провели серию аналогичных передач.

Новую Конституцию СССР приняли осенью 1977 г., а уже весной следующего года у меня стал нарастать поток недоуменных, огорченных и раздраженных писем в связи с тем, что порожденные Основным Законом надежды не оправдываются на практике. Были у меня в связи с таким положением и свои соображения. Все это я изложил в Записке в ЦК «К вопросу о реализации некоторых положений Конституции СССР», где отметил, что больше всего людей беспокоит отсутствие сколько-ни-

будь заметного движения в реализации на практике статей 8 – о повышении роли трудовых коллективов; 9 – о дальнейшем развитии демократизма, в том числе о расширении гласности и постоянном учете общественного мнения; 49 – о рассмотрении предложений и заявлений, критике и запрещении преследования за нее; 58 – о судебной защите от неправомερных действий должностных лиц; 60 – об обязательности для каждого общественно полезного труда. «Жизнь настоятельно требует ускорить фактическое движение вперед в отмеченных направлениях или хотя бы дать понять, что оно происходит»: объяснять, кому и в какие сроки поручено разработать механизмы практической реализации конституционных положений. «Информирование населения о постановке подобных задач перед теми или иными звеньями управления, привлечение к выработке их оптимальных решений трудовых коллективов, общественных организаций, наиболее инициативной части трудящихся, показ положительного опыта в этом отношении, реального движения вперед приглушили или вообще сняли бы мотивы разочарования в надеждах, связанных с новой Конституцией, снизили бы уровень психологической напряженности у ряда категорий населения, позволили бы ликвидировать выраженные, в частности, в письмах настроения типа: «Конституция новая, а беззаконие старое», «ничего не изменилось и не изменится», «правды не было и нет» и т. п.».

Отдал я этот сигнал зреющего общественного недовольства в руки А. И. Лукьянова, а он прочитал Записку и сказал:

– Ну, вот уж тебе-то свободы не хватает...

– Я ж не только о себе беспокоюсь.

– Да, я всегда говорил, – тяжело вздохнул он, – энтузиастов надо давить!

Это была одна из его любимых шуток при встрече с теми, кого он зачислял в такую категорию: М. Л. Титаренко, А. Е. Бовина и меня. Но я всегда и с полным основанием добавлял в этот черный список еще одно известное ему имя – А. И. Лукьянова...

Постоянная борьба за право выполнять свои обязанности стоила мне, конечно, немалой крови, а точнее, нервов. Правда, Э. Н. Мамедов как-то предупредил Председателя: «Не пытайтесь перевоспитать его: это сложившийся человек, со своими убеждениями и принципами, и Вы никогда его на свой лад не переделаете». Однако не только Лапину, но и мне, по-видимому, была присуща привычка не слишком быстро отказываться от своих иллюзий. Он продолжал думать, что сможет поднять меня под себя, а я, вопреки фактам, довольно долго надеялся, что все же смогу найти с ним общий язык на почве не его лично карьерных, а общегосударственных интересов.

Сейчас, просматривая множество документов тех лет, вижу, как упорно пытался он превратить меня в политическую марионетку, которая, глядя в глаза людям, лгала бы им, словесным туманом прикрывала бы

действительное положение вещей и тем самым брала бы на себя моральную ответственность за раздражающие народ негативные факты, явления, процессы. Для него их сокрытие, в лучшем случае полуправда, а то и прямая ложь были нормой политической жизни и личного поведения. Не сомневаюсь, что он считал такую линию своим партийным долгом и уж, конечно, гарантией служебного преуспевания. Для меня она была принципиально неприемлемой, в том числе и потому, что вставший на такой путь терял бы право считаться порядочным человеком, а следовательно, и общаться с многомиллионной аудиторией телезрителей. Как-то, когда Лапин пытался в очередной раз наставить меня на путь истинный, сидевший в его кабинете бывший заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК, сосланный за слишком явную ограниченность на руководящую работу в Гостелерадио, с укором в голосе поддакнул ему:

– Высвечивать, высвечивать (читай – оправдывать то, что этого не заслуживает. – Л. В.) надо, Лев Александрович, отдельные стороны нашей действительности...

– Хозяйствовать и вообще руководить страной надо лучше, тогда будет и что «высвечивать»! – не сдержался я, взбешенный таким поучением, и в наступившем молчании вышел из кабинета.

Наверное, без подобных рискованных по тем временам откровенностей нужно было обойтись, но теперь сожалеть об этом уже бессмысленно. А тогда для меня важнее всего было приобрести и сохранить уважение и доверие огромной массы людей, для работы на которых, ради общения с которыми я пришел на Телевидение. Эта задача, пусть и дорогой ценой, была решена, о чем говорят не только тексты писем, но и такой поразивший меня факт – нередко они поступали в двух конвертах с надписью на внутреннем: «Открыть только лично Вознесенскому». На фоне такого доверия людей отношения с Лапиным, сколь бы ни были они существенны для выполнения самой этой работы, становились по меньшей мере второстепенными, хотя и все более болезненными и нетерпимыми. Дело дошло до того, что я, в отчаянии и возмущении от того, что творилось на работе и чего не происходило в обществе, считал месяцы и недели, остававшиеся мне до 60-летия, и не раз говорил друзьям: «Если здесь и там ничего не изменится, я в этот же день положу все свои документы на стол и уйду в частную жизнь». (Здесь – на Телевидении, там – за окном.) Забегая вперед, скажу, что еще до этого дня Лапина отправили на пенсию, а в стране началась перестройка. Тем не менее в день 60-летия я сообщил новому председателю Гостелерадио А. Н. Аксенову и руководству в ЦК о готовности уйти с работы, чтобы освободить место кому-нибудь помоложе, но эта идея была всеми отвергнута. А. И. Лукьянов, в частности, сказал: «Работай хоть до ста лет. Ты нам нужен».

Но я забежал вперед, а пока продолжались наши с Лапиным попытки изменить друг друга:

– Проблемы нам не нужны. Не подменяйте ЦК, Правительство, министерства, освещайте только то положительное, что делается для решения проблем. Работайте на рядового человека – на слесаря и токаря, который хотел бы после передачи увеличить свою производительность труда. А Вас все время куда-то тянет. Ну куда Вас тянет, Лев Александрович?

– К корням вещей меня тянет, Сергей Георгиевич, к корням вещей. Потому что пока сам не пойму корней вещей, я не буду считать себя вправе объяснять с экрана то, что произрастает из них.

– Вот-вот! К корням вещей Вас тянет – а корни вещей нам не нужны!

Меня очень заинтересовало такое заявление, и я решил подыграть собеседнику, чтобы получить от него дополнительные разъяснения:

– А как же тогда прикажете работать?

Приняв мой вопрос за чистую монету, Председатель ответил:

– А Вы возьмите самый примитивный вопрос, – и двумя пальцами показал, сколь узколобым он должен быть, – какой задают телезрители, и дайте на него самый примитивный ответ, – и мы будем Вам бесконечно благодарны.

Эта формула о бесконечной благодарности была его излюбленным коньком в наших спорах, но, к сожалению или к счастью, она не трогала моей души. Порой после таких заявлений даже возникала некоторая пауза в моих выступлениях на экране. И вот во время одной из них, накануне моего отъезда, рано утром Лапин позвонил по моему домашнему телефону:

– Мне говорят, что Вы не выступаете потому, что я отверг Ваши планы? Если я отверг Ваши планы сегодня, то это значит, что завтра надо прийти с новыми.

– Вы их отвергли не в частностях, Вы не сделали ни одного конкретного замечания – Вы отвергли их в принципе, несмотря на то, что эти планы были одобрены сектором телевидения и Отделом пропаганды. И теперь мне действительно трудно выступать после Вашего заявления о том, что проблемы Вам не нужны, что корни вещей Вам не нужны тоже, что надо взять самые примитивные вопросы телезрителей и дать на них самые примитивные ответы.

– Я не мог так сказать!

– Могли и сказали. Может быть, в пылу полемики. Вы заняты многими делами и могли это забыть, а я – нет, так как для меня эти слова слишком много значат: они определяют возможность или невозможность моих выступлений...

– Я хотел только сказать, чтобы Вы продолжали дело Афанасьева.

– Мы его и продолжаем, только с учетом больших изменений в общественном мнении.

– Вы ошибаетесь: Ленин говорил, что для изменения общественного мнения нужны десятилетия.

– Время сейчас совершенно иное... Я Вам показывал реальные письма людей и те вопросы, которые их волнуют. Вы знаете, что на *эти* воп-

росы так, как отвечал Афанасьев, сейчас отвечать невозможно. Мы прибегли к другому, более удачному, более эффективному способу ответов – с привлечением людей, руководящих соответствующими участками жизни. Вообще же у меня впечатление, что наш разговор построен на непонимании позиций друг друга, на недоразумении в какой-то мере. Я хотел бы предложить такую программу: сейчас, надеюсь, Вы не станете возражать против моего отпуска, а по возвращении я приду к Вам, чтобы еще раз обсудить в более спокойной обстановке все эти проблемы.

– Нет, я с Вами один на один разговаривать не буду.

– Очень хорошо. Пригласите третье лицо, которое будет нашим свидетелем и арбитром.

– Нет, мы пригласим Вас на коллегию и поставим вопрос о Вашей работе (присутствовавший при этом разговоре Ф. Р. Бруев, ставший к этому времени главным редактором Главной редакции пропаганды ЦТ, считал, что Лапин сказал – «обсудим Ваши планы»).

– Прекрасно, Сергей Георгиевич: я давно мечтаю о возможности публично высказать свое отношение к занимаемым Вами позициям. Всего доброго.

– Всего доброго.

Конечно, никакого открытого обсуждения его и моих позиций так и не состоялось.

Вскоре после отпуска заведующий Отделом пропаганды ЦК Е. М. Тяжельников попросил меня подготовить передачу о больших изменениях, которые произошли в последние годы в социальном облике узбекской деревни. И опять – эта просьба вызвала резко отрицательную реакцию Лапина. Сопротивление его в конце концов было сломлено, и я сказал своему маленькому коллективу, состоявшему тогда из женщин: «Девочки, мы едем в Узбекистан, чтобы сделать на его примере передачу – пощечину той сволочи (уж извините, как тогда сказал, так сейчас и воспроизвел. – Л. В.), которая губит на корню деревню Центральной России».

Такая внутренняя установка не была случайной. Меня, как и многих сограждан, давно волновало нараставшее из года в год разрушение деревни, особенно явное в Центральном Нечерноземье, происходившее не в последнюю очередь из-за разных непродуманных или, если угодно, плохо продуманных партийно-государственных акций в отношении сельского хозяйства в сталинские и хрущевские времена и во многом практически беспомощной аграрной политики брежневского периода. Даже первая моя серия передач, для которой уже были начаты съемки, была посвящена этой проблематике и так и называлась – «Деревня наша русская, российская земля...». Лапин, однако, понимая неизбежную остроту такой программы, категорически запретил ее подготовку, и теперь я надеялся хотя бы обходным путем, через как бы заочное сопоставление того, что начали с успехом проводить в жизнь в Узбекистане, с тем, что

по существу не делалось в Нечерноземной зоне, побудить правящие круги еще раз задуматься над тем, что же реально происходит в обширном – 29 областей и автономных республик! – и крайне важном для всей страны регионе, в центральной ее части.

И действительно, мы подготовили такую программу – «Проблемы социального развития советской деревни». В передаче приняли участие представители самых разных общественных слоев и профессий – от дехкан до кандидата в члены Политбюро, первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова. По существу это был публицистический (и даже в некотором смысле музыкальный: он шел на фоне прекрасных узбекских мелодий) фильм, который вызвал широкие отклики как в самой республике, так и в Москве. В день его показа в Узбекистане было досрочно прекращено заседание Верховного Совета, депутаты вышли в фойе, чтобы просмотреть эту программу, а после «Времени» она была показана снова (и в дальнейшем еще неоднократно), ее фонограмма прошла на радио, и вообще эту работу очень тепло встретила местная аудитория. Успех сопутствовал передаче и в Москве, и кто-то в ЦК (скорее всего, И. П. Помелов) попросил меня свести мои наблюдения и впечатления от Узбекистана в неофициальную записку для членов Политбюро и Секретарей. По крайней мере некоторые из них проработали этот документ (я видел многочисленные пометки на нем) заинтересованно и досконально, причем именно в духе сверхзадачи, которую я ставил перед собой, – по контрасту привлечь внимание «верхов» к положению российской деревни.

Не обошлось, правда, и без доноса. Его автором был один из заместителей Тяжелникова (потом Евгений Михайлович показал мне эту бумагу). Правильно почувствовав обвинительный подтекст нашей программы, он написал Секретарю ЦК по сельскому хозяйству М. С. Горбачеву, что она вредна, поскольку-де может вызвать зависть у деревенских жителей все более впадающей в бедность Центральной России. Действительно, в передаче говорилось о крупных сдвигах в организации труда и быта узбекской деревни, об осязаемом повышении уровня жизни в передовых, технически оснащенных высокоэффективных хозяйствах, о строительстве современных дорог, поселков вместо древних аулов, о росте культуры населения и т. д. И все это происходило в республике, находившейся на одном из последних мест в стране по важнейшим показателям экономического и социального развития, в том числе и по уровню благосостояния. (Эта сторона дела была подчеркнута в подготовленной мной статистической подборке и выводах из нее, дополнительно переданных в ЦК.) Казалось бы, именно на таком фоне практические достижения Узбекистана в той сфере, которой была посвящена передача, могли служить примером для других районов страны, но, как сказал Г. С. Оганов, раньше старались преуменьшить недостатки, а теперь, похоже, и достижения (добавлю, если они помешали кому-то в их политической игре).

Разумеется, этим положительным сдвигам, как и во всяком большом и сложном деле, сопутствовали разного рода недоделки и ошибки. Часть из них стала предметом обсуждения непосредственно с Ш. Р. Рашидовым. Например, речь шла об очень низком уровне обучения в сельских школах республики не только иностранным, но и русскому языку. Последнее обстоятельство делало неконкурентоспособными или, по крайней мере, малоконкурентоспособными молодых людей, желавших получить высшее образование. Более того, узбекские юноши, слишком слабо владеющие русским языком, даже в армии не могли рассчитывать на то, чтобы оказаться не в стройбатах, а в строевых частях, приобрести там военную специальность и какие-то навыки, которые помогли бы им в дальнейшей жизни «на гражданке». А это вызывало или обостряло многие социальные проблемы. Рашидов обещал серьезно заняться этими вопросами и попросил способствовать изданию своей брошюры о роли русского языка в общенациональной культуре народов страны, что и было сделано с помощью Е. М. Тяжелникова.

В общем, волны и недовольства (в том числе со стороны отдельных работников Сельхозотдела ЦК, тем более что в Политбюро якобы стали поступать письма о куда худшем положении дел в других сельских местностях страны), и поддержки (в частности, со стороны П. Н. Демичева и того же самого отдела) доходили до меня в течение трех месяцев. Но главное, чего я хотел добиться, произошло: на протяжении всего этого времени на разных уровнях обсуждались сельские проблемы не только Узбекистана, но и Нечерноземья. В Сельхозотделе мне было предложено создать цикл передач по этому региону, и даже Лапин, учуяв генеральное направление ветров вокруг проблемы, через три месяца после выхода в свет нашей передачи на партактиве призвал работников Гостелерадио по случаю пятой годовщины принятия постановления ЦК КПСС по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР «смело (! – Л. В.) и повседневно освещать эти вопросы, способствуя улучшению дел». По предложению редакции «Журналиста» на базе нашей передачи в этом издании появилась моя статья «Главное – комплексный подход», а сама программа была переведена на арабский язык и показана в Южном Йемене, так как оказалось, что проблемы этой отсталой страны в огромной степени совпадают с теми, которые решались тогда в Узбекистане. Ну а положение дел в Нечерноземье мы не выпускали из поля зрения и в дальнейшем и сделали в связи с ними еще немало передач разного жанра и объема.

Постепенно, по мере быстрого развития и, к сожалению, далеко не во всем в лучшую сторону ситуации в нашем Отечестве рамки цикла «Социалистический образ жизни и благосостояние народа» становились для нас все более тесными. Жизнь требовала обращения и к другим обострившимся вопросам, с которыми сталкивались страна и народ. Тогда я предложил новый цикл программ «Проблемы – поиски – решения». Ко-

нечно, Председатель выступил и против проблем, и против поисков («Не поиски нужны, а призыв к практической деятельности!» – т. е., в переводе с лапинского, каждый делай только то, что тебе отмерено свыше), но при поддержке Мамедова, когда Лапин находился в отпуске, этот цикл все же появился на экране. Его удалось удержать еще и потому, что М. А. Суслов в одном из своих выступлений дал высокую оценку этому циклу. И все-таки Лапин настаивал на том, чтобы и здесь продолжать линию на некритическое, неаналитическое отношение к действительности, для чего была даже придумана формула, которую он в разных вариантах охотно повторял: «Вы хотите, выражая общественное мнение, учить Правительство, как ему действовать». Естественно, на эту глупость я отвечал ему, что вижу свою задачу не в том, чтобы учить ЦК партии и Правительство, а в том, чтобы доводить до их сведения мнения людей о действительном положении дел в стране. А так как крупные программы могли выходить не чаще чем два в месяц, я предложил еще один цикл – «Беседы политического обозревателя Центрального телевидения». Эти получасовые программы (мы готовили их поочередно с двумя моими коллегами) выходили еженедельно по субботам в течение пяти лет – с 1980 г. по 1985 г.

Не могу не вспомнить здесь о ставшей для меня весьма поучительной реакции одного из моих друзей на первую же передачу нового цикла. Вскоре после нее он, живший в Краснодаре, оказался в Москве и, как всегда, зашел ко мне. Я очень ценил присущий ему сильный критический ум и с интересом воспринимал его аналитические рассказы о производственной – он был заместителем директора крупного завода – и бытовой жизни на периферии. Нередко он разбирал и мои передачи, сопоставляя их с собственным опытом, понимал текст и подтекст выступлений. А тут о новой программе – ни слова. Это насторожило меня, и у нас состоялся такой разговор:

– Судя по тому, что ты молчишь о передаче, она тебе не понравилась?

– Да, обычная политическая трескотня – Пленум ЦК и тому подобное.

– Как? Ты даже не заметил, что именно в эту, первую передачу я не поспешил включить две совершенно новые даже для науки идеи и три, скажем так, пропагандистские позиции, которые раньше никогда публично не звучали? По одной из них, чтобы ее обнародовать, мне понадобилось специально договариваться с помощником Брежнева. (И я перечислил эти идеи и позиции.)

– Неужели все это было? Я ничего подобного там не услышал.

– Вот тебе текст программы – убедись сам.

И пока он читал стенограмму, я обдумывал возможные причины такого ужасного для меня открытия...

– Действительно, в передаче есть и новизна, и острота. Но тогда я не заметил ни того ни другого.

– В моих глазах ты – эталон критически мыслящего телезрителя, и поэтому твоя негативная реакция на передачу меня крайне тревожит. Может быть, я что-то в ней не доделал по форме или содержанию, а может быть, ты психологически не мог тогда ее воспринять? Расскажи-ка, пожалуйста, подробно, как ты провел тот день?

– Ну, как... С утра – на заводе. Смежники подводят, комплектующих нет, план и зарплата, не говоря уже о премии, горят, рабочие недовольны. После работы пошел по магазинам – полки пустые. И дома нет ничего. Купил только пачку маргарина. Пришлось идти на рынок. Там оставался один продавец, с картошкой. Отстоял больше часа в очереди, купил два килограмма. Пришел, наконец, домой, включил телевизор, почистил картошку, бросил маргарин на сковородку, услышал знакомый голос, подошел к телевизору, чтобы увеличить громкость, тут же вернулся к плите – а на сковородке одна вода докипает, такой у нас маргарин продают... Так что сам понимаешь, в каком состоянии я тебя слушал...

Тяжелый и горький осадок оставил этот разговор в моей душе. Ведь так живут, как... не живут, думалось тогда, десятки миллионов человек, особенно в провинциальных городах, крупных и малых, в поселках городского типа. В деревнях тоже трудностей не меньше, но там хоть есть личное подсобное хозяйство. И как же нам, выступающим в средствах массовой информации, достучаться до разума и сердца человека, если он занят проблемами элементарного выживания, с одной стороны, а руководители этих средств – с другой, понуждают нас острые темы не затрагивать, а критиковать только частности, к тому же лишь в том случае, если их можно быстро исправить?!

И все же в этих условиях мы пытались сделать что-то общественно значимое и полезное. Так, весной 1983 г. первый секретарь Тюменского обкома партии Г. П. Богомяков дважды звонил мне с просьбой срочно приехать в область для того, чтобы рассказать на всесоюзном экране о крайне опасном положении, которое складывалось в нефте- и газодобыче, грозящем их резким падением. Занятый другими делами, я попытался отказаться, тем более что по этому региону специализировался весьма талантливый работник Главной редакции пропаганды. Богомяков, однако, этот аргумент отклонил:

– Нет, обстановка такова, что нам нужна именно Ваша аналитическая программа, к которой прислушаются те, кто должен принимать соответствующие решения.

Получив его согласие на личное участие в программе и преодолев очередное недовольство Лапина, мы приехали в Тюмень. И тут выяснилось, что Богомяков избегает встречи со мной и что вообще никто из партийного руководства области в передаче выступать не будет. Стало ясно, что меня пригласили на роль обезьяны, таскающей для других каштаны из огня, но ведь этими другими были не только несколько человек,

оказавшихся способными на непорядочные поступки, а и все граждане страны, благополучие которых в огромной мере зависело от дальнейшего развития нашего главного нефтегазоносного региона. И мы остались и собрали уникальный материал, отсутствие Богомякова в котором совершенно не ощущалось.

До сих пор мурашки пробегают по спине, когда я вспоминаю тех удивительных людей, которые принимали участие в этой программе. Со дна глубокой ямы, в которую и заглянуть страшно, выкопанной в мощной толще торфа, выбирается человек с лопатой, становится перед телекамерой и начинает рассказывать своим точным и сочным языком о государственных проблемах, с которыми он сталкивается на своем рабочем месте и в своем трудовом коллективе. Я был так поражен и обрадован множеством подобных открытий, что уехал оттуда окрыленный мыслью: пока есть такие люди, страна не погибнет. Увы, даже они, как оказалось через какой-нибудь десяток лет, остановить процесс ее разрушения и уничтожения не могли.

Привезенный из командировки 6-часовой видеоматериал оказался настолько содержательным и многогранным, что мы, плотно утратив его, сделали две 45-минутные передачи цикла «Проблемы...», которые были поставлены в эфир и объявлены в программе. И вдруг накануне мне звонит Э. Н. Мамедов с просьбой показать ему эти передачи. По мере просмотра Энвер Назимович мрачнеет все больше, а затем срывает трубку телефона и говорит Лапину: «Завтра и послезавтра должны пройти передачи Вознесенского по Тюмени, но я считаю, что в таком виде они выйти в свет не должны». Лапин требует от нас немедленно приехать к нему, чтобы показать эти программы. И вот мы сидим в его кабинете, он смотрит на экран, все чаще издает какие-то негодующие возгласы, вычеркивает что-то из текста, записывает свои замечания. Все они сводятся к тому, чтобы убрать критику. С его точки зрения, нельзя говорить о том, что социальная сфера, прежде всего жилищные условия нефтяников и газовиков, находится в очень тяжелом положении; что доставка людей автобусами по разбитым, так называемым лежневым дорогам выматывает их еще до начала работы, доводя до полуживого состояния; что отставание разведывательного бурения от промышленного с неизбежностью ведет к резкому уменьшению добычи газа и нефти; что качество поставляемого оборудования недопустимо низкое, и т. д. и т. п. Его приговор – передачи снять с эфира: «В целом мрачно и не ко времени». Мамедов и я уезжаем от него, но через некоторое время Энвер Назимович вызывает меня к себе и говорит: «Знаешь, я своей властью (явно уговорив на это Лапина. – Л. В.) даю тебе 45 минут с тем, чтобы из двух программ сделать одну к вечеру завтрашнего дня». Поколебавшись, я все-таки принял это предложение – из-за моральных обязательств перед теми людьми, которые так охотно помогали в сборе материалов и подготовке нашей программы, надеясь на то, что она принесет реальную пользу делу.

Думаю, главная сила этих видеодокументов состояла в том, что по всему комплексу проблем – от научно-технических до культурно-бытовых – размышляли, высказывали свое мнение те, кто непосредственно работал в Тюмени и говорил о них с болью, горечью и гражданской ответственностью. За сутки непрерывной работы мы переделали программу, но теперь мне пришлось, ссылаясь на авторов, высказать их мысли обобщенно, бегло, а значит, и не столь остро, как делали это они сами. И даже тогда, когда программа уже прошла в эфир на Дальнем Востоке, из нее вымарали еще две с половиной минуты, чтобы руководство в Центре не увидело, какими измученными становятся рабочие после 100-километровой поездки по чудовищным дорогам к своим буровым установкам. Как ни странно, такая многократно обгрызанная передача все же получила положительную оценку в «Правде». Но меня еще долго преследовало ощущение стыда перед выступавшими в Тюмени рабочими, инженерами, учеными, которые были вправе рассчитывать на более яркий, развернутый и убедительный рассказ в их собственном исполнении.

Как нередко бывало, и эта передача имела побочные, если их так можно условно назвать, поскольку они выходили за рамки собственно телевизионной работы, эффекты. Первый из них состоял в том, что через день или два позвонил Лапин и сообщил, что обе записанные передачи надо сохранить в их первоначальном виде, поскольку он договорился с помощником Ю. В. Андропова, которому их необходимо показать. Однако именно в эти дни Юрий Владимирович оказался в больнице, из которой уже не вышел.

Второй состоял в том, что на основе всей шестичасовой видеозаписи мы выбрали, сгруппировали, напечатали и отправили конкретные критические замечания в адрес министерств и ведомств, связанных с деятельностью Тюменского комплекса. Реакция была вполне деловой. Например, министр химического и нефтяного машиностроения К. И. Брехов поручил изучить высказанные нефтяниками претензии и подготовить ответ в наш адрес (это была подробная справка о принятых и принимаемых мерах), а также образовал комиссию из работников министерства и направил ее в Тюменскую область для рассмотрения соответствующих вопросов совместно с потребителями продукции предприятий министерства.

Кроме того, на основе выступлений участников передачи и со ссылками на каждого из них я составил, а Х. А. Фазельянова напечатала обширную аналитическую записку по проблемам дальнейшего развития нефтедобычи в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе. Этот документ я отвез и вручил председателю Госплана Н. К. Байбакову, председателю Госснаба Н. В. Мартынову и передал в недавно образованный Экономический отдел ЦК КПСС для его руководителя и Секретаря ЦК Н. И. Рыжкова, а также А. И. Лукьянову. Прошло некоторое время, и, будучи в Госплане, я видел на столах многих заведующих его отделами

эту записку с резолюцией Н. К. Байбакова: «Учесть при подготовке плана». Беда, однако, состояла в том, что в сложившейся ситуации меры нужно было принимать неотложные, а механизм управления народным хозяйством был для этого слишком громоздок и инерционен.

С третьим же побочным эффектом мы с Х. А. Фазельяновой встретились через два с половиной года (!), осенью 85-го, когда, записав на ВАЗе, в Тольятти, сюжеты к передаче, шли по коридорам гостиницы и вдруг издали слышали слишком знакомые тексты. Сначала мы не могли понять, откуда доносятся эти фразы и кто их произносит, и, только подойдя к холлу, увидели на экране телевизора М. С. Горбачева, тогда уже Генерального секретаря ЦК КПСС, приехавшего в Тюмень и выступавшего там с речью, по логике и содержанию текстуально совпадавшей с нашей запиской. С горечью слушали мы его: ведь сам этот факт означал, что, несмотря на все справки и резолюции в связи с передачей и сопровождавшими ее документами, прошедшие годы были все же потеряны и принципиальных изменений так и не произошло. Формальная же сторона дела, как выяснилось позднее, состояла в том, что Экономическому отделу ЦК было поручено подготовить поездку Горбачева в этот регион, и это было сделано на базе нашей записки.

К слову, на ВАЗе, готовя передачу по другой теме, я узнал, что там (и еще на одном предприятии страны) впервые был образован Рабочий совет, успевший показать свою полезность и эффективность. Сюжет о нем мы ввели в передачу, и, будучи у А. И. Лукьянова, — он был в то время уже, по-моему, кандидатом в члены или даже членом Политбюро — я рассказал ему о таком «открытии». Передача эта шла в эфир накануне XIX Всесоюзной партконференции, и Анатолий Иванович озабоченно спросил: «А входят в состав Рабочего совета представители парткома и комсомольской организации?» Поскольку это так и было, с его стороны возражений не последовало, и идея распространения рабочих советов как органов самоуправления на государственных предприятиях была обнародована в нашей передаче. И хотя при этом возникали определенные проблемы в их взаимоотношениях, например, с профсоюзными организациями, но, на мой взгляд, это были все же перспективные формы действительного вовлечения членов трудовых коллективов в реальное управление производством.

Лапин все время пытался заставить меня выступать прежде всего и больше всего в малых формах — особенно в программе «Время», которую, как он говорил, многозначительно поглядывая вверх, «смотрят все!». Вместе с тем он безумно боялся, что каждое из таких моих выступлений может оказаться, как говорили на телевидении, арбузной коркой, на которой он поскользнется. Чаще всего эти выступления проходили в воскресном эфире, а писал я их, если дело происходило летом, обычно в электричке, возвращаясь для этого вечером в субботу в город. Наутро

мы с редактором приезжали на Телевидение, шлифовали и перепечатывали текст. Затем, по настоянию Лапина, я звонил ему на дачу или в пансионат (не помню уже точно, где он отдыхал), и мы иногда по часу и более, а то и несколько раз в течение дня спорили с ним чуть ли не по каждому слову, пока не находили хоть сколько-нибудь приемлемый компромисс. Бывало, что эта работа заканчивалась впритык к программе «Время», согласованный текст еще не успевали даже перепечатать, и мы с редактором по подземному переходу, соединявшему два основных здания телецентра, чуть ли не бежали, чтобы успеть на уже идущий эфир. Правда, были и случаи, когда найти общий язык с Председателем так и удавалось, и я отказывался от очередного выступления в этой программе.

Политический и человеческий цинизм (если эти понятия можно отнести друг от друга) Лапина иногда прорывался сквозь плотную завесу демагогии. Он часто говорил о советском народе, искренне полагая при этом, что лучше него самого знает, что тому нужно, а что – нет. И в то же время позволял себе и в узком, и в достаточно широком кругу сказать: «Не подрывайте нашу игру (! – Л. В.) в демократию!» или «Подумаешь,.. перебьется!» – это уже о колхознице, которая хотела бы иметь в своем селе парикмахерскую и ателье. Или вот его предельно откровенный диалог с первым секретарем ЦК комсомола Б. Н. Пастуховым, к которому он очень тепло, по-отечески относился:

– Сергей Георгиевич, почему же Вы, умный, знающий человек, знаток отечественной поэзии делаете такое плохое телевидение?

– Эх, Боря, – ответил Председатель, ласково приобняв его за плечи, – поживешь с мое, тогда узнаешь, в какую эпоху какое телевидение делать надо...

Действительно, он приспособливал телевидение и радио к заскорузлomu, топтавшемуся на месте и потому все больше отстававшему от новых требований времени обществу, а должен был бы, как я полагал, имея в руках самые мощные средства массовой информации, ускорять его всестороннее развитие. Конечно, это была бы опасная для него, чиновника, позиция, но и единственно достойная человека и гражданина. Увы, занять ее он не мог и не хотел и делал все возможное, чтобы работа огромного коллектива Гостелерадио протекала в русле его сугубо «охранительных» взглядов. Вот он говорит на заседании коллегии: «А эти обозреватели? Один все время рассказывает нам о народном контроле (это о Ю. А. Летунове. – Л. В.), а другой нас учит: скорее, скорее, скорее...» И чуть ли не на следующий день на курсах председателей местных комитетов по телевидению и радиовещанию повторяет тревожащую его мысль: «Один из наших очень уважаемых политических обозревателей, много и плодотворно работающий, тем не менее (! – Л. В.) призывает: скорее, скорее...» Как же он был прав, подметив не столько текст, сколько дух, направленность моих передач, и как сугубо не прав, не поняв или не желая понять, что замедление, торможение, остановка в развитии общества таят в себе бациллу его гибели! Впрочем, история ког-

да-нибудь бросит этот упрек не только и не столько ему, сколько всему руководству страны, так и не осознавшему подлинных закономерностей общественного развития.

Не стану, пожалуй, рассказывать здесь о других циклах (например, «Советуюсь с Вами...») и отдельных передачах того времени (например, по проблемам малых городов, после чего «Советская Россия» во главе с М. Ф. Ненашевым настойчиво повела эту болезненную тему) и о разнообразных – для общества и для меня – последствиях, а упомяну еще только о кульминационном, можно сказать, разговоре с Председателем Гостелерадио. Звонок по «вертушке». Что-то в одной из передач вызвало у Лапина буквально приступ ярости, и он почти кричит:

– Я поставлю на Политбюро вопрос о Ваших передачах!

– Это было бы замечательно, Сергей Георгиевич. Без меня такой вопрос рассматривать не будут (в чем, конечно, уверенности у меня не было. – Л. В.), а, как Вы знаете, я жду не дожусь возможности сказать, наконец, все, что думаю об уровне и характере Вашего руководства Гостелерадио.

На этот раз оба одновременно бросили трубки телефонов.

Не хотелось бы оставить у читателя впечатление, будто каждый шаг в работе на Телевидении был сопряжен с неприятностями психологического и политического характера. Ведь Лапин был крайне непоследователен и противоречив. Его главная забота состояла в том, по-моему, чтобы каждый день и час держать нос по ветру. Поэтому он мог на партийном активе Комитета сказать вполне правильные слова о необходимости здоровой и принципиальной критики, и даже аналитического подхода к явлениям жизни, процитировать соответствующие места из речи, скажем Л. И. Брежнева, и тут же после заседания или на следующий день дать прямо противоположные указания по той или иной работе. Сегодня он мог публично высказать высокую оценку работе сотрудника, а завтра уничижительно отозваться о ней же. Выносить все это в немалой степени помогала поддержка Э. Н. Мамедова. Человек действительно талантливый, он во многом смягчал негативные последствия консервативно-реакционных позиций Лапина, хотя, естественно, нередко вынужден был лавировать при принятии тех или иных решений. Иногда он говорил мне:

– Пожалуйста, не ссорь меня с Председателем!

– Да не трогаю я твоего Председателя, – отвечал я ему. – Строй свои отношения с ним, как считаешь нужным. Я в это не вмешиваюсь. Мне важно одно – решить проблемы так, чтобы дело не страдало.

Вместе с тем под давлением обстоятельств или в связи с особенностями своего характера Энвер Назимович оказывался порой тенью Лапина, размашисто и беспощадно вымарывая из текстов передач «криминальные», даже на его, казалось бы, более просвещенный взгляд, фрагменты. Случалось, дело доходило до острых споров и с ним, когда его

перестраховка уж совсем выходила за пределы разумного. Помнится, например, как он вычеркивал из передачи одно «опасное» место за другим, не вникая в доводы против такой вивисекции, пока не дошел до места, где, назвав процент рабочих, имеющих среднее образование, я сказал примерно так: эта цифра при всем ее положительном значении вместе с тем говорит о том, что еще большее число рабочих его еще не имеет. Мы ожесточенно спорили о возможности заявить об этом открыто, пока я не подошел к полке, не снял с нее том из собрания выступлений и других материалов Л. И. Брежнева и не открыл соответствующую страницу: в памяти всплыло, что я сам в свое время вписал в какую-то его речь и такую цифру, и такой вывод. Надо было видеть облегчение, разлившееся по лицу Энвера Назимовича, увидевшего, что настороживший его «криминал» был произнесен самим Генеральным секретарем.

Или вот еще. Приезжаю из Рабочей группы по подготовке новой Конституции и говорю Мамедову, что в ней будет записан тезис, который мы введем в нашу очередную передачу и согласно которому Коммунистическая партия работает в рамках Советской Конституции. «Нет, этого не может быть никогда!» – бурно реагирует Энвер Назимович, и переубедить его даже со ссылкой на авторитет Рабочей группы мне так и не удастся. И конечно же сюжет исчезает под пером моего цензора (а потом появляется в Конституции). Но при всех этих и многих других обстоятельствах все же должен еще раз сказать, что, с моей точки зрения, его деятельность на ЦТ была высокопрофессиональной и в целом прогрессивной и общественно полезной. С именем Э. Н. Мамедова связано многое новое для той эпохи, о чем рассказывается в следующей главе.

Глава 16

«ПРИХОДИТЕ НА ПЕРЕДАЧУ С ПАРТИЙНЫМ БИЛЕТОМ!»

Зарубежный опыт прямого политического теле- и радиовещания. – «День X» Советского телевидения. – Массовая поддержка новой формы передач. – «Прямой разговор о прямых передачах». – Профессионал-царедворец. – Письма людские. –

Работа министерств и ведомств по вопросам телезрителей, их предложениям и просьбам. – Кадровые и деловые сдвиги после прямого эфира. – Зарубежная реакция на открытое вещание в СССР. – Свобода слова и ответственность журналиста.

Вскоре после Нового, 1981 г. ко мне зашел Сергей Петрович Капица и положил на стол маленький пакет. В нем оказались игрушки для детей старше 16 лет: весьма искусно выполненные фигурки обнаженных мужчины и женщины, соединенные рычажками, при их движении совершали некое таинство, о котором нынче прямыми словами прилюдно говорят и так же запросто пишут. А тогда мой друг счел нужным извиниться:

– Понимаю, что совершаю абсолютно неприличный поступок, но, будучи в Сингапуре, я не мог не купить этот сувенир как символ того, что Вы сделали с Советским телевидением: 25 декабря 1980 г. Вы лишили его политической невинности. Поздравляю Вас и всех нас с этой победой.

Право, история о ней заслуживает отдельного рассказа, и в предыдущей главе я сознательно умолчал о самом существенном пункте нашего с Лапиным глубочайшего и многолетнего конфликта по поводу коренной *демократизации политического теле- и радиовещания*, ликвидации бесчисленных запретов на коллективный, вместе с телезрителями и радиослушателями, публичный поиск истины, самой возможности хоть какого-то реального контроля населения за деятельностью органов управления государством и обществом и активного влияния на происходившие в них процессы. Все это можно было осуществить через создание открытого, прямого теле- и радиоэфира с обратной связью со зрителями и при непосредственном участии в таких программах высших руководителей государственных и прочих органов, занимающихся важнейшими проблемами жизни страны. Именно вокруг этих идей и завязался самый сложный и главный узел противоречий и противоборства между председателем Гостелерадио и, можно сказать, его же порождением – первым, как уже упоминалось, в стране политическим обозревателем Центрального телевидения по вопросам внутренней жизни СССР.

Сейчас-то никого не удивляет, что журналисты прямо на улицах, в теле- и радиостудиях, кабинетах спрашивают о чем угодно людей и те отвечают им в прямом эфире так, как получается в момент разговора, без цензуры и вырезок из сказанного. А ведь еще недавно все было совсем, совсем по-иному. Каждая теле- или радиопрограмма – из числа разрешенных! – создавалась в рамках жестких цензурных ограничений, а затем подвергалась политической и вкусовой правке руководством разного уровня. Естественно, что конечный продукт – передача или телефильм – оказывался простерилизованным до такой степени, которая обеспечивала «полный покой и порядок» не только в эфире, но и, главное, в жизни как тех, кто возглавлял Гостелерадио страны, так и тех, кто должен был бы отвечать за состояние дел в той или иной сфере жизни.

Первые мысли об исторически назревшей необходимости нарушить такое кладбищенское умиротворение, о чем читатель знает из предыдущего повествования, возникли у меня задолго до перехода на Телевидение, а вот о том, каким наиболее эффективным путем это сделать, стало ясно после рассказа упоминавшегося ранее В. В. Егорова о венгерском опыте. Там тоже, но раньше и, по-видимому, острее, чем у нас, стало ощущаться массовое недовольство трудящихся ухудшением дел в социально-экономической сфере. И тогда руководители страны, включая, по-моему, и Первого секретаря ЦК ВСРП Я. Кадара, впервые вышли на телевизионные экраны, чтобы в прямом диалоге с телезрителями, звонившими им по телефонам, установленным в студии, провести открытые, прямые, по существу всенародные обсуждения самых злободневных проблем. Эффект был колоссальным: самые взрывоопасные вопросы, как, скажем, нехватка мясных продуктов и рост цен на них, жилищное строительство, значительное повышение квартплаты и т. д., в результате честного, прямого, публичного и уважительного разговора «верхов» с «низами» получали рациональное объяснение; мнение телезрителей по тем или иным моментам изучалось и учитывалось – намечавшиеся изменения, когда это было возможно и необходимо, корректировались (о чем в обещанные сроки давалась информация в следующих передачах); к этой работе подключались радио, газеты и журналы... Все это в значительной мере укрепляло взаимопонимание и взаимодействие власти и народа, оздоравливало психологическую обстановку в обществе.

Откровенно говоря, рассказ Вилена Васильевича я воспринял как некую провокацию, имевшую целью заразить меня этой идеей и моими руками внедрить ее в отечественную практику. Ну а поскольку наша социальная действительность того времени во многом перекликалась с венгерской, я охотно и вполне сознательно взял эту идею на вооружение. Тем более что вскоре мне и самому довелось ознакомиться с технологией и убедиться в эффективности подобных передач: в феврале 1975 г. из Венгрии поступило приглашение выступить вместе с группой представителей советской общественности именно в такой форме по тамошнему телевидению.

Подготовлена эта программа венгерскими товарищами была великолепно: о ней заранее объявили в средствах массовой информации, рассказали о теме передачи – она называлась «Форум» – и о составе нашей группы, организовали интервью со мной как ее руководителем, сообщили номера телефонов, по которым заранее принимались вопросы (их поступило более двухсот), а после почти двухчасового прямого эфира, когда в студию прошло еще свыше полутора тысяч звонков, в печати были дополнительно опубликованы развернутые ответы по наиболее существенным проблемам из числа не уместившихся даже в таких широких рамках программы. Мне, например, пришлось отправить в Венгрию печатный лист с ответами на 15 вопросов. Ведущим передачи был очень опытный в этом амплуа первый заместитель председателя Венгерского телевидения Карой Медери, да и группа наша, как говорится, в грязь лицом не ударила. Советское посольство, ЦК ВРСП, пресса, сами телезрители в многочисленных откликах высоко оценили проведенный телефорум: социологические опросы показали, что программу смотрели 60 процентов телезрителей, и 67 процентов из них охарактеризовали ее как лучшую из прошедших до этого по телевидению.

Рассказываю же о ней сравнительно подробно, поскольку, воодушевленный ее успехом, я предложил Лапину создать аналогичную передачу у нас в стране, что было тут же безоговорочно отвергнуто. Тем не менее на протяжении шести лет я упорно возвращался к этой теме, приводя новые и новые аргументы в пользу такого решения, но встречал столь же упорное сопротивление, одобренное поразительными контраргументами: «Кто будет звонить Вам? Одни интеллигенты – у рабочих в квартирах телефонов нет!» В других странах и с телефонами у рабочих, и с политической порядочностью и прозорливостью руководителей соответствующего ранга, надо полагать, дела обстояли намного лучше, судя хотя бы по тому, что на протяжении почти полутора десятков лет я собирал интересных людей в творческие группы и несколько раз в году выезжал с ними за рубеж для выступлений в прямом эфире.

В Чехословакии, например, эти программы шли под рубрикой «Свободная трибуна», и вел их сам Генеральный директор тамошнего телевидения Ян Зеленка – человек ярко и разнообразно талантливый, во многом способствовавший успеху этих передач. В письме Лапину по поводу первой программы с участием представителей советской общест-венности он отметил, что наша группа «подняла передачу на высокий политический и профессиональный уровень, сумела придать ей непосредственность, легкость и юмор», что она «принесла большую пользу для дела, чем любой документальный фильм, ибо она воздействовала непосредственностью беседующих, и ее пропагандистское влияние подкреплялось эмоциональным воздействием». И это совершенно верно: никакая, даже самая талантливая передача в записи, вычищенная до блеска, не может сравниться по своей эффективности с живым, сиюминут-

ным, пусть даже в чем-то несовершенным, прямым разговором, простым человеческим общением людей, находящихся по разные стороны экрана, но в известном смысле живую беседующих друг с другом.

Пожалуй, с особенной силой можно было убедиться в этом во время прямой передачи «Так у соседей», состоявшейся в Финляндии осенью 1976 г. Мы приехали, как нам казалось, к спокойным, довольно молчаливым, несколько флегматичным финнам, а они обрушили на нас такой шквал вопросов, что телефоны просто заклинивало, и наша бесподобная ведущая передачи Паула Лёхдисте была вынуждена несколько раз просить всю страну на пять минут дружно прекратить звонить в студию, чтобы дать возможность техникам развести линии связи. Естественно, что и мы отвечали телезрителям столь же живо и эмоционально, и этот яркий, какой-то солнечный по настроению контакт с финской аудиторией навсегда сохранился в памяти советских участников программы. В Болгарии, Венгрии, Испании (там мне дважды пришлось выступать одному), Польше, Чехословакии, Швеции (для нее из Москвы в течение двух дней проводилась радиопрограмма «Открытый канал»), в Югославии (с нею был установлен телемост), в Южном Йемене – везде телезрители проявляли огромный интерес к самым разным сторонам жизни в СССР, и мы старались как можно полнее удовлетворить его.

Назову хотя бы некоторых из участников таких передач: ответственные работники Госплана и Государственного банка СССР В. С. Алхимов, Н. Н. Иноземцев, А. И. Смирнов; космонавты Г. М. Гречко, В. В. Лебедев, Н. Н. Рукавишников, В. И. Севастьянов; артисты С. Н. Крючкова, Р. Д. Нифонтова, Г. А. Писаренко, И. С. Савина, В. В. Тихонов; ученые С. П. Капица, Н. Н. Яковлев; хозяйственный руководитель Е. М. Гончаров; журналисты В. С. Губарев, В. П. Дунаев, В. С. Зорин, А. А. Каверзнев, Н. Н. Шишлин; спортсмены А. В. Дмитриева, Н. В. Ким, Л. С. Латынина... Практически к каждому из этих имен хотелось бы добавить не столько их разнообразные высокие звания, сколько теплые, глубоко уважительные характеристики, но придется ограничиться одним общим замечанием: все они вызывали к себе искренний интерес зарубежной аудитории и своими интеллектуальными и человеческими качествами достойно представляли свою страну и свой народ. Некоторые уже ушли из жизни, другие продолжают здравствовать и работать. Привет вам, друзья!

Подбирая участников таких групп и работая вместе с ними в зарубежном прямом эфире, я присматривался, конечно, к особенностям его организации и проведения в разных странах, но, как уже говорил, применить накопленный опыт в своей стране в течение многих лет возможности не имел. Однако в конце концов лед, казалось, тронулся. Не без моего участия в соглашение с Финским телевидением было вписано, что в ответ на прямую передачу там аналогичная двухчасовая программа с их участием состоится и здесь, у нас. И когда подошел ее срок,

пришлось напомнить Лапину об этом пункте соглашения. Нехотя, вынужденно тот дал согласие на прямую передачу с обратной связью со зрителями. А нужно сказать, что, готовясь к этой программе, я съездил к финским друзьям и с их помощью подобрал большой, разнообразный и яркий иллюстративный видеоматериал. Кроме того, мы дважды давали в печати информацию о предстоящем телевизионном вечере, посвященном 60-летию независимости Финляндии, и успели получить немало писем с вопросами нашим гостям. Вместе с директором финского Телевидения-1 С. Киуру в Москву направились первый министр социального обеспечения и здравоохранения, депутат Парламента, заместитель председателя Социал-демократической партии Финляндии (и прелестная женщина) Пиркко Тюёляярви, известная читателям Паула Лёхдисте, а также председатель профсоюзной организации на бумажной фабрике, земледelec, радиожурналист, актриса (она же режиссер) и молодой спортсмен. Организационная и техническая подготовка вечера была в самом разгаре, как вдруг, дня за два, наверное, до передачи Э. Н. Мамедов, ранее поддерживавший идею провести ее под включенные в студии телефоны, несколько смущенной улыбкой и разведенными в стороны руками подчеркивая вынужденный характер произносимого, заявил мне:

– Старику неудобно отказываться от своего слова, поэтому я *своей* властью прямой эфир запрещаю.

И, явно цитируя Лапина, добавил:

– В декабре будем отвечать на вопросы о Финляндии, а в марте *будем вынуждены отвечать* (курсив мой. – Л. В.) на вопросы о положении дел у нас?! Этого нам не нужно!

Пришлось хоть как-то спасать положение, а главное – лицо не просто Гостелерадио, а самой страны, министр которой оказался жалким трусом и циником. Объяснив финским друзьям сложившуюся ситуацию, я предложил им компромисс: передача пойдет в записи, но в студии будут находиться человек 60 представителей советской общественности разных возрастов и интересов – от ученых до пионеров, членов Общества дружбы «СССР – Финляндия», которым они смогут отвечать на их вопросы сверх тех, что с разных концов страны пришли в письмах в редакцию. Беседа оказалась настолько интересной и насыщенной, что мы записывали ее в течение четырех часов, а затем, крепя душу, сократили программу наполовину. И все же отзывы, несмотря на все потери, были единодушными: «Браво! Браво! Браво! Эти слова я произнес сразу же после просмотра телепередачи... Слова привет а говорю в адрес организаторов и участников этой передачи – умной, содержательной, интересной и т. д.» (Н. П. Шебланов); «Я буквально в восторге от внимательно просмотренной мною телевизионной передачи... Она была настолько содержательна и глубоко интересна, что невозможно было оторваться от телевизора ни на одну минуту. Однако хочется отметить весьма существенное и главное в замечательном, имен-

но творческом опыте этой передачи – удивительно доходчивой ее форме... Казалось, будто это совершенно новый вид телевизионного зрелища... Передача была исключительно разумно подготовлена, по-деловому, но *форма ее – это НАХОДКА!* Столько важных, серьезных, деловых вопросов, но они были заданы с исключительно искренней задушевностью и с дружеской открытостью... СПАСИБО! БОЛЬШОЕ СПАСИБО!» (В. С. Голованов)...

Вся эта школа организационной и творческой работы, которую мне приходилось проходить как руководителю и участнику выезжавших за рубеж групп, из года в год убеждала меня в реальной возможности создания таких программ в нашей стране, а происходившие в ней социально-экономические процессы – во все более обостряющейся необходимости прямых передач по самым злободневным вопросам с участием руководителей высокого ранга, с одной стороны, и самих телезрителей – с другой. В ЦК партии на разных его уровнях понимание значения таких форм вещания явно перевешивало сомнения в их возможных результатах, но даже это не могло изменить позицию Лапина. Ну а моя настойчивость в «пробивании» идеи открытых передач напрочь испортила отношения с ним и накалила их, можно сказать, до предела. К тому же и многие выступления в других формах, о чем рассказано в предыдущей главе, не способствовали нашему взаимопониманию. Поэтому в ЦК, где отчетливо понимали сложившуюся ситуацию, уже в начале 1975 г. возникли, а затем не раз возобновлялись предложения мне вернуться в аппарат или перейти в том же качестве политического обозревателя в «Правду». Но, откровенно говоря, вдобавок к иллюзиям, о чем тоже упоминалось выше, я не считал возможным покидать поле боя, не решив поставленной перед самим собой задачи, и откладывал окончательное решение в надежде на то, что жизнь и бульдожье упорство рано или поздно проломают стену между высоким руководством и населением страны, что нормой станет их прямое, откровенное, нелицеприятное общение друг с другом, в ходе которого второе станет в постепенно возрастающей мере контролировать деятельность первого. И это сыграет важную роль в реальной демократизации нашего общества, внесет в жизнь страны больше элементов подлинной социальной справедливости, будет способствовать ускорению решения острых, назревших и перезревших проблем.

Переломить ситуацию удалось только через четыре года после передачи о Финляндии. Лишь в конце 1980 г. Лапин решился на открытый политический эфир:

– Ну, хорошо, пусть будет прямая передача, но только чтобы были бесспорная тема и бесспорные люди.

– У Вас *будут* бесспорная тема и бесспорные люди, – ответил я, вышел из его кабинета, тут же позвонил президенту Академии наук А. П. Александрову и помчался к нему.

Уговаривать президента не пришлось, достаточно было сказать:

– Анатолий Петрович, если Вы хотите, чтобы у нас в стране появилась форма реальных контактов верхов и народа, его демократического контроля за деятельностью высоких и высших руководителей, берите своих вице-президентов и приходите в первую прямую телевизионную передачу с обратной связью со зрителями «Проблемы – поиски – решения». Тема – «Научно-технический прогресс в СССР».

Расчет оказался правильным: проблема была обозначена в виде специального раздела в «Основных направлениях развития народного хозяйства», проект которых был опубликован для всенародного обсуждения в преддверии XXVI съезда КПСС, а руководители Академии наук были авторитетами даже для Лапина. Да и Анатолию Петровичу, трижды Герою Социалистического Труда, мне показалось, было интересно после долголетнего полузасекреченного существования как ученого выступить перед широкой публикой.

И вот настал «День Х». Начальство разного ранга в Отделе пропаганды и некоторых других звеньях аппарата ЦК осталось на работе перед включенными телевизорами, а кое-кто, сомневаясь в самой возможности такого чуда, под вымышленными фамилиями звонили в студию и прямо-таки как дети радостно сообщали мне на следующий день о том, что такой-то оглашенный по ходу передачи вопрос принадлежал именно им. О руководстве Телевидения и говорить не приходится. Со страха перед прямым эфиром нам на шестерых дали всего 55 минут; и даже Э. Н. Мамедов сказал мне (подозреваю, что он опять-таки протранслировал слова Лапина): «Приходите на передачу с партийным билетом!» Такой-то их угрозой я мог позволить себе пренебречь и привожу ее здесь лишь как свидетельство патологической боязни нового, необычного, непредсказуемого, которая определяла линию поведения руководителей достаточно высокого ранга и, естественно, подчиненных им работников.

Истины ради должен сказать, что прямой эфир (без предварительной записи и последующего монтажа) существовал еще на заре нашего телевидения, когда передачи велись «живьем» из студий, – других технических возможностей у нас тогда еще не было. Более того, позднее на некоторых региональных студиях выступали местные руководители, напрямую отвечавшие на письменные и телефонные вопросы местного же характера. В отличие от них наши передачи отвечали собранным воедино пяти условиям: они были прямыми; проходили в масштабах всей территории страны (и даже других государств), куда доходил телесигнал; обратная связь со зрителями была как никогда широкой – вопросы со всех сторон поступали по 20 телефонам, имевшим единый номер; на обсуждение ставились самые крупные общегосударственные проблемы; участниками таких встреч были за малым исключением первые лица, непосредственно отвечавшие за положение дел в той или иной сфере

жизни государства и народа. До этого *таких* передач, объединяющих в себе все эти пять особенностей, не было *никогда*, и именно поэтому С. П. Капица считал нужным весьма своеобразно, как рассказано выше, отметить появление первой из них на советском телеэкране, напомним, 25 декабря 1980 г.

Какова же была реакция на эту передачу? Прежде всего – шоковая, потому что никто не верил в такую возможность в принципе. Даже на самом Телевидении еще года полтора-два находились люди, считавшие эти передачи хитро устроенным обманом телезрителей. Далее – восторженная. Например, на следующий день студенты экономического факультета МГУ, по дошедшим до меня сведениям, стихийно устроили что-то вроде сходки после занятий и расценили эту программу как прорыв в сторону действительной демократизации общества. Наконец – оптимистическая. Многие поверили в возможность своими предложениями, замечаниями, вопросами лично участвовать в решении общегосударственных проблем, воздействовать на ускорение этого процесса.

Итак, на борьбу за появление в нашей стране прямого политического эфира с обратной связью со зрителями ушло более шести лет, а еще пять, пока мои открытые передачи оставались единственными, – на то, чтобы вообще удержать их в телевизионном вещании. Какие только палки в колеса не ставили Лапин и его присные, чтобы загнать этого джинна обратно в бутылку с прочной пробкой или хотя бы свести его появление к минимуму! И это у них, к сожалению, получалось: после первой передачи за все оставшееся время правления Лапина удавалось выйти с прямыми передачами в среднем не чаще одного-двух раз в году (а после его освобождения от обязанностей председателя Гостелерадио в конце 1985 г. мы делали такие программы не менее девяти раз ежегодно). Особенно тяжелым в этом отношении был почти двухлетний перерыв с середины 1982 г. до середины 1984 г., когда, несмотря на поток недоуменных писем по поводу исчезновения прямого эфира, передачи этого жанра оказались под глухим запретом. Так продолжалось до тех пор, пока я, осатанев от бесплодных попыток организовать новые открытые выступления, не написал для газеты «Советская культура» большую статью «Прямой разговор о прямых передачах», в которой высказал все, что думал о позиции противников откровенного, честного разговора руководителей высокого ранга с теми, ради чьего блага они, как считалось, живут и работают.

Редакция долго не публиковала ее, но в конце концов, не без давления со стороны Отдела пропаганды ЦК, решилась на этот шаг, вдвое сократив текст и придав ему форму интервью со мной. В начале материала приводились высказывания телезрителей о наших передачах: «Возможность задать вопросы и сразу получить ответ – это замечательно! Большое спасибо за передачу. Могу только пожелать, чтобы таких пере-

дач было больше» (электромонтер Н. Кузнецов). – «Общение населения «напрямую» с министрами имеет значимость, которую трудно переоценить» (В. Чепурной). – «Это новая форма социалистической демократии. Каждый гражданин может задать министру вопрос и получить ответ. Каждый гражданин может высказать свои соображения по поставленному вопросу, а это одна из форм участия рядового члена нашего общества в управлении государством» (С. Копченков). – «Вот это передача, вот это успех! Ведь сколько такой передачей снимается вопросов!» (Д. Сусин). Далее в интервью шли ответы корреспонденту, в которых, в частности, приводились нелепые, на мой взгляд, «аргументы» разных руководителей, вплоть до некоторых секретарей ЦК, направленные против прямого эфира.

И тут разразилась буря, продолжавшаяся больше недели. Как рассказывал мне Г. С. Оганов (напомню, заведующий сектором телевидения и радиовещания Отдела пропаганды), «вертушки» не только его, но и ряда других работников аппарата ЦК были раскалены докрасна яростными звонками Лапина. Он не раз говорил, что публикации своих подчиненных принципиально не читает. Но в том, что эту-то он не пропустит, сомнений у меня не было. Ошибся я только в предположении, что его взбесят приведенные в газете убогие аргументы против появления прямого эфира. Оказалось же, что вывело его из себя другое, более важное. В интервью было сказано: «Приходится преодолевать и какое-то заскорузлое представление о том, что можно и что нельзя говорить с экрана. Я глубоко убежден, что в наши дни (а шел 1984 г. – Л. В.) нет ни одной сколько-нибудь серьезной проблемы внутренней жизни страны, о которой невозможно и не нужно было бы рассказать телезрителям. И если мы по своей робости или недальновидности о чем-то умалчиваем, то «запретные» темы толкуются обывательски. Именно неполнота информации порождает слухи, домыслы. Так что уход от проблемы есть не «снятие», а лишь фактическое усугубление ее».

А теперь вчитайтесь в телефонную истерику, которую Председатель закатил Оганову:

– Вы читали сегодняшнюю «Советскую культуру»? У нас появился свой Иржи Пеликан¹ – Вознесенский! Он считает, что с советским народом надо говорить обо всем! А об установке лазерного оружия в космосе?² Он на ЦРУ работать хочет? Он привез из Тюмени ворох грязи (т. е. те факты, с которыми сам хотел ознакомить Ю. В. Андропова, потому что все-таки понимал государственное значение этой информации. – Л. В.) – мы вовремя схватили его за руку! И вообще он хочет заменить собой Политбюро: обобщать процессы, происходящие в обществе, – это не

¹ Иржи Пеликан, если мне память не изменяет, был председателем Чехословацкого телерадиокомитета во время «пражской весны».

² Лапин в очередной раз передернул: речь шла о вопросах *внутренней* жизни страны, а не об оборонных секретах или дипломатических тайнах.

каждому съезду партии удастся! Нет, это – Иржи Пеликан! Буду докладывать секретарям ЦК!

Масла в огонь подлил и журнал «Журналист», где именно в эти же дни под рубрикой «Девиз журналиста» во всю страницу была опубликована моя фотография, а под нею – та же «криминальная» фраза из газетного интервью: *«Убежден: в наши дни нет ни одной сколько-нибудь серьезной проблемы внутренней¹ жизни страны, с которой нельзя и не нужно было бы знакомить телезрителей»*. И под нею – моя подпись. Снова взрывы лапинского бешенства по телефонам и в кулуарах, но мне – ни слова, так как по опыту он знал, что тут же получит отпор. Оганов нашел, может быть, не лучший, но все же способ сбить эту волну, сказав ему:

– Я вижу в журнале не только девиз журналиста, а и подпись члена редколлегии С. Г. Лапина. Значит, один дурак написал, а другой это подписал? Чем же Вы возмущены?

И вот тут я задумался, почему же именно эта моя фраза вызвала такое бешенство? Могу объяснить только одним: Лапин верно разглядел в ней протест против присвоенного им и кучкой такого же рода людей права определять, что и в какой мере «положено» знать каждому из нас, а что «не положено», какой набившей оскомину жвачкой кормить граждан, а что власть считает нужным скрывать от своего несмысленного народа, т. е. нагло обманывать его. Отнять у этой публики такое «право» – значило бы лишить ее одного из главных средств манипулирования сознанием общества и каждого человека, т. е. значительной части ее по существу бесконтрольной власти. Как же было этим не возмутиться?

Поняв это, возмутился и я, тем более что припомнил эпизод, относящийся к осени 1980 г. Тогда в очень напряженной обстановке, сложившейся в Польше, состоялся Пленум ЦК ПОРП. Отчет о нем был опубликован в нашей печати, а на следующий день я получил материал ТАСС об этом Пленуме и не поверил своим глазам: казалось, речь там шла о совершенно другом событии. Потратив несколько часов на сличение этих информации – открытой и закрытой, – я убедился, что для массового «употребления» из предельно честного, остро самокритичного, даже трагического по содержанию материала по-своему талантливо было вымарано абсолютно все, что способно вызвать хоть какие-то ассоциации с положением дел в нашей стране, стать колоколом громкого боя для партии и государства, для социализма и народа. И тогда же я подумал: какой же политической и человеческой скотиной надо быть, чтобы выполнить *такую* непристойную работу (ныне сданную мной в архив – для историков). Не случайно именно тогда, осенью 1980 г., анализируя процессы, происходящие в нашей стране и в «братских странах социализма», я своим документам о настоятельной необходимости коренной перестройки всего нашего общественного бытия и мышления (если второе можно отделить от первого) дал преамбулу, которую позвольте мне даже зрительно выделить из общего текста:

«Общество жаждет Правды, Справедливости и Порядка, и или оно в конце концов получит их «сверху», или возьмет «снизу» – со всеми вытекающими отсюда последствиями (см. печальный опыт братских стран), и чем позднее произойдет первое или второе, тем тяжелее будут они, эти последствия, для партии, государства и народа».

Разумеется, и это предупреждение, написанное в то время, когда я в составе группы работников ЦК участвовал в подготовке доклада, с которым Генеральный секретарь в начале следующего года выступил на XXVI съезде КПСС, и мои ранее написанные документы, как и прежде, остались гласом вопиющего в пустыне, и мне приходится лишь с горечью констатировать: через 11 лет все точно так и произошло...

Вернемся, однако, к тому моменту, когда страсти по поводу публикации в «Советской культуре» несколько поутихли, а вместе с тем постепенно стала проявляться и причина двухлетнего моратория на прямой эфир. Оказалось, что «виноваты» в этом были кончина Л. И. Брежнева и последовавшие за нею смены новых лидеров – Ю. В. Андропова и К. У. Черненко, с которыми у Лапина не было столь близких отношений, как с Леонидом Ильичом. А о них работники Комитета узнавали в интимных, можно сказать, подробностях: Председатель не упускал ни малейшей возможности, выступая с докладами на партактивах Гостелерадио, публично сообщать, какую именно часть – наилучшую, конечно, – кабана, убитого и лично размеченного Генсеком в соответствии с уровнем его благоволения к тем или иным людям, прислал тот ему в очередной раз. Это было важнее награждения любым орденом, ибо являлось лучшей охранной грамотой для ошастливленного. Тем не менее ряд работников аппарата ЦК, ощущая, как и я, растущую пропасть между требованиями жизни и характером деятельности Лапина, сделали все возможное, чтобы убрать его с занимаемого поста. В конце концов всё и со всеми согласовали, и было подготовлено решение о направлении его послом в Германскую Демократическую Республику. А. А. Громыко, в то время Председатель Президиума Верховного Совета СССР, намеревался вот-вот подписать соответствующий Указ, но Лапин упросил его отложить эту акцию до возвращения Л. И. Брежнева из отпуска. В силу каких-то обстоятельств мои товарищи согласились или были вынуждены согласиться с такой отсрочкой, и, когда они сообщили мне о ней, я схватился за голову:

– Братцы, что Вы сделали! Это означает, что вся Ваша огромная работа будет перечеркнута!

Так и произошло. Когда Брежнев вернулся в Москву, Лапин попросил принять его и умолил оставить все по-прежнему, поскольку-де и жена больна, и сын заканчивает 10-й класс. Растроганный им Брежнев прослезился и сказал:

– Ладно, Сережа, оставайся здесь – будем стариться вместе...

Ну а после ухода из жизни Брежнева в конце 1982 г. Председателю пришлось налаживать отношения с Андроповым и его окружением, а когда это в какой-то мере удалось, Юрия Владимировича сменил Черненко, с которым у нашего высокомерного и, казалось бы, предусмотрительного руководителя сколько-нибудь позитивных отношений, по моим представлениям, не было вообще. Продолжая видеть в каждой программе прямого эфира потенциальную арбузную корку, на которой можно поскользнуться, Лапин решил не искушать судьбу. Он ощущал зыбкость своего положения, симптомом чего было, в частности, то, что до самого последнего момента его не включали в некие списки, связанные с формированием Центрального Комитета партии на предстоявшем ее съезде¹. И вдруг буквально в последний день вечером, когда завершалось составление заветных списков, Лапину наконец позвонил Черненко. В этот момент я был в кабинете Председателя, но моих способностей не хватит, чтобы описать в красках и подробностях сцену их разговора, передать словами его восторженно-холуйские интонации. В сухом изложении их диалог – слова Генсека отчетливо доносились не только до его абонента – выглядел так:

- Товарищ Лапин, мы внесли Вас в список (в какой, я не запомнил, но это был именно тот список, попасть в который он так хотел. – *Л. В.*).
- Огромное, огромное спасибо Вам, дорогой Константин Устинович...
- Не меня благодарить надо, а партию.
- Но я же знаю, дорогой Константин Устинович, *кто* в партии решает такие принципиальные вопросы!..

Да, в роли царедворца Лапин был неподражаем. Как-то ближе к вечеру он позвонил мне:

- Лев Александрович, один очень, очень хороший человек, находящийся сейчас в больнице, хотел бы посмотреть сегодняшний матч (то ли футбольный, то ли хоккейный. – *Л. В.*) своей любимой команды. Вы не будете возражать, если мы перенесем Вашу передачу на завтра, а этот матч покажем сегодня?

Понимаю, что это лишь формула вежливости, что речь идет о Брежнев, и мне не остается ничего иного, как ответить:

- Ну, если этот человек действительно очень, очень хороший, то, конечно, не возражаю.

Общеизвестно, что раболепствующий перед вышестоящими всегда пытается «возместить» в своем сознании или, скорее, подсознании собственное унижение хамским отношением к подчиненным. Лапин идеально, если так можно сказать, воплощал в себе это подленькое прави-

¹ Вошедшие в ближайшее окружение ставшего Генсеком Черненко новички, в руках которых он вскоре оказался из-за быстро нараставшей физической и интеллектуальной немощи, пытались досрочно провести съезд КПСС, чтобы успеть закрепить свои позиции и сохранить их в партийно-государственной иерархии после очевидной всей стране скорой кончины Константина Устиновича.

ло. Правда, в нашем прямом общении это свое качество он не проявлял, но за спиной достаточно злобные тирады в мой адрес произносил. Впрочем, и без них я постоянно, на протяжении всех лет работы под «чутким и непосредственным руководством» Председателя сталкивался со множеством его мелких и крупных пакостей, отравлявших само существование в Комитете и, главное, подрывавших или даже срывавших те или иные программы и планы нашей творческой группы. Во всяком случае, одной из срочных госпитализаций и многолетним заболеванием сердца я обязан прежде всего ему. К тому же практика работы довольно быстро показала, что ее успех во многом зависит от решения ряда организационных, материально-технических и кадровых проблем. Это хорошо понимали сотрудники Отдела пропаганды, а также некоторые руководители всего аппарата ЦК, по предложению которых неоднократно готовились документы, связанные с необходимостью разработать и принять официально Положение о политических обозревателях. Однако Лапин и кое-кто из его ближайшего окружения предпочитали связывать с ними некие личные, а не общественные интересы. Они не хотели понимать, что работа такого уровня и масштаба нуждалась в соответствующем организационном подкреплении. Кстати, здесь я должен с благодарностью отметить большую помощь в решении вопросов, которые не требовали санкции Председателя, со стороны сменивших друг друга его заместителей по материально-технической части – Л. С. Максакова, Г. М. Сорокина, Г. С. Юшквичуса, а позднее В. Г. Маковеева.

В общем, для ясности и краткости приведу слова умного и тонкого наблюдателя – К. С. Кузакова: «Лапин приемлет только механических исполнителей его воли. Не терпит самостоятельных людей. Чудовищно подозрителен, особенно если кто-то бывает в ЦК, вплоть до того, что прямо запрещает работникам Гостелерадио появляться там. Хочет быть Секретарем ЦК и интригует против Отдела пропаганды и Тяжельникова (тогда, в 1980 г., он заведовал им. – Л. В.). Не приемлет никаких проблем. А Вознесенский работает в ключе, который сам считает нужным, вопреки желаниям Лапина. Берется за проблемы и анализирует их, хотя его призывают этого не делать. Имеет широкие связи и контакты с аппаратом ЦК. Слишком независим и самостоятелен в поведении». Неудивительно, что в своем кругу, да и в более широком Председатель не раз говорил о будущем авторе этой книги: «Надо поставить его на место» и даже «Уволить бы, но у него очень прочная поддержка в ЦК».

Конечно, никаких официальных форм она не имела, но как не считать крайне важной в ситуации того времени позицию Секретаря ЦК партии И. В. Капитонова, высоко оценившего прямую передачу о комсомоле весной 1982 г. и сказавшего Первому секретарю ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухову: «Вознесенский – отчаянный мужик»? И добавившего затем (о чем мне рассказал начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР Н. Ф. Рубцов): «Это очень важная форма работы, особенно – на молодежь. Нельзя проходить мимо такой формы. Надо

посмотреть, как можно использовать ее в дальнейшем». Думаю, что подобного рода отзывы доходили до чутких ушей Председателя, всегда настроенных на начальственную волну, и, безусловно, способствовали выживанию прямого эфира.

На примере Лапина и в целом телевидения эпохи Брежнева мне стала еще более очевидной, чем даже во время работы в ЦК, технология создания культа личности. Это явление – результат поистине коллективного творчества. Запевалами выступали те, кто кормился, можно сказать, прямо из рук перевозносимого. В таком ближайшем кругу каждый боялся выглядеть отстающим, то бишь менее преданным, чем передовики. Помню, на меня произвели тошнотворное впечатление выступления Шеварднадзе и Кунаева, сумевших переплюнуть всех ораторов в публичном пресмыкательстве перед Брежневым на XXVI съезде партии. Вступившему на этот путь сойти с него практически невозможно. Тем более что под него подводили «теоретическую» базу в виде официальных решений о необходимости укреплять авторитет руководства партии и страны. А это уже служило прямым указанием чиновникам второго, третьего и прочих уровней, прежде всего – работавшим в средствах массовой информации. Хор славословивших становился все более мощным, втягивал в себя партийных, советских, хозяйственных руководителей и рядовых работников. Уже ни одна диссертация, книга и даже статья, тем более в области обществоведения, не могли выйти без ссылок на имя и высказывания очередного верховного властителя. И вот уже он, еще недавно нормальный и неплохой, с трезвой самооценкой человек начинал принимать за чистую монету фимиам, которым его обволакивали с утра до ночи, и думать о себе как о действительно великом деятеле. (Брежнев, например, говорил сквозь слезы, когда ему зачитывали выдержки из писем в ЦК: «А ведь народ меня действительно любит».) Круг замыкался: брошенное сверху ядовитое семя произрастало на постоянно и хорошо удобрявшейся почве, вверх вздымались потоки фальшивого восхищения благодетелем и его окружением, а общество на корню загнивало в удушающей атмосфере культа и бесчисленных культиков.

Лапин был лишь одним, но далеко не последним по значимости из создателей такого порядка вещей, фальшивой видимости полного благополучия в стране, где, судя по телевидению, радио и печати, не падали самолеты и не случались аварии в промышленности, отсутствовали дедовщина в армии и чиновничий произвол в различных звеньях управления, вырождение российской деревни и рост национализма на окраинах страны, и т. д. и т. п. Клянясь именем народа, а фактически презирая массы, он прислуживал прежде всего и главным образом верхам, делая при этом все, чтобы, скрывая правду, оглулять и тех, и даже других. Например, ежедневно специальная служба для ориентировки высшего руководства готовила так называемые «Радиоперехваты», где полностью или частично приводились наиболее существенные материалы из передач зарубежного радио на СССР, – так Лапин и там, в этих закры-

тых, с грифом «Секретно» документах лично вымарывал все, что могло огорчить узкий круг читателей, особенно если кто-нибудь из них оказывался там поименован, и резко критический текст с цифрами и фактами, над которыми, может быть, им стоило задуматься, под его пером превращался чуть ли не в ласковое дуновение теплого ветерка. На мой взгляд, такая практика являлась должностным преступлением.

Впрочем, в подобном «творчестве» он не был одинок – в сходном ключе составлялись, скажем, в ЦК отчеты о поступавших туда письмах трудящихся. Общий отдел периодически выпускал служебные брошюры, почти полностью заполненные выдержками из них с дифирамбами в адрес Леонида Ильича и заверениями в поддержке политики партии, и лишь от силы последние полторы-две странички через оборот «Вместе с тем в отдельных письмах...» содержали краткое изложение, как правило, бытовых просьб трудящихся и информацию о том, куда и с каким поручением эти обращения направлены. Прочитав такой обзор, можно было спать спокойно и не мучиться мыслями о том, а не «Подгнило (ль) что-то в Датском государстве»¹, то бишь в Отечестве нашем.

А что дело обстояло именно так, не говорили, а кричали письма, поступавшие на Телевидение в ответ на наши передачи. Вообще у меня сложилось впечатление, что письма в ЦК были более сдержанными по тону и содержанию в сравнении с теми, которые приходили в мой телевизионный, а то и на домашний² адрес. В целом они явно отличались откровенностью, остротой и проблемностью. Конечно, было много просьб личного, бытового характера, особенно после того, как в передачах начали выступать профсоюзные лидеры, министры, заместители Председателя Совета Министров СССР и другие власть имущие лица. Но вместе с тем в этом потоке отчетливо выделялась крупная, сильная струя писем, которые хотелось бы назвать *государственными*.

О них, о письмах, я должен был бы создать сагу, а не ограничиваться простым очерком впечатлений от этих во многих отношениях поразительных документов эпохи. Все они – добрые и раздраженные, по личным, местным и общегосударственным, теоретическим и практическим проблемам – по существу были об одном, главном: мы живем в обществе, где по самой его природе в большом и малом должна соблюдаться социальная справедливость, которое имеет огромный потенциал для своего развития, и народ поддержит руководителей партии и государства в их деловой, конкретной и безотлагательной работе по созданию условий для всестороннего прогресса страны. Чаше всего эти настроения были выражены другими, присущими каждому автору словами, но суть их была именно такой. Люди верили в свою страну и в ее, а значит,

¹ В другом переводе «Гамлета» эта строка звучит жестче: «Какая-то в державе датской гниль».

² Если таким словом можно обозначить надпись на конверте: «Москва, такому-то», – иногда с присовокуплением не существующего у меня, а то и в обществе вообще, «чина». Доходили все равно.

и в собственные перспективы, в реальные возможности изменить положение дел к лучшему, используя для этого и силу Телевидения.

Важнее всего, на мой взгляд, было именно то, что телезрители хотели внести свой *личный* вклад и в трезвое осознание происходившего в стране, и в совершенствование нашей жизни. В письмах не только рассказывалось о неполадках на производстве, в планировании и управлении хозяйством и обществом в целом, о фактах социальной несправедливости, об экологических и национальных проблемах и т. д., но нередко содержались и варианты наведения порядка в стране. Порой это были по-настоящему научные и, скажем так, научно-практические трактаты. Авторы таких документов и писем опирались или на положительный опыт отечественного прошлого, в том числе на методы и результаты ленинской новой экономической политики, или на достижения ряда стран СЭВ и Китая, или исходили из своей житейской практики, или, наконец, чисто умозрительно искали пути сближения нашей действительности с провозглашенными постулатами теории социализма. И ведь письма эти приходили буквально отовсюду, из всех республик, из городов и поселков, глухих, казалось бы, деревень, кишлаков, аулов.

Добавьте к этому сотни, а иногда (это зависело от хронометража передачи) и свыше тысячи вопросов, поступающих по телефонам на каждый прямой выход в эфир. «Вот это передача, вот это успех!!! Ведь эффект от Вашей работы в эфире сразу – потрясающ. Уровень, охват, класс рассуждений держать на уровне министров СССР... Совет: не сводить к частностям, рассуждать больше, крупнее. Ведь у Вас собралось на телевидении фактически заседание «Мини-Совмина» СССР – а у телевизоров – вся страна: 270 млн. Сколько такой передачей Вы снимете вопросов по внутренней жизни. Много!» (Сусин, Горьковская область). Уже одна эта активизация *гражданского* мышления значительной части населения, открывшаяся у него возможность не только в кухонном разговоре, а и *публично* высказать свою точку зрения оправдывала появление прямого телевизионного эфира с обратной связью со зрителями.

Справиться с таким потоком информации нашему маленькому коллективу было почти невозможно. Ведь, скажем, в «Правде» при каждом увеличении числа писем на 500 единиц за месяц на работу принимали еще одного сотрудника – у нас же при Лапине о чем-либо подобном не могло быть и речи.

– Геннадий Михайлович, – буквально закричал он, подняв руки со сжатыми кулаками вверх, когда мы с Сорокиным пришли к нему для обсуждения тяжелого положения, сложившегося с ответами на письма, – давайте поклянемся, что мы не выделим для этого ни одного сотрудника!..

– Как же тогда отвечать на письма? У меня ведь особый характер почты плюс непомерный ее объем.

– Писать: «Прочтите там-то у товарища Брежнева», «Отослал Ваше письмо в обком партии»...

Естественно, последовать такому совету было бы кощунством по отношению к людям, обращавшимся на Телевидение. Сейчас, разбирая огромный завал из документов, связанных с работой в Гостелерадио, я нашел две пустые папки с надписями: «Тяжелые, острые письма» и «Особенно острые письма» и вспомнил, как выплескивали они на мой стол человеческую боль, страдания матерей за своих детей, жалобы фактически заброшенных государством стариков и инвалидов и т. д. и т. п. Мы делали все, что могли, и, может быть, порой более того. Связывались с руководителями местных и центральных органов власти, просили их помочь людям, отсылали им письма как личного, так и более общего характера. Скажем, как-то позвонил председатель Саратовского облисполкома (или горисполкома?) по поводу моей просьбы к нему прореагировать на одно из отчаянных писем и срочно решить вопрос о переселении семьи, имевшей семерых детей, из сырого подвала, где они постоянно и трудно болели. Разговор запомнился неожиданной концовкой:

– Мы переселили эту семью в благоустроенную квартиру, но если бы Вы знали, чего это стоило! Лев Александрович, умоляю Вас, не ставьте перед нами таких вопросов: мы сделали это в виде исключения, но в городе существует огромная очередь на жилье, и мы не можем нарушать ее...

В самых сложных случаях, где моих сил уже не хватало, я отправлялся с такими письмами то к начальнику Секретариата Президиума Верховного Совета СССР А. И. Лукьянову, то к первому заместителю председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС И. С. Густову, то к другим лицам, обладавшим не только моральным авторитетом, но и административным весом. Запомнилась и история с обзором самых острых писем, который я передал В. В. Прибыткову – первому помощнику К. У. Черненко, в то время члену Политбюро. Документ представлял собой собрание таких человеческих трагедий (за которыми просматривалось и действительное положение дел в стране), что, как рассказал мне Виктор Васильевич, Черненко воскликнул: «Этот обзор обжигает руки!» – и взял его с собой в поездку в Болгарию, куда он, сопровождая Брежнева, отправлялся в те дни. Конечно, и этот, и все прочие инициативные и выполненные по просьбам из ЦК документы я направлял туда без какого-либо согласования с Лапиным, так как совершенно ясно понимал, что иначе ни один из них никогда бы там не оказался.

Вскоре после передачи обзора у меня на работе раздался звонок двух моих друзей – помощников Суслова и Кириленко. Перебивая друг друга, они начали упрекать меня в том, что я скрыл от них чуть ли уже не состоявшееся решение о моем возвращении в ЦК в качестве помощника Черненко, и долго не могли поверить в мое полное неведение относительно чего-либо подобного. Люди они были информированные, тем более о внутриаппаратных веяниях, и мне пришлось срочно продумать какие-то вежливые формулы категорического отказа от такого предложения, если бы оно действительно состоялось. К счастью, этого не про-

изошло, и здесь почти наверняка сыграл глубоко положительную для меня роль Лапин. Мой потенциальный шеф не мог не переговорить предварительно с ним, а тот сразу же сообразил, что ему будет намного спокойнее, если я останусь в его подчинении. Тут достаточно было, например, сказать: «Что Вы, что Вы, Константин Устинович, ведь это совершенно неуправляемый человек!». И если это было приблизительно так, то он избавил меня от весьма неприятных объяснений в связи с моим неизбежным отказом. Дело в том, что, хорошо понимая значение этого вида работы и высоко ценя своих друзей, выполнявших ее (и к тому же поддерживавших меня), я при любых условиях и соблазнах решительно исключал для себя подобного рода деятельность и даже не стал интересоваться тогда, кому и почему пришла в голову такая идея. Но все это лишь попутная деталь, ненадолго отклонившая нас от основной темы – от писем, поступавших на Телевидение.

Сейчас я уже не берусь судить о количественном соотношении писем личного и общегосударственного характера. Но в документах Гостелерадио, в частности, в систематически выпускавшихся обзорах писем телезрителей неоднократно отмечалось, что именно в адрес наших передач обращений второго рода поступает больше, чем в любые другие подразделения. Запомнилась, однако, работа с письмами личного характера, поскольку именно они вызывали наиболее сильные, хотя, как правило, негативные переживания за судьбы их авторов. Впрочем, граница между этими группами обращений в советские времена чаще всего была весьма условной. Скажем, в связи с одной из прямых передач пришло умное, толковое письмо инвалида с детства Ю. И. Мисюрева, рассказавшего о нелегких условиях, в которых жили его многочисленные товарищи по несчастью. Мы встретились и договорились о том, что он обратится к своим знакомым из их числа, находившимся в разных районах страны, с предложением написать мне письма с изложением их жизненного опыта, видения проблемы и путей ее решения. И когда такие документы у меня накопились, я их обобщил и представил в ЦК КПСС аналитическую записку «К вопросу о положении инвалидов с детства» с приложением наиболее содержательных писем и других материалов, «которые могли бы послужить отправным пунктом для детальной систематизации высказанных в них идей и углубленной разработки данной проблемы». Аналогичные досье были направлены также в Госкомтруд, Министерство социального обеспечения и, кажется, ВЦСПС. Коллективный голос этой части населения страны был услышан, чему способствовали усилия многих людей в различных звеньях госаппарата, в том числе замечательного человека – заместителя председателя Госкомтруда СССР Марии Матвеевны Кравченко, с которой мы поддерживали постоянный контакт по этому поводу. Через несколько месяцев, весной 1986 г. вышло охватывающее все разнообразные аспекты вопроса, очень дельное, на мой взгляд, Постановление Центрального Комите-

та КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему улучшению условий жизни инвалидов с детства».

Часто авторы писем наряду с глубоким удовлетворением самим фактом выступления перед ними напрямую, без цензуры и редатуры, руководителей высокого ранга настаивали на том, чтобы их ответы на вопросы телезрителей – населения тож – были более конкретными, чтобы вслед за обещаниями разобраться в той или иной проблеме следовали практически ощутимые дела, чтобы были организованы передачи с отчетами выступавших ранее о проделанной ими работе и ее результатах. Кое-что в этом отношении сделать удавалось.

Так, после прямых передач, особенно по наиболее острым, интересовавшим практически все население проблемам, мы зачастую продолжали начатый разговор, для чего приезжали в служебные кабинеты выступавших руководителей, чтобы дать им возможность ответить на не затронутые в ходе беседы вопросы, заданные по телефонам и в письмах. Например, были показаны 4 передачи в записи, по 45 минут, после прямого эфира о деятельности органов здравоохранения. Такая форма работы привлекала не меньшее внимание аудитории, чем исходные передачи, тем более что мы группировали материалы по конкретным, иногда сравнительно узким темам, министры могли успеть подготовить ответы и по частным вопросам, а нередко даже решить волновавшую того или иного телезрителя проблему.

С большим удовлетворением от встреч и работы с ним вспоминаю министра жилищно-коммунального хозяйства РСФСР В. И. Попова. Принятое по его инициативе постановление коллегии министерства «О просьбах и предложениях трудящихся, высказанных в связи с телевизионной передачей 24 сентября 1985 года «Проблемы – Поиски – Решения» по развитию жилищно-коммунальных услуг» (во время которой мы получили 785 вопросов, а после нее пришло еще около 300 писем) было обращено к «начальникам главных управлений и управлений министерства, министрам жилищно-коммунального хозяйства АССР, начальникам управлений жилищно-коммунального хозяйства край(обл)-исполкомов, отраслевых управлений жилищного и коммунального хозяйства Мосгорисполкома, Ленгорисполкома и Мособлисполкома». Документ четкий, выходивший далеко за рамки передачи, но вместе с тем требовавший и конкретного ответа каждому заявителю, с жесткими контрольными сроками. И он не повис в воздухе: мы получили, в частности, подробную справку о проделанной работе Мосгорисполкомом, а затем провели еще одну передачу, теперь уже в записи, с В. И. Поповым, специально посвященную его рассказу о том, что удалось сделать министерству, его органам и службам на местах после прямой передачи.

В архиве сохранились некоторые из деловых, содержательных ответов руководителей союзных министерств на переданные им вопросы и письма трудящихся. Но пожалуй, особенно масштабную работу в этом

направлении организовал заместитель Председателя Совета Министров СССР (а им был тогда Н. И. Рыжков), председатель Бюро Совета Министров СССР по машиностроению И. С. Силаев. Под его руководством работало 11 министерств, перед которыми была поставлена задача тщательно анализировать поступающие на телевидение вопросы и замечания, проводить соответствующую практическую работу и ежеквартально отчитываться по ее результатам перед Бюро Совмина.

Не могу не вспомнить также с глубокой признательностью внимательное отношение к передачам руководителей Центрального статистического управления при Совете Министров СССР Л. М. Володарского и М. А. Королева. В частности, на коллегии ЦСУ обсуждался вопрос о научной правомерности использования мной в передаче терминов «материалоемкость» и «энергоёмкость» *национального дохода*, что было поддержано специалистами Управления. А после того, как в одной из передач я высказал недоумение по поводу отсутствия у нас открытой для общего пользования экологической статистики, эта проблема также была рассмотрена руководством ЦСУ, и в его очередном ежегоднике появился сначала небольшой раздел, который затем значительно расширился и обогатился и наконец превратился в полноценный специальный сборник данных, крайне полезных для осознания общественностью реальной ситуации с охраной окружающей среды и рациональным использованием природных ресурсов в стране.

Размах и интенсивность наших контактов с телеаудиторией впечатляют, пожалуй, и сейчас. Приведу лишь три небольших разнородных примера: кто-то из коллег после одной из передач, в ходе которой было принято 725 вопросов, подсчитал, что они поступили из 76 краев, областей и республик; в 1986 г. состоялось 26 выходов в эфир с общим объемом вещания более 21 часа; в конце 1985 – начале 1986 г. серия из шести передач в связи с предстоявшим XXVII съездом партии, в которых участвовали руководители почти 40 министерств и ведомств, обернулась для нас 5,5 тысячью вопросов и более чем 21 тысячью писем. Между тем в группе временами оставался только один редактор (как даже теперь не «поблагодарить» за это Председателя), а ведь никто не освобождал нас, естественно, от основной задачи – подготовки эфира. После двух передач перед съездом профсоюзов нам вечером накануне того дня, когда утром в ВЦСПС прекращался прием писем и заявлений в связи с этим событием, принесли сразу около 1300 писем. Их нужно было хотя бы просмотреть, сгруппировать и соответствующим образом оформить. На работе это сделать в тот момент было не с кем, но я не мог отнять у людей из-за тупости, а то и подлости моего руководства, возможно, последнюю надежду решить их проблемы. Пришлось мобилизовать жену и обоих сыновей, мы в бешеном темпе проработали всю ночь и успели все-таки вовремя передать эти материалы в предсъездовскую комиссию ВЦСПС.

И еще два момента в связи с письмами. Первый – какое-то невероятное несоответствие информации в обзорах писем (так назывались ежемесячные сборники, выходившие в Гостелерадио) о нашей корреспонденции и реальным ее потоком, особенно широким после прямых передач. То ли эта почта временами просто игнорировалась, то ли, поскольку вороха корреспонденции мы нередко получали прямо в экспедиции, они вообще не попадали в Отдел писем. Не отражались в его обзорах и многие сотни вопросов, поступающих во время эфира в студию, хотя и с ними мы продолжали работу после передач. Впрочем, тогда мне некогда было разбираться в подобных делах. А второй, куда более существенный момент – это наши, составлявшиеся в группе, сборники откликов на передачи с указанием фамилий и адресов авторов писем. Мы включали туда не просто оценочные, а аргументированные мнения, и, конечно, не только положительные, но и критические или даже отрицательные, а также конструктивные предложения телезрителей по хронометражу передач, частоте их выхода в эфир, организации хода обсуждения вопросов и т. д.

Разумеется, здесь нет возможности опубликовать сколько-нибудь значительную часть таких откликов. Скажу лишь, что их сборники, как и сами письма, как и сборники вопросов, заданных по телефонам, были (и остались) богатейшими источниками для понимания проблем, с которыми сталкивалось в 70-е, 80-е гг. и в самом начале 90-х население нашей огромной страны, настроений людей, их надежд и даже требований к ее руководству. Вместе с тем отклики были для меня чрезвычайно важны еще в одном отношении. Ведь и сводить-то их в сборники мы начали тогда, когда окончательно стало ясно: наш Председатель – принципиальный враг того, что я считал единственно верным и абсолютно необходимым для общества, и враг вместе с тем беспринципный, способный предпринять любые, в том числе и малопристойные, шаги для достижения своих целей. Имея такого противника, надо было всегда быть вооруженным. Поддержка огромной массы телезрителей и стала для меня в борьбе с Лапиным самым крепким, надежным щитом и самым острым мечом, который, правда, публично ножен так ни разу и не покинул.

Да, просматривая вновь и вновь архивные бумаги, как и прежде с горечью думаю, что хотя на Телевидении довелось узнать много нового о стране и людях, приобрести интересный, а в то время и уникальный опыт, но, в отличие от всех других организаций, где довелось работать, оно так и не стало для меня родным домом: жить и действовать там пришлось, особенно (но не только) в лапинские годы, слишком часто стискивая зубы. Скажу прямо: в душевном отношении хуже было только в тюрьме и лагере – на ЦТ я постоянно, в большом и малом, сталкивался с просто унижительными ситуациями. Преодолевать их и самого себя в связи с ними даже ради дела, за которое взялся, было очень не просто. Легче в моральном плане и радостнее работать стало лишь с приходом на пост руководителя Комитета А. Н. Аксенова, но это про-

изошло только в самом конце 1985 г., когда во главе партии и страны оказался Горбачев. И если при Лапине за 11 лет мне удалось сделать только 11 прямых передач, то при Александре Никифоровиче за три с половиной года, пока он не ушел на пенсию, их было около 40! То есть, если говорить об этой форме работы, ее интенсивность, с учетом разницы в сроках пребывания того и другого во главе Гостелерадио, возросла не менее чем в 12 раз. Но русский человек, как известно, отходчив и всегда готов утешить павшего, и я после отставки Лапина вполне искренне написал ему поздравительное письмо к какой-то дате. Представьте же себе испытанный мной шок, когда в его ответе я прочитал заключительный пассаж: «Надеюсь, Лев Александрович, Вы помните, что я всегда был сторонником Ваших прямых передач!» Как говорится, хоть стой, хоть падай.

Оставляя за пределами книги множество других фактов и наблюдений из того времени, но не могу не сказать, что, глядя на бесовщину, льющуюся сегодня с экранов, я, как и многие пожилые люди, ловлю себя на мысли: «Лапина на них не хватает!» «Они» – это малограмотные или просто продажные фальсификаторы прошлого; рекламщики – разрушители русского языка и менталитета народа, его культуры; писатели и актеры, опустившиеся до бьющей в нос пошлятины ради денег, денег, денег... Нет, никто всерьез не хочет появления нового Лапина, но хотя бы на государственных теле- и радиоканалах в государственных же интересах стоило бы добиваться элементарной чистоты мысли и слова, прежде всего ради подрастающего поколения, которое как губка впитывает в себя отечественную и особенно зарубежную интеллектуальную и моральную грязь. Бесспорно, много нового, современного и даже хорошего присуще сейчас различным средствам массовой информации, но в целом эта мощная общественная сила, на мой взгляд, рабски подделываясь под далеко не лучшие из западных стандартов в методах и средствах воздействия на телезрителей, радиослушателей и читателей, вольно или невольно работает против будущего народа и страны, причем независимо от политико-экономического строя, который в ней сформируется в дальнейшем.

Вернусь, однако, к рассказу о прошлом. Был у меня и «второй фронт», на котором приходилось сражаться не меньше, чем на первом, лапинском, – часть закоснелых, самовлюбленных до комчанства, как определял стиль поведения и деятельности таких людей Ленин, или заурядных трусов на постах руководителей министерств и ведомств. Пуще огня боялись они саморазоблачения в прямом эфире, а кое-кто и презирал «простой» народ. Министр сельского хозяйства СССР специально перенес свою зарубежную командировку на день эфира, а когда я в свою очередь изменил дату передачи, чтобы дать ему возможность выступить, он тут же вернулся к первоначальному сроку отъезда. Естественно, что

с таким «героем» я впредь сотрудничать и не пытался. Заместитель Председателя Совета Министров СССР Нуриев, тоже ведавший сельским хозяйством, отказался прийти в прямую передачу, а когда Н. Е. Кручина предложил ему пересмотреть свою позицию, заявил:

– Это что – я перед *народом* должен отчитываться?!

– Ах ты (тра-та-та. – *Л. В.*) бай недо... (тра-та. – *Л. В.*)! А кто тебя вырастил-выкормил, на чьей шее ты сидишь и жиреешь (тра-та-та. – *Л. В.*), и тот же народ презираешь?!

Пересказав мне этот эпизод, Н. Е. Кручина добавил:

– Я все же могу заставить его прийти к Вам, если он очень нужен...

– Нет-нет, Николай Ефимович, спасибо большое, но я работаю только с порядочными людьми, а не со свиньями. Оставьте его в покое, – ответил я.

Председатель Верховного Суда СССР Теребилов памятен мне своим почетным вторым местом, сразу за Лапиным, в создании моих медицинских сердечных проблем, нажитых на ЦТ. В опубликованных программах уже значилась прямая передача с участием руководителей всех основных правоохранительных органов страны, когда накануне эфира поздно вечером позвонил Теребилов и категорически отказался от участия в программе. Это заведомо означало, что: а) сработает принцип падающего домино, и другие руководители, воспользовавшись прецедентом, тоже пришлют своих заместителей; б) заместители, к тому же не готовившиеся к передаче, станут говорить особенно обтекаемо, думая прежде всего о реакции своего начальства на их выступления; в) телезрители будут разочарованы уровнем не только представительства, но и ответов. Домой меня привезли в таком состоянии, что жена, будучи опытным врачом, еле-еле к утру привела меня в чувство. А в передаче все так и получилось: пришел только министр юстиции СССР, Герой Советского Союза Борис Васильевич Кравцов, уверенно выступал, помнится, еще один из заместителей другого министра, а остальные товарищи, думаю, не могли позволить себе быть «слишком» содержательными, что тут же отметила наша наблюдательная публика.

Сколько раз предлагал я руководству Гостелерадио оставлять за круглым столом в студии пустой стул и табличку с именем струсившего приглашенного на встречу с народом и объявлять во вступительном слове, что такой-то счел возможным не явиться на нее. Никто не решился на такой кардинальный шаг, ибо на следующий день на своих рабочих местах могли бы не оказаться или дезертир, или согласившийся на такую операцию руководитель нашего Комитета, или я, или мы все вместе, а заодно исчез бы надолго и прямой эфир. Пришлось поэтому в конце концов пойти по другому пути: я написал проект Записки руководства Гостелерадио в ЦК и проект его постановления «Об обязательном участии ответственных работников ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, первых секретарей республиканских, областных партийных и комсомольских организаций, руководителей

министерств, ведомств и профсоюзов в прямых передачах с ответами на вопросы телезрителей»¹. Такое постановление и было принято. Но к тому времени я уже работал (о чем расскажу дальше), наряду с Телевидением, в другом месте, с позиций которого решать подобные проблемы было если не просто, то все же значительно проще.

Большую помощь становлению наших программ – в записи и прямых – своим доброжелательным отношением к ним оказали Председатели Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, Н. А. Тихонов и Н. И. Рыжков. Если Алексей Николаевич публично, на заседании Президиума Совета Министров, скажем, трижды дал высокую оценку передаче с участием министра приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР К. Н. Руднева, это укрепляло наши позиции. Если помощник Николая Александровича звонил от его имени с просьбой срочно прислать вопросы, поступившие по телефонам на передачу, и ее текст, это тоже помогало выжить прямому эфиру. А Николай Иванович уже и подталкивал своих заместителей и министров к таким встречам с народом, и темы передач подсказывал, и сам выступал по телевидению. И конечно же большая часть руководителей министерств и ведомств, преодолевая естественную робость перед прямым эфиром, постепенно начали сами считать необходимым свое участие в этих передачах. Более того, в истории наших программ четверо из приглашенных, несмотря на мои призывы не делать этого, пришли в студию с больничной койки, причем двое были с еще не снятыми послеоперационными повязками. Как же не вспомнить их добрым словом...

Не могу перечислить здесь всех товарищей, представлявших разные ведомства и другие организации – от Совета Министров до Академии наук СССР и ВЦСПС, – но назову, без чинов и званий, хотя бы некоторых из тех, кто своим личным, непосредственным участием в прямых передачах поддержал их существование в жизни тогдашнего советского общества: Абалкин Л. И., Александров А. П., Баталин Ю. П., Бирюкова А. П., Блохин Н. Н., Бунич П. Г., Буренков С. П., Быков В. А., Велихов Е. П., Величко В. М., Власов А. В., Воронин Л. А., Габриэлянц Г. А., Гладкий И. И., Глушков Н. Т., Гусев В. К., Ермаш Ф. Т., Израэль Ю. А., Каменцев В. М., Козловский Е. А., Комин А. Н., Конарев М. С., Костандов Л. А., Костин Л. А., Кравцов Б. В., Кравченко М. М., Ксинтарис В. Н., Кудрявцев В. Н., Лаверов Н. П., Лебединский Н. П., Ломоносов В. Г., Матвиенко В. И., Марчук Г. И., Маслюков Ю. Д., Милюков А. И.,

¹ В проекте Записки, в частности, отмечалось: «Социальный эффект телевизионных передач прямо зависит от деловой, конкретной реакции министерств и ведомств на письма и вопросы, критические замечания и предложения телезрителей. В связи с этим считали бы необходимым потребовать от министерств и ведомств в обязательном порядке рассматривать поступающую по каналам телевидения информацию в их адрес, обобщать ее и предоставлять Центральному телевидению возможность сообщать телезрителям о принятых практических мерах».

Можин В. П., Мураховский В. С., Ненашев М. Ф., Никитин В. В., Павлов В. С., Пастухов Б. Н., Первышин Э. К., Петраков Н. Я., Павловский И. Г., Петровский Б. В., Попов В. И., Прокофьев М. А., Пугин Н. А., Руднев К. Н., Серов В. М., Силаев И. С., Ситарян С. А., Смирнов А. И., Строганов Г. Б., Струев А. И., Стукалин Б. И., Сухарев А. Я., Сухорученкова Г. Ф., Терех К. З., Толстых Б. Л., Трунов М. П., Чазов Е. И., Черномырдин В. С., Шалаев С. А., Шамшин В. А., Шкабардня М. С., Щадов М. И., Щербаков В. И., Ягодин Г. А., Яковлев В. Ф., Яншин А. Л. ... Эти и многие, многие другие товарищи объективно способствовали созреванию в нашей стране так называемого гражданского общества, т. е. той силы, которая в условиях развитой демократии ставит под контроль населения деятельность государства и уравнивает ее.

К слову, участие в прямом эфире для кого-то открывало новые перспективы в их жизни и работе, а для некоторых других отрицательно сказывалось на их положении. Например, через полгода после двух прямых передач по Продовольственной программе шестеро из двенадцати их участников покинули свои посты. Не во всех случаях это произошло в связи с их выступлениями по телевидению, но частично и из-за этого. Например, об одном руководителе Н. Е. Кручина с огромным удивлением сказал мне: «Я никогда не думал, что он, столько лет работая в сельском хозяйстве, ничего в нем не понимает!» А другой, заслуженный боевой офицер в годы войны, в программе не сумел проявить себя достойным образом. В частности, вся страна обратила внимание на его крайне неудачный ответ на вопрос «Куда исчез сыр?»: «Раньше сыр ели цари и помещики, а теперь ест весь народ, поэтому сыра и не хватает»...

После этой передачи мне позвонил помощник Горбачева, тогда Секретаря ЦК по сельскому хозяйству, В. И. Болдин и попросил срочно прислать для своего шефа текст передачи. В тот момент в группе не было никого из членов партии, и, чтобы не создавать кому-либо трудностей с проходом в здание ЦК, я решил сам отвезти расшифрованную стенограмму. Болдина я поверхностно знал еще по «Правде», где тот работал в отделе, по которому шли мои статьи (отношения к ним он не имел). Застал я его полуразвалившимся в кресле и беседующим с кем-то бывшим в его кабинете. Положив текст на стол, я повернулся, чтобы уйти, как вдруг услышал лениво-барственно произнесенную фразу:

– Да, недостаточно поработали Вы с некоторыми участниками передачи, не подготовили их должным образом к выступлению...

– Это вы тут по двадцать лет держите их на постах министров и не видите, кто на что способен, а мне приходится работать с ними перед передачей две недели! – в ярости ответил я и вышел, от избытка чувств грохнув ни в чем не повинной дверью.

Рассказ о не всегда благой атмосфере вокруг прямого теле- и радиовещания будет неполным, если не упомянуть, что его противники

находились не только на высшем, но и на других этажах иерархии в самом Гостелерадио. Например, до меня неоднократно доходили резко негативные высказывания о появлении открытого эфира со стороны такого телевизионного «зубра», каким в те годы считался В. С. Зорин, напому – политический обозреватель-международник. Когда-то он встретил меня, новичка, напутствием: «Я девять месяцев не выходил в эфир, обдумывая и готовя свою программу «9 студия». И вот теперь, когда ты видишь умные глаза Бовина через левое ухо Арбатова, знай, что это – высшее достижение мирового телевидения!» Значение режиссуры даже на студийных передачах очевидно, но подобные телевизионные кунштюки меня мало волновали, и если вместе со всеми зрителями я старался не пропускать его передачи, то было это потому, что приглашал он на экран, как правило, действительно содержательных, интересных людей с незатасканными мыслями. Сначала я подумал о примитивной ревности с его стороны, поскольку на каком-то этапе социологические исследования показали, что главное внимание нашей аудитории переключилось с международных вопросов на внутренние. Конечно, решающую роль в этом сыграло начало перестройки в стране, но, возможно, такому переключению хоть немного способствовали и прямые передачи, которые смотрели, тоже по исследованиям социологов, десятки миллионов телезрителей.

Негативные настроения у отдельных сотрудников невольно мог подогреть и Э. Н. Мамедов, время от времени давая слишком завышенные оценки моей деятельности, особенно при встречах как раз по «ведомству» Зорина, с иностранцами: «Его любят зрители и не любит начальство, потому что он умнее нас (тут Энвер Назимович пококетничал: соревноваться с ним в этом отношении трудно. – Л. В.), крупный ученый, работающий на стыке экономики и социальных проблем», «наш ведущий политический обозреватель и очень большой ученый», «наш первый, наш ас», «укротитель министров», «из всех троих он самый костлявый, жесткий, его труднее всего гнуть, но у него получается то, что надо» и т. п. Однако вскоре выяснилось, что у Валентина был другой (или и другой) мотив, который он сформулировал в разговоре с Главным редактором Главной редакции пропаганды Ф. Р. Бруевым: «Федор, тебе что – нормально жить надоело: зачем ты, постоянно рискуя, поддерживаешь прямой эфир? То ли дело прежний порядок – передачу записал, смонтировал, показал начальству, исправил по его замечаниям и спокойно пошел спать». Однако этот соблазнительный аргумент на Федора Романовича не подействовал, и он продолжал вместе с нами и рисковать, и переживать, а главное – поддерживать в меру своих возможностей прямые телевизионные программы.

Не захотели последовать нашему примеру и мои коллеги – политобозреватели по вопросам внутренней жизни страны. Так продолжалось до весны 1985 г., до прихода в Гостелерадио Л. П. Кравченко. Он появился в качестве первого заместителя председателя (позднее стал и

председателем), и, по-моему, одной из первых его акций было жесткое распоряжение о тотальном введении прямого телевидения. Действительно, вскоре в одной из передач спортивной редакции я услышал обсуждение в прямом эфире вопроса о том, правильно ли поступил нападающий в таком-то футбольном матче, ударив мяч на такой-то минуте левой ногой. Вот тут я понял, что прямой эфир окончательно получил право на массовое существование. Так закончилась эпопея, на которую у меня ушло шесть лет борьбы за появление прямых передач плюс пять за их удержание в эфире, итого одиннадцать лет жизни с бесконечной трепкой нервов.

Что же касается моих коллег-«внутренников», вынужденных выполнять распоряжение Л. П. Кравченко, то им, естественно, не хотелось дублировать форму передач нашей группы, и один из них избрал вариант с телемостами, соединявшими его с разными городами страны. К сожалению, с самого начала возникла ситуация, дискредитировавшая настоящий прямой эфир. Не укладываясь в отведенные рамки времени, ведущий из Москвы начал сворачивать разговор, как вдруг в зале в каком-то городе, откуда шла трансляция, вскочил человек и закричал: «Как же так, вчера на *репетиции* я так здорово ответил на Ваш вопрос, а сегодня Вы мне не даёте выступить?!». Хохот раздался не только в этом зале, но, наверное, и у домашних телевизоров...

Нас тоже разные силы пытались заставить изменить форму передач, да и мы сами пробовали экспериментировать в этом отношении, но в конце концов пришли к выводу, что любые изыски ради изысков приводят лишь к ущемлению интересов основной массы телезрителей и ослаблению наших контактов с ними. Но поскольку эта книга предназначена не (или, по крайней мере, не только) для специалистов в области радио и телевидения, вынужден такую специфическую тему здесь не разворачивать, тем более что и практика, и обобщающая ее «теория», и в какой-то степени история появления прямого эфира в нашей стране изложена в моих многочисленных интервью и статьях на протяжении всех 80-х гг.

В то время мне приходилось часто, в разных формах и по различным поводам выступать за границей, в том числе и в развитых капиталистических странах. И если речь заходила о такой крупномасштабной, востребованной десятками миллионов граждан СССР работе с ними на Центральном телевидении представителей высших органов власти, аналогов чему не было даже в этих демократических государствах, мои слушатели бывали потрясены: подумать, что это могло быть где-нибудь, а уж тем более в Советском Союзе, каким они себе его представляли, они просто не могли. По меньшей мере удивлен этим был и всемирно известный американский телеведущий Уолтер Кронкайт, восемнадцать лет шесть раз в неделю выступавший в прямом эфире с получасовыми *информационными* выпусками. И хотя характер наших передач существен-

но различался, я был, извините за грубоватое слово, ошарашен, когда в ходе беседы с ним в Останкино выяснилось, что его работу обеспечивают... 800 человек! При этом ему «почему-то» не надо было заниматься сотнями и тысячами писем с множеством разнообразнейших человеческих проблем, в них содержавшихся.

Наш прямой эфир был высоко оценен зарубежными коллегами. Не говоря уже об отечественных и о журналистах из «братских стран», австралийцы, японцы и индусы, финны, шведы и датчане, бельгийцы, итальянцы и французы, тунисцы, испанцы и англичане, американцы, канадцы и эквадорцы – кто только ни появлялся с видеокамерами и радиомикрофонами в нашей группе или в студии после прямого эфира. Конечно, не он один, а через него важнейшие события в жизни СССР были предметом интервью, бесед, выступлений как внутри страны, так и за рубежом. В Венеции пришлось «отчитываться о проделанной работе» перед самыми яркими представителями мировой журналистики; в Мадриде дать в прямом эфире двухчасовое интервью в телевизионной программе «La Klave» («Ключ»), в которую раз в месяц приглашали человека, сделавшего в какой-либо стране что-то необычное; в Западном Берлине и Лондоне выступать с сообщениями на заседаниях Международного института прессы и т. д.

Об Институте – чуть подробнее. Насколько я могу припомнить, это была, да, наверное, и осталась весьма авторитетная, демократически настроенная организация. Не берусь теперь судить о тогдашней ее политической направленности более глубоко, но Советский Союз в этой организации не был представлен. В конце концов, когда в связи с перестройкой в нашей стране произошли некоторые прогрессивные подвижки, делегация Института из восьми его членов во главе с Директором (с заглавной буквы обозначается его должность в документах) впервые появилась в Москве. В двух-трехчасовой интенсивной беседе, состоявшейся в стенах Агентства печати «Новости», мы нашли с гостями общий язык. Не знаю, как развивались события дальше, но вскоре Институт стал сотрудничать с советской журналистикой, а с его Директором Питером Галлинером у нас возникли искренние, теплые отношения, следы которых сохранились и в памяти, и в моем архиве.

Так было до очередного приезда руководства Института в Москву. На этот раз встреча с советскими журналистами состоялась в зале заседаний гостиницы «Октябрьская» (переименованной позднее в «Президент-отель»). В стране уже всю бушевала анархия мыслей и поступков, в том числе и прежде всего на страницах периодической печати. Все больше журналистов, публицистов, писателей меняли перо на кисть или швабру, а чернила на деготь, и, делая себе имя или создавая свой новый «имидж», жирно обмазывали одним черным цветом всю советскую, а кое-кто и более давнюю историю нашей страны, и абсолютно предвзято, односторонне, передергивая факты, представляли публике современное положение дел. В связи с этим по-прежнему, как и за два

десятка лет до того, ратуя за глубокую демократизацию всей жизни общества, включая и такую ее сферу, как журналистика, я высказал озабоченность тем, что многие отечественные коллеги, безоглядно используя свои права в области свободы слова, напрочь забывают о неразрывно связанной с нею моральной *ответственности* журналиста, о его гражданских *обязанностях*. А они состоят в первую очередь в том, чтобы выступать с позиций правды, истины, справедливости. И тут на меня, без преувеличения, с пеной у рта обрушились М. Полторанин и какой-то его прихлебатель. Правда, через несколько лет «демократ» Полторанин, уже вкусивший власти, буквально возопил с телеэкрана об отсутствии... ответственности у журналистов, но это, как говорится, другая история. Представители Института деликатно обошли молчанием эту проблему, но больше мы не встречались и не переписывались: видимо, и для них ответственность – понятие весьма условное: она должна быть, когда речь идет об их собственной стране и укреплении ее строя, но ею можно и нужно пренебречь, когда речь идет о чужой стране и разрушении ее строя. Наверное, я напрасно поверил в их глубокий демократизм, не подмоченный политическими соображениями, хотя до сих пор сожалею о потере контактов с этими интересными, яркими людьми. Но истина, право ее высказать и защищать, как известно, превыше всего.

В работе с иностранными коллегами большую организаторскую роль играло и неоценимую помощь оказывало нам Главное управление внешних сношений Гостелерадио. Этот коллектив состоял из прекрасно подготовленных, опытных людей во главе с прогрессивно мыслящими руководителями. Существовали, однако, и другие структуры и работники с прямо противоположным настроем и соответствующими поступками. Впрочем, это было присуще аппарату не только Гостелерадио, но и других наших управленческих структур. Особенно отчетливо ощутил я это на себе при подготовке совместного документального фильма к 30-летию советско-финского научно-технического сотрудничества. Разница в самих принципах работы различных звеньев отечественного и финского государственных аппаратов была просто потрясающей. Если говорить кратко, то основной принцип деятельности нашего аппарата состоял в максимальном нагромождении препятствий и крайней неповоротливости при выполнении той или иной задачи, а финского – в максимальном, инициативном и оперативном разрешении даже, казалось бы, нестандартных ситуаций. К счастью, надежда на то, что наша сверхбюрократизация когда-нибудь все же ослабит свою удушающую хватку, появилась при общении с такими людьми, как первый секретарь Мурманского обкома партии В. Н. Птицын и начальник Управления КГБ по Москве и Московской области генерал-полковник В. И. Алидин, считавшими возможным при необходимости выходить за рамки формальных установлений и тем самым обеспечивать успех общего дела.

Что же касается самого фильма «От археологии до космоса – от прошлого до будущего», то эта работа моего друга Ханну Вилппонена – финского тележурналиста и моя вызвала немалый интерес и вместе с тем явное удивление телезрителей в обеих странах: она показала, насколько обширны, разнообразны, глубоки и продуктивны были советско-финские связи в науке, технике, производстве. К сожалению, уже на организованном для финской прессы просмотре фильма накануне его выхода на экран я почувствовал и настороженность со стороны некоторых ее представителей, и даже, пожалуй, их обескураженность именно таким характером этих связей наших стран. Видимо, эта озабоченность была следствием их политической ориентации как внутри своей страны, так и за ее рубежами. Нас же, авторов фильма, радовало еще и то, что *впервые* в истории советско-финской теледокументалистики в нашей работе текст был абсолютно идентичным для зрителей и Советского Союза, и Финляндии. Вы спросите, а как же могло быть иначе? Так вот, до нашего фильма иначе и было: как говорят на телевидении, картинку давали одинаковую у нас и у них, а содержание корректировалось в зависимости от указаний тех наших руководителей, которые, как мы уже выяснили, лучше народа знали, что тому «надо», а чего – нет.

Просматривая недавно текст фонограммы этого фильма, в котором участвовали Премьер-министр Финляндии, заместитель Председателя Совета Министров СССР, выдающиеся ученые и организаторы производства обеих стран, я наткнулся на такую сцену: мы с Ханну и управляющим трестом «Арктикморнефтегазразведка» О. О. Шереметой стоим на вертолетной площадке уникального (точнее, одного из двух в мире), недавно построенного в Финляндии и прекрасно оснащенного новейшей техникой и приборами корабля «Спрут» и узнаем, что с него можно вести самые разные подводные работы, что он имеет, в частности, современный водолазный колокол и подводные аппараты, а водолазы судна могут работать до глубины 300 (!) метров. Это было в Мурманске в 1985 г. Так где же был этот великолепный корабль в 2000 г., когда именно в тех краях погиб наш «Курск», лежавший на глубине в три раза меньшей возможностей «Спрута»? Может быть, и его, как и всю страну, списали вместе с экипажем за ненадобностью и отправили в переплавку или разграбили по частям?

Без лишних проволочек и формальностей выполнять разного рода работы, связанные с нашими и зарубежными телевидением, радиовещанием, печатью, удавалось еще и потому, что в посольствах и корреспондентских пунктах средств массовой информации многих стран у меня было немало добрых знакомых и даже друзей. Пожалуй, самыми интересными и полезными были встречи, не отягощенные официальностью. Так, в течение ряда лет мы с А. Е. Бовиным (и еще с кем-нибудь из журналистов-международников) систематически участвовали в деловых обедах у двух послов Чехословакии в СССР. Разумеется, обед был лишь

формой, а сутью этих встреч являлись обсуждения вопросов внутренней и внешней политики наших стран.

В Посольстве Югославии в качестве второго лица – Полномочного министра, советника появился очень незаурядный человек, которого мне кто-то, справедливо или нет, не знаю, охарактеризовал как крупного, международно известного разведчика (обозначим его N). До появления в Москве в течение многих лет он работал в Посольстве своей страны в США и, не обладая, видимо, поначалу достаточно всесторонней информацией о процессах, происходивших в Советском Союзе, был настроен к нему, скажем так, не во всем обоснованно критически. В этом я убедился, когда вскоре после его приезда в Москву мы с женой приняли приглашение побывать у него дома на семейном ужине. Как всегда в таких случаях, это был лишь предлог для серьезного разговора, который явно способствовал существенному изменению его отношения к нашей стране. Ну а коррективы в его мнение о международной политике СССР внес позднее А. Е. Бовин, когда мы с N приехали к нему домой. Похоже, между ними возникло негласное соревнование в том, кто кого перепьет, и в конце вечера югославский гость сказал даже с какой-то обидой в голосе примерно так: «Ну, Саша, спорить с тобой невозможно: сколько бы ты ни выпил, ни малейшего выпада против своей страны все равно не пропускаешь без совершенно трезвого отпора её критику».

В начале 1982 г. N позвонил с особенно настойчивой просьбой буквально на следующий день пообедать с нашими женами в ресторане, и под дикий барабанный бой и завывание труб оркестра (стало понятно, почему он выбрал именно такое место для встречи) в течение трех с половиной часов мы обсуждали различные аспекты международной жизни. В частности – мне показалось, это и было главным поводом для встречи, – критически оценив некоторые выпады против КПСС и СССР, допущенные итальянскими коммунистами в ходе их борьбы за политическую власть в своей стране, он высказал сожаление, что ответ ЦК нашей партии был крайне категоричен и резок вплоть до обвинений ИКП в пособничестве НАТО. Однако именно эта самая крупная политическая партия в Западной Европе противостояла Североатлантическому блоку. Сложившаяся ситуация была чревата быстрым развитием больших осложнений в отношениях между двумя партиями, и мой собеседник вроде бы от себя высказал соображение о том, что политически более целесообразной являлась бы такая позиция КПСС, которая оставляла бы возможность для плодотворного сотрудничества двух партий в дальнейшем. Дружеские связи итальянских коммунистов с югославскими были общеизвестны, так что он вряд ли провел такой срочный разговор по собственной инициативе: похоже, что это был сигнал ИКП нашей партии о готовности совместно преодолеть возникший между ними барьер. Взвесив все это, я тотчас вернулся на работу, посоветовался с Э. Н. Мамедовым, написал записку в ЦК, позвонил Б. Н. Пономареву (он отвечал в Политбюро за международные связи КПСС) и с соответству-

ющими комментариями вручил ему свой документ. Насколько помнится, буквально в считанные дни положение было исправлено.

Этими немногими из многих примеров хотелось показать, что и такая побочная, что ли, работа приносила полезные плоды. Однако и здесь руководящая глупость, которую кто-то определил как не познannую нарoдом государственную мудрость, время от времени давала о себе знать. Как-то N снова пригласил нас на семейный обед. И вдруг в тот момент, когда я должен был уехать для этого с работы, Мамедов позвал меня к себе и заявил, что только что получено указание опять запретить контакты советских людей с иностранцами, а поэтому он обязывает меня от данного N обещания отказаться. Это живо напомнило мне гнусную, постыдную, десятилетиями лет сохранявшуюся практику, когда различные государственные органы запрещали тысячам и тысячам людей, в том числе крупнейшим ученым, выезжать за рубеж, контактировать с коллегами, участвовать в международных научных конгрессах и т. д. и при этом требовали от них самим всячески изворачиваться, объясняя приглашавшим организациям невозможность общения личными мотивами – болезнью, крайней занятостью срочной работой и другими внешне подходящими случаю причинами. Указание, переданное Мамедовым, было ничтожной каплей в мощном потоке такой подлой практики, но оно возмутило меня до глубины души, и я не мог позволить себе жалкой лжи по приказу какого-то госоргана или чиновника. Поэтому мы поехали к N, который встретил нас у порога квартиры, и я, не входя в нее, прямо сказал ему о действительной причине срыва нашей договоренности. Это не помешало нам общаться в дальнейшем на многочисленных приемах в его и других посольствах, но там, естественно, контакты имели более официальный и намного менее общественно полезный характер.

Впрочем, иногда эти два обстоятельства – официальность и открытость, без которой не завоеешь доверия собеседника, – удавалось совмещать. Так было осенью 1987 г. на встрече с Президентом Финляндии Мауно Койвисто. Он пригласил к себе на завтрак в Кремле, где была его резиденция, Г. А. Арбатова, А. Е. Бовина, меня, Т. И. Заславскую и Н. П. Шмелева. Наше некоторое удивление по поводу такого выбора собеседников рассеялось с первых же шутливым тоном произнесенных слов Президента:

– Доброе утро, господа диссиденты!

Все от души рассмеялись, но характеристика-то была, скажем так, несколько уязвимой, и Арбатов, подтолкнув меня в бок, шепнул:

– Лев, ответь ему ты...

Пришлось в таком же вроде бы шутливом духе провести грань между диссидентством и нашими поисками путей более полного воплощения в жизнь социалистических, подлинно демократических идеалов и ускорения развития страны в этом направлении. И Президент как личность, и откровенный, содержательный, разносторонний и просто очень интересный для всех разговор оставили у нас самое светлое впечатление.

Завершая эту главу, в основном посвященную прямому теле- и радиовещанию, я невольно вспомнил, что однажды в Венгрии, чуть ли не в телеэфире, меня спросили, как я дошел до жизни такой, что, начав с «высокой Науки», оказался в конце концов на телевидении. Ну, науку я никогда не оставлял, о чем напишу в одной из следующих глав, а тогда сказал, что и в жизни, и в работе всегда стремился к тому, чтобы чувство и разум друг друга не подменяли, не вытесняли, а лишь дополняли и обогащали. А именно телевидение, наверное, наиболее полно соединяет в себе логическое и художественное, образное начала – и я не устоял против такого соблазна. Позднее, исходя из собственной практики, убедился в том, что наибольшее их слияние происходило именно в открытом эфире. Бесперывная работа двадцати машинисток, принимавших по телефонам вопросы, все новые и новые их пачки, появившиеся на моем месте за круглым столом, непредсказуемость в том, какой из них будет оглашен следующим, – все это создавало атмосферу напряженного ожидания по обе стороны экрана. Нередко работа в этом жанре напоминала мне «бег» по морю на водных лыжах: если полностью сосредоточишься на этом процессе, пройдешь дистанцию без срыва, стоит на что-то отвлечься, расслабиться – зароешься в воду (говорю об этом на основе своего любительского опыта). И каждый или почти каждый прямой эфир обязывал к усилиям сродни самому тяжелому физическому труду. Первое, что хотелось сделать после таких передач, – это немедленно оказаться под душем – столь сильным был эмоциональный накал его участников, включая ведущего, конечно.

И, удивительное дело, ни ровный голос, ни внешняя уверенность выступающего не могли скрыть внутреннюю взволнованность, натянутый нерв передачи. Именно сочетание ее содержания с эмоциональностью привлекало телезрителей к экрану, поднимало у них волну собственных чувств и переживаний, удерживало около него. «Материал настолько интересен, что все 1,5 часа пребываешь в состоянии повышенного внимания. Например, я после передачи почувствовала себя уставшей, как будто сама отвечала на эти вопросы. Видимо, у зрителя срабатывает механизм сочувствия к работе людей, отвечающих экспромтом, т. е. работающих в режиме повышенной нервно-психической нагрузки» (Заливная Л. Н., г. Ворошиловград). Но и после просмотра программы они еще долго будоражили мысли и чувства многих телезрителей. «У нас в НИИ вот уже неделю продолжается ее обсуждение», – сообщал С. Авербах из Киева.

Понятно, что такое воздействие на аудиторию могли оказать только действительно злободневные и содержательные передачи, поверхностные же суждения, общие слова выступавших немедленно вызывали вал критических замечаний. Впрочем, даже недовольные той или иной программой практически всегда предлагали пути улучшения и непрямого продолжения этого цикла. Были, конечно, и обидные для меня от-

клики, когда кто-нибудь из телезрителей слышал только то, что хотел услышать, и не заметил ничего другого. И это естественно. Давным-давно, когда у меня только появились первые мысли о возможности перехода из ЦК на ЦТ, я представил себе гигантскую и невероятно многоликую телевизионную аудиторию и понял: даже если передача будет очень хорошей, она наряду с поддержкой основной массой зрителей получит и какое-то количество критических отзывов; и наоборот, передача не самого высокого уровня найдет наряду с критикой со стороны основной части зрителей поддержку тех, кому именно такой уровень окажется ближе всего. Этот прогноз полностью оправдался.

Скажем, идет передача о строительном комплексе страны, участвуют министры и – для разнообразия и в порядке одного из экспериментов – Н. И. Травкин, начальник треста «Мособлсельстрой № 18». Я адресую ему вопрос С. П. Щетинина, рабочего из Калуги, не доверять ли проводить заседания Советов трудовых коллективов поочередно рабочим, бригадирам, мастерам и начальникам отделов и участков? «Будет больше демократии и людей, умеющих пользоваться демократической властью, умеющих управлять». И тут Травкин, будущий оголтелый «демократ», заявляет, что мнение у него однозначное: заседание Совета – серьезная управленческая акция, и «если мы хотим поиграть в демократию, давайте будем председателем назначать бригадира, рабочего. Если мы хотим на самом деле привлечь демократию к управлению, то возглавлять должен руководитель. Что у нас и делается». Оставить без отпора такой односторонний и махрово антидемократический тезис я не мог и, отложив в сторону проблемы собственно строительные, обратил внимание телезрителей на то, что «это вопрос, товарищи, принципиальный, это вопрос развития демократии, а не создания *видимости* демократии». Разгорелась десятиминутная – а для прямого эфира это очень много, но проблема того стоила – дискуссия по поводу такой удобной для начальства карманной «демократии». А после передачи я получил среди прочих письмо, в котором был осужден за то, что посмел не согласиться с заявлением уважаемого человека, каким тогда был Травкин. Правда, намного большее число телезрителей поняло значение этой темы и подержало мою точку зрения.

Или вот еще. Особенной эмоциональностью и выступавших, и телезрителей отличались, пожалуй, передачи по вопросам охраны окружающей среды (экологии) и рационального использования природных ресурсов, вызывавшие прямо-таки шквал вопросов и замечаний по телефонам, в телеграммах и письмах. Плюсы и минусы мелиорации, загрязнение Байкала, поворот части стока северных рек европейской части страны и рек Сибири волновали огромные массы людей из всех слоев общества и районов страны. В одной из этих передач выявилось жесткое противостояние некоторых ее участников как раз в связи с проблемой поворота рек – так для краткости ее обозначали тогда в печати. Произошло это в заключительной части программы, когда каждому из выс-

тупавших предоставлялась возможность выбрать один из переданных ему по ее ходу вопросов и ответить на него. Первый заместитель министра мелиорации и водного хозяйства СССР П. А. Полад-Заде правильно наметил для этого группу писем по такой крупной проблеме, как подача части стока северных рек в бассейн Волги, но заявил при этом, что «вопрос здесь взвешен всесторонне, продуман, участвовало 150 научно-исследовательских институтов», т. е. общественности страны беспокоиться вроде бы и не о чем. Завершать передачу таким заявлением было невозможно. А на столе у меня уже накопилось несколько все более взволнованных телефонограмм от руководства Комитетом и режиссеров о безусловной необходимости выйти из эфира до начала программы «Время». В ответной записке я написал: «Закончу вовремя». Между тем часы, расположенные вкруговую в центре стола, показывали, что до этого момента оставалось меньше минуты. И все же вице-президент Академии наук СССР А. Л. Яншин попросил слова и сказал: «Простите, я должен заявить телезрителям, что ученые Академии наук и ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина. – Л. В.) придерживаются другой точки зрения и считают, что сейчас в нынешних климатических условиях затраты денег на переброску части стока северных рек бессмысленны». И я, впившись глазами в галопирующую стрелку часов, успеваю сказать: «Будем считать, что вопрос остается еще в достаточной степени дискуссионным в нашем обществе, и, следовательно, здесь важен очень серьезный и взвешенный подход. Думаю, что с такой позицией все согласятся». Еще несколько секунд ушло на объявление о следующей программе, и после слов «Всего доброго» буквально в тот же миг раздались позывные «Времени». Наверное, не только у участников передачи и режиссеров, но и в кабинетах руководителей Гостелерадио раздалось дружное «У-ф-ф»... Но несмотря на такую ясно выраженную позицию, я получил злобное коллективное письмо, в котором меня представили сторонником бездумного поворота рек – чего не было и быть не могло. Обидно, но ведь знал, на что шел в свое время...

Ни в коей мере не связывая дальнейший ход событий с нашей передачей, отмечу все же, что через полгода после нее было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек. А вскоре после выхода в свет этого документа ко мне поступило письмо о том, что работы на северных реках все-таки продолжаются, поскольку не был отменен какой-то документ Совета Министров. Пришлось помчаться к А. И. Лукьянову с этим письмом, как раз накануне заседания Политбюро, и на следующий день оно поставило последнюю точку в этой затянувшейся истории.

Конечно, прямой эфир всегда чреват различными издержками, в том числе, так сказать, персонального характера. Так случилось в программе незадолго до XIX Всесоюзной партконференции, когда один из выс-

тупавших выбрал для своего заключительного ответа поступившее в студию критическое замечание в адрес Е. К. Лигачева (к слову, несколько очень полезных деловых контактов с ним на Телевидении и по телефону оставили у меня самое благоприятное впечатление) в связи с его посещением художественной выставки, помешавшим другим посетителям. Позднее выяснилось, что это было не так или не совсем так, как излагалось в телефонограмме, но и непроверенное замечание, и не очень корректный комментарий весьма самоуверенного участника передачи прозвучали в эфире. И вдруг буквально через день мне позвонил Егор Кузьмич:

– Лев Александрович, я только что подписал решение ЦК о Вашем назначении заведующим Отделом информации Совета Министров СССР. Знаю, что Вы давно заслуживаете намного большего (не ожидал такой слишком высокой оценки, однако не скрою, после всего пережитого на Телевидении был благодарен за нее. – *Л. В.*), но хочу первым поздравить Вас хотя бы с этим назначением. Пусть оно станет началом Ваших новых больших и интересных дел...

Так начался еще один этап моей жизни и работы – на этот раз в условиях все более явственно надвигавшегося краха партии, государства и общества, а вместе с ними и великой *социалистической* идеи, которую они олицетворяли.

Глава 17

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Кремлевская стена становится прозрачной. – Реакция телезрителей. – «Правительственный Вестник» и другие новые формы информационной работы Совета Министров СССР. – Всеобщее недовольство ухудшением экономического положения населения. – Атрофия власти ЦК партии и Президента страны. – Антиправительственная кампания как средство разрушения союзного Центра. – К вопросу о фатальном всемирно-историческом провале сталинского и послесталинского руководства партией, государством, обществом.

– Что Вы думаете о состоянии нашей экономики? – таким вопросом, как говорится, прямо в лоб встретил меня Николай Иванович Рыжков, когда по его приглашению я появился в кремлевском кабинете Председателя Совета Министров СССР.

– Думаю, что она катится вниз, что процесс этот в ближайшее время неостановим, но его нужно и можно всячески тормозить и смягчать с точки зрения последствий для населения.

– А не согласились бы Вы в этой непростой обстановке создать и возглавить в Совете Министров Отдел информации, который будет подчиняться непосредственно и только мне? Подумайте день-два...

– Спасибо за приглашение, Николай Иванович, и скажу сразу: безусловно, да. События развиваются так, что скоро у партийного руководства появится политическая потребность найти «мальчика для битья», и искать его будут прежде всего в этом кабинете, к сожалению. Но мне, во-первых, всегда казалось, что работать в Совмине очень интересно, а во-вторых, – немного снахальничал я, – мне надоело объяснять чужие глупости, пора начинать делать свои...

Николай Иванович рассмеялся и сказал:

– Тогда я сегодня же войду в ЦК с таким предложением.

– Но здесь есть одна проблема: по-моему, при этом надо оговорить, что за мной останется и должность политического обозревателя Центрального телевидения по вопросам внутренней жизни СССР. Тогда мы получим возможность использовать мои циклы передач и для обсуждения вопросов, которыми занят Совет Министров, да и вообще упростим и облегчим деловые отношения с Телевидением. К тому же постоянно будут возникать ситуации, в которых мне удобнее выступать не от имени Совмина, а в роли политобозревателя.

– Это хорошая идея. Я поговорю об этом с Яковлевым.

Ну а затем в течение полутора часов мы обсудили задачи и перспективы работы Отдела информации и, в частности, решили начать ее еще до моего официального назначения, сделав ближайшее заседание Пре-

зидиума Совета Министров открытым для телевидения, радио и печати. И действительно, 13 июля 1988 г. вся страна впервые вошла в Овальный зал здания Правительства СССР и присутствовала при обсуждении вопроса о налогах на кооперацию и кооператоров. Позднее это событие Н. И. Рыжков охарактеризовал как начало «новой эпохи в деятельности Правительства страны – эпохи гласности, открытости, его прямого обращения к народу и диалога с ним».

Впрочем, исправлю маленькую неточность в дате: реально оно произошло 15 июля, так как для этого нам понадобилось полтора дня непрерывной работы на Телевидении, которая к тому же неожиданно повисла на волоске. Произошло вот что. Заседания Правительства стенографировались, и мы, взяв расшифровку текста и видеорулоны, помчались в Останкино. Я стал сокращать текст девятичасового обсуждения, чтобы вогнать материал в 90 минут эфирного времени, а мои коллеги отправились в аппаратную для монтажа передачи в соответствии с намеченными вырезками. И тут к всеобщему удивлению выяснилось, что на бумаге было запечатлено одно, а на видеопленке – далеко не то же самое. Нет, не подумайте, что в стенограммах была какая-то фальсификация: просто для целей Совмина требовалась точная фиксация сказанного на заседании, но при этом опускались явные оговорки и другие особенности устной речи. А для подготовки телепрограммы это знать необходимо – иначе нельзя ни разметить весь материал по минутам и даже секундам, чтобы сократить его до нужного хронометража, ни подготовить и записать тоже строго рассчитанный по времени закадровый текст ведущего передачу, ни смонтировать в итоге всю ее. В общем, мы оказались в тупике, из которого вывели нас замечательные труженицы-машинистки ЦТ: они разделили между собой магнитофонные ленты с записью выступлений, и спустя несколько часов мы получили расшифровку со всеми реально прозвучавшими словами, оговорками, паузами и т. д. Ну а после такой неожиданной «проверки на прочность» технические службы впредь устанавливали канал связи между Кремлем и Телецентром, и полная расшифровка оказывалась готовой почти одновременно с завершением заседания, если на него приглашалась пресса. Задача же нашей группы состояла в том, чтобы через полтора-два дня напряженной работы, не потеряв главных мыслей всех выступавших и принятых решений, сохранив атмосферу, в которой проходило обсуждение, подготовив и записав мой закадровый текст, представить все это публике в полуторачасовой программе «Репортаж с заседания Президиума Совета Министров СССР» (или всего Совмина).

Так родился еще один жанр на тогдашнем Центральном телевидении. Думаю, не надо специально подчеркивать, что эти передачи были первыми и, по-моему, до сих пор единственными не только у нас в стране, но и во всем мире. Интерес они вызвали огромный, поскольку означали новый шаг вперед в развитии гласности, которая добралась наконец до высшего государственного уровня.

Однако инициативой Совета Министров был очень недоволен ревнитель гласности Горбачев, с явным раздражением сказавший Н. И. Рыжкову: «Так вы что там, уже совсем разделись перед телекамерой?!» Действительно, вынужденно сокращая текст, мы стремились тем не менее сохранить естественность происходивших заседаний и не вылизывали даже шероховатости в выступлениях. Правда, признаюсь, что, если сегодня кто-то немного растерялся и выразил свои мысли не лучшим образом, а в следующий раз это получилось удачнее, я с удовольствием оставлял для телезрителей такой реабилитирующий его фрагмент. Вообще эта форма своеобразного отчета Правительства перед народом имела, конечно, не только плюсы, но и минусы, однако в тогдашней обстановке в стране мы считали, что первые намного перевешивали вторые. Наверное, такая практика сыграла немалую роль в том, что, когда менее чем через год открылся Первый съезд народных депутатов СССР, все его заседания шли в прямом эфире. И вот тут-то наш критик Горбачев и впрямь очень быстро оказался в некотором смысле в роли малопривлекательной стриптизерши, ибо вся страна получила отличную возможность от «сеанса» к «сеансу» все яснее осознавать истинный политический и человеческий калибр Генсека, а вскоре и Президента.

Итак, после звонка Е. К. Лигачева и согласия А. Н. Яковлева на сохранение за мной ампулы политобозревателя у меня появились две должности, два рабочих места и два творческих коллектива. Но если в первом случае накопленный опыт расставлял какие-то ориентиры, то во втором надо было начинать с того, чтобы конкретизировать круг обязанностей и формы работы новорожденного Отдела информации. Ее общее направление было намечено еще в первом разговоре с Н. И. Рыжковым, что позволило в серии интервью советской и зарубежной прессе достаточно отчетливо объяснить, ради чего создавалось это подразделение Совмина. Так, в интервью московскому представительству известного западногерманского журнала «Шпигель» было сказано, в частности, что «вновь созданный Отдел Совета Министров СССР – своеобразное окно, позволяющее органам государственного управления полнее увидеть новое в нашей действительности, а широкой общественности – усилить контроль за их деятельностью». Наша основная задача состояла в подробном и оперативном информировании советской и мировой общественности о деятельности Правительства страны, с одной стороны, и в более полном учете им общественного мнения по важнейшим экономическим и социальным проблемам в его динамике – с другой, в развитии демократических начал и открытости деятельности высших органов власти в СССР, прежде всего исполнительной ее ветви. «Мы будем стремиться к тому, чтобы люди знали, как принимаются правительственные решения, их цель и механизм подготовки документов, имеющих непосредственное отношение к жизни граждан, будем обеспечивать прямую и обрат-

ную связь с общественностью, необходимую для их реализации» – это уже из интервью ведущей чехословацкой газете «Руде право».

Ну а более конкретное представление о том, чем и как должно заниматься новое подразделение аппарата Совета Министров, было сформулировано в Положении об отделе информации. Этот, как и ряд других документов о функциях и формах работы нашего отдела позднее во множестве экземпляров разошлись по рукам и послужили идейной, что ли, основой для организации подобных подразделений во всех структурах государственной власти. А сегодня вообще каждая мало-мальски значимая организация считает себя обязанной иметь информационную службу или хотя бы представителя по связям с общественностью – таково веление новой эпохи.

Кстати, мы тоже, создавая свою программу работы, не все идеи брали с потолка, а учитывали и опыт развитых стран, в правительствах которых давно присутствовали подобные структуры. Там они были и крупными, и оснащенными современной техникой, что позволяло им оперативно обеспечивать руководство страны разнообразной информацией. Во время одной из поездок в ФРГ я специально побывал в Ведомстве Федерального канцлера в Бонне, где располагалось тогда правительство Западной Германии, и привез в качестве наглядных пособий для нас немало выпускавшихся тамошней службой различных материалов. Мы, конечно, работали в совершенно иных условиях, да и числом нас было по пальцам перечесть, но, когда ситуация в стране стала, как тогда наивно казалось, хуже некуда, мы перегруппировались, чтобы даже малыми наличными силами готовить ежедневный обзор прессы Председателю Совета Министров. С этой целью часть сотрудников отдела приезжала на работу к 6 часам утра, чтобы в 9.00 Николай Иванович мог ознакомиться со свежим материалом, после чего он направлял его своим заместителям.

Это была самая ранняя по времени суток форма работы Отдела информации, но, конечно, далеко и далеко не единственная в ежедневной и, как правило, напряженной работе сотрудников. Не могу не вспомнить с глубокой благодарностью хотя бы некоторых из коллег, составивших прочный костяк отдела, внесших свой весомый вклад во все формы его деятельности и сделавших ее действительно творческой: Татьяну Семеновну Колмакову, Маргариту Николаевну Ложкину, Вячеслава Петровича Максимовских, Валерия Андреевича Овчаренко, Людмилу Александровну Попову, Юрия Николаевича Солодухина, Юрия Ивановича Тюнькова, Льва Анатольевича Цветкова, Юрия Петровича Чаплыгина... Краткому рассказу о некоторых выполнявшихся ими и другими сотрудниками отдела, а также моей группой на Телевидении работах и посвящена эта глава.

Должен предупредить, что ограничиваю ее содержание в основном только информационной стороной деятельности Совета Министров с

середины 1988-го до 1991 г. В главе нет детального анализа тех конкретных экономических, политических и прочих процессов, которые были использованы деструктивными силами для уничтожения Советского Союза, не рассказывается о содержании и эволюции правительственных и антиправительственных программ перехода к рыночным отношениям. В противном случае это потребовало бы еще большего увеличения объема книги, и к тому же такая проблематика, на мой взгляд, не обязательна для ее содержания. Наконец, происходившее наверняка еще помнят все, кто был достаточно взрослым каких-нибудь полтора десятка лет тому назад. Те же, кто хотел бы освежить и пополнить свои представления о недавнем прошлом, найдут необходимый материал, например, в книгах Л. И. Абалкина «Зигзаги судьбы: разочарования и надежды» и Н. И. Рыжкова «Десять лет великих потрясений».

Я же буду исходить из общеизвестного: в последние годы существования Советского Союза нарастали социально-экономические трудности, над страной проносились политические и идеологические штормы, формировались новые силы, рвавшиеся к власти любой ценой. В самом конце этого периода события в стране – негативные, разрушительные – развивались со скоростью распространения чумы в средневековом городе. Авторитет Горбачева, а с ним и всей партийно-государственной власти таял на глазах, и взоры все большей части населения устремлялись уже не на ее потуги родить что-то свежее в общественной мысли и практике, а на разнообразные источники быстро нараставшего мутного потока разоблачений истории КПСС и СССР, их лидеров, где правдивые факты причудливо перемешивались и тонули в густой массе лживых или односторонних сведений и домыслов. Но на фоне предыдущего оскотелого, выжужженного и тоже далеко не достоверного единообразия в трактовке нашего прошлого даже откровенное вранье воспринималось многими как глоток свежего воздуха, проникшего в темный, сырой и затхлый подвал. Произошло точно то и так, что и как было сказано еще в 1966 г. в моем проекте выступления Брежнева на Политбюро, а именно (повторю, чтобы читателю не возвращаться к главе 10): если мы не будем говорить правду, *всю* правду, «за нас это сделают другие, враждебные нам люди, но тогда наша собственная история будет работать против нас».

Вакханалия исторических «изысканий» была хорошо спланированной акцией, нацеленной на развенчание тех идеалов, которые на протяжении десятилетий объединяли основную часть населения страны и сыграли решающую роль в формировании во многом нового, *советского* народа. Ну а когда семена сомнений и негативизма дали первые всходы, стали усиливаться атаки на текущую политику, на современность. Начались плохо замаскированные, а затем и открытые выпады против Совета Министров, в том числе с обвинениями, которые не соответствовали действительности или должны были иметь совсем другой, *высший партийный* адрес, где реально принимались решения, в то время как

ответственность за них, так исстари повелось, возлагалась на исполнителя, т. е. на Правительство. В такой направленности атак были заинтересованы и деструктивные силы, и показавший себя и в этом отношении крайне недалёковидным Горбачев как Генеральный секретарь и Президент.

Однажды в разговоре один на один Николай Иванович в сердцах воскликнул:

– Столько лет занимаюсь политикой, но никогда не знал, какое же это грязное дело!

– Э, Николай Иванович, – ответил я, – раньше в Политбюро просто не знали, что такое *настоящая* политика. Ведь там десятки лет принимались решения, затрагивавшие судьбы всего населения, но при этом высшие руководители страны практически не имели реальной обратной связи с ним. Ленин неоднократно говорил о том, что самые глубокие корни политики связаны с *интересами* людей. И если прежде решения «верхов» в той или иной мере механически принимались к исполнению «низам», то теперь, когда у людей, у прессы развязаны руки и вынуты кляпы изо ртов, на поверхность впервые выплеснулись подлинные интересы части публики – жажда карьеры и власти, обогащения, наживы любой ценой, а у кое-кого и смены общественного строя, поскольку в одиночку личные, корыстные цели новоявленным наполеонам и наполеончикам реализовать за счет остального населения и в целом страны все же трудновато. И уж в борьбе за *такие* интересы *такие* люди прибегают и будут прибегать к любым, самым подлым и действительно самым грязным средствам...

В сложившихся условиях Правительству позарез был нужен свой печатный орган, и мы создали, вернее, воссоздали существовавший до 1918 г. «Правительственный Вестник». Напомнил о таком историческом факте мой коллега по работе в Отделе пропаганды ЦК В. А. Белянов. Николай Иванович горячо поддержал эту идею, выдержал не один бой с руководителями идеологии в ЦК, и, несмотря на множество поставленных там ограничений и препятствий, газета родилась буквально через два месяца после начала этой работы. Особенную трудность доставил подбор квалифицированных кадров для нового издания, и первые номера газеты мы выпустили в основном силами нашего отдела, а затем я был вынужден передать свои дополнительные функции главного редактора талантливому и порядочному человеку – В. А. Покровскому. Вместе с ним в газете работали, в частности, такие известные журналисты, как Ю. Н. Попов, Ю. А. Рытов, Е. Ф. Соснин, Л. В. Черненко... С «Вестником» все охотнее сотрудничали руководители Совета Министров и различных звеньев его аппарата, постоянно расширялся круг подписчиков и читателей нового издания.

Кроме того, еще осенью 1988 г., когда уже стало ясно, что никто в Политбюро не собирается выстраивать из имевшихся у ЦК многочис-

ленных газет и журналов единый фронт противостояния нараставшему грязному потоку всяческой лжи и ненависти к истории собственной страны, я предложил Николаю Ивановичу хотя бы часть этих органов информации в той или иной мере «забрать» под руку исполнительной власти, чтобы по-настоящему включить их в борьбу за действительно демократическое развитие общества, ускорение и углубление экономической реформы и всего хода перестройки. Он счел эту идею разумной и поставил в ЦК вопрос о частичном перераспределении центральных газет между издателями. Так, «Известия» могли бы стать органом не только Президиума Верховного Совета, но и Совета Министров СССР, «Экономическая газета», «Советская культура» и «Сельская жизнь» могли бы принадлежать по-прежнему ЦК партии, но и Совмину тоже, а «Социалистическая индустрия» и «Строительная газета» – полностью перейти в ведение Правительства. Однако на Политбюро эта идея поддержки не получила.

Несмотря на такую неудачу, мы продолжали делать все возможное для расширения взаимопонимания между Советом Министров и обществом, хотя быстро ухудшавшаяся экономическая и особенно политическая обстановка делала эту цель все более труднодостижимой. Но стремиться-то к ней все равно было необходимо, и Н. И. Рыжков вместе с Управляющим Делами Совета Министров СССР М. С. Смиртюковым с полным пониманием отнеслись к одной из первых инициатив отдела и сняли существовавший десятки лет запрет на выступления работников правительственного аппарата в средствах массовой информации без специального на то разрешения руководства. Это развязало руки творчески настроенным работникам, и их публикации по вопросам, в которых они были особенно компетентны, все чаще появлялись на страницах отечественной периодики.

В центральной печати стала регулярно появляться и краткая, и достаточно развернутая информация об обсуждении в Правительстве тех или иных вопросов и принятых по ним решениях. Успешно начала разворачиваться и издательская деятельность, серьезную помощь в которой оказывал нам опытный директор типографии Управления Делами Совмина Сергей Васильевич Рачков. Так, вышли две дельные книги – «Экономическая реформа: поиск решений» и «Трудный поворот к рынку», появлению которых активно содействовал наш отдел. Начали выпускать пользовавшиеся большим спросом у населения тематические сборники нормативных актов Правительства: «Льготы и компенсации», «Малые предприятия», «Акционерные общества и ценные бумаги»... Приняли участие в создании брошюры с ответами Н. И. Рыжкова на более чем 500 вопросов, заданных ему делегатами XXVIII съезда КПСС. Редакция «Правительственного Вестника» при поддержке Отдела информации подготовила оригинальный, живо написанный справочник «Советское Правительство: кто есть кто». С ним, правда, случился не-

приятный казус: авторы, ввиду частых в то время смен глав республиканских правительств, не включили их, хотя по Конституции они являлись его членами, в состав Правительства СССР. А так как это было и политически некорректно, и по-человечески несправедливо, пришлось, к сожалению, продажу сборника запретить.

Вообще же, если наш отдел сыграл определенную роль в том, что был растоплен лед закрытости, заформализованности, в какой-то мере кастовости, исторически, еще со сталинских времен слой за слоем покрывавший аппарат Правительства, как практически и любого другого крупного государственного учреждения, то это стало возможным лишь благодаря активной поддержке и личному участию в этой работе Н. И. Рыжкова, всех его заместителей, М. С. Смиртюкова и сменившего его на посту Управляющего Делами Совмина СССР М. С. Шкабардни. И конечно же наш отдел всегда работал в тесной связи с помощниками Председателя Правительства, прежде всего с Владимиром Петровичем Пановым и Борисом Григорьевичем Пашковым, с руководителями и многими сотрудниками практически всех подразделений Управления Делами, т. е. аппарата Совета Министров.

С Николаем Ивановичем Рыжковым и его женой Людмилой Сергеевной мы познакомились лет за 15 до того в санатории. Тогда он был директором Уралмашзавода и кое-что рассказывал о положении дел на этом флагманском гигантском предприятии и в промышленности вообще. Некоторые его характеристики тех или иных явлений были настолько яркими и убедительными, что я не раз, не называя предприятия и его директора, задолго до начала перестройки приводил запомнившиеся факты и суждения в своих лекциях о ее жизненной необходимости и исторической неизбежности. В первое время и, пожалуй, в конце моей работы в Совмине, когда Николай Иванович его возглавлял, у нас были, по-моему, на редкость искренние, неформальные отношения. Вопросов, которые нужно было решать только с ним, возникало так много, что порой доводилось быть в его кабинете, нередко с В. П. Пановым или Б. Г. Пашковым, по несколько часов. Конечно, мы могли бы обсудить все это намного быстрее, но батарея телефонов вынуждала ее хозяина постоянно реагировать на неотложные проблемы, возникавшие в стране. Это был период нашего интенсивного и плодотворного общения.

Однако примерно через полгода, наверное, я почувствовал некоторое отчуждение с его стороны, и прямые контакты стали намного более редкими. Это время было, откровенно говоря, мучительным и психологически, и, что еще важнее, в деловом плане: вал проблем в стране нарастал с бешеной скоростью, советские и зарубежные средства массовой информации одно за другим выдвигали различные предложения и просьбы, а я неделями и месяцами не мог выяснить позицию Председателя Совмина, не только нечеловечески перегруженного тяжелейшими проблемами, но и во многом искусственно отгороженного от той сферы

деятельности, которую он сам считал жизненно важной для Правительства и для страны.

Прошли годы, и как-то уже после того, как мы оба оказались отставниками, я спросил Николая Ивановича о причине такого отчуждения, на что он откровенно ответил:

– Обычная аппаратная ревность и связанные с нею интриги: мои давние близкие сотрудники побоялись, что наши отношения отдалят их от меня и подорвут их положение.

Я не стал интересоваться, в чем конкретно состояли маневры моих «доброжелателей», и позволил себе упомянуть об этом в книге только потому, что такая мышиная возня привела к значительным потерям в информационно-пропагандистской деятельности Совета Министров в самый сложный для него и для страны период, а позднее и вообще погубила намеченную программу организации мощного идейного противостояния антисоветским, антисоциалистическим силам. Но об этом – в конце главы...

С глубокой благодарностью вспоминаю о большой поддержке работы нашего отдела Михаилом Сергеевичем Смиртюковым. В нем меня всегда поражали быстрота и точность мышления, неиссякаемая жизнерадостность и остроумие. Благодаря своим природным свойствам, отточенным колоссальным опытом (в Кремле он проработал почти 60 лет, из них четверть века – в качестве Управляющего Делами), он являлся, можно сказать, уникальной фигурой в аппарате. Кажется, все отработано и неоднократно выверено, допустим, в документе, насыщенном рядами цифр, а он бросит взгляд на страницу и тут же отметит какую-то нестыковку в них. Я искренне восхищался им и высоко ценил его и поэтому был потрясен, когда однажды услышал из его уст:

– Ты даже не представляешь себе, как многому я научился у тебя...

Что стояло за этим роскошным даром человека широкой души, я, естественно, спрашивать не стал, и столь дорогие мне слова так и остались нераскрытой тайной.

С Михаилом же Сергеевичем Шкабардней мы были хорошо знакомы еще по моему пребыванию на Телевидении, в бытность его министром приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР. Работать с ним всегда было не только интересно и поучительно, но и радостно. Высокопрофессиональный, динамичный, под стать своему двойному тезке и предшественнику остроумный, выходящий в своих размышлениях далеко за чисто инженерные и управленческие рамки, умеющий создать вокруг себя атмосферу свободы творчества, он принес эти свои качества и в Управление Делами, где, в частности, сохранил и продолжил – спасибо ему – традицию доброжелательности, интереса и помощи в работе Отдела информации.

Круг членов Правительства, работников его аппарата, министерств и ведомств, ЦК партии, отечественных и иностранных средств массовой информации, посольств, с которыми сотрудники нашего отдела на-

ходились в постоянных и, как правило, результативных рабочих контактах, был так обширен, что я вынужден, как говорится, наступить на горло собственной песне и вернуться к рассказу о новых формах проявления открытости и демократичности Правительства.

Наиболее заметными из них для широкой публики оказались разнообразные телевизионные программы, непосредственно связанные с его деятельностью. Передачи упомянутого выше цикла «Репортаж с заседания Президиума Совета Министров СССР» (или всего Совмина) позволили телезрителям оперативно и достаточно детально узнавать о ходе и результатах обсуждения в Правительстве самых крупных и важнейших народно-хозяйственных проблем, а также вопросов, может быть, чуть меньшего масштаба, но в тот или иной момент крайне болезненно воспринимавшихся общественностью. Один из них, например, был связан с продолжением строительства канала Волга – Чограй. И экологи, и широкие круги населения справедливо видели в этом серьезную угрозу здоровью Волги и всему ее бассейну, опасались тяжелых и необратимых последствий в случае сооружения канала в соответствии с существовавшим проектом. В жаркой, нелицеприятной дискуссии приняли участие не только члены Президиума Совмина, но и ведущие ученые, специалисты сельского хозяйства, мелиорации, руководители ряда центральных государственных учреждений, а также органов Советской власти на местах. В итоге разговора, охватившего проблемы не только вокруг собственно канала, но и ряд смежных, не менее острых, было принято решение работы на нем остановить и подготовить действительно научно обоснованную концепцию развития территорий Калмыцкой АССР, Ставропольского края и Астраханской области. (С тех пор прошло полтора десятка лет, но, насколько известно, никакого движения в этом отношении не произошло.) Пять с половиной часов обсуждения мы сжали до двух, показали этот материал по Центральному телевидению и тем ликвидировали эту болевую точку в и без того раздраженном общественном мнении.

Продолжалась постоянная работа и в рамках нашего прежнего цикла «Проблемы – поиски – решения» (в 1988 г. по личной просьбе А. Н. Аксенова название было изменено на «Перестройка: проблемы и решения»), где с участием заместителей Председателя Совета Министров, министров, общественных деятелей, ученых напрямую разбирались такие крупные проблемы, как «Революционное обновление общества и интересы», «Сильный центр и сильные республики», «Потребительский рынок – состояние и перспективы», «Продовольствию, товарам, услугам – ускоренный рост», «Вопросы здравоохранения», «Дороги Нечерноземья», «Экономика и экология», «Экономика и право», «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов». Прошли обсуждения проектов законов о собственности, об изобретательской деятельности, о качестве продукции и защите прав потребителей, Основ

законодательства о земле, о местном самоуправлении, о пенсиях... Называю эти темы, чтобы показать: мы не уходили от публичного обсуждения самых острых и болезненных проблем и в трудное, можно даже сказать трагическое время 1988–1991 гг.

Однако выступать перед огромной телевизионной аудиторией с каждым месяцем становилось все сложнее и труднее. Раздраженные экономическими трудностями, возбужденные рвавшимися к власти политическими проходимцами, возмущенные социальной несправедливостью в «распределении» жизненных тягот, люди уже не воспринимали героические – скажу это как непосредственный и, смею полагать, достаточно объективный наблюдатель – усилия Правительства, направленные на оздоровление обстановки в стране, и особенно в народном хозяйстве. Широкие круги населения отказывались видеть *процесс* обновления, отторгали его вынужденно осторожные темпы, жаждали немедленных и физически ощутимых, материальных плодов перестройки. У значительной части населения возник синдром исторического нетерпения, она изверилась во всем и во всех, и еще недавно популярные персонажи телепрограмм воспринимались ею с растущим негативизмом. Это было очевидным, в частности, из характера почты, поступавшей на Телевидение и в Совет Министров. Ее лейтмотивом стало: это все слова, а где дела, где *результаты*?

Правительство отчетливо представляло себе реальный ход событий и всеми средствами пыталось смягчить ситуацию, в первую очередь со снабжением населения, но политическая свистопляска, захлестывавшая страну, разрушала экономические связи регионов, республик, а так называемый парад суверенитетов, открытый Россией во главе с Ельциным и направленный на уничтожение союзного Центра, вообще предопределял уничтожение единого народно-хозяйственного комплекса и самого Союза ССР. Вот уж когда жизнь на каждом шагу наглядно подтверждала ленинскую мысль о том, что политика не может не иметь первенства над экономикой! Причем если раньше этот тезис в теории, по крайней мере, имел главным образом положительное звучание, то во второй половине горбачевской перестройки все более убедительным доказательством его правильности стало *губительное* влияние на экономику горбачевской же политики беспринципных компромиссов и неоправданных отступлений под давлением деструктивных сил. Добавьте сюда забастовки, сотрясавшие народное хозяйство, и даже побочные следствия благих начинаний. В конкретной обстановке такие следствия порой могут до неузнаваемости изменить, а то и напрочь перечеркнуть их смысл или, в лучшем случае, заставить платить за прогрессивные нововведения непомерную цену.

Возьмем, к примеру, некоторые шаги Совета Министров СССР по осуществлению перехода к социалистическому рыночному хозяйству. К сентябрю 1990 г. был подготовлен подробный проект правительственной «Программы формирования структуры и механизма регулируемой

рыночной экономики», предусматривавшей и разгосударствление экономики, и поддержку предпринимательства, и преодоление монополизма, и существование частной собственности, и иностранные инвестиции, и многое другое, позднее объявленное прорвавшимися к власти их собственными, «демократическими» откровениями. Читаешь этот фундаментальный документ и думаешь – да, новое в последующие годы действительно появилось, но только в целях и методах: для создания подлинного социализма – в первом случае и для воровского, бандитского по своей сути капитализма – во втором; ради человека и – за счет него; скальпелем и – топором, обухом по голове, точнее, по головам 290 миллионов тогдашнего населения СССР. Так вот, нашедшая отражение в Программе значительная свобода действий хозяйствующих субъектов, уже предоставленная им в 1988 г. Законом о государственном предприятии (объединении), Законом о кооперации и сопутствующими нормативными актами, на практике сопровождалась падением дисциплины и ответственности перед государством и смежниками, снижением темпов роста производительности труда и даже прибыли, увеличением денежной массы при отстающем покрытии ее товарами и услугами населению со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Или, скажем, в конце 1989 г. или в начале 1990 г. мой друг Александр Иванович Смирнов, в то время заведующий крупным отделом аппарата Совмина, по секрету рассказал мне, что Н. И. Рыжков поручил ему разработать концепцию территориального хозрасчета. В ответ у меня тут же вырвалось: «Саня, это начало конца единого государства!» Нет, я не считал это решение ошибочным, так как было понятно, что в принципе такой хозрасчет – важный и необходимый шаг по пути к рыночным отношениям, к децентрализации управления экономикой, к разграничению полномочий между общесоюзным Центром и республиками. Но уже накопившийся опыт побочных следствий разумных начинаний, а главное, их использования деструктивными силами себе на потребу, а стране во вред, исторг из души эту неожиданную для меня самую реакцию. Ей-ей, я и сам всю жизнь побаивался подобных прогнозов, когда они время от времени неожиданно, перескакивая через логические ступени, вырывались в разговорах или возникали на бумаге...

Все более отчетливо формировавшаяся политическая оппозиция ставила своей главной ближайшей целью вызвать у населения устойчивое негативное восприятие действий общесоюзных органов управления, непрерывно убеждая в их неспособности решить принципиальные и текущие задачи, и на этом фоне путем различных политических комбинаций и махинаций вырвать власть для начала из рук Правительства страны как наиболее уязвимого по самим его функциям звена во всей структуре государственного механизма. Разрушение же этого звена открывало путь к ликвидации всех других звеньев власти в обществе. И в ход пускались любые средства, вплоть до прямого разжигания забастовок и

натравливания их участников именно на Совет Министров СССР. Например, в моем архиве сохранился текст такого выступления эмиссара штаба оппозиции – Межрегиональной депутатской группы (МДГ) академика ВАСХНИЛ А. Тихонова перед бастовавшими горняками самой большой в Воркуте шахты Воргашорская. Но особенно «доходчивым» до сознания людей был, конечно, крупномасштабный и умело организованный экономический саботаж, усугублявший дефицит продовольственных и других товаров повседневного спроса. От происходившего тогда и по сей день осталось впечатление как об акциях подлых, прежде всего по отношению к народу, но в определенном смысле умных, эффективных, тщательно спланированных.

Судите сами. Во-первых, на фоне всеобщих нехваток исчезли как бы (или без такой оговорки?) специально подобранные для молниеносного разжигания возмущения людей товары: табак и табачные изделия (сильнейший раздражитель прежде всего для мужчин), мыло и стиральные порошки (то же – прежде всего для женщин), медикаменты (то же – для всего населения) и даже водка приобреталась на талоны. Во-вторых, эти наиболее болезненные дефициты, были весьма «мудро» распределены во времени – как только удавалось снять или смягчить один из них, немедленно возникал другой и тут же распространялся по всей стране. Удавалось более или менее справиться с этим – появлялся следующий. В-третьих, при расследовании причин дефицитов выяснялось, что на переоборудование или на текущий ремонт почему-то сразу были поставлены чуть ли не все предприятия соответствующего профиля (например, свыше 20 табачных фабрик, подчиненных *российскому* Правительству). В-четвертых, в морских портах неделями и месяцами оставались без движения десятки тысяч контейнеров с этими и другими товарами народного потребления, закупленными Советом Министров СССР за рубежом, а сотни (!) уже загруженных поездов замирали на подъездных путях и в железнодорожных тупиках. В-пятых, если эти товары в конце концов доходили до места назначения, они нередко, особенно в Москве, надолго оставались в вагонах якобы из-за отсутствия автотранспорта для их вывоза или нехватки складских помещений, а также из-за угроз неких темных сил расправиться с бригадами грузчиков или их подкупа. И в-шестых, соответствующие органы не принимали никаких сколько-нибудь серьезных мер для наведения порядка в связи с такими фактами, хотя это было и остро необходимо, и вполне возможно.

Конечно, наш отдел всячески пытался способствовать решению возникавших проблем или, по крайней мере, их смягчению, стремился донести до общества позицию Правительства, рассказать о том, что делается для формирования рыночной экономики в целом и для нормализации положения в народном хозяйстве. Наши материалы по этим вопросам публиковались в печати, звучали по радио и, наверное, особенно часто появлялись на телевидении как самом массовом средстве инфор-

мации. Так, в одной из наших рубрик выступили Н. С. Конарев – министр путей сообщения и Ю. М. Вольмер – министр морского флота страны. За две недели до того состоялось показанное по телевидению очень острое заседание Совета Министров, на котором, в частности, было принято постановление, обязывающее эти министерства разгрузить порты и железнодорожные станции от упомянутых выше завалов грузов – продовольствия и товаров народного потребления. На это было отведено десять дней. По истечении намеченного срока мы с телекамерами явились в селекторный зал МПС, где находились оба министра, которые отчитались не только перед руководством, но и перед всей страной за выполнение правительственного задания.

На Центральной телевидение и в Совет Министров в течение, наверное, месяцев двух-трех поступала информация о том, что на такой-то станции в такое-то время к бригаде, нередко состоявшей в основном из студентов, желавших подработать на разгрузке вагонов, подходили крепко «накачанные» парни, предлагавшие им в несколько раз больше денег, чем они могли получить за свой труд, и требовавшие «по-хорошему» немедленно покинуть пути. Получив эти сведения, я сразу же звонил союзному министру внутренних дел Бакатину и просил его срочно разобраться с очередным ночным происшествием, а через несколько дней интересовался результатами:

- Вадим Викторович, удалось ли что-нибудь прояснить?
- Нет: мы послали группу для проверки, но там никого не оказалось.
- А когда эта группа появилась на месте событий?
- Через два дня после нашего разговора.

– Ну, ждать ее там, конечно, никто не собирался... А не сделать ли таким образом: послать группу профессионалов под видом грузчиков или включить в обычную бригаду одного-двух человек, снабдив их радиомаяком, и по его сигналу плотно оцепить место событий, чтобы никто из тех, кто совершает акции устрашения и подкупа, уйти не смог? Захватив их, Вы выйдете по цепочке на «заказчиков» – организаторов саботажа.

В ответ я слышал нечто неопределенное, и, насколько мне известно, в связи с подобными сигналами ничего дельного так и не предпринималось. А через некоторое время, когда мы все увидели Бакатина в роли председателя КГБ, его прежняя позиция в отношении организаторов и исполнителей саботажа удивления уже не вызывала.

В моей записке, переданной Н. И. Рыжкову в ноябре 1989 г., был приведен такой факт: «Выяснилось, что в МВД (т. Бакатин) поступило не менее 40 сигналов о таких противоправных действиях». И из сохранившегося проекта записки в октябре следующего, 1990 г.: «Катастрофическое положение с продовольствием в Москве, ряде других крупных промышленных центров стало сегодня, как известно, главным источником напряженности в обществе. Люди так и не могут понять, почему стало дефицитом то, что не было им даже в годы войны, например

соль, спички. Граждане пишут, что им буквально нечем кормить детей и в то же время на рынках у спекулянтов есть все, но по ценам, недоступным подавляющему большинству населения.

Народ убежден в существовании мафии, организующей разрушение снабжения населения в корыстных целях, и не верит заявлениям руководителей органов МВД и КГБ СССР, что, мол, факты насчет умышленного уничтожения продовольствия и других товаров широкого потребления, противодействия доставке продуктов на рынки отсутствуют. (Кстати, не далее, как сегодня утром, я получил вполне достоверную информацию о подобной акции на границе Оренбургской и Куйбышевской областей.) Граждане требуют от Правительства принять решительные меры против всего этого.

В связи со сказанным целесообразно, может быть, использовать опыт первых лет Советской власти и создать своего рода чрезвычайные комитеты по наведению порядка в снабжении населения. Их главной функцией был бы жесткий контроль по основной цепочке «железная дорога – оптовая база – магазин», пресечение каналов перекупки, хищений, спекуляции. Это должны быть государственно-общественные организации, объединяющие правоохранительные органы и представителей населения, трудовых коллективов.

Какие выгоды могла бы дать такая акция?

Наведение порядка на железной дороге и в торговле с помощью самого населения, реальное улучшение его снабжения;

хотя бы частичная ликвидация бреши между властью и населением;

демонстрация способности Правительства идти на решительные, жесткие меры.

Кроме того, это позволило бы Правительству СССР «набрать очки» на фоне бездействующих руководителей России, Москвы и других регионов и городов, в законодательных и исполнительных органах которых большинство сейчас принадлежит «демократической» оппозиции».

Сожалею, что цитата столь обширна, но мне показалось, что она довольно точно передает остроту тогдашнего положения дел. Оно усугублялось многочисленными забастовками и массовыми митингами, организаторы которых придавали им все более откровенный антиправительственный, а вскоре и антисоциалистический характер.

И еще немного о работе отдела. В 1988 г., сразу после 7 декабря, когда в Армении произошло катастрофическое землетрясение и туда тотчас отправился Н. И. Рыжков, чтобы в течение более чем двух месяцев непосредственно на месте событий руководить спасательными и восстановительными работами, в которых участвовала буквально вся страна, мы в связи со случившейся трагедией в содружестве с Министерством иностранных дел и на базе его пресс-центра организовали для советских и иностранных журналистов «Встречи с прессой». Сначала они были ежедневными, а затем проходили чуть реже, по мере на-

копления фактического материала. В дальнейшем тематика этих «Встреч» была развернута в сторону социально-экономических проблем. Наш отдел совместно с заинтересованными организациями готовил небольшие, но весьма насыщенные свежими статистическими материалами содержательные тематические сборники («Социально-экономическое развитие СССР в первом полугодии 1989 года», «Научно-технический прогресс и перестройка», «Советский рынок непродовольственных товаров: состояние и перспективы», «Новое во внешнеэкономических связях СССР», «О проекте общих принципов перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования» и т. п.). На вопросы журналистов отвечали руководители Правительства и министерств, и в тот же день вечером сокращенные варианты таких пресс-конференций появлялись на телеэкране. Кстати, в одном из зданий Совмина Управление делами провело большие реставрационные и строительные работы для организации там собственного пресс-центра Правительства, где его члены и сотрудники аппарата могли бы регулярно встречаться с представителями советских и зарубежных средств массовой информации. Однако времени для этого у нас уже не осталось, как не осталось и для сооружения Центра информации с современной типографией.

Осенью 1989 г. Н. И. Рыжков дал телевизионное интервью, в котором ответил на ряд вопросов, содержавшихся в письмах в Совет Министров. Вел эту программу я как политобозреватель Центрального телевидения, но все же у нас самих осталось впечатление, что кто-то из зрителей может воспринять ее как некую «домашнюю» беседу, и мы предложили дальнейшие интервью с Николаем Ивановичем проводить журналистам, не связанным с Совмином.

Вскоре к новым формам информационной работы подключились и другие члены Совета Министров. В ежемесячной программе «Актуальное интервью» акцент делался на текущих событиях в сфере экономики, происходивших за «отчетный период». В этих передачах обычно принимали участие первые заместители и заместители Председателя Совмина.

А самой сложной и оставившей глубокий след в памяти оказалась работа над программой «Встреча с шахтерами». Весной 1989 г. Н. И. Рыжков выезжал в Кузбасс, чтобы на месте разобраться в состоянии производственной базы угледобычи и социальной сферы горняцких городов и поселков, после чего прошла серия его непростых, напряженных встреч в Кремле с делегациями из всех основных шахтерских регионов, о каждой из которых мы тотчас информировали общество. В результате совместной работы Правительства, министерств и ведомств, представителей трудовых коллективов (к слову, их штабы размещались в Кремле, в кабинетах здания союзного Правительства, а при «демократической» власти делегатам шахтеров отвели место... на Горбатом мос-

ту, что около российского Белого дома) было подготовлено и принято знаменитое в то время Постановление Совета Министров СССР № 608, содержащее ни мало ни много 253 пункта, связанных с трудом и бытом горняков. А уже через три с половиной месяца усилий 75 министерств, ведомств и организаций по его выполнению – что происходило, кстати, под гласным демократическим контролем со стороны стачечных комитетов угольных регионов – были подведены первые итоги этой огромной и многоплановой работы. Приглашенных Н. И. Рыжковым и присоединившихся к ним оказалось почти 300 человек, поэтому пришлось проводить эту встречу в зале заседаний Верховного Совета СССР. Остро, с конкретными замечаниями и предложениями выступили, включая и нескольких членов Правительства, около 40 человек, а стенограмма заняла более 350 страниц. Несмотря на такой объем материала, уже через день страна увидела полуторачасовой телевизионный отчет об этом событии.

Стремясь ко всемерному развитию гласности в высших звеньях государственного управления и в стране в целом, мы на деле быстро убедились в том, что за это великое благо надо платить, и притом не дешево. Платить и большими материальными затратами на ее техническое и организационное обеспечение, и немалыми вложениями дополнительных усилий в самых разнообразных формах. К счастью, к этому с пониманием и готовностью идти на личные и государственные издержки относилось и руководство Советом Министров СССР. Приведу только два примера.

При всей своей крайней занятости Николай Иванович выделял (не так регулярно, по правде, как бы хотелось) время для встреч с руководителями ведущих средств массовой информации. Человек 15–20 с небольшим мы приглашали на так называемый «Час прессы», который на деле всегда занимал намного больше времени. По отзывам их участников с обеих сторон, эти мероприятия были не только весьма полезны, но и дороги своей прямоотой, искренностью и откровенностью.

Ну а пример другого рода – история с подпиской на газеты и журналы на 1989 г. Даже нехватка сигарет и прочего, о чем уже рассказано, не спровоцировала большего возмущения, чем введение в 1988 г. кем-то в ЦК, надеюсь, только по неразумию, ограничений в подписке на 44 журнала и газеты. Объяснялись они нехваткой бумаги для обеспечения наверняка выросших тиражей этих изданий. Взрыв их популярности был вызван прежде всего тем, что там публиковались всякого рода и уровня разоблачения – в кавычках и без оных – различных фактов и событий из истории нашего общества советского периода, и люди расценили объявленные ограничения как прямое покушение на гласность, на демократию, на перестройку. Негодование было настолько массовым и острым, а позиция ЦК настолько индифферентной или, по крайней мере, обществу совершенно неизвестной, что его претензии и в этом случае наввер-

няка обратились бы к Правительству. В тотчас подготовленной записке Николаю Ивановичу содержалось предложение немедленно принять самые решительные меры в связи со сложившейся ситуацией. Совет Министров изыскал возможности существенно смягчить дефицит бумаги и соответственно негативные настроения населения. Однако и после этого морально-психологический климат, как говорилось в очередном обращении к Николаю Ивановичу, нельзя было считать нормальным «прежде всего из-за массового ощущения, что полная правда по поводу организации нынешней подписки так и не прозвучала». Поэтому возникло предложение рассмотреть вопрос о причинах резкого ухудшения положения дел с подпиской на заседании Совета Министров. Глубокое, комплексное рассмотрение проблемы, дополненное проработанные практические меры, позволившие отменить введенные ограничения, аналитическое и вместе с тем очень человечное выступление на этом заседании Николая Ивановича, последовавшие затем интервью ряда членов Правительства полностью погасили так неожиданно возникший очаг недовольства в стране.

Оценивая ситуацию в обществе и тенденции ее развития, мы отдавали себе отчет в том, что усилиями только Правительства переломить ход событий практически невозможно. Казалось бы, в таком отчаянном положении все ветви власти должны были как никогда объединить свои действия. Но нет – Горбачев с его бесхребетностью, постоянным влиянием между различными политическими течениями, патологической склонностью к предательству и отсутствием собственной четкой позиции в коренных вопросах, прежде всего внутренней жизни страны, все больше не только отдалялся от Рыжкова и Правительства, но и все чаще и откровеннее «сдавал» их ... своим же смертельным врагам. И это происходило в то время, когда новые и новые факты показывали, что ход событий становился все менее управляемым и президентскими структурами, и аппаратом ЦК КПСС, и даже Политбюро. Как-то я спросил Николая Ивановича, вернувшегося с его заседания:

– Чем же оно закончилось?

– Как всегда, ничем, – с ноткой безнадежности или даже отчаяния ответил он.

По существу это была убийственная характеристика атрофии власти, ее полной беспомощности и неспособности овладеть ситуацией. Истины ради отмечу, что в ряде случаев имел место сознательный, из лучших побуждений, отказ высших звеньев управления от административного воздействия на те или иные процессы. Приведу маленький, но характерный пример. Однажды А. И. Лукьянов в разговоре по какому-то поводу произнес:

– Знаешь, я даже с некоторой гордостью скажу тебе: как бы ни возмущала нас та или иная публикация, мы за полтора года пребывания у власти не сняли с работы ни одного редактора, потому что понимали –

сделай это хоть раз, и все они станут по стойке «смирно», а это означало бы конец гласности, конец перестройки.

Действительно, так продолжалось несколько лет, пока на совещании руководителей средств массовой информации 13 октября 1989 г. Горбачев не выдержал (цитирую по своим записям): «Мне не нравится, что некоторые органы настроились на позиции 5–10 человек. Даже «АИФ» за 7-ое преподнесла таблицу популярности». (В ней и содержался «криминал» – показатель Горбачева оказался ниже, чем у кого-то. – Л. В.) «Какая газета была! Во что Вы ее превратили?! Старкову (главному редактору «Аргументов и фактов». – Л. В.) нужно попроситься в отставку как коммунисту. Вас заклинило на узкоэгоистичные интересы группы лиц». И снова: как коммунист – в отставку! Концовка же этой филиппики окончательно обнажила ее природу – тревогу за судьбу вроде бы не его собственную, а всех членов Политбюро, которых «хотят выбить из колеи не только политически, но и человечески». Стало ясно, что публиковать правду о падении в обществе авторитета Горбачева недопустимо.

На лице В. А. Старкова, как и у многих других, – печать растерянности от такого решения Генсека. Владислав Андреевич подошел к нему и с явным недоумением в голосе спросил: «Михаил Сергеевич, так что, мне действительно подавать в отставку?» Возник обмен короткими фразами, после чего Горбачев тоном человека, отмахивающегося от собеседника, бросил, показывая на стоявшего неподалеку В. А. Медведева: «Вот с Вадимом Андреевичем, он у нас за идеологию отвечает, решайте свои вопросы!» – и вышел из зала. Не знаю, что и как происходило потом между В. А. Медведевым и В. А. Старковым, но самым поразительным для того времени оказался конец этой истории: коллектив газеты выступил против отставки своего главного редактора и тот – впервые за многие десятилетия! – продолжал работать в этом качестве вопреки воле Генсека, который уже сделать что-либо с журналистом и его строптивыми сотрудниками был не в состоянии. И это произошло за два с лишним года до официального падения Горбачева и всей его власти. Теперь загнать обратно им же выпущенного из кувшина джинна по имени Гласность было, к счастью, невозможно, даже если бы кто-то этого очень захотел. С каждым днем становилось все очевиднее, что политическая импотенция Горбачева, неспособность прогнозировать ход событий приведут святое дело перестройки, а с ним и партию, и государство к позорному краху.

Примерно в это время, если не на полгода раньше, Н. И. Рыжков (который, между прочим, уже после инцидента со Старковым помог редакции его еженедельника, ютившейся, помнится, в двух комнатах на первом этаже жилого дома, получить подходящее для работы помещение) совершил, на мой взгляд, свою первую роковую, может быть, для общества ошибку. После армянской, а точнее, нашей общенародной трагедии, в ликвидации последствий которой Николай Иванович принял

личное и непосредственное, глубоко человеческое участие, его авторитет в стране был так высок, отношение к нему огромных масс людей было настолько искренним и теплым, что, раскрой он вовремя беспомощность политики Горбачева, предложи свою реалистичную программу выхода из созревающего или уже созревшего экономического, политического и идейного кризиса, и Председатель Совмина вполне мог выдвинуть свою кандидатуру и возглавить партию и государство. Без сомнения, это был бы несравненно более авторитетный Генеральный секретарь и достойный Президент. Это было тем более реально, что Горбачев в то время уже во многом потерял доверие масс, поскольку все большей их части становилось ясно, что провозглашенная им перестройка ввязет в его словесной паутине и не дает или слишком мало дает людям на деле. Однако на такой кардинальный шаг Н. И. Рыжков не решился: истинно советский человек и правоверный коммунист, впитавший в себя принятые тогда нормы общественного и прежде всего партийного поведения, он не считал возможным пойти на это, не получив предварительно согласия и поддержки Политбюро во главе с тем же ... Горбачевым. Он так и сказал мне:

– Я член Политбюро и не могу позволить себе пойти против решения Пленума ЦК выдвинуть Генерального секретаря и на пост Президента СССР.

А слова эти прозвучали в связи с моими предложениями по ходу одного из доверительных разговоров о положении в стране:

– Николай Иванович, перестаньте быть только хозяйственным руководителем, возьмите себе еще хоть десять первых заместителей и заместителей, поручите им все текущие вопросы, занимайтесь только самыми крупными проблемами и становитесь *политической* фигурой. А для этого надо обнародовать *свое* видение событий и выходов из нынешнего положения, в чем-то отличное от фактических позиций Горбачева. Я не призываю Вас становиться в прямую оппозицию к нему, не предлагаю выдвигать какой-то антиперестроечный курс. Нет, все должно идти к той же цели – коренной перedelке общества на прогрессивных, современных, демократических, социалистических началах. Но Ваше видение ситуации и путей выхода из нее должно быть более трезвым и глубоким, более смелым и последовательным, потенциально более эффективным, чем у Горбачева. И если оно будет оформлено в виде комплексной программы действий, она привлечет к себе умы и сердца людей.

К нашему общему несчастью, этого не случилось, хотя некоторую попытку обозначить свое понимание степени остроты ситуации Николай Иванович предпринял. Под давлением осложняющегося положения в обществе и стране он 18 июля 1989 г. весьма критически выступил на совещании первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС. Оно было собрано вместо Пленума ЦК, и иногда мне кажется, что такая подмена произошла не случайно: горячего материала для критики Горбачева накопилось уже более чем достаточ-

но, но правовой основы для возможных организационных выводов совещание в отличие от Пленума не имело. Как бы то ни было, но обоснованная тревога за судьбу перестройки, за разъедающие партию тенденции, за неадекватную в этой обстановке позицию Генерального секретаря открыто прозвучала из уст Председателя Правительства. И что же, спросите, может быть, вы? Да ничего, если не считать звонков и записок Н. И. Рыжкову с одобрением его выступления, с одной стороны, а с другой – откровенного (даже демонстративного: когда он занял свое место между Горбачевым и Шеварднадзе в президиуме совещания, оба как по команде отвернулись от него) недовольства Генсека и его окружения. Подчинить их деятельность задаче выхода из всеобъемлющего кризиса не удалось.

Все более разрушительный характер происходившего в стране подтолкнул меня к тому, чтобы в январе 1990 г. написать и передать А. И. Лукьянову (немного позднее и Н. И. Рыжкову), можно сказать, отчаянную записку «К вопросу о выходе из сложившейся в стране ситуации» – одну из последних, наверное, до ухода на пенсию попыток побудить руководство принять срочные меры для спасения перестройки, а с нею и страны. Это был жесткий документ, программа конкретных – из 10 пунктов – совместных действий всех ветвей власти. Не пересказывая его, отмечу лишь, что там говорилось, в частности, о перспективе выхода ряда республик из Союза и, следовательно, неизбежной при этом ломке народно-хозяйственных связей и миллионов человеческих судеб; о том, что партии надо выступить самой с предложением отменить 6-ю статью Конституции (о роли КПСС в обществе), не дожидаясь, когда это решение будет вырвано силой; о необходимости создать новые общественные структуры типа комитетов защиты перестройки или комитетов защиты общественного порядка, ибо без такой реальной опоры на массы власть в стране вряд ли удержится; о неотложной задаче создать правительственные каналы на Центральном телевидении и Всесоюзном радио; о возможности перехода от федерации к конфедерации республик и т. д. (см. Приложения). К документу прилагалась маленькая записка личного – по форме – характера, адресованная А. И. Лукьянову. Примерный текст ее был таков: «Толя, доколе же партия и государство будут, закрыв глаза и заткнув уши, сидеть в окопе, по которому елозит танк с надписью на борту «МДГ»¹, и ждать, когда осыпающаяся земля завалит их окончательно и бесповоротно?!» (Недавно я спросил Анатолия Ивановича, не сохранилась ли у него эта записка. «Что ты! – ответил он. – Записку помню, но я ее тогда же уничтожил: дорого бы она тебе обошлась, попав в чужие руки...»)

Увы, меньше чем через месяц массовые митинги в Москве, проведенные оппозицией в конце февраля, показали, насколько обоснован-

¹ Межрегиональная депутатская группа.

ными были высказанные тревоги и внесенные предложения. Казалось бы, всем и каждому не могло не стать очевидным: время вольной или невольной беззубости прошло; выход – в организации немедленного широкого контрнаступления на деструктивные силы; никакое мало-мальски заметное антисоциалистическое, антисоветское, антиперестроечное выступление не должно остаться без честного научного анализа и без разъяснения широкой аудитории, в том числе в ходе острых, откровенных публичных дискуссий, подлинного смысла очередной лжи и подлости; необходима всесоюзная «школа» современного самостоятельного политического мышления для огромных масс людей. Но нет – грязный псевдодемократический поток продолжал литься со страниц множества изданий, не встречая сколько-нибудь серьезного идеологического противодействия. Это и понятно: ведь теперь оно уже не могло сводиться к бесконечному повторению одних и тех же надоевших за десятки лет пропагандистских штампов, порожденных зачастую односторонними или даже лживыми утверждениями сталинской историографии. Их публичное использование, да еще в прямой полемике на всю страну с носителями информации противоположного толка, было бы в тех условиях равнозначно всенародно совершенному харакири. И не потому ли съезжилась и умолкла наша официальная пропаганда, особенно по вопросам исторического характера, что она не владела должным образом реальными фактами из прошлого партии и страны и не имела сколько-нибудь серьезного опыта живой, глаза в глаза, дискуссии с идеологическим противником?

КПСС расплачивалась позором за то, что ее руководители в течение 30 с лишним лет после доклада Хрущева на XX съезде о культе Сталина не только не возглавили работу по очищению общественного сознания от этого антикоммунистического по своей сути явления и выкорчевыванию его из партийно-государственной практики, но, напротив, всячески препятствовали их оздоровлению. Сталинская мертвечина своим трупным ядом все больше и больше отравляла партию и государство и в конце концов подвела их к гибели. И уж если какие-то силы, даже сомнительные или отталкивающие сами по себе, начали процесс разоблачения прежних мифов и восстановления исторической истины (делая это тоже с огромными передержками, только в противоположную сторону), политически мудрое руководство *возглавило* бы его и повело за собой, выбирая правильное направление и темп и сводя, насколько это возможно, к минимуму неизбежные издержки. Но где оно было тогда, такое руководство?

Возникшее в стране положение в конечном счете явилось закономерным следствием крупнейшего, всемирно-исторического масштаба, не сразу и немногими в стране и мире осознанного фатального провала сталинского и послесталинского руководства партией, государством, обществом: сначала из системы объявленного социалистическим строем,

подлинно гуманистического и глубоко демократического по его природе, были насильственно отъяты (или в связи с Гражданской войной и особенностями нашей дальнейшей истории отсутствовали изначально?) эти его коренные черты, затем они по существу не были ему возвращены (или в нем не возвращены?), а когда абсолютная необходимость в них в какой-то степени стала очевидной, оказалось, что *время для кардинальных перемен упущено*.

Еще раз повторю: социализм и демократия неотделимы, и его развитие как общественного строя равнозначно по существу ее расширению и углублению. Так считал – и был прав! – Ленин. Сталин же построил государство по сути антидемократическое, а значит, строго говоря, и несоциалистическое. Какое – об этом в последней главе книги. Здесь же важно одно: как социальный институт, государство с формальной демократией неспособно к саморазвитию, оно застывает в навязанных ему формах и в исторической перспективе обречено на неотвратимое поражение в гонке со временем. Этого не поняли ни Сталин, ни его преемники (разве что кроме успешного только поставить вопрос о необходимости разобраться в действительной природе нашего общества Ю. В. Андропова и – при всех его слабостях и ошибках – Горбачева). Итог такой сохранявшейся теоретической и политической куриной слепоты общеизвестен.

Колокол громкого боя, тревоги за будущее социализма и государства должен был будить мысль общества, и прежде всего руководства партий и государством, давным-давно, еще десятки лет тому назад, но именно тогда язык у него был вырван напрочь. М. С. Горбачев со своей командой вернули звучание колоколу истории, но вскоре выяснилось, что то был уже глас прощания с эпохой социализма, каким мы его себе представляли, и с теми, кто встал в тот момент у руля власти. И хотя основные условия для такого краха создавались задолго до появления этой команды на политических вершинах, но именно с именами ее членов судьба связала завершение величайшей, героической и трагической попытки построить общество социальной справедливости. Истины ради придется отметить, что, открыв шлюзы гласности, начав процесс реальной демократизации жизни общества, провозгласив исторически неизбежную перестройку, за что будущее, бесспорно, воздаст им должное, они приступили к ней слишком робко и в целом без четко продуманной и последовательной программы действий. (Говорю об этом, отдавая себе отчет в политических трудностях, с которыми не могли не считаться Горбачев и другие реформаторы, но, увязнув в тактике, они потерпели поражение и в стратегии.) Однако главная беда состояла не столько в тех или иных субъективных промахах, допущенных ими, а в том, что попытка вернуть считавшемуся социалистическим обществу его подлинную природу произошла лишь после того, как уже начали шататься сами его устои – от экономических до нравственных.

Пойдет ли кому-нибудь и когда-нибудь на пользу этот жесточайший урок истории? Ведь его действительное содержание, мне кажется, до

сих пор в должной мере не понято. По крайней мере, сколько-нибудь серьезного анализа этой проблемы мне на глаза не попадалось. Пожалуй, удивляться тут нечему: правые не желают видеть исторической прогрессивности существовавшего в стране общественного строя, поскольку они его уничтожили; левые не решаются признать принципиальные ошибки в попытке осуществить идеалы социализма на практике, чтобы не потерять наиболее консервативную часть своего электората; центристы боятся быть обвиненными в сползании к первым или вторым, дабы не подорвать своего альянса с исполнительной властью. И если до недавнего времени Политика нагло вытирала ноги о Научную Истину, особенно в обществоведении, то теперь она зачастую просто не замечает ее. Не берусь судить, какой из этих двух подходов, если их вообще можно сравнивать, лучше для Истории, а значит, и для нынешних и будущих поколений...

Между тем наступило время, когда борьба с настоящими врагами социализма, со сторонниками ликвидации Советского строя и возрождения в нашей стране, казалось, навсегда оставшихся в прошлом капитализма и класса буржуазии, должна была бы приобрести совершенно конкретные идеологические и организационные формы. Размышляя над этим, я вернулся в очередном документе к идее создать на Центральном телевидении и Всесоюзном радио Государственные каналы, непосредственным коллективным владельцем которых были бы ЦК, Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР, чтобы превратить их, каналы, в основное орудие борьбы против фальсификаторов истории страны, врагов социализма и единого государства. Уверенность в абсолютной необходимости такого решения окрепла в связи с тем, что, глядя со стороны на деятельность, а точнее, бездеятельность Отдела пропаганды (вскоре переименованного в Идеологический), можно было понять: фактически он как боеспособный орган перестал существовать (не знаю, какие события там происходили, но некоторые его работники приходили ко мне с просьбой помочь им в трудоустройстве), а значит, по существу отмерла сама эта функция ЦК партии.

Однако очень скоро события в стране показали, что реагировать на их развитие надо быстрее, политически жестче, разнообразнее и глубже, чем это первоначально представлялось. На Телевидение и в Совет Министров постоянно поступала информация, проходить мимо которой хоть сколько-нибудь уважающая себя власть права не имела. Нараставший напор деструктивных сил, их атаки на Союзное Правительство с целью окончательного развала государства и общества привели меня к мысли о том, что в этих условиях организация Государственных теле- и радиоканалов должна быть подкреплена более широким спектром действий против разрушительных тенденций, и в середине лета 1990 г. я предложил Николаю Ивановичу создать Комитет информации Совета Министров СССР, поскольку размах предстоявшей работы, ее научная

основательность и политическая острота намного превышали возможности нашего Отдела информации.

Главная официальная задача новой структуры состояла бы в дальнейшей демократизации государственного управления и расширения гласности в этой сфере, в широком ознакомлении советской и мировой общественности с деятельностью Правительства СССР, его социально-экономической политикой, направленной на формирование в стране эффективного социалистического рыночного хозяйства. На деле же Комитет предполагалось превратить в мощный аналитический и информационно-пропагандистский центр и в значительной мере возложить на него важнейшую в сложившихся условиях и практически полностью утерянную, как уже сказано, функцию Отдела пропаганды и всего ЦК – защиты словом и делом социализма и государства. Председатель Совета Министров сразу оценил эту идею, реализация которой представлялась последним шансом перейти в широкомасштабное контрнаступление против любителей обмазывать дегтем даже лучшие стороны и бесспорные достижения советского прошлого и изничтожить все святое для основной массы населения, и поручил мне подготовить проект Постановления Правительства по этому вопросу. Сверхкраткий документ был представлен его Председателю в тот же день. Дальнейший ход событий – что стало, на мой взгляд, второй роковой ошибкой Н. И. Рыжкова – он описал в книге «Десять лет великих потрясений»:

«Проект такого Постановления я направил в свой Секретариат для подготовки к обсуждению Президиумом Совета Министров. А затем он... как бы растворился в атмосфере кабинетов и коридоров здания Правительства. Несколько раз напоминал я своим, как мне казалось тогда, проверенным совместной работой помощникам об этом документе, требовал ускорить его обсуждение, получал заверения в полной готовности к этому, но, задавленный текущими событиями, так и не довел дело до конца. И только позднее, вспоминая ход событий, понял: это был совершенно сознательный саботаж, как уже сказано, жизненно необходимого и для самого Правительства, и для страны решения.

Теперь уже неважно, чем руководствовались те два-три человека, которые сумели проделать это. То ли они, донеся кому-то из партийных «боссов» о нашем намерении, выполняли их указание, то ли получили многообещающие предложения от лидеров оппозиции, то ли и то и другое совпало... Так или иначе, но, не совершив более решительного, смелого поворота Правительства к самостоятельной, полномасштабной политической и информационно-пропагандистской работе, мы проиграли схватку, по существу не вступив в нее.

...Воистину, лучший метод обороны – наступление, но мы потеряли время. И вместе со своим тогдашним «полководцем» потерпели всей страной поражение в борьбе действительно исторического значения».

Все верно, в том числе и о «полководце», оказавшемся просто тем самым обычным козлом, который ведет за собой на бойне ничего не по-

дозревающих быков и коров, – эта роль была отведена партии и всему народу – под оглушающий удар молотом и нож живодера¹, чьи обязанности с таким успехом исполнили и продолжают исполнять современные отечественные «демократы». Это стало возможным потому, что, начиная со сталинских времен, партию, каждое звено которой, от отдельного коммуниста и низовой ячейки до Центрального Комитета, *отучили* от самостоятельного мышления и самостоятельных, в рамках единого общего направления, действий и *приучили* только к безоговорочному исполнению воли и решений ее лидера. Она потеряла политическую мускулатуру, перестала быть партией *бойцов* и реальным двигателем общественного прогресса. Из КПСС начался массовый отток ее членов, состоявшийся не только из приспособленцев и карьеристов, но и из разочаровавшихся в ней и не желавших, чтобы на них, пусть и совершенно несправедливо, падала хоть какая-то тень ответственности за зловещую сталинщину и другие негативные факты в деятельности тогдашних руководителей партии, которая, кстати, и была их главной, понесшей наибольшие потери жертвой, а теперь стала, как и центральное Правительство, основной и первоочередной целью тех, кто ставил своей задачей уничтожение существовавшего в стране общественного строя.

Вот почему и нужен был, на мой взгляд, Комитет информации, который, опираясь на лучшие интеллектуальные силы страны, организовал бы работу по противодействию врагам социализма и Советской власти и объективно сыграл бы роль своеобразного Комитета спасения перестройки, а точнее, Комитета общественного спасения. Думаю, что при боевой, честной и умной позиции сторонников далеко не совершенного, не просто обильно политого, а насквозь пропитанного потом и кровью миллионов людей, но *нашего* строя, ход событий мог быть существенно иным и уж по крайней мере не столь катастрофическим.

Однако на пути реализации этой идеи был поставлен новый барьер в виде затянувшегося подбора руководителя Комитета. Здесь вновь и явно сказалось влияние тех же ближайших сотрудников Николая Ивановича, не мытьем, так катаньем добивавшихся своих целей. Известный и уважаемый в мире телевидения человек, приглашенный на эту роль, при всех его выдающихся качествах, прежде всего организаторских, заведомо не был и не мог быть *политическим* бойцом, да еще за подлинно *социалистические* идеи, и он, вполне естественно для него в той обстановке, отклонил полученное предложение. Таким образом, вопрос, как говорится, повис в воздухе, затем Н. И. Рыжков заболел и покинул свой пост, и Комитет информации не был создан. Так был упущен последний шанс остановить или хотя бы смягчить разгул политических страстей и наиболее безболезненно для населения перейти к регулируемой рыноч-

¹ Прошу извинить за незнание современной технологии забоя скота и наименований тамошних должностей по штатному расписанию.

ной экономике. И жизнь страны покати́лась дальше, не встречая препон, с нарастающей скоростью под откос...

Что же касается меня, то при обсуждении проблемы создания Комитета на базе Отдела информации Николай Иванович сказал:

– Ну а Льву Александровичу интересная работа в Совете Министров найдется пожизненно.

Эти добрые слова остались втуне, так как вскоре после ухода Н. И. Рыжкова я почувствовал, что мое пребывание в аппарате нового Правительства – Кабинета министров, его главе, моему старому приятелю и соавтору по немалому числу работ, нежелательно. Изменились обстоятельства и на второй моей работе: стало понятно, что значительная часть телезрителей, одурманенных «демократическим» шабашем в прессе, теперь меня не поймет, а главное, что очень скоро места на экране для людей социалистических убеждений вообще не будет. И в день своего 65-летия, весной 1991 г. я подал заявления об отставке с обеих должностей.

Так закончилась моя официальная рабочая жизнь и началось общее с большинством населения прозябание в условиях, сложившихся на той части нашей Родины – Союза Советских Социалистических Республик, которая стала называться Россией. И я обращаюсь теперь уже к силам небесным с мольбой о чуде – ее исцелении после всесторонней ампутации, поскольку в жизни земной пока не вижу ни одной политической силы, способной восстановить лучшее из искусственно отсеченного, объединить оставшееся в стране и к тому же быстро вымирающее население, возродить в нем дух коллективного созидания и тем самым превратить его, население, в единый, динамичный, устремленный к общей цели народ, который станет подлинным творцом своей собственной Истории.

Глава 18

ОТ НАУКИ К ПОЛИТИКЕ И ОБРАТНО

*Идеологические шаблоны и научное творчество. –
Сбывшееся предсказание. – Автор и редакторы. –
Трудовой, коллективистский, гуманистический. –
Лектор и слушатели. – «К нам едет Мистер Гласность!» –
Сергей Михайлович Крылов и его Академия. –
Ошибки прошлого – ориентиры для будущего.*

Кажется, уже было упомянуто вскользь, что после окончания университета и аспирантуры центр тяжести в моих интересах довольно быстро переместился с чисто научных проблем на вопросы *практического* применения политической экономии в разработке экономической, а следовательно, и социальной политики партии и государства, в демократизации общества, его всестороннем развитии и наполнении социалистических форм *реальным* социалистическим же содержанием. Выступая по этому чрезвычайно широкому кругу вопросов, я считал себя вправе предлагать свои работы читателям, зрителям, слушателям только в том случае, если в *каждой* из них будет хоть что-то *новое* по сравнению с уже известным им. Под этим углом зрения и попытаюсь взглянуть на свое прошлое творчество, а точнее, на некоторые, почти наугад взятые примеры из него, чтобы показать: и в тогдашних условиях, при упорстве и настойчивости, можно было в какой-то мере выходить за узкие рамки не столько дозволенных формально, сколько сложившихся за десятилетия традиционных уровня и характера научных и политических выступлений. И это тут же подмечалось внимательными читателями, телезрителями, радиослушателями, участниками различных дискуссий, аудиторией в лекционных залах. Но, конечно, первыми знакомились с авторскими работами и были самыми бдительными участниками творческого процесса их редакторы, зачастую выполнявшие прежде всего и главным образом охранительно-идеологические функции. А в понимании слишком многих из этой категории работников они сводились к бесконечному повторению устоявшихся и во многом одряхлевших или никогда не соответствовавших действительности шаблонов.

Вот несколько дополнительных штрихов к рассказанной в главе 13 истории статьи о роли политической экономии в выработке мировоззрения человека. После всех многомесячных перипетий вокруг этой работы она, подвергнутая неоднократным вивисекциям, появилась на страницах журнала «Коммунист» и даже сохранила часть нестандартных для того времени идей: о вытекающей из самой природы материалистической диалектики как метода научного анализа необходимости объективного, *критического* отношения к *социалистической* действительности,

к догмам, ведущим к застою, и к застою, ведущему к догмам; о преодолении сложившейся практики изучения не конкретного живого и изменяющегося капитализма, а устаревшей его модели и не реальной действительности нашего общества, а его идеализированной схемы; о назревшей научной потребности выяснения наряду с качественными характеристиками рассматриваемых экономических явлений *количественной* их стороны; о том, что «действенность экономической науки в огромной степени зависит также от ее тесной, органической связи с разнообразными конкретными социологическими исследованиями... Установив качественную сторону изучаемых явлений, экономическая наука с помощью математики выразит это качество с достаточной количественной определенностью, проверит правильность сделанных выводов в самой гуще жизни, в той общественной среде, где, пробиваясь сквозь случайные отклонения, только и могут проявлять себя экономические законы, тенденции», и т. д.

Казалось бы, «муки творчества» и намного бóльшие муки спасения некоторых его результатов остались, наконец, позади. Но тут меня вызывает умница, начитанный и просто хороший человек, он же наш главный редактор, и говорит:

– Вот у Вас в начале статьи вывешено чеховское ружье на стене – отличительные черты коммунистического мировоззрения. Вижу, что в этой характеристике каждая позиция внутренне логически переходит, переливается в следующую: «оно, во-первых, научное, диалектико-материалистическое; во-вторых, критическое, революционное; в-третьих, действенное, творческое; в-четвертых, жизнеутверждающее, оптимистическое». Но здесь нет главного – того, что оно тесно связано с жизнью!

– Этой характеристики в данном случае быть и не должно: ведь речь идет об *отличительных* чертах, а не общих с другими мировоззрениями. Например, Вы же не станете утверждать, что религиозное мировоззрение не имеет корней в исторической действительности и поныне не связано с повседневностью...

– Нет! Вы не понимаете: эта характеристика *обязательно должна быть!* Без нее статья выйти не может, и эту формулировку я вношу в текст...

Так укоренившийся пропагандистский штамп, сопряженный с административной властью, в очередной раз оказался сильнее научной логики. Некоторое утешение я нашел позднее в том, что стремление мыслить и писать по политическим и идеологическим шаблонам интернационально и не обязательно зависит от общественного строя: через три года известный американский советолог Ричард В. Аллен – в то время руководитель отдела по изучению проблем коммунизма Центра стратегических исследований в Вашингтоне – в книге «Мир или мирное сосуществование?», по-своему интерпретировав мою статью, обвинил автора в том, что он предлагает *тенденциозно* освещать современный капитализм, его природу (хотя даже из пересказанного выше очевидно,

что было как раз наоборот). «Зато» в редакцию журнала со всех концов страны пришло более семидесяти (!) откликов на статью, в том числе коллективных, где рассказывалось, в частности, о широком обсуждении ее на обществоведческих кафедрах университетов и институтов.

И тогда я вспомнил один из эпизодов лагерной жизни. Дело было во время нашего пребывания в районе будущего города Междуреченска. Однажды Л. Н. Гумилев сказал мне:

– Левушка, давайте-ка я погадаю Вам о будущем. Сделаем это по древнебуддийскому способу – вслепую, по бугоркам руки. Но для этого нам надо добыть пачку чая.

После некоторых бартерных операций пачка оказалась у него в руках, во взятом напрокат черном от копоти солдатском котелке был сварен невероятной крепости напиток (так называемый «чифирь»), который он весь выпил, сел на нарах по-турецки и, закрыв глаза, стал погружаться в самого себя. Достигнув нужной стадии отрешенности от внешнего мира и самоуглубления, он, не открывая глаз, взял мою руку и стал вращательными движениями кончиков пальцев, говоря современным языком, снимать информацию (?) с бугорков ладони. Что уж виделось ему, не знаю, но там, где его пальцы, переходя от одного бугорка к другому, прикасались к моей ладони, ее будто покалывали иголками. Так я впервые почувствовал и узнал, что у человека есть биополе, которое некоторым – или всем при желании? – удастся сконцентрировать и направить в определенную точку. (Прошли десятки лет, и однажды я имел неосторожность рассказать об испытанных мной ощущениях Президенту Академии медицинских наук Н. Н. Блохину, на что тот прореагировал однозначно отрицательно: «В биоэнергетику я не верю, и, пока стою во главе Академии, она такой ерундой заниматься не будет». Однако теперь уже многие годы существуют экспресс-диагностика и даже лечение различных заболеваний, основанные на измерении с помощью компьютеров импульсов тела человека в его акупунктурных точках.)

Тогда же, году в 52-м, мой предсказатель сообщил мне то, что потом действительно сбылось, но последний бугорок он долго тер пальцами, потом, явно недоумевая, открыл глаза и произнес:

– Ничего не понимаю: в конце жизни Вы будете кем-то вроде известнейшего проповедника, религию, что ли, проповедовать какую-то будете?..

Я от души рассмеялся:

– Ну, Лев Николаевич, какую религию я могу проповедовать? Единственную – марксизм-ленинизм...

И вот, когда пришли многочисленные отзывы на статью, я вспомнил о предсказании Л. Н. Гумилева и стал думать о том, не являюсь ли уже «известнейшим проповедником». Нет, не являюсь, правильно оценило ситуацию сознание, и слава Богу: ведь разве может счастье жить сравниться с каким-то ничтожным стремлением к известности, даже если бы оно закралось в душу. Еще раз мне пришлось задуматься над словами Льва Николаевича через 11 лет, когда надо было принимать решение

о переходе на Телевидение. Было ясно, что регулярное появление на экране сделает любого, независимо от его воли и поведения, достаточно узнаваемым, а ведь предсказание связывало это с окончанием земного пути. Но желание изменить характер работы было настолько сильным, что разум тут же нашел аргументы против суеверия и оправдал то, к чему стремилась душа.

А что касается навязанной мне «накладки», то очищенную от нее формулу я еще раз включил в одну из статей, опубликованных в «Правде». Именно через эту главную в стране газету с многомиллионным тиражом довелось ввести в научный и политический оборот, обосновав их, мысли о том, например, что страна вступила в такой этап развития, когда одним из важнейших его факторов стали (а точнее, должны стать) *социальные* ускорители экономического роста; что среди них на первый план по своему потенциальному значению выходят факторы *социально-политические*, прежде всего *реальное* участие широких масс людей в тех или иных формах и на разном уровне государственного *управления* и самоуправления; что исходным пунктом, основным звеном, ухватившись за которое, говоря языком Ленина, можно вытащить всю цепь процессов всесторонней демократизации общества, является всепроникающая *гласность* (задолго до горбачевской перестройки). Конечно, и здесь порой не обходилось без упорнейшей борьбы. Скажем, почти двухподвальная статья «Динамизм советского общества» (1977 г.) появилась после изнурительной шестимесячной схватки то ли с редакцией, то ли с редактором, в руки которого она попала. Одну за другой присылали мне бесчисленные верстки со множеством изменений текста, с которыми я категорически не мог согласиться, ибо их смысл состоял в изъятии всего нового и его замене постыдными банальностями. И вот однажды, уже много времени спустя, когда закончилась моя лекция в Институте Маркса – Энгельса – Ленина и у нас с большой группой научных сотрудников продолжался, так сказать, неофициальный разговор по затронутым в выступлении вопросам, одна из его участниц спросила:

– А Вы знаете, что Ваша правдинская статья «Динамизм...» во всех ее вариантах хранится в нашем архиве?

– Нет, впервые слышу. А почему ей и мне заодно такая честь оказана?

– О, мы хотели, чтобы будущие исследователи видели, что должен был выдержать в наше время автор, добивавшийся опубликования своих идей...

Очень многое в характере и уровне публикаций зависело от личности и гражданской позиции не только главных, но и рядовых редакторов. Скажем, в любимом Политиздате творческое общение с «моими» уважаемыми редакторами было полезным и плодотворным, но с одним, назовем его Т., запомнилось только с негативной стороны. На редкость самонадеянный, он считал себя вправе чужие мысли заменять ввевшимися в его сознание штампами. Одна моя работа вышла в свет искоре-

женной до неузнаваемости, поскольку заранее мне ее не показали. После этого я настаивал на том, чтобы любая правка была согласована со мной, ибо не считал возможным отвечать перед читателями за не принадлежащие мне формулировки.

Начиная с 1970 г. для сети партийной учебы и экономического образования неоднократно выходила книга «Вопросы экономической политики КПСС на современном этапе», в авторский коллектив которой входил и я. А в конце 1978 г. или в начале 1979 г. В. А. Медведев в качестве заместителя заведующего Отделом пропаганды ЦК пригласил меня заглянуть к нему (я уже не был сотрудником аппарата) и предложил написать учебник «Экономическая политика КПСС». Пришлось, однако, сказать:

– Идея очень интересная, и я с удовольствием возьмусь за такую работу. Но мне неудобно выполнить ее без Лёни. (Мы оба понимали, что речь идет о Л. И. Абалкине.) Он давно и систематически занимается этой проблематикой, у нас есть ряд совместных публикаций, с нею связанных, и мне кажется, было бы неделикатно с моей стороны не вовлечь его в столь близкое ему дело. Так что если ты не возражаешь, мы напишем учебник вдвоем.

Вадим Андреевич согласился, но Леониду Ивановичу, в свою очередь, показалось необходимым пригласить и другого товарища, а тот из тактических внутриаппаратных соображений настоял на участии еще двоих. Так авторский коллектив разросся до пяти, а в последнем издании книги, вышедшей в течение ряда лет, аж до шести человек. Несмотря на это или благодаря этому, она, судя по отзывам и рецензиям, все же получилась, но сначала...

Когда мои главы вернулись из Политиздата, где они попали в руки того же Т., я был потрясен: редактор не понял даже, что это был *новый* учебный курс, со *своим* предметом изучения, отличным прежде всего от политической экономии как науки, но в то же время опиравшийся в своей теоретической части на нее. Последовательно провести четкую грань между ними было непростой задачей, поставленной В. А. Медведевым еще в «исходной» беседе и решенной нами с Л. И. Абалкиным и присоединившимся к этой работе позднее Б. Г. Владимировым, когда мы определяли структуру книги и угол зрения, под которым подавался весь ее материал. Редактор же выбросил из моих глав (других я не видел) всю новизну и переписал их в духе примитивнейшего учебника политической экономии, к тому же густо усеянного элементарными теоретическими ошибками и просто глупостями. Тогда я выдвинул лозунг «Каждый советский человек имеет право на *собственную* глупость!» и предложил Т. публиковать свои идеи, если они у него есть, под его, а не моим именем. Но, сожалею об этом до сих пор, я проявил и непростительную мягкотелость: вместо того чтобы сразу настоять на отзыве такого «редактора», стал работать бок о бок с ним, объясняя неприемлемость его правки и ища более разумные варианты обработки текста. Мы потеряли

на этом так много времени, а впереди оставалось еще столько требующего восстановления изуродованного материала, что книга просто не могла выйти к новому учебному году. Пришлось поставить перед руководителем Отдела пропаганды ЦК Г. Л. Смирновым вопрос об издании ее двумя частями, чтобы занятия могли начаться вовремя по первой из них. Так книга и вышла в тот раз двумя выпусками в бумажной обложке, а уж в следующих изданиях читатели получали ее сразу целиком и во вполне пристойном оформлении.

Ограничусь этими примерами, поскольку надеюсь, что они вместе с приведенными в других главах достаточно очевидно свидетельствуют: даже в условиях господства догматизированного и поверхностного идеологического благолетия можно и нужно было выходить на люди со свежим, не беспросветно зашоренным взглядом на вопросы теории и практики общественной жизни. И в этом отношении большая положительная роль принадлежала именно редакторам разного ранга. Позвольте же назвать некоторых работников печати, творческое содружество с которыми было безусловно полезным для дела и навсегда оставило у меня самые благоприятные впечатления. С глубокой благодарностью вспоминаю таких редакторов, как Елена Михайловна Аветисян, Дмитрий Сергеевич Авраамов, Рада Никитична Аджубей, Константин Васильевич Ажаев, Виктор Григорьевич Афанасьев, Валентина Сергеевна Баковецкая, Михаил Михайлович Беляев, Юрий Аронович Бжилянский, Людмила Семеновна Боярская, Виктор Антонович Бударин, Валентина Ильинична Бударина, Тарас Владимирович Бульба, Михаил Петрович Габдулин, Владимир Сергеевич Глаголев, Любовь Михайловна Гарсиа, Ольга Михайловна Грибанова, Владимир Прохорович Жидков, Ирина Михайловна Кирсанова, Николай Яковлевич Клепач, Ева Львовна Коган, Татьяна Анатольевна Кравченко, Тамара Георгиевна Мартынова, Надежда Владимировна Медова, Маргарита Ивановна Панова, Виктор Иванович Пантелеев, Александр Прокофьевич Поляков, Надежда Арсеньевна Полякова, Наталья Борисовна Приходько, Евгений Семенович Чернов, Константин Константинович Яцкевич и многих других моих уважаемых коллег по редакторскому цеху.

В каких бы изданиях ни появлялись мои работы и какой бы – научный, научно-публицистический, методико-пропагандистский – характер они ни имели, их общая сверхзадача состояла в том, чтобы в разных формах и по разным поводам снова, снова и снова привлекать внимание к жизненной необходимости придать нашему обществу и свойственному ему образу жизни *реальное* социалистическое, социально справедливое содержание. Так, еще в одной из телепрограмм 1977 г., посвященной обсуждению проекта новой Конституции СССР, я высказал мысль о том, что *в идеале* этому образу жизни присущи три взаимосвязанные основные черты: он *трудовой, коллективистский, гуманистический*. (Все

остальные характеристики, встречающиеся в литературе, – демократизм, социальный оптимизм и пр. – являются производными от них.) Это триединство и проводит водораздел между ним и любым иным (первобытно-общинным, рабовладельческим, феодальным, капиталистическим) строем с присущим каждому из них образом жизни. В более развернутом виде эти соображения были изложены, в частности, в журнале «Наука и жизнь», а позднее – в одной из глав учебного пособия «Экономическая политика КПСС». Ради движения к *такому* социализму и выступал я в открытых и закрытых документах, в различных изданиях и с докладами, телевизионных и радиопрограммах, лекциях, интервью и других жанрах.

Итак, оставляю в стороне более двухсот только научных и научно-публицистических работ общим объемом свыше двухсот пятидесяти печатных листов и вкратце расскажу о реакции на разнообразные устные выступления в отечественных и зарубежных аудиториях. Для оценки работы в этой форме пропаганды идей перестройки (за много лет до ее объявления Горбачевым) у меня была своя шкала. После очередного выступления дома обычно спрашивали, на какой срок я на этот раз наговорил. Ответом было – «На все 25», «Лет на 15», а самая низкая самооценка звучала как «Не больше чем на 10, к сожалению». Конечно, эти «шуточки» были отзвуками прошлого, когда за недозволенные речи отвечали по статьям Уголовного кодекса, причем 10 лет, в переводе с лагерного языка на обычный, «давали не за что». Но жизнь с оглядкой имела под собой не только исторические корни. Все, наверное, еще помнят: десятками лет и после Сталина политические разговоры велись на кухнях, в ушах навязло: «Это не телефонный разговор»; а уж попытки понять сквозь завывание глушилок, о чем рассказывает зарубежное радио, вообще считались чуть ли не антисоветскими деяниями¹. В такой обстановке прямое, честное, публичное слово о реальных проблемах жизни общества и путях их решения, об исторической неизбежности и безотлагательности коренных изменений в самой нашей действительности воспринималось аудиторией с огромным вниманием и уважением. После первого же выступления в Москве (до того я читал лекции за рубежом) стала известна одна из самых дорогих мне оценок: «Вот это – действительно лекция работника Центрального Комитета партии!»

В те годы интерес к поиску решений политических, экономических, идеологических проблем развития нашего общества был огромен.

¹ Придя на работу в Совет Министров, я обратил внимание Управляющего Дедами М. С. Смиртюкова на ту нелепость, что готовившиеся в Гостелерадио ежедневные сборники «Зарубежная радиоинформация» попадают на столы руководства страны с грифом «Секретно», в то время как граждане знакомятся с этими передачами сколь угодно свободно, если не считать помех со стороны глушилок в районах их действия. Михаил Сергеевич распорядился снизить уровень закрытости таких материалов до грифа «Для служебного пользования».

Просьбы выступить с лекциями, докладами, принять участие в дискуссиях поступали постоянно и из самых разных организаций – научно-исследовательских и учебных институтов, крупных редакционных коллективов и партийных комитетов, ведущих государственных учреждений, творческих объединений и т. д. Аудитория могла состоять из нескольких десятков и из нескольких сотен человек, когда залы были переполнены. Встречи эти продолжались от двух до шести часов: два – лекция, два – ответы на вопросы, два – продолжение обсуждения на пути от кафедры до выхода из здания. Мы говорили тогда (т. е. начиная года с 1968-го), если попытаться максимально обобщить эти мысли, о реальных путях ликвидации разрыва между словом и делом в нашей действительности; о диктуемом ею фактически новом характере взаимоотношений государства и личности; о путях сближения интересов, прежде всего экономических, человека, коллектива и общества; о практическом участии масс в управлении, особенно в области производства, экономики; о широкой и глубокой демократизации всех сфер жизни; о сознательном, целенаправленном и всестороннем совершенствовании советского социалистического (а тогда мы воспринимали его именно таким) строя; об исходном и важнейшем пункте этой исторической по значимости работы – всепроникающей не только критической, но и прежде всего конструктивной Гласности... Впрочем, об этих и многих других проблемах говорилось и в моих публикациях, но в лекциях они звучали и более детально, и более эмоционально.

Бесконечно благодарный своим доброжелательным, внимательным и чрезвычайно активным слушателям-собеседникам, скажу вместе с тем, что выполнял эти свои, можно сказать, общественные обязанности главным образом из чувства гражданского долга, поскольку наиболее привлекательной формой деятельности для себя всегда считал работу с пером в руке. (Правда, некоторые лекции, доклады, сообщения потом оказывались опубликованными в отечественных и зарубежных изданиях.) В надежде на то, что вы, уважаемые читатели, не посетуете на меня за почти интимное признание, скажу: самой нелюбимой формой работы было для меня выступление на телеэкране. Выбор проблемы, ее изучение, подбор фактического материала, его трансформация для обсуждения по телевидению – этим можно было заниматься хоть круглые сутки, но, когда предстояло записывать передачу или идти на прямой эфир, тут нужно было брать самого себя за шиворот. Более того, если в течение двух-трех месяцев приходилось заниматься исключительно телевидением, у меня возникало почти физическое ощущение растущей... глупости, и я хватался за давно отложенную очередную или, чаще, внеочередную литературную работу, которая требовала обращения к науке и «выворачивания мозгов наизнанку», но зато приводила голову и душу в более или менее сносное состояние. В какой-то мере спасению от самого себя помогали, конечно, и лекции, особенно за рубежом.

Несколько слов об этом странном, именно там и не мной одним многократно испытанном состоянии, суть которого можно было бы определить, наверное, как полную раскованность и вследствие этого полет мысли. Думаю, причиной такого состояния было ощущение того, что по тебе, по твоему выступлению люди будут судить и о нашей стране, ее интеллектуальном уровне, ее открытости и честности, способности к прогрессу во всех областях жизни. И это где-то в подкорке засевшее ощущение вызывало огромный прилив сил и такую сосредоточенность на решении стоявшей перед тобой задачи, что ты ее выполнял на максимально возможном для тебя уровне. Скажем, в одной из поездок в Западную Германию – она состоялась по приглашению доктора Дитриха Шперлинга, председателя Федерации обществ «ФРГ – СССР» – за десять дней с помощью прекрасного организатора, переводчика и просто друга, первого секретаря Посольства СССР А. А. Богушевского довелось два десятка раз выступить в самых неординарных аудиториях – от депутатов Бундестага и ландтагов до солдат и офицеров Бундесвера, от профессоров и преподавателей Гёттингенского университета до лидеров Объединения немецких профсоюзов, от влиятельных журналистов до крупных бизнесменов и т. д., дать пять интервью для газет и радио и, как обычно, прочесть лекцию в нашем Посольстве. Происходило это в пору вспыхнувших надежд, связанных с перестройкой в нашей стране, и после первого же выступления с легкой руки главного редактора известной газеты «Франкфуртер Рундschau» впереди нас с Анатолием Андреевичем шла молва: «К нам едет Мистер Гласность!» Да, с таким подъемом и в таких жаждущих свежей и всех интересующей информации аудиториях можно было выступать, только свято веря в начало новой, светлой эры в жизни своей страны...

Надеюсь, однако, никто не подумает, что взлет духа в связи с началом долгожданной перестройки отнял или затмил критический разум. Напротив, аналитический подход к любой теме стал для меня еще более принципиальным условием любого выступления как внутри страны, так и вне ее. Это было продиктовано прежде всего опасением за судьбу перестройки, за наше будущее. Возьмем выдержку (и то в сокращении) из доклада «Перестройка: проблемы и перспективы» в Копенгагене на Втором симпозиуме Нильса Бора весной 1989 г. (опубликованного в материалах этого всемирного съезда крупнейших физиков мира): «...При отсутствии собственного исторического опыта жизни в условиях, к которым мы стремимся, процессы демократизации и экономического переустройства идут не только крайне противоречиво, но и более медленными темпами, чем те, которые были намечены. Все хотят как можно скорее получить блага перестройки, хотят *жить* по-новому, жить лучше, но далеко не все хотят и умеют *работать* по-новому, с высокой степенью организованности, самодисциплины, ответственности. Приведу несколько примеров противоречивости нашей сегодняшней ситуации.

...В экономике, поскольку здесь непосредственно затрагиваются самые ощутимые, материальные интересы людей, противоречия жизни еще острее и нагляднее (ранее в докладе был фрагмент о политике. – Л. В.). Вот лишь некоторые из них – сверх тех, о которых я уже сказал чуть раньше: на многих предприятиях, получивших самостоятельность, в погоне за прибылью «вымываются» дешевые товары, под разными предлогами повышаются цены на оставшуюся продукцию, рост заработной платы буквально скачкообразно оторвался от роста выпуска продукции и производительности труда; сокращение численности работников высших звеньев хозяйственного аппарата на 600 тыс. человек обернулось тем, что на других этажах управления она увеличилась на 700 тыс., т. е. аппарат не сократился, а вырос; ликвидируемый диктат центра пытаются подменить диктатом республиканских и прочих органов управления, находящихся этажом или несколькими этажами ниже, и т. д.

...Нам нужно лишь одно: непрерывно и ускоренно двигаться вперед, полностью и окончательно освобождаясь от наследия прошлого и создавая новое общество – трудовое, коллективистское, демократическое¹, гуманистическое. Мы хотим ликвидировать сложившееся за десятилетия господства командно-бюрократической системы управления отчуждение человека от собственности, от власти и даже от многих достижений отечественной и мировой культуры.

Путь к решению этих задач труден, в каких-то деталях, поворотах не во всем предсказуем, препятствий несопоставимо больше, чем это представлялось в апреле 1985 г., – и все же другого варианта, чем пройти до конца этот, можно сказать, крестный путь, у нас нет».

Увы, движение к обществу социальной справедливости (приходится повторить неоднократно сказанное) было прервано. Страну, народ под усыпляющее пение «демократических» сирен повели и привели на капиталистическую бойню.

Завершаю эту короткую главу небольшим дополнением к рассказанному в других местах книги о закрытых, не публичных формах творчества в виде проблемных, аналитических записок руководству партии и страны. Наиболее полное собрание таких документов из числа непосредственно относящихся к перестройке оказалось у А. И. Лукьянова. И вот в году, скорее всего, 90-м он позвонил мне и спросил, не могли ли бы мы сейчас встретиться. В его кабинете Председателя Верховного Совета СССР у нас состоялся такой разговор.

– Обстановка в стране становится все сложнее, и я хотел бы вернуть тебе твои перестроечные документы...

¹ Учитывая специфику аудитории, я в этом случае ввел в характеристику социалистического общества этот четвертый элемент, хотя, по-моему, он должен находиться на следующей по сравнению с тремя другими ступени логики.

– А разве вы уже выполнили все, что там написано? – вроде бы в шутку спросил я.

– Да ты меня, оказывается, недооцениваешь! – в том же тоне ответил Анатолий Иванович. – Пойдем...

К кабинету примыкало помещение, в начале которого стоял огромный сейф. Его хозяин с некоторым усилием открыл дверь невероятной толщины и, показывая на внушительную стопу бумаг, добавил:

– Вот смотри: здесь в копиях все двадцать твоих материалов. Так что не волнуйся – и жизнь, и работа продолжают...

Прошло лет десять, и теперь эти документы в их первоизданном виде находятся в государственном архиве.

Нужно сказать, что наша действительность нет-нет да и подбрасывала проблемы, мимо которых пройти было совершенно невозможно. Например, весной 1977 г. мне на Телевидение позвонил взволнованный Сергей Михайлович Крылов – генерал-лейтенант, начальник Академии МВД СССР и мой друг:

– Лев Александрович, мне надо немедленно повидаться с Вами!

– Вы можете приехать на Телевидение?

– Да, выезжаю тотчас.

Машина у него была «всепроходная», со спецсигналами, от которых шарахались другие автомобили, и буквально минут через двадцать, если не раньше, он с места в карьер изложил суть дела:

– Мне только что стало известно о записке Брежневу академика такого-то и доктора экономических наук такого-то (Сергей Михайлович, конечно, упомянул и фамилии, я же их не называю, поскольку сам ее не видел. – *Л. В.*). Они утверждают, что американцы разочаровались в электронно-вычислительной технике, и поэтому мы можем позволить себе свернуть ее разработку и производство, требующие огромных вложений при малой (тогда. – *Л. В.*) отдаче, а сэкономленные средства направить на рост уровня жизни народа. Это же страшная диверсия, за которую ЦРУ должно выдать авторам по Пурпурному сердцу, – она может привести страну к катастрофе! Выручайте, Лев Александрович: Брежнев записку прочитал, очень одобрил и дал указание рассмотреть ее на Политбюро. А оно состоится, как всегда, в четверг, через два с половиной дня. Нужно срочно написать аргументированный контрдокумент и положить его поверх этой подрывной записки. Я готов предоставить Вам весь материал, которым располагаю. А затем, если Вы сумеете такой документ подготовить, каждый из нас по своим каналам сделает все, чтобы он попал в руки Брежнева и изменил его позицию.

– Программа действий ясна. Правда, я никогда всерьез проблематикой ЭВМ не занимался и не очень пока в ней разбираюсь, но кое-что по этому поводу у меня тоже есть. Немедленно пришлите мне все, что имеете и что сможете достать, – открытые и закрытые материалы, а через день-полтора мы снова встретимся и обсудим контрзаписку.

В общем, пришлось мне срочно, в считанные часы «подучиться» по отечественным и зарубежным материалам по этой проблематике и сесть за подготовку документа «К вопросу о перспективах развития электронно-вычислительной техники в СССР и капиталистических странах». Он получился плотным, насыщенным фактами, позволившими сопоставить положение дел в этой области в США, Западной Европе и Японии, с одной стороны, и в СССР – с другой, показав тем самым степень нашего недопустимого отставания по каждому из основных узлов решения ставшей перед страной гигантской проблемы. Вывод же был, можно сказать, шире исходной задачи: энергичная ликвидация отмеченных недостатков, а не свертывание выпуска ЭВМ, – таков единственно возможный путь превращения производства этой техники «в высокодоходную отрасль экономики, в мощное средство повышения ее эффективности; таков единственно возможный ответ на вызов, брошенный нам Западом на этом важнейшем направлении научно-технического прогресса. Практика показывает, что серьезный успех, особенно в хозяйственной, социальной сферах, электронно-вычислительная техника приносит только тогда, когда она становится органическим элементом современной, научно обоснованной системы управления производством и обществом в целом, способной к динамичному развитию и постоянному совершенствованию».

Ну а затем была проведена «оргработа». Не помню точно, по каким каналам, скорее всего через «своего» министра Н. А. Щелокова, Сергей Михайлович передал экземпляр записки для Брежнева, а я в порядке подстраховки вручил еще один И. П. Помелову для его шефа, члена Политбюро Кириленко. Так или иначе, документ сработал, и ложная идея была отброшена (хотя дело до создания «современной, научно обоснованной системы управления производством и обществом в целом, способной к динамичному развитию и постоянному совершенствованию», к нашей общей беде, так и не дошло).

...Сергей Михайлович Крылов был человеком редкостным во многих отношениях. Полнее всего мне удалось охарактеризовать его в документальном фильме Э. Церковера и Ю. Туталашвили «Выстрел в себя». Первоначальный вариант этой работы содержал слишком много моего текста, и пришлось попросить режиссера сократить его, но при этом я не догадался сохранить для себя, а значит, и для читателей этой книги целиком те размышления об ушедшем друге. Ушедшем потому, что, затравленный ненавидевшим его Чурбановым – зятем Брежнева и поэтому первым заместителем министра внутренних дел СССР, Сергей Михайлович покончил с собой в комнате отдыха рядом со своим служебным кабинетом в Академии МВД СССР. И это не было проявлением слабости духа, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что он сумел выстрелить себе в сердце *дважды*. Напротив, этим поступком он, подобно офицерам далекого прошлого, когда Честь была не только словом, а и глав-

ным принципом жизни, такой высшей ценой защитил свое доброе и светлое имя.

Фантастически энергичный и работоспособный, в любом возрасте и на любой должности стремившийся к новым и новым знаниям и умевший постоянно обогащать ими любой участок своей кипучей и разнообразной деятельности, С. М. Крылов оставил глубокий след в истории развития органов внутренних дел страны. Насколько мне известно, по инициативе Сергея Михайловича, блестящего организатора, был создан Штаб МВД СССР – центр информационно-аналитической, организаторской и контрольно-инспекторской работы всей этой системы, который он и возглавил. С его именем связан научный, *обществоведческий* подход к анализу преступности, разработке методов ее прогнозирования и борьбы с нею не просто как с суммой отдельных правонарушений, а как с естественным *социальным* явлением, вырастающим из самой действительности (в чем мы, к слову, с первых же минут нашего знакомства обнаружили полное единство взглядов как и вообще на природу нашего общества и державших его в тисках проблем).

Особенно ярко его стремление построить деятельность всех структур, входящих в систему министерства внутренних дел, на серьезной научной базе проявилось в созданной тоже по его инициативе Академии МВД СССР – первого в истории правоохранительных органов мира *управленческого* высшего учебного заведения. И опять-таки он его и организовал, для чего потребовалась действительно адова работа всего тщательно подобранного им коллектива. В годы, когда Академией руководил С. М. Крылов (1974–1979), она очень быстро стала одним из самых авторитетных научно-учебных учреждений Москвы. «По инициативе начальника Академии в ней были созданы Научный центр проблем управления и Организационно-методический центр передового опыта управления органами внутренних дел. С трибуны научных конференций, проблематика которых носила по необходимости широкий социальный характер, выступали академики, ученые самых разных отраслей научного знания: философии и кибернетики, экономики и социологии, психологии и права, педагогики и этики, наконец, собственно управления. Рядом с учеными делились своим опытом выдающиеся руководители различных отраслей народного хозяйства, культуры, правоохранительной системы. Вниманием, которым была окружена Академия, она была обязана в первую очередь личности начальника, его интеллекту, эрудиции, вдохновенности, творческому дерзанию» (из вступительной статьи в изданной через двадцать лет после его гибели книге «Избранные труды» С. М. Крылова).

Но не только науку, а и *культуру* в таком же широком смысле слова насаждал Сергей Михайлович в практике советских органов внутренних дел. И это тоже с особой наглядностью проявилось в деятельности Академии. Идешь по ее коридорам и слышишь: за этой дверью идет лекция по уголовно-правовой психологии, а за другой – по прикладной

математике, за следующей – по организации профилактики правонарушений, а еще за одной – по русскому языку и литературе... Огромную роль в расширении кругозора слушателей Академии играл организованный в ней Народный университет культуры во главе с всемирно известным и всенародно любимым композитором Арамом Ильичом Хачатуряном. Кафедры университета возглавляли крупнейшие мастера искусства. Однажды я спросил Сергея Михайловича, почему он так заботится о том, чтобы слушатели Академии регулярно посещали театры, концерты, музеи и т. д. Его ответ запомнился мне навсегда:

– Я хочу создать такой корпус высших офицеров органов охраны общественного порядка, для которых преступить закон, поднять руку на человека было бы *внутренне* невозможно, поскольку сама личность, ее жизнь, права и достоинство всегда оставались бы в их сознании и душе безусловной нравственной ценностью.

И вот это-то уникальное творение С. М. Крылова – Академию – по существу стали уничтожать с помощью инспекторской проверки во главе с Чурбановым. Цель была двуединой: главная – дискредитировать ее начальника, а заодно и идеи, воплощенные в ней. В сохранившемся *черновике* записки Сергея Михайловича, опубликованной в упомянутой книге, говорится, в частности: «Да, это не традиционный вуз. Его сравнить не с чем. Но это именно тот вуз, который нужен времени, нужен органам внутренних дел... Проверка идет под флагами вернуть Академию к Высшей школе (на базе и над которой она выросла. – Л. В.)... сделать из Академии ординарный милицкий вуз. Все, что необычно, все, что ново, не только берется под сомнение, а высмеивается. Скажем, зачем нам нужны математические методы управления? Зачем нужна кафедра литературы и искусства? Зачем нужна общая теория управления? и т. д. и т. п. Я нахожусь в положении человека, обвиняемого в каких-то отступлениях, в каких-то грехах, потому что иду не по тому пути, по которому до этого времени шла Высшая школа. Но этот путь сформулирован не мною, этот путь сформулирован временем, властным требованием жизни... атакуют Академию, потому что это новое, необычное, смелое... мы построили великолепную Академию, которой можно гордиться... И вот теперь эти менялы бесчинствуют в нашем храме».

Да, когда варварски уничтожают храм, возведенный из самой души твоей, изгоняют его строителей и служителей, публично поносят находящиеся в нем святыни, а тебе, по чьему проекту он создан, связывают руки и затыкают рот, остается один способ донести до мира твой молчаливый крик: «Это ложь!» – уйти из жизни так, чтобы никто не мог скрыть эту твою предсмертную боль отчаяния и, может быть, тем самым хоть стены храма и кого-то из в нем священнодействовавших сохранить для будущего. На такую последнюю жертву не всякий решится. Сергей Михайлович сделал это, как уже сказано, ради чести – своей и любимой Академии.

Среди прочих присущих ему замечательных качеств был и незаурядный дар педагога и воспитателя. В частности, он обладал умением так возвысить человека в глазах его собственных и окружающих, что тот невольно начинал тянуться к этому идеализированному образу. Сделайте, пожалуйста, очень, очень большую скидку на это качество Сергея Михайловича и вчитайтесь в его предсмертное письмо. В нем сказаны слишком хорошие слова обо мне, и поэтому я долгое время не считал возможным опубликовать его целиком. После многолетних колебаний все же решаюсь на такой шаг, потому что каждая строка этого документа говорит о его авторе намного больше, чем об адресате, а письмо в целом показывает обстановку, продиктовавшую генералу его трагическое решение:

« 20.04.79.

Дорогой друг, Лев Александрович!

Это мое посмертное письмо я адресую тебе. Среди многих людей, которые меня окружали, я выбрал тебя, так как ты, на мой взгляд, воплощаешь идеалы, к которым стремится все светлое, все честное, все настоящее.

Ты светел и истинен, как настоящий коммунист. Ты вдохновлял меня до последней минуты.

Скажу тебе в свой предсмертный час: я верил в идеалы, но они растоптаны; я верил в справедливость, но она распята; я верил в то, что только труд и честь определяют ценность человеческой личности, но это оказалось глубоким заблуждением. Я, идеалист и романтик, оказался в этом мире банкротом.

Нет сил жить. Если у человека убита вера и надежда, он труп.

Господи! Как я работал! Как горел, как боролся! И чем благороднее была цель, чем вдохновеннее труд, тем больше ненависть власть имущих.

Я оплодотворил своим талантом и фантастическим трудом интеллектуальную пустыню органов внутренних дел. Я сделал общественной величиной это ничтожество, имя которому Щелоков, – и за все это я плачу жизнью. Этот мир не достоин лучшей доли. Это мир рабов, холоуев и карьеристов.

Прощай! Жизнь – это торжество истины. Если она убита, наступает маразм, а значит и смерть.

Не забывай моей семьи.

Счастья тебе и успехов.

Любящий тебя

С. Крылов.

Р.С. Смерть – ведь это тоже борьба за жизнь».

Сергей Михайлович Крылов сделал очень много для того, чтобы в общественном сознании созрело ощущение исторической необходимости коренных перемен в нашей стране, чтобы началось практическое

движение в этом направлении. И можно без преувеличения сказать, что он был одним из провозвестников будущей – загубленной, как мы знаем, – перестройки всей нашей жизни во имя всеобщего материального достатка, высокой духовности и социальной справедливости.

Может быть, кто-нибудь из читателей скажет: ну, хорошо, немало людей пытались каждый на своем участке ускорить наше движение к таким благородным целям – и какова же судьба всех этих усилий, выливавшихся в многочисленные документы, лекции, статьи, учебники, радио- и телепередачи и прочие формы выступлений за придание социализму его подлинной природы и облика, которые по всему свету делали и делают его, в идеале конечно, общественной системой, притягательной для огромной части человечества? Ведь все равно рухнули в тартарары и государство, и строй, и даже идеалы прежней эпохи. Ответить на такой гипотетический вопрос могу только за себя самого: нет, совершенно не жалею ни о каких усилиях, даже вроде бы напрасных. И с личных, и с более широких позиций. Потому что, пытаюсь объяснить проблемы развития советского общества другим, я, надеюсь, глубже и конкретнее понял их сам, а главное, потому что не предупреждать его настойчиво о нарастающей опасности гибели и не предлагать ему пути спасения было бы постыдной линией поведения в собственных глазах и настоящим предательством своей страны и существовавшего в ней строя. Всю жизнь я защищал эту систему, лучше которой человечество пока не «придумало» ничего, – если говорить об идеале, а не о сталинской его интерпретации на практике. Всячески способствовать тому, чтобы расшевелить, освободить от примитивных и ложных сталинских догм, духовно раскрепостить мышление значительной части населения, расширить ее представление о социализме как обществе социальной справедливости, ради движения к которому стоит жить и работать, – таков лейтмотив моих основных публикаций. И если я о чем-то сожалею, то не о том, что на них были потрачены десятки лет, а о том, что какие-то выступления могли быть более глубокими и сильными и что еще многое из задуманного самим или предложенного издателями так и осталось из-за вечного цейтнота нереализованным.

Этими соображениями позвольте завершить, говоря словами Деточкина из фильма «Берегись автомобиля!», мой краткий «отчет о проделанной работе». Краткий – поскольку, несмотря на солидный объем книги, огромный массив людских судеб, общественно значимых событий и просто любопытных фактов остался за ее пределами и по-прежнему находится в авторском архиве. Отчетом же перед обществом хотелось бы считать изложенное в книге потому, что, возможно, весьма наивно, в глубине души надеюсь принести им пусть и малую, но все же пользу тем, кто снова и снова задумывается над судьбами Отечества и не хочет повторять роковые ошибки своих предшественников. Ведь даже отрицательный (а он не был в полной мере таковым) результат важен в науч-

ном исследовании и должен быть учтен в практике, тем более общественной. Ведь здесь он чаще всего обходится такой дорогой ценой, которая несопоставима с любыми материальными и финансовыми потерями, ибо выражается в миллионах и миллионах человеческих жизней. Но если этот материал предоставлен для самостоятельных выводов каждому читателю, то, надо полагать, и мне позволительно подвести в двух заключительных главах итоги своим вольным и невольным жизненным наблюдениям на протяжении большей части XX и начала XXI в.

Глава 19

«ПРАВЫЕ» НЕ ПРАВЫ!¹

*Октябрьская революция и отечественные «демократы». –
В чем не правы российские «правые». –
Что должен был бы пообещать народу в 1991 г. честный
«демократический» претендент на пост Президента. –
Откровения З. Бжезинского. – Нужно ли России быть великой?*

В течение восьми лет работы над этой книгой я не раз задумывался о том, как ее воспримут читатели разных поколений и политических пристрастий. Опыт жизни подтверждал старое наблюдение: человек чаще и лучше всего воспринимает то, что *хочет* слышать, видеть, знать, и вполне искренне напрочь отменяет факты и выводы, противоречащие сложившимся у него убеждениям. Свойство не лучшее, но мало ли есть и других слабостей, нас, смертных, не украшающих. Наверняка и среди уважаемых читателей окажутся те, кто умеют воспринимать только собственные мысли, а взгляды других спешат отторгнуть, перевернуть с ног на голову и затем победоносно разгромить. В общем, заранее было ясно, что книга вместе с автором попадет под перекрестный огонь практически со всех направлений. Ну что же, истины ради, как они ее понимали, люди и не на такие испытания шли... Исходя из всех этих соображений, окончательно обозначу свои позиции по некоторым ключевым проблемам нашего советского прошлого и нынешнего... *позапрошлого* – если оценивать эти периоды с точки зрения закономерностей естественно-исторического процесса.

Наиболее общая из них, на мой взгляд, состоит в том, что в целом человечество развивается, несмотря на разные зигзаги, по восходящей траектории, переходя от одного социального порядка к другому, более совершенному. Но там, где есть рождение нового, там есть и его неизбежная трансформация в нечто иное, исчезновение, уход в небытие. Так вот, интеллектуалы, да и достаточно широкие круги населения «развитого» мира уже давно живут с порожденным, главным образом опытом их стран, ощущением неизбежности дальнейшей эволюции капиталистического строя, перехода к более высокой, более справедливой, более современной общественной системе: от строя социального неравенства к строю социального равенства, от отношений экономического господства одних и экономического подчинения других – к отношениям равноправных собственников-партнеров, от демократии во многом формаль-

¹ Глава написана в основном в разгар ельцинской вакханалии в стране и отражает то время.

ной, поверхностной – к демократии глубинной, на деле пронизывающей все сферы жизни, и т. д. Недаром практически в каждой дискуссии во время моих поездок за рубеж собеседники и оппоненты, повторяю, постоянно – и с нескрываемой гордостью! – утверждали, что в их странах социализма в чем-то больше, нежели в тогдашнем СССР. Иногда, правда, приходилось напоминать, что этим они обязаны прежде всего, извините за повторение, колоссальному влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на ход мировой истории, и с таким замечанием они, будучи настоящими учеными, не могли не согласиться.

А вот у нас... После предательского уничтожения Советского Союза на оставшейся от него половине, то бишь в России, появилось немало «мыслителей», поносящих нашу самую грандиозную по числу участвовавших в ней людей и наиболее радикальную революцию в истории человечества. Например, один, с огромным энтузиазмом игравший на сцене «Современника» роль Свердлова в пьесе М. Шатрова «Большевики», теперь публично заявляет, что пролетарская революция «повела страну в чудовищную пропасть». Другая, ставшая базарной спекулянткой от политики, вовремя «выгодно» отказавшаяся от своей национальности, публично лжет, что не была даже в комсомоле, но при этом постоянно исходит криком насчет порядочности в общественной деятельности и без всякого разбора изрыгает зоологически злобную, тошнотворную хулу на все советское. Но особенно поразил меня разговор с известным лектором, ученым-обществоведом, под редакцией которого еще в 1993 г. вышла книга с вполне объективным анализом Октябрьской революции, ее социальной природы, исторической неизбежности и гигантского влияния на весь мир. И этот воспитатель подрастающего поколения вдруг заявил, что возвращение России в лоно «мировой цивилизации», т. е. на путь капитализма, есть благо для нашей страны; что страны Запада нам будут помогать, поскольку они крайне заинтересованы в максимальном доступе к природным богатствам бывшей одной шестой части суши; что разграбление частными лицами общественной, государственной собственности не только неизбежно, но и необходимо; что Октябрьская революция не сыграла сколько-нибудь значительной роли в социально-экономических изменениях, произошедших в XX в. во всем мире, включая и так называемые развитые страны, а уверения в обратном есть лишь пропагандистский штамп из советского прошлого...

Похоже, этот обществовед даже не читал подписанной им в качестве редактора книги, поскольку в ней приводятся прямо опровергающие его взгляды на те или иные аспекты нашей революции, как и на ее историческое значение в целом таких «советских пропагандистов», как кадеты П. Милюков и В. Маклаков, «сменовеховец» Н. Устрялов, философ Н. Бердяев, американский и английский историки Д. Кеннан и Э. Карр... По горячим следам теперь уже давнего разговора я написал несколько страниц с разбором каждого из заявлений моего собеседника, чтобы включить их в последние главы книги, но теперь, дойдя, наконец,

до них, решил: пусть весь текст заключительной ее части станет ответом на подобные выкидыши, весьма характерные для определенного круга деятелей от науки и культуры, преподавания и политической практики из числа перевертышей, всплывших на поверхность после 1991 г. Но все же три-четыре высказывания крупных зарубежных советологов приведу хотя бы для того, чтобы читатель увидел: и «штампы» были не только фальшивые.

«Большевистская революция явилась закономерным продолжением сложного процесса исторического развития страны». «Русская революция 1917 года была поворотным пунктом в истории *человечества*» — Э. Карр (курсив мой. — Л. В.). Одним из величайших событий минувшего века называл «русскую революцию» Д. Кеннан. Бельгийский профессор М. Либман писал, что Октябрьская революция придала *миру* его современный облик (курсив мой. — Л. В.). Почти миллиард человек в начале второй половины XX в. считали себя ее наследниками, полагал американский историк Д. Биллингтон. Все они, как и множество других отнюдь не просоветски настроенных зарубежных авторов, не только декларировали, но и доказывали эти выводы в своих исследованиях — в отличие от нынешних отечественных околонучных и антинаучных шавок. Великая Октябрьская социалистическая революция была, есть и будет достоянием народов бывшего СССР и всего человечества, поскольку она не только ускорила, но и изменила характер и направление их исторического развития.

Зарубежные (а теперь и доморощенные) противники нашей революции, стремясь принизить ее значение, нередко называли ее просто Октябрьским переворотом. И в прошлом наши идеологи, видимо клюнув на это, стали чураться такого термина. И напрасно — по двум, по крайней мере, причинам. Во-первых, всякая настоящая социальная революция по существу и есть коренной переворот во всех сферах жизни — от экономики страны до психологии каждого человека. А во-вторых, не кто иной, как В. И. Ленин, совершенно спокойно, правомерно и широко использовал в своих работах понятие «Октябрьский переворот», понимая под ним лишь *начало* более длительного и глубокого процесса — революции. Лет тридцать тому назад мне пришлось специально под этим углом зрения просмотреть сочинения Владимира Ильича, лишний раз убедиться в том, что он именно таким образом писал об октябрьских событиях, и предложить его логику в качестве щита своей бывшей сокурснице, в то время доценту: ее вполне серьезно стали преследовать работники Московского горкома партии за использование в лекциях этого термина. Видимо, не очень-то глубоко изучали Ленина даже высокопоставленные деятели партийного аппарата, взявшие на себя труд учить других, как им думать, писать и говорить со студенческой молодежью. Ну а те, кто уважают историю своей страны, имеют все основания в дальнейшем не преувеличивать, на мой взгляд, значения затянувшегося на многие десятилетия спора между сторонниками и противниками ве-

ликой пролетарской революции, важнейшей чертой которой, говоря словами того же Д. Кеннана, был альтруизм ее целей – *устранение социальной несправедливости и экономической эксплуатации*.

Так считал один из крупнейших советологов в мире еще в 1967 г., размышляя о нашей революции в связи с ее полувековым юбилеем. Диаметрально противоположные цели – *восстановление капитализма, а значит, эксплуатации человека человеком и социальной несправедливости*, когда богатство общества сосредоточивается в руках немногих за счет ограбления большинства, – поставили перед собой российские так называемые либералы и демократы, или, что то же, «правые», как чаще они теперь себя именуют. Это и о них, политических спекулянтах и коммивояжерах, назойливо навязывающих свои лживые ценности, подобно мухам липнущих к нам, избирателям, чтобы вновь и вновь прорываться к государственной власти и продолжать обворовывать народ и страну, сказано в Писании: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». Две тысячи лет учат нас этой истине – не принимать личину за лицо, и все равно находится немало наивных, кто за овечьими шкурами – демократическими посулами и заверениями – так и не научился различать зловонные пасти с еще не оттертыми от крови клыками. Поэтому шансы в очередной раз обвести вокруг пальца избирателей (особенно зеленую молодежь и исторически малограмотную и политически незрелую немалую часть технической и, как ее обычно называют, творческой интеллигенции) и тем самым обеспечить себе возможность не отвечать перед Законом ни за прошлые, ни за будущие махинации и преступления у них остаются¹.

Полагаю, что быть благодушными травоядными в мире хищников – значит заведомо обрекать себя на поражение и уничтожение. Похоже, однако, этого в должной мере не понимают некоторые из ведущих деятелей «левых» сил общества: они сохраняют парламентскую респектабельность там, где нужно использовать любую возможность постоянно объяснять людям, почему «правые» – *не правы*.

Я предложил эту формулу «левым» силам как исходную и генеральную в их контрпропагандистской работе, для начала – в избирательной кампании еще 1999 г. (когда и был написан этот фрагмент), а затем и навсегда, на все время противостояния прогрессивных и реакционных сил (о позитивной идее строительства общества социальной справедливости, которая могла бы привлечь на сторону «левых» основную часть избирателей, рассказано, напомним, в главе 5). В чем же не правы «правые», несколько повзрослевшие псевдodemократы первой волны и их выкормыши, уцепившиеся за власть и с поразительной наглостью претендующие на нее и впредь?

¹ Выборы в Государственную Думу 2003 г. показали, что общество, хотя и с большим опозданием, все же стало лучше разбираться в их природе и подлинных целях.

Они не правы *исторически*, потому что отбросили страну в ее далекое капиталистическое прошлое, в то время как остальной развитой мир постепенно преодолевает традиционные порядки, характерные для этого строя, и эмпирически создает в чем-то новую систему общественных связей и отношений, в которой появляется все больше элементов социальной справедливости, во многом заимствованных из теории и практики социализма или того, что мы принимали за него.

Они не правы *политически*, потому что вопреки ясно выраженной воле народа уничтожили его государство – СССР и навязали населению России с его вековыми общинно-коллективистскими устоями строй, который основан на махровом индивидуализме, когда каждый отвечает только за себя и может рассчитывать только на себя. Присвоив себе название «демократы» и тем самым обозначив всех других как якобы недемократов, они по существу глубоко антидемократичны, поскольку создают систему, где реальная политическая власть все больше сосредоточивается в руках *плутократов*, владельцев крупнейших богатств и не находится под контролем ни народа, ни его представителей.

Они не правы *экономически*, потому что развалили народное хозяйство, низвели страну до положения международной попрошайки, буквально обокрали десятки миллионов людей и создали общество, в котором несправедливо нажитое, а чаще всего просто воровски присвоенное отдельными новоявленными буржуа бывшее общенародное или, если хотите, государственное богатство нагло противостоит массовой нищете. Разрыв между уровнем благоденствия новых собственников и положением огромной части населения никогда не был так глубок и так цинично демонстративен. И делается это на фоне более чем двукратного снижения реальных доходов основной массы населения и резкого падения всех других показателей уровня и качества жизни.

Они не правы *социально*, потому что государство, до недавних пор гарантировавшее своим гражданам работу, образование, медицинскую помощь, все более откровенно поворачивается к ним спиной: фактически разрушены *все* системы, обеспечивавшие поддержку обществом личности и позволявшие в какой-то мере проводить в жизнь принцип социальной справедливости. Теперешнее положение дел – прямой, открытый вызов этому принципу.

То, что они натворили, все мы, бывшие советские люди, знаем слишком хорошо на фактах повседневной жизни. Но как оценить произошедшее в 1991 г. и в последующие годы с *исторической* точки зрения, в свете движения человечества по ступеням социального прогресса? Ведь «демократы», из которых вылиплились «правые», объявили уничтожение СССР и дальнейшие события в нашей стране революцией, демократической революцией, а значит, ее организаторов и исполнителей, по логике вещей, надо считать революционерами. Однако, ухватившись за рычаги власти, они тут же стали настойчиво уверять народ в том, что Россия исчерпала лимит на революции, что еще одного подобного по-

трясения она не выдержит, и т. п. Позиция для них удобная, но от истины далекая.

В самом деле, в годы сталинского правления фактически «тихой сапой», как говаривал автор этой формулы по другому поводу, он организовал *контрреволюционный*, по существу *антисоциалистический* переворот, растоптавший идеалы и цели Октябрьской революции (об этом – в следующей главе), чего ни коммунистические силы, ни общество, по моему, в должной мере еще не осознали. Горбачевская перестройка, по крайней мере по замыслу или хотя бы по бесчисленным декларациям, стала попыткой укрепить в обществе веру в социализм, надежду на его очищение от сталинских извращений и преступлений, на возрождение авторитета Советской власти как истинно народной, в возможность быстрого прогресса во всех сферах жизни, в осуществимость *революционных* изменений в стране, обещанных «сверху» и в моральном плане активно поддержанных народом. Да и первые практические шаги, прежде всего в виде некоторой демократизации системы управления, поначалу вселяли и укрепляли этот оптимизм.

К сожалению, перестройка стала лишь начавшейся, но незавершенной попыткой осуществить давно назревшие демократические по характеру и революционные по их направленности и глубине изменения в стране. Более того, реальный ход событий, оказавшийся сильнее желания и умения его изменить, подвел общество к черте, за которой его ждал и состоялся новый *контрреволюционный* переворот. Ведь если смотреть в корень вещей, т. е. в экономические и прочие с ними связанные *интересы* тех или иных социальных сил, то в 1991 г. началась *буржуазная, капиталистическая* и уже по одному этому признаку в исторических условиях XX в. и нашей страны прямо противоположная целям перестройки, антинародная, а затем и все более откровенно антисоциалистическая, антисоветская *контрреволюция*. Она отняла общенародную (государственную) собственность у основной массы населения, передав ее, созданную трудом поколений, новоявленным «денежным мешкам»; она отбросила массы от участия в управлении обществом, подменяя демократию авторитаризмом с быстрым продвижением в сторону все более откровенной диктатуры капитала; она оттирает целые поколения людей от приобщения к вершинам отечественной и мировой культуры, ограничивая их кругозор постыдной для конца XX и начала XXI в. убогой жвачкой, состряпанной из отбросов западной масс-культуры. Представляется, что пройденный нами путь с середины 80-х правильнее всего было бы разделить на три этапа: 1985–1988 гг. – начало и подъем перестройки, 1989–1991 гг. – ее упадок и гибель, 1992 г. и далее – контрреволюция и разруха. Так что организаторов этого переворота – псевдодемократов, оформившихся затем в «правых», – история имеет все основания обозначить лишь как контрреволюционеров. Демократические же лозунги, в значительной мере, кстати, перехваченные ими у лидеров перестройки, использовались и как знамя, под которое можно

было собрать толпы людей, и как завеса, прикрывавшая от этих же толп истинный смысл происходившего.

В политической борьбе активно используются термины, подкупающие, скажем, избирателей, но в устах разных людей имеющие порой принципиально различное наполнение, содержание. Кто из нас, например, не либерал по снисходительному отношению... к самому себе, не вольнодумец по отношению к государству? Но это еще не значит, что каждый из нас либерал в современном смысле этого слова, т. е. сторонник свободы буржуазии и ее экономического и политического господства. Кто из нас не демократ, когда речь идет о личных правах и свободах, кто не хочет жить в демократическом обществе? Но это еще не значит, что все мы – сторонники *буржуазной* демократии, когда формальное равенство граждан прикрывает фактическое всевластие капитала над наемным трудом и более или менее завуалированное – над всем обществом. Думаю, одна из главных тактических ошибок левых сил как раз состоит в том, что, по моим наблюдениям, они не считают нужным постоянно разъяснять избирателям двойной, тройной смысл вполне симпатичных, соблазнительных понятий вроде «демократический», «либеральный» и прочие, настолько обольщающих сознание людей, что они бегут за теми, кто их громче и чаще всех провозглашает.

И еще из приемов политической демагогии. Зачастую обо всем периоде, начиная с 1985 г. и далее, говорят как о чем-то едином, как о перестройке. Расчет здесь состоит в том, чтобы организованные «радикальными реформаторами» всесторонние разрушительные процессы¹ представить в глазах общества в качестве естественного продолжения и развития идей перестройки. На деле «либеральные реформы» стали прямой противоположностью смысла и целей перестройки, ее полным отрицанием. Судите сами: перестройка предполагала совершенствование нашего строя, укрепление экономической мощи единого государства и на этой основе значительное улучшение материального положения народа, расцвет культуры и глубочайшую демократизацию всего общества. А что мы получили с приходом «демократов-либералов» к власти? Социализм, как мы тогда называли свой строй, с присущей ему комплексной, всеохватывающей системой пожизненной социальной защищенности человека уничтожен. Советская власть, в значительной мере обеспечивавшая после Сталина права гражданина, – тоже. Единого государства на прежней территории нет. Экономика находится в состоянии намного худшем, чем после опустошительной Отечественной войны. Уровень жизни почти всего народа нищенский. Культура, включая науку и

¹ Начало им было положено чудовищной политической тупостью 907 участников Первого съезда народных депутатов РСФСР, проголосовавших 12 июня 1990 г. за роковую декларацию о государственном суверенитете России, т. е. ее полную независимость от Союза ССР и других входивших в него республик, продолжено Беловежскими соглашениями и «либерализацией» цен 2 января 1992 г., которая обокрала практически все население нашей страны.

образование, в полнейшем упадке. И все мы живем в обществе, где от Конституции остались рожки да ножки, да и те все более антидемократический по существу режим того и гляди пустит на мыло¹. Так что перестройкой здесь и не пахнет, а вот разрушения всего и вся – сколько угодно. Если в ходе перестройки у нас была потенциальная возможность, не реализованная из-за во многих аспектах вялой, бесхребетной и просто ошибочной политики, на «экономическом спуске» все же плавно объехать пропасть, то, изменив курс принципиально, коренным образом, Ельцин с Гайдаром и их сообщниками сбросили страну в нее. Они вернули актуальность с детства всем знакомым словам Н. А. Некрасова:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

Кому, когда и на каких путях удастся вновь отправить в прошлое такие характеристики нашей Родины, как убогая и бессильная, и сделать ее действительно обильной и могучей? Надеюсь, так и будет в конце концов, но, говоря словами того же поэта:

Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе.

Участников «Правого дела» и образованного на его основе «Союза правых сил» некоторые вполне «демократические» издания называют «правосильниками». Но, учитывая совершенное ими со страной и народом, их точнее (если не грамматически, то политически) было бы называть «правоНАсильниками», ибо они присвоили себе право разрушить государство, расстрелять парламент, отнять у населения его сбережения, обворовать его через систему ваучерной приватизации, ограбить с помощью инфляции, а затем и дефолта, и т. д. и т. п. Так что их с полным основанием можно назвать насильниками над правом, над правами подавляющего большинства российских граждан. Они по-прежнему провозглашают политические лозунги, многие из которых совпадают с идеями других партий и движений, но реальный, глубинный смысл деятельности «правых» диаметрально противоположен интересам подавляющего большинства народа. Политическая природа этих деятелей состоит в том, что они представляют собой по существу наемников и глашатаев международного, прежде всего американского, капитала, для которого СССР был, а Россия есть и еще долго будет, если и ее не раздробят и не разрушат окончательно, костью в горле.

О человеческой же их сути говорить вообще не приходится: нужно не иметь ни стыда, ни совести, чтобы, совершив столько злодеяний, побывав во власти и беззастенчиво использовав ее для личного обогаще-

¹ Написано в 1995 г.

ния, вновь и вновь добиваться возвращения к рычагам государственного управления. Присмотритесь к тем, кто возглавляет эти злокачественные новообразования: самодовольно-самоуверенные и просто наглые, к чему открыто призывал их идеолог и лидер, с сытыми до неприличия лицами и душами (телеэкран ведь разоблачает!), убежденные в своем предназначении поучать других и руководить ими, с хорошо подвешенными языками – сказывается выучка советской средней и высшей школы – и с ничтожными идеями (это уже благоприобретенное в последние годы), убогими аргументами, не гнушающимися никакой ложью и никакими средствами для достижения своих, а точнее сказать, поставленных перед ними целей. Слушая их, невольно вглядываешься и в лица соучастников «Дела», можно сказать – «подельников» и тех, кто им верит, и думаешь: что же это за люди, каков их интеллектуальный и нравственный уровень, неужели они не понимают реальной цены своих «вождей» и их речей? Ведь сотрудничать с ними – значит не уважать самих себя.

Поразительно, как тянутся друг к другу, как находят друг друга, как выталкивают друг друга на политическую поверхность эти... деятели, алкающие власти во что бы то ни стало. Может быть, самым скандально броским носителем далеко не лучших особенностей этой группы была Старовойтова. Именно поэтому, вопреки известной поговорке «о мертвых ничего или хорошо», скажу о ней. В начале октября 1989 г. (факт этот зафиксирован в моем служебном дневнике) она, будучи депутатом Верховного Совета СССР, позвонила мне в аппарат Совета Министров и попросила принять ее. К этому времени уже была достаточно хорошо известна ее активная, по существу провокаторская роль в создании и разжигании первого кровавого межнационального конфликта в нашей стране – столкновения двух народов, двух республик в Нагорном Карабахе. Замечу попутно, что именно там и предусматривалась организация такого конфликта по разработанной на Западе программе (о ней – чуть ниже) разрушения Советского Союза изнутри. Недаром туда приезжали эмиссары из Прибалтики, чтобы передать свой опыт политических диверсий против Москвы.

Так вот, эта крайне самоуверенная особа обратилась ко мне с просьбой уговорить Н. И. Рыжкова подключить Совет Министров СССР к деятельности... принадлежащей ей частной фирмы (помнится, в ней работали ее тогдашний муж и сын) в Великобритании! Признаться, я на секунду опешил от такой наглости, помноженной на глупость и еще раз – на откровенную корысть борца за народное благо. Пришлось ответить, что о ее предложении я Николаю Ивановичу сообщу, но, зная его принципиальность в вопросах подобного рода, убежден: поддержки оно не получит. Действительно, рассказав ему об этом визите и высказав уверенность в том, что от крайне сомнительных людей и идей Правительство, естественно, будет держаться подальше, я получил безусловное подтверждение такой позиции. Эпизод сам по себе малозначащий, и его не стоило бы включать в книгу, если бы не вопли коллег этой «демок-

ратки» по поводу того, что она-де никогда не занималась коммерческой деятельностью, не имела никаких фирм и вообще была чистой голубицей. Они сделали ее своим знаменем, чуть ли не эталоном гражданственности и нравственности, но после встречи с нею я задаю себе вопрос: каковы же тогда и авторы таких заявлений?

У меня навсегда осталось прямо-таки физическое ощущение брезгливости от общения с этим живым воплощением откровенного рвачества и нечистоплотности, идущим на все ради достижения своих личных целей. Так что, направляясь к могиле Л. Н. Гумилева, находящейся в Александро-Невской лавре в Ленинграде, я больше всего боялся, не окажется ли захоронение Старовойтовой рядом с местом его упокоения и храмом, — это было бы вопиющим кошунством. На душе отлегло только тогда, когда мне издали указали на огромную отведенную для ее могилы площадку, расположенную от них в достаточном отдалении.

Писать обо всем этом рука не поднималась, да и предлагать такой сюжет читателям, откровенно говоря, тоже как-то неловко. И все же после долгих раздумий оставляю его в книге: ведь кто-то должен сказать о главарях «Правого дела», о так называемых демократах, первородных и их последышах, хоть малую часть правды. Надеюсь, намного большую часть в конце концов обозначат прокуратура и суд, если и когда они станут подчиняться только Закону, а всякого рода проходимцы, использовавшие и использующие политические, властные прикрытия для личного несправедливого обогащения, окажутся без бронжилетов в виде депутатской и иной должностной и финансовой неприкосновенности. Может быть, тогда догола ограбленные властью люди узнают, с кем и чем расплатилась одна из Прибалтийских республик за то, что Россия залила ее топливом; какой была такса за подпись, разрешающую вывоз в дальнее зарубежье из нашей страны нефти сверх установленных квот, и в чей из самых важных кабинетов приносили миллионы и десятки миллионов долларов наличными; сколько стоило разрешение на приватизацию особняков в Москве; какую долю от замороженных средств иностранных фирм, действовавших в России, и кому нужно было оставить, чтобы они получили хотя бы часть собственных средств и не разорились окончательно; кто и когда дал команду не трогать этих воров и расхитителей, чтобы они служили ему так же верно, как... самим себе, и т. д. и т. п. А пока подобная информация во всей ее конкретике, с фактами, цифрами, именами и судебными решениями не станет достоянием общественности, эти альхены (помните голубого воришку — завхоза 2-го дома Старсобеса из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова?), с детства знавшие, что присваивать чужое, а уж тем более общественное, нехорошо, не могли, даже занимая высшие посты в государстве, не делать этого в астрономических масштабах. А ныне они же вызывают к высшим идеалам человечества и, не без основания рассчитывая на неосведомленность и доверчивость избирателей, вновь предлагают себя в качестве бескорыстных выразителей воли и интересов ими же обобранных

людей. Так что к объяснениям, почему правые не правы, эта публика сама вынуждает меня добавить еще один пункт, пятый: они не правы *нравственно*, потому что корыстолюбцы, взяточники и лжецы не могут и не должны вести за собой кого-либо в светлое завтра, даже если бы оно действительно было таковым. Вероятно, это слишком наивно, но я считаю, что к управлению страной могут быть допущены люди любых, кроме экстремистских, политических убеждений, но непременно лично порядочные.

На что только не идут ельцинские власти, чтобы заставить народ забыть об их преступлениях перед ним, перед Законом и историей! Особенно охотно используется при этом идея якобы взаимного всепрощения, а на самом деле прощения и примирения населения страны с ее убийцами. Кое-кто до сих пор думает, что, скажем, членов Верховного Совета РФ и других защитников так называемого Белого дома, заключенных в Лефортово, амнистировали ради них самих и успокоения общества. Нет, уважаемые заблуждающиеся, это была лишь увертка от *суда над ельцинской властью*, ибо в противном случае на процессе перед лицом страны и всего мира с неизбежностью пришлось бы ответить на вопросы о том, *кто* издал абсолютно антиконституционный Указ № 1400 и спровоцировал позицию Верховного Совета, *кто* дал приказ расстрелять парламент, как будто дело происходило в какой-нибудь африканской или латиноамериканской стране, *сколько* действительно при этом было убито людей, *по чьему* приказу и где были тайно захоронены трупы, *чьи* снайперы из окон Трехгорной мануфактуры и крыши окружающих домов расстреливали попадавших на мушку не замешанных в конфликте людей, чтобы еще больше накалить обстановку и подготовить запланированное массовое кровопролитие, и т. д. и т. п. Убийцы обезопасили прежде всего самих себя, амнистировав своих противников при условии, что они не станут публично поднимать эти вопросы.

Ну а дальше, как многие еще помнят, начались какие-то детские игры в торжественное подписание беспомощных, по существу фарисейских «договоров» согласия между убийцами и их... сторонниками. Разумеется, этот тошнотворный фарс не привлек на свою сторону людей здравомыслящих, но ведь есть и немало таких, кто и во взрослом состоянии готов играть в подобные игры, лишь бы их не касалась жестокая и грязная действительность... Не буду перечислять дальнейшие потуги власть имущих, нацеленные на то, чтобы общество ни сейчас, ни в будущем, когда они потеряют свою неприкосновенность, не предъявляло им счет за их злодеяния, но об одной глупейшей акции в этом направлении все же напомним. Речь идет о попытке зачеркнуть в сознании людей государственный праздник – годовщину Октябрьской революции, переименовав эту дату в День примирения и согласия. Логика в этом, как и в девяти десятых содеянного «демократами», «либералами» и им подобными с 1991 г., ни на грош, поскольку они призывают «примириться и согласиться» с тем, что сами отвергают и всячески поносят. Придется, види-

мо, пока история не соскребет с себя всю эту плесень, отмечать День примирения и согласия с... Великой Октябрьской социалистической революцией! Поистине, если Бог решает кого-нибудь погубить, он отнимает у него разум, в данном случае его остатки, поскольку речь идет о первом «всенародно избранном».

Здесь, к слову, придется сказать и о нем. К идейному противнику и даже к врагу страны, своего народа можно относиться с долей уважения, когда он прямо говорит о своих целях и действует в соответствии со сказанным, а не лжет людям на каждом шагу. Мне хотелось бы по крайней мере не стыдиться главы своего государства, даже если он – Ельцин¹, и уж не поэтому ли написал я в году, наверное, 93-м вот такой документ, обобщающий позиции «правых»?

ПРЕДВЫБОРНАЯ РЕЧЬ КАНДИДАТА В ПРЕЗИДЕНТЫ РОССИИ

Проект

Я ОБЕЩАЮ!..

Мои избиратели! Вы знаете меня как человека, вся жизнь которого на любых постах – и первого секретаря обкомов КПСС, и кандидата в члены Политбюро, и Председателя Верховного Совета РСФСР – была борьбой за честность в политике, за то, чтобы каждый шаг власти был открыт и ясен народу. Не собираюсь изменять этому принципу и сейчас и говорю с вами как всегда прямо и откровенно о том, что ждет всех нас, если вы доверите мне пост Президента.

Я обещаю, как только представится возможность, уничтожить Союз Советских Социалистических Республик – второе в мире по силе и могуществу государство, которое все правители до меня только расширяли и укрепляли на протяжении тысячи лет. Долой труд, пот, кровь, страдания сотен миллионов наших предков и ныне живущих людей, зачем-то строивших и защищавших его!

Я обещаю ликвидировать социалистический строй, общественную собственность, при которых каждый мог быть спокойным за судьбу своих детей, их здоровье и обучение, мог получить образование и профессию, лечиться и отдыхать, пользоваться лучшими достижениями культуры всех стран и народов мира, чувствовать себя социально защищенным вообще, а тем более в старости. Долой бесплатные блага жизни для всех!

¹ О том, что представляет собой эта пьянь, по стечению обстоятельств ставшая Президентом России и самым наглядным символом ее беспредельного морального падения, прочитайте у уважаемого американского автора Джона Гопкинса, свидетельства которого приведены в книге Д. Валового «Ослепленные властью» (М., «Республика», 2002, с. 354 и далее).

Я обещаю уничтожить Советскую власть, которую вы почему-то считали своей кровной и гибли за нее миллионами в Гражданской и Отечественной войнах. Мы отбросим ее постылые символы – Красное знамя, серп и молот, герб, заменив их символами царской России, тем более что именно под ее флагом вели бои против Советской власти и нашей армии белогвардейцы и власовские, как их считают до сих пор какие-то чистоплюи в политике, предатели. А нас пусть вдохновляют их пример и их знамя!

Я обещаю развалить могучую Армию, которая была на протяжении веков гордостью всех народов страны и имела всемирную славу, превратить в пыль национальный военный потенциал, обеспечивший мирное равновесие на планете. Пусть все видят, что мы беззащитны, и тогда никому в голову не придет нападать на нас, ибо он получит у нашей страны то, что ему нравится, без всяких усилий и потерь!

Я обещаю разрушить нашу экономику, сделать ее сырьевым придатком к экономике других стран, не столь богатых природными ресурсами, в кратчайший срок резко сократить производство промышленной продукции, товаров народного потребления и, конечно, продуктов питания, обеспечить такую инфляцию, а если удастся – и гиперинфляцию, такое падение стоимости рубля, которое вместе с разрывом хозяйственных связей создаст полный хаос во всех сферах – производства, распределения, обмена и потребления. И естественно, я изыму обременяющие вас трудовые сбережения. Пусть забота о физическом выживании станет проблемой № 1 для десятков миллионов семей и тем более – одиноких российских граждан!

Могу обещать подарить вам еще много других, некогда забытых радостей повседневной борьбы за существование, – но ведь вы спросите, а где моя *позитивная* программа? Она есть!

Я обещаю вернуть вас в то общественное устройство, от которого ваши деды и отцы, увлеченные ложной идеей создания общества социальной справедливости, отказались в 1917 г., – в капитализм, при котором народное богатство будет делиться на две части: одна – богатым, другая – бедным, и чем больше его достанется первым, тем меньше останется вторым. Мой лозунг: Да здравствует социальное неравенство! – это высшее, как мне теперь кажется, достижение цивилизации.

Я обещаю передать для этого через ваучеризацию и другими путями в частную собственность иностранному и криминальному отечественному капиталу государственные предприятия и организации, щедро продавать природные богатства страны, вплоть до самой земли, зарубежным фирмам, заменить крупное, коллективное сельскохозяйственное производство на более дробное – среднее и мелкое, фермерское. Таким образом, мой призыв: назад! – к частной собственности на землю и недра, на ЗИЛ и КамАЗ, на морские пароходства и кинотеатры, на больни-

цы и санатории, на все, что создавалось вашим трудом, а теперь будет принадлежать новой буржуазии, о возрождении и господстве которой, как я уверен, втайне мечтали бывшие советские люди все 70 с лишним лет после Октября.

Я обещаю, опираясь на частную собственность, построить глубоко демократическое общество, где будет предано анафеме постыдное слово «товарищ», где все, даже роясь в мусорном ящике, будут обращаться друг к другу не иначе как «господин» (некоторые же будут именоваться «красивыми зарубежными словами» – мэрами, префектами и губернаторами); где я сам и каждый мой приближенный приобретем блага жизни, которые не снились всяким там коммунистическим заправилам (помню об этом по собственному многолетнему опыту); где каждый правильно служащий чиновник, вплоть до занимающих высшие должности, получит возможность безнаказанно брать взятки, торгуя интересами и богатством страны; где самыми уважаемыми людьми станут коммерсанты и спекулянты. Не забудем мы и всех остальных: им тоже будет предоставлена полная свобода, свобода от всего – от уверенности в завтрашнем дне и благополучии детей и стариков, от надежды на приличное жилище и гарантированное лечение, от всяких химер и условностей вроде достоинства и чести, совести и гуманности... Чем меньше этого мусора будет в головах и поступках людей – наших предпринимателей и администраторов (впрочем, вскоре эти понятия практически сольются), журналистов и фальшивомонетчиков (и здесь также вы увидите много общего), торговцев и работников правоохранительных органов (их сближение наблюдаем мы все), тем скорее общество превратится в единый организм, каждая клетка которого получит полную свободу пожирать другую клетку и быть пожранной ею. Вот высшее проявление истинной свободы на базе частной собственности!

Впрочем, чувствую, что вы, мои бывшие товарищи, а теперь сами себе господа, уже стремитесь в поддержку моей программы опустить свои бюллетени в урны – не в уличные (вы знаете, я люблю пошутить... над другими), а в избирательные. Поэтому задержу ваше внимание еще ненадолго, чтобы вы могли оценить и *методы* осуществления моей программы. Буду краток.

Я обещаю создать обстановку всеобщей разрухи и хаоса, катастрофического роста цен, беспомощности людей перед стихией дикого, неуправляемого рынка, перед всепоглощающей коррупцией и процветающей преступностью, – так как только в этих условиях власть в моем, прежде всего, лице сможет ускоренно проводить свои идеи в жизнь. И, как убедятся те, кто выживет, все это в конечном счете в ваших интересах, в интересах тех, кто хочет жить под в чем-то ярком, но и жестким солнцем капитализма, где каждый был, есть и будет против каждого, ибо такова сама природа общества, построенного на безраздельном господстве частной собственности.

Я обещаю в государственном управлении, в политике тоже организовать невиданный доселе хаос, чтобы он полностью соответствовал положению дел в экономике. Для этого под прикрытием идеи о разделении властей будет создан такой огромный аппарат, какого не бывало и в самые бюрократические времена. Это обеспечит бесконечное дублирование функций разных его звеньев, смешение всех видов власти – при фактическом господстве президентской, конечно, что необходимо для последовательного проведения моей программы. Впрочем, чтобы при ее разработке и осуществлении не сбиться с принятого курса, я введу во все поры основных государственных структур иностранных советников и даже прямых администраторов, которые, конечно, лучше любого из нас, россиян, знают, что нам и особенно им, их странам, нужно на нашей земле. Этой же благородной линии – заботы, главным образом, об интересах других государств за счет наших собственных – будет придерживаться и новая внешняя политика России. Ну а если притом ежедневно и ежечасно будут нарушаться Конституция, Уголовный кодекс и другие законы страны или, скажем, воля народа, выраженная им на референдуме, – тем хуже для всего этого. Мы ведь не можем ждать, когда будут созданы более удобные для нас законы и порядки, так как цели нашей совместной с Западом программы столь возвышенны и велики, что они оправдывают любые средства их достижения.

Я обещаю учитывать в своей деятельности то, что моя программа может показаться слишком... необычной миллионам людей, привыкшим к другим, так называемым социалистическим, советским ценностям жизни, и эти люди не сразу ее поймут, усвоят и примут как свое, кровное дело. И здесь я хочу быть с вами предельно откровенным, назвать вещи своими именами. Чтобы с помощью средств массовой информации, прежде всего телевидения и радио, перевоспитать миллионы людей в духе частной собственности, капиталистических отношений и соответствующих им моральных ценностей, я должен буду взять на себя грех, который разделю со своими приближенными администраторами, предпринимателями, так называемыми учеными и журналистами, – грех всесторонней фальсификации и всеохватывающей лжи. Но этот грех, этот крест мы понесем во имя вашего, люди, спасения от скверны социализма и Советской власти.

Так, сначала мы пойдем к власти под лозунгами их совершенствования, поскольку пока вы не готовы к противоположным взглядам, а затем, укрепившись с вашей вольной или невольной помощью, фактически поведем страну в принципиально другом направлении. Мы будем говорить поначалу только о свободном рынке, а иметь в виду коренную замену одного экономического строя на другой. Мы будем клясться демократией, а на деле уничтожать Советскую власть и готовить почву для моей личной диктатуры, чтобы столь же коренным образом изменить и политический строй. Мы будем называть себя защитниками народа, а осуществлять свою программу за счет его ограбления, безрабо-

тицы, невиданного обнищания почти всего населения страны. Но мы будем твердо знать при этом, что ваши возможные с непривычки жить в таких условиях ужас, страдания и слезы, ваши равнодушие и покорная безропотность позволят нам в кратчайший срок остановить, а потом и повернуть назад (мы назовем это, разумеется, движением вперед) сам ход истории, реставрировать капитализм в отдельно взятой стране, отбросив ее по территории – на века, по населению – на столетие, по производству – на полвека, а по уровню жизни – и посчитать пока невозможным. И я уверен, это еще не предел: чем дольше позволите вы нам быть у власти, тем дальше в светлое позапрошрое мы вас заведем. И наконец, наших политических оппонентов, которые, видите ли, хотят прогресса страны в сторону подлинной демократии, социально ориентированного, а поэтому контролируемого государством рынка, смешанной, с участием частной собственности, экономики, хотят двигаться к этим целям постепенно, не за счет вселенского унижения страны и народа, мы будем неустанно клеймить как противников реформ, консерваторов и оголтелых сторонников возврата к кровавому сталинскому времени.

И я, и мои соратники понимаем, что многое из задуманного и совершаемого нами карается по закону – и очень жестко. Но ведь вы даже не представляете себе, мои избиратели, что сладкое слово «Свобода» кажется мне просто горьким по сравнению со словом «Власть»! А законы? Законы мы на всякий случай изменим, как изменим и ваши давно устаревшие представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо»: отныне предатели Родины будут считаться ее героями, взяточники-коррупционеры – деловыми людьми, воры и спекулянты – честными коммерсантами, политические авантюристы и демагоги – истинными раде-телями народа.

Мои зарубежные и доморощенные учителя и советники считают, что главное в политике, да и в жизни вообще – не стесняться, и я, как всегда и во всем не стеснясь, рассказал вам о своей программе честно и прямо. Вперед же, господа, к избирательным урнам! – и я поведу вас, даже если большинство населения этого не захочет, в далекое капиталистическое прошлое, оно же прекрасное – для избранных – будущее, при входе в которое, как на воротах гитлеровского концлагеря, вы прочитаете девиз нового, *нашего* времени: «Каждому – свое!».

Не выступил, однако, «всенародно избранный» с подобным манифестом, хотя на деле пошел еще дальше намеченного и добился рекордных результатов. Я даже рванулся было к статистическим справочникам, чтобы привести вслед за многими авторами книг, статей, теле- и радиопередач фактические данные о беспрецедентном, невиданном в нашей, да, наверное, и в мировой истории разгроме общественного производства, ограблении и обнищании народа, учиненных дорвавшимися до власти при Ельцине «право-либеральными» насильниками страны.

Рванулся, а потом подумал: разве глубину этого падения не испытывает на себе ежедневно каждый (кроме новоявленных богачей, конечно) бывший советский человек: лишенный возможности вести свои исследования ученый – и безработный выпускник вуза; бастующий из-за невыплаты давно причитающихся ему денег рабочий, учитель, врач – и нищий пенсионер; не имеющий средств для покупки сельхозтехники и семян крестьянин – и еле сводящий концы с концами офицер?.. О стаях замызганных беспризорных подростков, вышедших на панель женщинах, выброшенных по существу из жизни бомжей и т. д. уже и говорить не приходится, – у всех, кто ходит по земле, они постоянно на глазах. Нет такой профессиональной, возрастной или любой другой категории населения, которая не почувствовала на себе, что такое *антисоветская* власть, власть буржуазии, денег, капитала.

Организаторы этого всестороннего общенационального позора в свое оправдание из года в год твердят о «неизбежных экономических и социальных издержках реформирования». Но что-то ни одного из них не видно в числе ограбленных, униженных их реформами людей. Напротив, все «отцы российской демократии», попав во власть, использовали ее для того, чтобы создать разного рода институты, фонды и т. п. организации, которые впоследствии сами и возглавили, закрепили за ними здания, обеспечили их оборудованием и финансовыми средствами, «накопили» личные валютные резервы и вместе с тем, причмокивая губами от чрезмерной сытости, уверяли народ в своем бескорыстном служении ему. А как же растоптанные судьбы многих и многих десятков миллионов людей? Так ведь путь в светлое (для кого только?) буржуазное будущее надо выстрадать, перетерпеть, принести жизнь свою и своих близких в жертву ради того, чтобы вернуть в нашу страну главное и лучшее, с их точки зрения, достижение мировой цивилизации – капиталистическую эксплуатацию человека человеком! И заметьте: воспитанные на теории Маркса, вскрывшего природу этого феномена, они нигде его не упоминают, как будто к «их» капитализму эксплуатация наемного труда никакого отношения не имеет. О подобных рачителях народных нужд давно сказано, например, у Генриха Гейне:

То старая песнь отречения была,
Легенда о радостях неба,
Которой баюкают глупый народ,
Чтоб не просил он хлеба.
Я знаю мелодию, знаю слова,
Я авторов знаю отлично:
Они без свидетелей тянут вино,
Проповедуя воду публично.

Но может быть, я не прав? И богатые в нашей стране несут свою долю страданий: ведь не трудно представить себе, какие нечеловеческие муки испытывают они, когда, обворовав страну и народ на миллиар-

ды долларов, вынуждены ломать голову над тем, как их сохранить и преумножить. А так как народ-то наш добрый и всепрощающий, то не пора ли всем нам поддержать этих страдальцев, эту «партию жирных» и, скажем, выйти на следующую демонстрацию с новыми лозунгами и плакатами: «Выше знамя капитализма!», «Да здравствует общество социальной несправедливости!», «Повысим уровень эксплуатации наемного труда иностранным и отечественным капиталом!», «Слава миллиардеру Х, вошедшему в список владельцев крупнейших состояний в мире и тем защитившему честь нашей Родины!»...

Пока одни продолжают высасывать соки из втопанной ими в грязь России, а другие, может быть, обдумывают прославляющие их призы-вы, задумаясь над тем, что за первые четыре года капиталистического разграбления страны, именуемого «реформами», экономический спад в ней составил 50 процентов. Здесь надо было бы поставить не менее трех восклицательных знаков и сделать приписку: «К сведению Генеральной прокуратуры и избирателей» – хотя бы потому, что во время Великой Отечественной войны он был за такой же срок *вдвое меньшим*. Восстановили же народное хозяйство и превысили довоенный уровень тоже за четыре года.

Вношу этот пассаж в главу в 2003 г., т. е. когда позади остались уже семь лет с тех пор, как страна прошла низшую точку экономического обвала, а до прежнего, советского уровня еще ползти и ползти... Ну а реальная заработная плата даже в 2000 г. составила только 42 процента по сравнению с тем, какой она была в 1990 г. Здесь хотелось бы поставить целый лес восклицательных знаков, если бы это разрешали правила пунктуации, потому что такая цифра прямо и однозначно говорит, за *счет* и *против* кого было направлено разрушение СССР, за *счет* и *против* *кого* проводятся пресловутые «реформы». Получается, товарищи и «господа», друзья и враги, что война «либералов», «правых» и прочей подобной им... публики против своего же народа обходится ему во многих отношениях дороже нашествия фашистской нечисти.

Для тех же, кто поленится самостоятельно поразмышлять над этими данными, скажу, что такой тяжкий труд взял на себя один из самых одиозных отечественных плутократов, на котором из-за его бесчисленных гигантских афер пробу ставить негде. Совсем недавно он со свойственными ему цинизмом и наглой самоуверенностью напомнил читателям, что деньги – это власть, что и в России капитал занимает власть на работу и формирует, говоря его языком, политическое влияние в стране и что он боролся, борется и будет бороться за власть над нею. Спасибо ему за откровенность, а то ведь еще немало избирателей, думающих, что *они* своими голосами определяют, кому предстоит создавать законы и кто станет руководить страной. Но раз это не так, раз власть все равно назначается деньгами, то, может быть, вообще отменить выборы, поскольку нагулявший жир воровской, грабительский, а то и бандитский

по своему происхождению капитал выходит из политической тени и начинает все более откровенно претендовать на то, чтобы уже непосредственно управлять государством в интересах крупной буржуазии? Зачем тогда нужна комедия с выборами – с вроде бы политической борьбой, всякими методами оболванивания избирателей («политтехнологиями», как приличия ради их именуют), голосованиями, подсчетами, фальсификациями их итогов и т. д.? Одних денег сколько сэкономим, процедуру упростим, народ от мучительных раздумий освободим: у кого капитал самый большой – тот автоматически станет президентом, кто на втором месте – премьером, ну и так далее. И всего-то для такого благоутробного состояния страны и населения сделать надо пустяк пустяком: убрать из этого процесса ненужное, формально существующее промежуточное звено – избирателей...

А пока еще этого не сделано, заглянем ненадолго по соседству, в Китай, где реформами занимались и занимаются люди умные, опытные и безусловно порядочные, не ставившие и не ставящие во главу угла личную карьеру и наживу. Дела там идут совсем по-иному. В этой стране не разрушают в одночасье все дотла, не зная потом, как из обломков и пепла слепить хоть что-нибудь путное, а бережно сохраняют лучшее из прошлого, осторожно применяют гибкие методы перестройки экономики государства с населением свыше 1,2 миллиарда человек. О результатах, «достигнутых» в России за постыдное ельцинское время (1992–1999 гг.) в сравнении с Китаем за тот же период, судите сами: численность занятого населения у нас снизилась на 13,3, у них возросла на 8,9 процента; внутренний валовой продукт (в сопоставимых ценах) у нас по сравнению с 1991 г. упал до 63,8, у них поднялся до 222,2 процента; промышленное производство у нас рухнуло до 54, у них составило 346,9 процента; производство зерновых и зернобобовых культур у нас уменьшилось на 39, у них увеличилось на 6,2 процента; потребительские цены у нас подскочили в 233, у них увеличились только в 1,8 раза, причем реальная заработная плата повысилась до 208 процентов (последняя цифра относится к 2000 г. по сравнению с 1990-м, у нас же она, скажу еще раз, составила только 42 процента от исходного уровня).

Но больше всего меня поразили и огорчили – за нашу страну, конечно, – не эти и другие цифры, а выводы из опыта КНР, сделанные членом-корреспондентом Российской академии наук и директором ее Института Дальнего Востока М. Л. Титаренко в его превосходной книге «Китай: цивилизация и реформы». Она вышла в свет в 1999 г., но в мои руки попала только теперь, четыре года спустя. Вот часть отмеченных им важнейших моментов, обеспечивших успех китайских реформ (привожу в крайне сжатом изложении, подчеркивая наиболее существенные, на мой взгляд, акценты).

Главное условие этого успеха – сама цель реформ, ставшая подлинно общенациональной мобилизующей идеей и конкретизированная в программе четырех модернизаций (промышленности; сельского хозяй-

ства; обороны; науки, техники, образования). Разделенная на этапы, она рассчитана до середины XXI в. Важнейшие факторы успеха – последовательно *социальная* ориентированность реформ и взвешенное соотношение между их *ценой* и реально *ощутимой населением выгодой* от происходящих изменений. Неотъемлемая черта китайских экономических реформ – постепенность и осмотрительность в осуществлении концепции *регулируемой государством и обществом* многоукладной и много-слойной социальной рыночной экономики при *сохранении доминирующей роли общественной* (государственной) *собственности*, и т. д.

Конечно, особенности каждой страны на том или ином этапе ее развития не позволяют механически копировать чужой опыт, но есть же принципы, на практике доказавшие свою целесообразность и эффективность в различных исторических и национальных условиях. Однако «мы» предпочитаем набивать шишки и плестись по разьеженной колее, периодически падая мордой в чавкающее месиво под ногами, вместо того чтобы выбирать оптимальные пути и решения из собственного и зарубежного опыта.

Скажем, где те, кто из нынешних «властителей дум народных», то бишь охотников за голосами избирателей, решится выдвинуть общенациональную российскую идею, способную зажечь сердца миллионов и объединить их усилия в достижении всем понятной и близкой душе «простого» человека цели? Воссоздание *капиталистического* общества, что неизбежно влечет за собой расслоение населения на классы и противостояние их интересов? Кто не просто призовет людей к достижению такой цели, а и раскроет при этом действительный смысл «наших» реформ? Строительство *демократического* общества? Его природа и в российских условиях неизбежно будет определяться экономической основой, а значит, и эта цель станет отражать или, скорее, затемнять главное: кто по существу будет хозяином страны – народ или капитал. Возрождение России как сильного государства? Но снова и снова встает тот же коренной вопрос: какая роль в таком государстве будет принадлежать людям труда, т. е. подавляющей части населения, – наемным работникам у новой буржуазии, целиком от нее зависящим, или действительно свободным членам действительно свободного общества? Так что *единой, общенациональной цели в России* до сих пор нет и *на навязанном ей пути* быть не может. Точнее, ее быть не может, если продолжать идти по такому пути, не пытаясь в современных условиях хотя бы скорректировать его, имея в виду в более или менее отдаленной перспективе существование, а затем и принципиально изменить. При таком подходе к этой проблеме общенациональная цель должна быть выработана, провозглашена, усвоена и поддержана большей частью населения как надежный инструмент и ориентир для постепенного исправления крайне одностороннего, а поэтому исторически ошибочного пути, как мощный фактор оздоровления нашего хронически больного общества и ускорения его всеобъемлющего развития.

Или возьмем социальную направленность реформ. На словах она присутствует и у нас, но если говорить о ней всерьез, то это все равно как если бы неопытный хирург без очевидной нужды отчекрыжил у человека ногу, а затем искалеченному инвалиду предложили в порядке социальной помощи надтреснутый костыль. Так что и о социальной направленности реформ в России, т. е. о том, что они осуществляются в интересах населения, а не владельцев капитала, по-настоящему говорить не приходится. В Китае принципиально другой подход к смыслу, задачам реформ, абсолютное большинство населения эту направленность видит, ощущает, а поэтому и понимает, и поддерживает. Ну а о постепенности, осмотрительности, о регулирующей роли Российского государства в формировании и функционировании рыночной экономики со 2 января 1992 г. лучше вообще промолчать.

Да, истина познается в сравнении, и какой бы срез проблем мы ни взяли, в итоге получается один и тот же главный оценочный вывод: «правые», придя к власти, с самого начала сбросили Россию в экономическую пропасть, в то время как был и остается куда более положительный, нежели привезенные из-за океана рецепты, реальный пример осуществления крупнейших хозяйственных реформ в не менее сложных, чем у нас, исторических условиях, и не за счет населения, а при ощутимом повышении его уровня жизни. Все больше людей постепенно понимают, что российские «правые» выражают прежде всего и главным образом интересы не основной массы населения, а, как уже сказано, капитала – зарубежного и отечественного, особенно крупного, ими же искусственно, за счет общенародной собственности созданного. Им главным образом и обеспечивается теперь существование его «отцов». Ведь мелкий и даже средний бизнес пока не способен прокормить еще одних нахлебников, так что вся плавучесть «правых» на поверхности политического то ли моря, то ли болота обеспечивается подачками от тех, кому в наибольшей мере предоставили возможность присвоить себе богатства общества. Есть и вторая составляющая плавучести «правых» – весьма умелая социальная демагогия, на которую до сих пор клюют какая-то часть интеллигентной и околоинтеллигентной публики. «Правые» призывают к демократическим нормам и формам общественного бытия, и это было бы правильно, если бы за такими призывами не стоял и принципиально не противоречил им главный смысл их политики – свобода немногих присваивать себе труд многих.

Раньше это называлось эксплуатацией человека человеком, наемным рабством неимущего, работающего на капиталиста, на буржуа-толстосума. Речь шла о непримиримом по самой их природе противоречии между трудом и капиталом, которое наиболее развитые «западные» государства научились в той или иной мере смягчать разными путями и методами и тем самым поддерживать определенную стабильность в обществе. А поскольку ощущение счастливого избавления человека в годы

Советской власти от экономического подчинения другому человеку, когда мы все работали на государство, а значит, на страну, на свой народ, у многих еще сохранилось, нынешние высокообразованные «правые», заинтересованные в голосах избирателей, чтобы их не раздражать, нежно и чуть ли не благодарно именуют толстосумов работодателями, а самых богатых из них — олигархами.

Что касается первых, то, проработав всю жизнь (вольно и даже невольно, как читатель знает) на государство, я счастлив, что возраст — в этом вижу единственное его преимущество — избавил меня от необходимости находиться в унижительной, с моей точки зрения, зависимости от какого-либо владельца *частного* предприятия. Работать на государство или хотя бы на коллектив, членом которого ты являешься, — сколько угодно, пока сил хватит. На фабриканта Иванова, лихоимца Березовского, судовладельца Петрова, заводчика Михельсона — никогда.

Ну а название «олигархи» — это те же овечьи шкуры, которые руководители «правых» натянули на отнюдь не травоядных, оказав им тем самым, если вдуматься, медвежью услугу, поскольку поленились сверить свои представления об этом понятии хотя бы с толковым словарем русского языка. А там сказано, что олигархия есть *«политическое и экономическое господство группы наиболее влиятельных представителей крупного монополистического капитала, а также сама эта группа»* (курсив мой. — Л. В.). Так чья же власть в нашей стране установлена фактически, если верить самим «правым»? И вы, уважаемые граждане, снова будете голосовать за этих подголосков «олигархов», а точнее, плутократов? Почему точнее? Потому, что плутократия — это «власть богатых, господство *денег*. *Политический строй*, при котором государством правит кучка самых богатых представителей господствующего класса» (курсив мой. — Л. В.). Разве это не так в современной России? А что будет завтра, когда богатые станут еще богаче, что позволит им окончательно положить государственную власть, как бы она ни надувала щеки и ни выпячивала грудь, живым анекдотическим воплощением чего был Ельцин, к себе в жилетный карман?

Думаю, всем левым в их политической практике стоило бы заменить обтекаемо-пушистое «олигарх» на более жесткое — «плутократ». Разница в содержании этих понятий не велика, но русскому уху второе куда понятнее, так как самим звучанием сразу напоминает о первоисточнике нынешних богатств — воровских, мошеннических комбинациях, бесцеремонном обмане масс (лживые обещания, финансовые пирамиды, ваучеры, фальсифицированные залоговые аукционы и т. д.), на которые купился доверчивый наш народ. Да и сами разбухшие «денежные мешки» подталкивают своих оппонентов к более нелестным характеристикам возрастающими претензиями на непосредственное участие в политической власти. Может быть, уже пора прикинуть, как зазвучит заголовок в газете: «Плутократы в Белом доме», какой простор при этом откроется для размышлений журналиста о том, принимало ли

там, а если да, то почему и зачем правительство плутократов или плутократы принимали правительство...

После всех этих филиппик читатель может спросить: так что же, автор предлагает вывести всех «правых», как тараканов? Нет, в демократическом обществе должен быть представлен весь допускаемый законом спектр политических пристрастий, экономических интересов, идейных позиций. Хотелось бы только, чтобы то или иное общественное внимание привлекали к себе люди безусловно порядочные, а не мошенники и воры. К сожалению, избавиться от этих «тараканов» обществу труднее, чем их завести через собственную моральную нечистоплотность, умственную лень и элементарную глупость. А вот лично порядочные «правые» бесполезны – хотя бы для того, чтобы было с кем, против чего и за что бороться и чтобы политическая жизнь в стране была ключом, потому что нет ничего губительнее для общества, чем его спячка, равнодушное отношение к происходящему, а значит, безразличие к собственной судьбе.

Когда человек, как и все общество, не хочет или не умеет распорядиться самим собой, всегда найдется тот, кто возжелает ему «помочь» – в своих интересах, конечно. О такой «помощи» нашей стране – в порядке свидетельства перед историей – должен рассказать достаточно подробно, тем более что она прямо сомкнулась с намерениями и действиями отечественных «правых».

В декабре 1991 г. осуществилась мечта всей жизни одного из самых умных и непримиримых противников не только Советского Союза, но и России – всемирно известного американского политолога, выходца из Польши Збигнева Бжезинского: разрушено наше государство, СССР, бывшее противовесом Соединенным Штатам, их претензиям на единоличное управление основными политическими, экономическими и прочими общественными процессами в глобальном масштабе. Америка осталась единственной супердержавой, в решающей мере определяющей сегодня судьбы мира и намеревающейся прямо или опосредованно делать это и впредь в обозримом будущем.

Я упомянул слово «мечта», но она, как известно, становится явью, когда перерастает в конкретную программу и в соответствующую ей действительность. Бжезинскому удалось и первое, и второе, и третье. Один из моих друзей – Б. Г. Владимиров, неоднократно упомянутый в других главах, еще будучи молодым человеком, находился в составе одной из первых групп советских студентов и аспирантов, направленных в качестве стажеров в американские университеты. В 1961–1962 гг. ему довелось пройти соответствующий курс на восточном побережье Соединенных Штатов, в Гарвардском университете (г. Бостон)¹. Однажды

¹ К слову, примерно в те же времена в другом американском университете – Колумбийском – учились, например, А. Н. Яковлев и будущий генерал О. Калугин.

Борис Григорьевич случайно попал на заседание семинара в Русском исследовательском центре, где выступал З. Бжезинский. И вот о чем тот рассказывал. После того как в Соединенных Штатах поняли, что хрущевская разрядка не приносит ожидавшихся там результатов на международной арене, тогдашний американский Президент Д. Кеннеди собрал группу ученых-политологов, аналитиков, системщиков и т. д. Их изолировали, подобно тому как это происходило у нас в ЦК, когда консультанты и другие работники его аппарата готовили особенно ответственные выступления руководителей партии и государства и прочие наиболее важные документы. Перед американскими учеными была поставлена задача сформулировать принципы, концепцию не то что мирного, но во всяком случае невоенного уничтожения Советского Союза. Через полгода такой документ был представлен «заказчику», после чего Кеннеди сформировал другую группу ученых, на этот раз советологов, которые на базе этой концепции должны были разработать конкретную программу действий США и их союзников по ликвидации СССР. Именно в эту группу вошел Бжезинский, поделившийся позднее с участниками семинара опытом и результатами ее работы.

Теперь, по прошествии многих лет, когда в отечественной печати стали появляться отрывки из программно-документального документа директора ЦРУ Аллена Даллеса, подготовленного им еще в 1945 г., складывается впечатление, что работа и первой, и второй групп исходила именно из его установок, поскольку практика борьбы США против СССР весьма точно совпадала с ними. Разные отрывки из него, публиковавшиеся в книгах, журналах и газетах, выглядят в этом свете весьма убедительно, но найти достоверную ссылку на первоисточник мне так и не удалось. А это было бы крайне желательно, так как вокруг цитируемых текстов вот уже много лет ведутся идеологические бои. Фрагменты документа говорят о намерении тщательно разработать американскую стратегию и тактику разрушения СССР с помощью различных средств и методов воздействия на его население и особенно на тех людей, которые могли бы сыграть заметную роль в его, если так можно сказать, идеологическом растлении, а затем и в разрушении Советского государства «изнутри». Однако набор основных его мыслей и форма их выражения полностью совпадали с тем, что и как преподносилось нашей тогдашней пропагандой. В опубликованных отрывках не было ни грана особенностей западного образа мыслей и английского языка, и мне невольно подумалось: а может быть, пропагандисты всего мира используют одни и те же шаблоны и приемы? Все это, включая отсутствие ссылок на первоисточник, вызывает сомнения в происхождении самого документа, хотя в принципе установки А. Даллеса никем, по моим наблюдениям, не оспариваются. В такой недостаточно прозрачной ситуации приведу для тех, кто не имеет никакого представления об этом документе, только один его фрагмент:

«Мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих едино-

мышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания... Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, и прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их обогатить и объявить отбросами общества».

Скажите, разве даже в частностях перед нами не картина современной России – независимо от того, кто и когда создал такое то ли предвидение, то ли программу действий?

Вернусь, однако, к истории с Бжезинским. После подготовки группой, в работе которой он принимал участие, конкретной программы действий по уничтожению Союза ССР резко возросли материальные средства, выделявшиеся Правительством США на эти цели, были укреплены прежние и созданы новые научно-аналитические, пропагандистские и иные соответствующие структуры не только в США, но и по всему так называемому западному, или свободному, миру. Там программа уточнялась, детализировалась, а главное – постоянно, ежедневно обогащалась самыми свежими данными, разными путями поступавшими из нашей страны, систематизировалась по административным единицам, отраслям экономики, социальным и национальным группам населения, формальным и неформальным лидерам и т. д.

Вскоре этот процесс был подкреплён быстрым прогрессом электронно-вычислительной техники, которая поступала на вооружение задействованных в программе институтов, центров, радиостанций и прочих организаций, так что в любую минуту можно было «вызвать» из компьютеров нужную информацию. Мало того, на службу этим антисоветским структурам был поставлен и космос с его возможностями не только сбора, но и передачи информации ее потребителям на территории СССР, а также других, как они тогда именовались, социалистичес-

ких стран. Эта информация могла быть в любое время «снята» заинтересованными в ней людьми со спутника и состояла не только из конкретных данных и их анализа, но и из вариантов практических рекомендаций таким лицам и организациям относительно того, как они могут действовать в сложившейся ситуации в тот или иной момент для достижения их разрушительных целей. Так что пользователь в любую минуту имел возможность получить разработанные зарубежными профессионалами варианты своих действий в реальных условиях места и времени. Ему оставалось выбрать тот, который он считал для себя наиболее удачным.

Небезынтересно отметить и то, что прогресс техники позволял сжать нужную информацию до практически мгновенного сигнала, который после его приема разворачивался до обычного текста. Естественно, что для этого была нужна специальная аппаратура, забрасываемая пользователю вместе с его личным кодом, с помощью которых обеспечивались сброс на приемное устройство сигнала и его расшифровка. И я не удивился, когда в свое время мне рассказали, что такое устройство находилось в 1991 г. и в российском Белом доме, скорее всего – в не раз упоминавшейся в печати комнате на шестом этаже прямо над кабинетом тогдашнего Председателя Верховного Совета РСФСР, для которого оно якобы и предназначалось прежде всего. Проверить, правда, эту часть информации возможности у меня не было. Но многие детали организации работы США и других стран Запада против СССР и его союзников подтверждали мои друзья, знакомившиеся с соответствующими документами. В свете этого хочется сказать: братцы-кролики, эксперимент, поставленный над нами, полностью удался, а мы, подопытные советские граждане во главе со своими руководителями, оказались обыкновенными слепцами, поверившими западным поводырям и их вольным – «демократическим» наемникам и их невольным – коммунистическим и псевдокоммунистическим пособникам.

Может быть, кто-то подумает, что все это – только в прошлом. Нет. Ведь даже в те времена, когда на первый план выдвигалась борьба Запада с «империей зла», т. е. с советским социалистическим государством, американской политической, экономической и военной верхушке, и тогда претендовавшей на полную гегемонию своей страны в мировом масштабе, было не менее важно уничтожить СССР как своего главного соперника, являвшегося реальным противовесом подобным устремлениям, силой, с которой приходилось считаться при решении практически любой международной проблемы. Дело не сводилось к противостоянию, к противоборству идеологий – оно охватывало, можно сказать, все сферы жизни. А затем исчезло наше великое государство – Союз Советских Социалистических Республик. От него остался огрызок – Россия, после контрреволюционного переворота 1991 г. деградировавшая до жалкого, позорного состояния, позволяющего «благополучным», развитым капиталистическим странам презрительно-пренебрежительно относиться к

ней. И все же даже нынешняя униженная, нищая Россия вызывает озабоченность у ее нынешних «благодетелей», ибо они понимают, что сложившееся положение вещей в этом «огрызке» не может быть вечным, что раньше ли, позже ли народ наш приобретет свою национальную идею и на пути к ней свернет горы и возродит былую мощь и славу государства, а значит, и его международную роль одного из реальных полюсов мировой политики, сдерживающего гегемонистские «права», присвоенные Соединенными Штатами Америки после нашего сокрушительного поражения в «холодной войне».

О том, что эти опасения лежат в основе и современной политики США с их союзниками, прямо и недвусмысленно говорит тот же З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска. *Господство* (обратите внимание! – Л. В.) Америки и ее геостратегические императивы». Главная нить рассуждений автора – как удержать в настоящем и будущем положение Америки в качестве единственной сверхдержавы в мире. Для этого, полагает он, надо обеспечить прежде всего господство США над Евразией. А это, дескать, в свою очередь может быть обеспечено при условии, если не возродится мощь России, которая, по его мнению, не станет вновь державой общемирового уровня без Украины.

К числу коренных вопросов, с предельной откровенностью сформулированных автором книги, относится такой: «*Какой должна быть Россия, чтобы соответствовать интересам Америки*» (курсив мой. – Л. В.). Рассуждая по этому поводу, автор стремится соблюсти видимость объективности и, в частности, развивает мысль о том, что «*децентрализованная*» (курсив мой. – Л. В.) политическая система на основе рыночной экономики скорее всего высвободила бы творческий потенциал народа России и ее богатые природные ресурсы... России, устроенной по принципу *свободной конфедерации* (курсив мой. – Л. В.), в которую вошли бы европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком». В этом предлагаемом нам искушении хозяйственными благами даже между строк читать не надо: вместо единого, теперь уже не великого, но хотя бы пока еще большого государства, США и другим весьма заинтересованным странам предпочтительно иметь дело с его кусками, еле связанными между собой тонкими нитями «свободной конфедерации».

Не значат ли такие рекомендации откровенного врага России, что ей следует сделать наоборот, т. е. всемерно крепить *единое, неделимое* государство? Правда, внимательный читатель вправе спросить: ведь автор книги, которая сейчас у него в руках, сам в 90-м году предлагал пересмотреть характер внутригосударственных связей республик СССР в пользу конфедерации, а сейчас выступает против нее? Да, но то, что, в то время, вполне вероятно, было спасительным для СССР, в нынешние времена окажется губительным для России: в процессе каждого дробления

должен быть оптимальный предел, за которым происходит исчезновение предмета как такового.

Ограничусь этими замечаниями – хотя рассматриваемая работа заслуживает серьезного и подробного анализа, она не входит ни в круг моих научных интересов, ни в основную проблематику этой книги. Должен отметить только, однако, что З. Бжезинский, бесспорно, не только умен, но и хитроумен: многие, в том числе и воспроизведенные здесь его позиции изложены весьма гибко, с оговорками и даже некоторыми реверансами в адрес нашей страны. Но все это не меняет сути, выраженной автором без каких-либо обиняков: «Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией», и после «исторической победы США в холодной войне» он призывает сделать все необходимое, чтобы не допустить «появления державы-соперницы», «возрождения вновь евразийской империи», которая посмела бы «бросить вызов ведущей роли Америки». В книге прямо и недвусмысленно сказано: «Ближайшая задача состоит в том, чтобы удостовериться, что ни одно государство или группа государств не обладают потенциалом, необходимым для того, чтобы изгнать Соединенные Штаты из Евразии или даже в значительной степени снизить их решающую роль в качестве мирового арбитра».

Задумаемся, однако, над тем, а нужна ли теперешней и будущей России роль сверхдержавы, супердержавы, т. е. государства, оказывающего в важнейших аспектах решающее влияние на процессы, происходящие далеко за пределами его границ, вплоть до всего земного шара, и насколько реальна для нас такая цель? Может быть, действительно стоит последовать рекомендациям американского аналитика и не пытаться даже в перспективе противостоять присвоенной Америкой роли «первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы»?

Дело в том, что такая роль того или иного государства на международной арене определяется не столько желаниями или их отсутствием у его руководителей, сколько объективным ходом экономических и исторических процессов. Вряд ли кто-нибудь признает небольшую страну супердержавой, даже если у нее окажется атомная бомба, или большую страну, если ее экономика чахлая. Не всякая большая страна может быть великой, и не всякая именующая себя великой имеет шанс превратиться в супердержаву. Не будучи «большой», невозможно стать «великой». Но «большая» – характеристика чисто *количественная* (абсолютно или относительно, в сравнении с другими странами) – по территории и (или) населению. «Великая» же несет в себе и количественные, и непременно *качественные* характеристики: могучую экономику, имеющую международное значение и опирающуюся на самую современную, передовую науку и технику; устойчивую, прочную финансовую базу, обеспечивающую высокий уровень жизни основной части населения, включая эффективно работающую систему социальной защиты граждан; всесторонне развитые демократические институты; образование, гарантирую-

щее необходимую квалификацию; выдающиеся достижения культуры и, конечно, исторические по масштабам и последствиям деяния.

Впрочем, это одна логическая линия. Нужно ли, однако, осуществлять ее на практике, всячески пытаясь вернуть России статус супердержавы? Казалось бы, имея огромную территорию, большие, еще не до конца разграбленные современными российскими хищниками для продажи другим странам природные ресурсы и некоторые иные из упомянутых основных условий существования государства в качестве «великого», можно было бы на этом (если такая задача лет через 20–30 была бы решена), как говорится, и успокоиться. Живи себе спокойно, достаточно спокойно, и пусть остальной мир делает то и так, что и как он захочет. Боюсь, однако, что в XXI в. внутренняя и внешняя политика, построенная на таком принципе, очень быстро оказалась бы совершенно несостоятельной.

В современном мире степень взаимосвязи и взаимозависимости государств настолько велика и так быстро возрастает, что отгородиться стеной от многообразного напора намного более сильного «партнера» или «партнеров» на намного более слабого практически невозможно. Все тот же Бжезинский вполне справедливо указывает на господство США в областях глобальных коммуникаций, народных развлечений и массовой культуры, которая, «несмотря на ее некоторую примитивность», притягательна, особенно для молодежи, во всех странах мира, на американское технологическое превосходство, глобальное военное присутствие, на стремление миллионов молодых людей получить современное образование именно в Америке, на «подражание американскому пути развития», которое «постепенно пронизывает весь мир», на «американский политический опыт», который «все больше служит стандартом для подражания», и т. д. и т. п. В век бешеных темпов развития средств информации и ее молниеносного распространения ни одна страна мира, даже если бы она ставила перед собой задачу сохранить какие-то дорогие ей черты своей самобытности, не сможет сколько-нибудь длительное время успешно отгораживаться от тотального наступления американского телевидения, поп- и прочей адресованной массовому слушателю музыки и того, что за нее выдается, от манеры общения между людьми и прочего, широким и зачастую мутным потоком изливающегося из США на остальной мир.

Он американизируется на глазах, и этот процесс во многих отношениях не обогащает (хотя в чем-то этой стороны дела невозможно отрицать тоже), а нивелирует страны и народы и, следовательно, разрушает не только устаревшие, но и вполне жизнеспособные идеалы, духовные принципы и национальные традиции. Добавьте к этому экономическую и военную мощь, деятельность «международных» – кавычки самого Бжезинского! – финансовых институтов, в которых «доминируют американцы», помножьте все это на политические амбиции США – и вы

получите законченную картину всесторонней и глобальной американской гегемонии, «новый международный порядок».

По-моему, тут уж возникает если не полная аналогия, то, по крайней мере, настораживающее созвучие с «новым порядком в Европе», который огнем и мечом насаждала в свое время фашистская Германия. И созвучие это не так уж безобидно: там, где на одной стороне есть гегемония, там на другой непременно оказывается подчинение; где есть диктат, лишь более или менее прикрываемый, о чем прямо и неоднократно говорит «наш» автор, демократическим флёротом, там есть и рабство; где есть господин, там есть и вассал. На мой взгляд, Россия с ее масштабами, потенциалом, историей вряд ли когда-нибудь согласится с такой ролью.

Сам факт единоличного мирового господства США объективно ставит нашу страну перед историческим выбором: быть фактически «шестеркой», зависящей от милостей «хозяина» (время от времени для проформы приглашающего ее в лице Ельцина поучаствовать в «восьмерке»), или самостоятельной державой. Она обречена быть великой или никакой. Решать эту дилемму придется новым поколениям, которые, столкнувшись с нею, «по достоинству» оценят деяния тех, кто, разрушив созданную невероятными усилиями, ценой неслыханных жертв вторую сверхдержаву – Советский Союз, оставили им такую тяжелейшую и в просматриваемой перспективе, можно сказать, почти неразрешимую задачу.

Что же касается ныне действующих поколений и даже идущих им на смену, то они, если мыслить реалистически, могут и должны были бы сделать все возможное для того, чтобы: а) сохранить хотя бы современную Россию как единое государство; б) всячески поддерживать тенденции, если они будут существовать, к объединению в одном государственном образовании с другими странами, прежде всего бывшими республиками СССР; в) превратить нынешнюю, зыбко-болотную, еле дышащую, ничтожную Россию¹ или объединенное государство в действительную *державу*, к которой с уважением относился бы каждый ее гражданин и с которой действительно считался бы остальной мир.

Такова, на мой взгляд, первая ступень, программа-минимум на ближайшие десятки лет. Следующая ступень, среднесрочная программа – вернуть России ее величие: создать весомую в мировом масштабе экономику, обеспечить высокие темпы роста благосостояния народа, возродить роль нашего Отечества как одного из главных очагов культуры, *духовной* жизни всего человечества. И тогда, после этого, в лучшем случае где-то через полвека XXI в., переходить к третьей ступени, к программе-максимум – к восстановлению (если к тому времени это будет еще необходимо!) роли России как второго (третьего и т. д.) геополити-

¹ Напомню еще раз – речь идет о России в период ельцинского национального позора.

ческого центра уже не в одно-, а в двух- или многополюсном мире, который к тому времени наверняка будет во всех отношениях являть собой нечто трудно вообразимое сегодня. А раз эти глубокие изменения исторически неизбежны, то и восстановленные функции сверхдержавы (лучше всего для человечества, по-моему, будет, если это понятие хотя бы к середине века исчезнет вообще) приобретут существенно или даже совершенно иной характер, чем они были у США и Советского Союза во второй половине прошлого столетия, до развала нашей страны, а затем остались только у первого из этих государств.

И все же, сколь бы значительной ни была роль внешнего воздействия (а здесь отмечена только одна из многих его составляющих, не менее важных, чем, например, тяжелейшее для экономики бремя гонки вооружений) на характер, направление, темпы и уровень развития тех или иных сторон жизни нашей страны и сколь бы роковой для ее судьбы оказалась деятельность «демократов», тех же нынешних «правых», даже объединенные их усилия не смогли бы разрушить такое государство, как Советский Союз, если бы в нем самом не вызрели постепенно условия и обстоятельства, сделавшие это возможным. В чем они состояли? – поразмышляем вместе в следующей, последней главе.

Глава 20

ИЛИ СТАЛИН, ИЛИ СОЦИАЛИЗМ

«О Сталине мудром...» – Великая советская эпоха. – Почему Сталин объективно стал величайшим предателем идеалов революции и могильщиком социализма. – Главная причина гибели СССР и его общественного строя. – Социализма мы не знали. – Проблемы движения страны к Правде, Порядку и Справедливости.

Надеюсь, что суть «правых» и их роль в современном российском обществе читателю и автору достаточно очевидна, но все же подкреплю свои позиции мнением большого авторитета в глазах многих людей – Б.Окуджавы:

Мне в моем метро никогда не тесно,
потому что с детства оно – как песня,
где вместо припева, вместо припева:
«Стойте справа, проходите слева».
Порядок вечен, порядок свят:
те, что справа, стоят, стоят.
А те, что идут, всегда должны
держаться левой стороны (курсив мой. – Л. В.).

Похоже, эта надпись над эскалаторами исчезла из московского метро именно после того, как оказалась строкой песни. Признаюсь, и я из двух направлений – «левого», потенциально динамичного, прогрессивного, революционного, каким оно в принципе должно быть, и «правого», застойного, консервативного, контрреволюционного, – всегда предпочитал первое (разумеется, за исключением крайних левацких группировок, которые не способны на настойчивую и эффективную повседневную работу, но «зато» способны напрочь скомпрометировать даже самые светлые идеи). Однако это не означает, конечно, что все позиции «левых», как, кстати, и «центристов», не заслуживают критики. И к тем, и к другим, к их программам и, главное, к практическим действиям у многих избирателей есть свои претензии. Но у меня, например, нет активного неприятия этих групп политиков, тем более что среди них, к счастью, я не встречал пока ни элементарных жуликов, ни взяточников и расхитителей национального достояния. Хотелось бы надеяться, что после более чем десятилетия массовой политической дезориентированности и рухнувших надежд основная часть избирателей научилась, наконец, отличать беспросветно черное из-за налипшей на него грязи от белого или хотя бы серого. В противном случае мы и дальше останемся беспомощными жертвами тотальной лжи, обмана и самообмана.

Ну а за то, что мы еще очень долго можем быть ими, говорят не только уроки, данные обществу «правыми», а и весь опыт жизни нашего народа в XX и в начале XXI в. Скажем, нам преподносили Сталина как верного ученика Ленина и гениального продолжателя его дела, последовательного защитника социализма – и советские люди верили этому на протяжении десятков лет. А что было на самом деле? Чтобы ответить на такой вопрос самому себе и вам, уважаемые читатели, перенесем акцент с *моральных* качеств нашего «вождя», в какой-то мере нашедших отражение в посвященных ему главах, на *интеллектуальный* уровень его руководства партией и государством. Меня могут спросить: но почему речь снова и снова заходит именно о Сталине? Потому, что он создал такую замкнутую непосредственно и только на нем систему управления, при которой его личностные качества стали в огромной, если не в решающей мере определять ход событий в стране и даже ее судьбы. А как же измерить, оценить уровень, качество управления страной коллективным разумом или по существу единоличным, как было у нас, «вождем»? (Ну и мерзко же звучит это слово со второй половины XX в., поскольку невольно вспоминаешь о Сталине, Гитлере и им подобных!) Наверное, все согласится с тем, что этот уровень определяется в первую очередь и главным образом способностью руководителя верно определять основные тенденции развития общества и всемерно способствовать их реализации, уметь предвидеть ближайшие и отдаленные последствия принимаемых им решений.

Сначала о положительной стороне деятельности Сталина во главе партии и государства. Много создавалось благодаря ему, еще больше – при нем, кое-что – вопреки ему, но с пользой для дела (маршал Рокоссовский: «...какое бы несуразное распоряжение он ни отдавал, мы поддакивали, а действовали по-своему...»). Во всяком случае, три десятилетия его пребывания на вершине власти действительно ознаменовались гигантскими прогрессивными изменениями в экономике и социальных отношениях, в культуре и сознании огромных масс людей, в самом образе их жизни. В эти годы создана мощная держава, международный авторитет которой, особенно после Второй мировой войны, был чрезвычайно высок. И все-таки не только и не столько из-за самих этих замечательных достижений, если смотреть в корень вещей, и сталинские времена, и последующие советские десятилетия стали самой великой эпохой в многовековой летописи нашей страны. Великой потому, что охарактеризовать подобным образом можно, по-видимому, только такую эпоху, в которой вольно и невольно, но активно, целеустремленно и непосредственно принимали участие гигантские массы людей, по существу – весь народ, эпоху самой крутой ломки традиционных форм социального бытия и создания невиданными ранее темпами принципиально иного, передового по сравнению с уходящим государственным и общественным устройством. Как оценивать *результаты* таких тектонических сдвигов, каково было оказаться малой частицей, крупницей меж

бешено вращающихся жерновов истории, насколько оправданы жертвы, принесенные на алтарь изумлявших мир побед и достижений, – на эти вопросы ныне каждый имеет, наверное, свой ответ. Но то, что почти три четверти века в нашей стране, пережившей за столь сжатый срок революцию, Гражданскую и мировую войны, сверхбыстрое разрушение старого и строительство нового общества со всеми апокалипсическими по масштабам и глубине событиями заслуживают характеристики как самой великой эпохи в жизни нашей страны, вряд ли может быть опровергнуто.

Любая бурная эпоха, отмеченная крупными, коренными и всесторонними преобразованиями, поднимает над обыденным ходом вещей огромные слои населения и побуждает их к прямому участию в *исторически значимой* деятельности, направленной на разрушение прежнего и создание нового облика окружающего их мира. Да, пройденный советскими людьми путь во многом был и невиданно великим, и глубоко трагичным, залитым не только потом, но и кровью, усеянным обломками жизней десятков и десятков миллионов людей. Плечом к плечу, колонна за колонной шли они и на безмерный труд, и на смертельный подвиг, и, чаще всего не ведая того, на искусственно созданную для них диктатором Голгофу. Но это ни на йоту не умаляет значения их исторического, *всемирно* исторического подвига, ибо они открыли человечеству глаза на реальную возможность иного, более полного, содержательного, обогащенного общими целями и задачами существования человека. Пусть же в веках сохраняется глубокое уважение и благодарная память о тех, кто строил новое общество и тем сумел, несмотря ни на что, зачастую ценой собственной жизни, своим положительным и отрицательным опытом осветить другим странам и народам путь в будущее.

Однако не о советском народе, вынесшем все, а о Сталине продолжают взхлеб писать его восторженные апологеты, напрочь отбрасывая или в лучшем случае максимально смягчая ошибки, провалы и преступления «вождя». Именно ему приписывают они все правильное, исторически оправданное и реально полезное, происходившее *при* нем, независимо от степени, характера и результатов его личного участия в том или ином событии или процессе. Вспомним хотя бы «Сталинскую Конституцию», написанную другими людьми, «десять сталинских ударов» в ходе Отечественной войны, разработанные Генеральным штабом и осуществленные под руководством наших полководцев, «сталинский план преобразования природы» и тому подобное до бесконечности. Подобная демагогия более или менее очевидна, и такую «технологию» манипулирования массовым сознанием под названием «культ Сталина» общество уже проходило. Однако в должной мере от этой формы духовного и интеллектуального рабства, этих пут оно доселе не избавилось. Будем надеяться, что профессиональные историки когда-нибудь, поостыв от сиюминутных политических страстей, на основе фактов, включая пока недоступные для общественности, окончательно и бесповоротно

объяснят ей, был ли по существу Джугашвили Сталиным, величайшим гением человечества и корифеем хоть какой-нибудь науки, действительно полководцем и, как утверждает лидер одной из современных партий, Великим Генералиссимусом, все и вся предвидевшим пророком, а также, говоря, например, словами казахского акына Джамбула (за что уважаемого глубокого старца винить, конечно, невозможно), вождем всех племен, всех народов и всех времен, самым мудрым из всех мудрецов, самым лучшим отцом из отцов и вообще солнцем тогдашних дней.

Это ложное «солнце» и поныне не погасло для многих из восторженно взиравших на него в достопамятные годы и ослепших тогда навсегда. Между тем тысячи раз учили нас всех, что без знания не мифологизированного, а *действительного* прошлого невозможно в настоящем выбрать правильный путь в будущее. Восстановление поправленной истины об эпохе Советской власти – гигантская и бесконечно разнообразная проблема, тем более что если раньше скрывалось негативное, от ее имени совершавшееся, то теперь не менее плотным занавесом пытаются прикрыть величие достигнутых при ней побед. Но моя-то задача скромна: внести еще несколько штрихов в портрет основного антигероя того времени и этой книги и тем приблизиться к исторической правде.

Итак, в интеллектуальном, точнее, научном плане он не поднимался выше роли небесталанного препаратора ленинских идей, их систематизатора и пересказчика в упрощенной форме, порой и неплохого по тогдашним временам пропагандиста не им открытых истин. Но это-то ладно, выше головы не прыгнешь, даже если ты – «корифей всех наук» и «величайший ученый современности». Хуже другое: говоря одно, он на практике делал совершенно иное. Возьмем, например, ту же Конституцию – о нее «вождь» на каждом шагу вытирал ноги. Редактируя «Историю ВКП(б). Краткий курс» и, как обычно, перефразируя Ленина, он в заключении книги написал: «Партия погибает, если она скрывает свои ошибки, затушевывает большие вопросы, прикрывает свои недочеты фальшивым парадом благополучия, не терпит критики и самокритики, проникается чувством самодовольства, отдается чувству самовлюбленности и начинает почивать на лаврах». Правильные слова, но решится ли даже фанатик-сталинист, направив взор в прошлое, в историю КПСС, сказать, что это справедливое предупреждение хотя бы в одном пункте было учтено на практике самим нашим «вождем»? Напротив, он постоянно поступал прямо противоположным образом и, превратив партию в простого механического исполнителя своей воли, создал условия для стагнации, дряблости и полной потери боеспособности этой некогда мощной общественной силы и ее бесславного, позорного краха.

Нужны еще факты для оценки интеллектуального уровня сталинского руководства? Пожалуйста. Они бесконечны. Повторю уже в обобщенной форме кое-что из рассказанного в первой половине книги и немного добавлю к нему – прежде всего для тех, кто почему-либо взялся сразу за эту главу, не прочитав всех предыдущих.

Четвертый, а по его разнарядке, как помним, третий классик марксизма-ленинизма забыл даже его катехизис – всем известный «Манифест Коммунистической партии», написанный в 1848 г. Марксом и Энгельсом. Основоположники нового учения отметили там, в частности: «Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям», а в заключительной части своего всемирно-исторического документа, говоря о трех основных принципах деятельности этой новой общественной силы, высказались еще более определенно: они «повсюду добиваются объединения и соглашения между демократическими партиями всех стран». Наш же гигант научной мысли и политического предвидения запретил через Коминтерн коммунистам в других странах сотрудничать с социал-демократами, облыжно объявленными им «социал-фашистами», о трагических последствиях чего уже было сказано. Еще до и после этого фактически способствовал возрождению вермахта, через несколько лет вырезал практически весь командный состав Красной Армии, своими установками по военно-стратегическим вопросам создал самые благоприятные условия для ее чудовищного разгрома на первом этапе войны и, будучи убежденным в непогрешимости своего мышления, еще в ночь нападения Германии на СССР полагал, что переиграл восхищавшего его Адольфа.

Напомню еще раз в связи с этим лишь немного из деятельности Джугашвили в непосредственно предвоенное и военное время. Так, постоянно имея буквально под носом многочисленные сведения о гигантском сосредоточении гитлеровских войск на границе СССР и получая со всех сторон информацию о неизбежности и даже дате их нападения на нас, он отдавал, чтобы «не спровоцировать Гитлера», глубоко ошибочные с военной точки зрения распоряжения по Красной Армии, ставшие еще одной из главных причин ее поражений и потерь в 1941 г. Такие решения стали следствием того, что, выстраивая свой культ богочеловека, он сам уверовал в такое предначертание. Поэтому и был он психологически раздавлен в первые дни войны, когда не мог на всю страну и мир заявить о своем роковом «гениальном» просчете, и 22 июня заставил Молотова («Мне нечего сказать народу») выступить вместо себя по радио с сообщением о нападении Германии, а сам скрылся на даче в Волынском и ни с кем не общался даже по телефону. В это время, по воспоминаниям М. С. Смиртюкова, в Кремле наступило странное затишье. А судя по книге «1941 год», сборнику документов, не существует ни одного, подписанного Председателем Правительства в течение пяти дней, с 24 по 28 июня. Лишь вечером 29-го Сталин с несколькими членами Политбюро ненадолго появился в Наркомате обороны. В общем, страна в тот сверхкритический момент оказалась без «вождя», вплоть до образования 30 июня Государственного Комитета Обороны, о чем было сообщено 1 июля. Явление же народу (по радио) Председателя этого Комитета состоялось, как известно, только 3 июля.

Ничего подобного! – возмутятся сталинские идолопоклонники. Ведь есть записи в журнале посещений членами Политбюро и другими работниками кремлевского кабинета Генсека в те дни! Это, дескать, весомее, чем воспоминания Микояна (где он, в частности, приводит слова Молотова о полной прострации у находившегося все время на своей даче Сталина, о том, что он ничем не интересуется, не отвечает на телефонные звонки, потерял инициативу, находится в плохом состоянии) и Берии – в изложении Хрущева, сколь бы убедительными и конкретными их рассказы ни казались. Но, во-первых, даже в этом скрупулезно заполнявшемся журнале записей от 29 и 30 июня нет вообще, а во-вторых, вспомните о том, как заботливо, тщательно до мелочей выстраивал ваш кумир свой образ в истории, и исследуйте на всякий случай эти записи криминалистически: не одним ли пером и не одним ли почерком они выполнены, сверьте их содержание со всеми перекрещивающимися другими источниками и т. д. Я же, пока такой экспертизы не проведено, склонен больше верить мемуаристам, нежели бумаге, которую можно было бы заполнить задним числом в считанные минуты.

Добавьте к этому хотя бы его собственное, выраженное в первые дни после начала войны присущим ему грязным языком признание в том, что мы (заметьте, теперь сразу же – не «я») потеряли государство, созданное Лениным, и попытку выяснить через посредников у Гитлера возможность остановить его ценой огромных территориальных потерь (искал свой вариант Брестского мира, видимо), и вы тоже неизбежно придете к выводу: великий Сталин при ближайшем рассмотрении оказался в час тяжких испытаний тем, кем был в действительности, – всего-навсего маленьким Джугашвили, который в одночасье сел в лужу со своими бездарно-самоуверенными планами и расчетами и из «вождя» превратился в жалкую тряпку. Но тут соратники ее подняли, выстирали, покрасили, погладили, на древко натянули и знаменем объявили. И правильно сделали! К этому трагическому для страны «моменту истины» он вырезал, вырубил, выжег вокруг себя столько талантливых и авторитетных в народе людей и так возвысил себя как единственного всезнающего и всемогущего вождя партии и государства, что никого другого, хотя бы приближающегося к нему по «весу» в представлении широких масс, в высшем руководстве не было. Уже только поэтому в обстановке, когда фашистская лавина катилась по стране, назначения именно его Председателем Государственного Комитета Оборона и Верховным Главнокомандующим были единственно возможными и совершенно верными.

Правда, это не избавило армию и страну от следовавших затем его указаний и приказов, совершенно безграмотных в стратегическом и тактическом отношениях (что вполне естественно – он же не имел военного образования, а практический опыт Гражданской войны к началу Отечественной безнадежно устарел), которые привели к разгрому целых армий и фронтов – например, под Киевом и Харьковом, – пленению только в 1941 г. нескольких миллионов наших бойцов и командиров и

гибели большинства из них в немецких лагерях. Его ни на чем реальном не основанные распоряжения о продолжении беспрерывного наступления по всей линии фронта после победы под Москвой привели опять же к бессмысленным потерям и не могли не сказаться на темпах продвижения немецких армий в 1942 г. Да и в дальнейшем полководческих озарений за ним не числилось, если не считать интеллектуальных взлетов в виде приказов типа «удержать любой ценой», «взять к такому-то числу, не считаясь с потерями», и т. п. Маршал Василевский, практически всю войну проработавший с ним бок о бок, не мог не заметить: Сталин «был неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои силы и знания в руководстве войной...». Любопытно, что даже авторы книги «Полководец Сталин» не нашли ни одного свидетельства его доблести на поле брани или действительно *полководческих* действий, а создатель другого, столь же пронизанного сугубо декларативными утверждениями и на редкость примитивной демагогией опуса «Генералиссимус» не привел никаких фактов, объясняющих, за что именно сугубо штатский человек впервые в отечественной и мировой истории стал носителем этого высшего из *воинских* званий. Он действительно исполнил (не берусь судить, насколько успешно) выпавшую ему роль Верховного Главнокомандующего, но все остальное лишь дань человеческой слабости к чинам, званиям и прочему возвеличиванию и украшательству самого себя. Не могло быть, а потому и не осталось ни одного свидетельства о том, что он разработал конкретный план сражения на том или ином участке советско-германского фронта или практически руководил той или иной крупной операцией, что полагалось бы делать полководцу, как теперь его именуют, но зато навсегда осталось множество фактов его необоснованных в военном отношении требований к командующим войсками, что приводило к самым тяжким последствиям для армии и страны. Все это лишний раз подтверждает, что чем больше профан в той или иной сфере жизни – а любой в чем-то является им – навешивает на себя знаков величия, тем нагляднее они рано или поздно разоблачают его действительно интеллектуальный, профессиональный, человеческий масштаб.

Оставлю размышления на эту тему специалистам и скажу лишь, что ошибки, даже роковые, могут быть у любого политического, государственного, военного и т. д. деятеля, и современники пытаются понять, а тем более историки в будущем непременно поймут и по прошествии десятилетий и столетий, как показывает опыт, в той или иной мере, возможно, и простят его. Но только при одном условии, по-моему: если эти ошибки (которые при ближайшем рассмотрении зачастую объективно оказываются тягчайшими преступлениями – расстреливал он других за куда меньшие промахи) не принадлежат величайшему, гениальнейшему, непогрешимейшему и т. п., таким своим статусом вознесенному над всеми смертными. Уж если ты навязал людям, народу такое представление о себе, то с тебя и спрос при жизни и после нее будет соответственный же, особый. А по такому спросу никак не тянет до присвоенных им

самим и ему эпитетов-характеристик взгромоздившийся на эти ходули и поверивший в такой свой рост «наш великий вождь и учитель». Да, он был, по словам Микояна, умным и способным, с очень хорошей, по наблюдениям многих, памятью, но это еще нигде и никогда не было равнозначным гениальности и, кроме нашего патологического случая, не объявлялось таковой.

Актер по природе, Джугашвили выбрал для себя роль стального вождя и всеобъемлющего гения и так вошел в нее, что убедил в этом не только множество «зрителей», но и... самого себя. Об этом уже было сказано выше, но подчеркну, что он играл ее всегда, на всех подмостках – от бытовых до политических, от внутриаппаратных до общемировых. Собственной недогнувшей рукой выведено им: «Как нельзя отделить учение Ленина от учения Маркса и Энгельса, так нельзя отделить от марксизма-ленинизма дальнейшее развитие теории ленинизма, которые (? – Л. В.) даны в работах и выступлениях товарища Сталина». Но высшим его достижением в самооценке являются слова, внесенные им лично в свою «Краткую биографию»: «На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки... С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их»... Преодолею чувство тошноты от такой вопиющей лжи и беспардонного самолюбования и сделаем единственно возможный вывод из примера жизни и деятельности Джугашвили: да, во имя торжества идей Октября, во имя социализма настоящий великий революционер не должен останавливаться перед разными там предрассудками вроде общечеловеческой морали; поддаваться соблазну критического отношения к самому себе и, как тогда говорили, большевистской скромности; он отбросит в интересах служения делу, конечно, элементарную порядочность, мешающую ответственность за личные промахи, ошибки и глупости взвалить на других и расстрелять их, чтобы в глазах всех остальных оставаться единственным великим и непогрешимым. Впрочем, опять я невольно «съехал» на вопросы морали «вождя», хотя ведь известно: «Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали». Только кто же это сказал? А, опять-таки сам «товарищ Сталин» – и, как всегда в таких случаях, почему-то не о себе...

Возьмемся-ка лучше к рассмотрению его интеллектуальной мощи. Размышляя о ней, мы еще не добрались до вершины личных «достижений» нашего гениальнейшего теоретика и практика строительства нового общества, непревзойденного в мире полководца и т. д. и т. п. Главная его «заслуга» перед своим народом и всем человечеством состоит в том, что он сам, надо полагать, того не желая, *объективно* оказался действительно величайшим... *предателем и могильщиком социализма*, вековой мечты многих поколений людей труда о жизни в обществе социальной справедливости, о простом человеческом счастье в такой краткий миг – всего несколько десятков лет! – их единственного и неповторимого пребывания на Земле. Он проявил полнейшую историческую слепоту, заложив осно-

вы тех явлений и процессов, которые в конечном счете дискредитировали социализм в глазах миллионов и создали условия для фактического развала партии, разрушения Советского государства и уничтожения общественного строя, существовавшего в нашей и ряде других стран. Мы все, пережившие национальную катастрофу 1991 г., когда росчерками перьев было уничтожено наше великое государство – СССР, помним, кто готовил и совершил самый чудовищный в истории акт предательства своего Отечества. Нет и не может, не должно быть прощения им и от нынешних, и от будущих поколений. И все же главная причина гибели Советского Союза состояла в самой системе власти и управления партией, государством и обществом, которую создал Сталин и которую еще на четыре без малого десятилетия сохранили во всех своих основных чертах его преемники. Она несла в себе все необходимое и достаточное для того, чтобы в конце концов оказаться на краю пропасти, куда ее и толкнули ничтожные по сравнению с нею самой силы.

Для того чтобы убедиться в справедливости такого утверждения, вспомним, в каком обществе жили мы раньше и в какое и почему вляпались в конце концов. Чтобы разобраться в этом, начнем с того, ради чего люди шли в революцию и на Гражданскую войну. Ответ достаточно очевиден: ради возможности создать новый мир, где восторжествует социальная справедливость. Мыслилась она, надо полагать, каждому по-своему в деталях, но было при этом и общее представление о том, по крайней мере, что люди обретут свободу от господства богатеев – собственников капитала и земли – и власть будет принадлежать простому народу; все будут равноправными гражданами своей страны; богатства, накопленные немногими за счет труда многих, перейдут им; каждый получит возможность стать тем, кем захочет, независимо от своей сословной принадлежности и материального положения. Примерно таким рисовался облик будущего общественного устройства в мыслях и мечтах тех, кто ради этого идеала брал винтовку в руки и сражался за него, не щадя ни себя, ни других, ни своих, ни чужих...

Подобный идеал, воплощенный в жизнь, представлял бы собой общество, в *основной* своей характеристике, в *форме собственности* на средства производства *принципиально* отличное от того, какое начало формироваться в результате Февральской революции 1917 г. Именно Великая Октябрьская социалистическая революция привела к рождению *общественной* собственности на средства производства как экономической основы нового строя. С исторической, да и с нравственной точки зрения это был важнейший и крупнейший шаг вперед в социальном развитии человечества. Правда, академик А. Н. Яковлев в своем «Омуте памяти» повторил когда-то чуждые, а теперь родственные ему идеологические зады, обозвав Октябрьский переворот контрреволюцией. Вынужден возразить академику и хору тех, чьим подголоском в одних случаях и дирижером в иных он оказался. И в феврале, и в октябре произошли *революции*, причем вторая сама по себе, как конкретный акт ис-

тории, сохраняла, продолжала и углубляла достижения первой, прежде всего ее демократический характер. Другое дело, что они имели разное социальное содержание – буржуазное в первом случае и пролетарское – во втором, как другое дело и то, в каких направлениях пошли общественные процессы после Октября.

Да, но почему автор повторяет здесь школьные азы? – спросите вы. Потому, что они, боюсь, уже перестали быть школьными: теперь учат иному и по-иному, а кроме того, они нужны мне для дальнейших размышлений. Продолжим же их. Итак, путь к созданию социалистического общества был открыт, и движение по нему началось. Но – и это показал наш, мягко говоря, нелегкий исторический опыт – оказалось, что в процессе создания нового строя при всей решающей роли общественной собственности на средства производства как основы социалистического общества одной ее еще недостаточно для, так сказать, автоматического его формирования и развития. Более того, сама она при определенных условиях может быть настолько деформирована, что эта ее важнейшая в историческом плане функция фактически не гарантирует *социалистического* характера нового общественного порядка. Силой, исказившей природу не только общественной собственности, но и всего нашего строя, стала система власти и управления, созданная Сталиным. В первое послереволюционное время в массовом сознании заводы и фабрики, земля и вода, железные дороги и банки воспринимались как собственность общенародная. Однако постепенно, по мере того как между этим вещественным содержанием собственности и человеком, работником вырастала все более высокая стена из глыб бюрократического, командно-административного управления, у него все больше и больше терялось ощущение хозяина общенародного или коллективного предприятия, происходило не только экономическое, но и психологическое отчуждение от него. «Наше» все больше становилось «ничьим», и это породило множество тяжелейших экономических, социальных и нравственных проблем – массовую бесхозяйственность, запустение когда-то процветавших хозяйств и районов, безразличное отношение к конечным результатам хозяйствования, хищническое отношение к природе и ее ресурсам, коррупцию и широко распространившиеся большие и малые хищения и т. д. (Преодолеть «социалистическое» отчуждение производителя от собственности на средства производства пытались в послевоенной Югославии, но по идеологическим причинам их бесценный положительный и отрицательный опыт сначала у нас отторгали, а потом просто предали забвению.)

Таким образом, коренная черта, ведущий признак социализма – общественная собственность на средства производства приобрела во многом формальный характер, экономические устои социализма оказались подорванными. И это – прямое следствие, прежде всего в экономике, сталинской политики создания сверхцентрализованной системы управления государством, на вершине которого возвышался он – единолич-

ный «вождь» и фактический диктатор. Ведь для того, чтобы собственность «работала» максимально эффективно, ей необходимо быть неразрывно связанной со своим хозяином – человеком (коллективом). Он должен иметь право распоряжаться ею и результатами ее использования. Достичь же этого можно только одним путем – созданием такой системы, при которой в полной мере задействованы *экономические интересы* людей, ибо, как говорили в свое время К. Маркс и Ф. Энгельс и как мы подтвердили, к сожалению, своей хозяйственной практикой, «идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса».

Однако это непростой процесс – сближение и все большее единство интересов человека, коллектива и общества, т. е. собственника во всех его трех основных ипостасях. И приходится признать, что действительной, дающей осязаемое удовлетворение экономического интереса производителя самостоятельности, без которой не может родиться чувство хозяина, даже если оно декларируется в Конституции страны или напоминает о себе плакатом на стене цеха, мы так и не достигли. Слишком жесткими оказались рамки не только методов и способов хозяйствования, но и самого предельно догматизированного мышления человека и всего общества. А ведь бóльшая ли, меньшая ли, но самостоятельность в выработке хозяйственных решений и их осуществлении есть проявление демократии в экономике, что, в свою очередь, является опорой, незыблемым условием ее, демократии, существования во всех остальных сферах жизни. Но если общенародная собственность на средства производства непосредственно не дошла до человека и тем самым не превратила его в своего действительного хозяина, использующего ее в процессе своей деятельности и экономически осязаемо зависящего от того, насколько умело и эффективно выполняет он такую свою роль как индивидуум и как член трудового коллектива, то это означает, что основополагающая цель революции объективно оказалась преданной. Ведь лозунгами ее были – «Фабрики – рабочим!» (а не единолично государству) и «Земля – крестьянам!» (а не крестьяне – земле, что произошло, когда Сталин фактически закрепил их за нею, тоже за государственной собственностью, пусть и переданной колхозам формально в вечное пользование).

«Вождь» пытался создать идеальное, с его точки зрения, государство, построенное, как и партия, по принципу жесткой иерархии во главе с непререкаемым авторитетом, а точнее, диктатором. В таком случае никакой *реальной* демократии быть просто не могло. *Видимость* ее, конечно, создавалась – ведь на дворе был уже XX в., – и мы практически в обязательном порядке ходили на избирательные участки, чтобы выполнить свой гражданский долг, и там, мучительно напрягая мысль, «выбирали» лучшего депутата из... одного кандидата, а тот, попав, скажем, в Верховный Совет, произносил там, когда это ему предлагалось или разрешалось, ритуальную речь, слегка сдобренную местным колоритом. Другой пример – безвластие или, по крайней мере, далеко не полновла-

стие Советов, превращенных по преимуществу в органы, лишь дублировавшие и исполнявшие партийные решения. А ведь на революцию шли под лозунгом «Вся власть Советам!». Впрочем, это лишь детали общей, по существу антидемократической картины прошлого, в которую каждый среднего возраста человек может внести свой штрих из личного опыта. Вот почему уже десятки лет тому назад в лекциях, в закрытых документах и открытых публикациях я постоянно утверждал очевидные, казалось бы, вещи: по природе своей социализм – это самое открытое, самое альтернативное, самое демократическое общество, что в какой-то мере прорывалось на поверхность жизни, однако в целом наша практика постоянно противоречит и по содержанию, и даже по форме таким его свойствам. Но если демократия, свобода были во многом декларативными, значит, и вторая (или, если угодно, первая) из основных целей Октябрьской революции объективно оказалась преданной.

То же самое можно сказать и о других идеях, мечтах и надеждах, подвигнувших людей на революцию и на Гражданскую войну. Даже такая сфера жизни, как культура, включая, в частности, науку, образование, искусство, литературу, непрерывно подвергалась жесточайшему политическому контролю, грубым вивисекциям, кадровым чисткам, всяческим ограничениям, результатом чего, среди прочего, было отторжение не только ученых, художников, литераторов и т. д., но и всего народа от многих достижений мировой цивилизации. Представьте себе, какие ее вершины покорили бы наша страна, если и в этих условиях отечественная культура обеспечила всеми признанные выдающиеся результаты!

Итак, мы видим, что основные цели, идеалы революции в результате узколобой внутренней политики Джугашвили-Сталина оказались нереализованными и, более того, фактически им преданными. Нет, на бумаге и в речах они сохранились, конечно, но на деле он умудрился увести от них общество далеко в сторону: власть народа оказалась в руках группы лиц, фактически ему неподотчетных и несменяемых; свободу попало беззаконие, при котором люди были обязаны думать, а уж тем более говорить и действовать в строго определенных рамках и любой человек без всякой вины мог оказаться в тюрьме или прямо на том свете; собственность на средства производства, отнятая у буржуазии ради всеобщего блага, застряла на полпути, став государственной, но не дошла до нового хозяина – трудящегося человека, до трудового коллектива...

В тоталитарных странах все властные функции принадлежат диктатору, олицетворяющему государство. В авторитарных на него лишь в какой-то мере воздействует общество. В демократических странах оно оказывает на государство в конечном счете решающее влияние. Сталинское государство относилось к первому типу. Такое государство может быть эффективным (и наш пример это подтверждает), но на относительно короткий исторический период, после исчерпания задач которого оно превращается в тормоз развития и постепенно разъедается, вплоть до

полного самоуничтожения. Оптимальным для развития самого государства является органический симбиоз его машины управления с организмом гражданского общества. О нем размышляли, начиная с Аристотеля. В зависимости от эпохи в это понятие вкладывалось разное содержание. Маркс и Энгельс рассматривали проблему гражданского общества в его взаимодействии прежде всего со способом производства, а также со множеством других явлений жизни, подчеркивая при этом, что оно есть «истинный очаг и арена всей истории» и является ее основой. Создавая свою революционную теорию, Маркс исходил из того, что «не государство... а, напротив (вот именно: напротив! – Л. В.), «гражданское общество»... является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества». Но в сталинское и послесталинское время и самого понятия-то «гражданское общество» у нас не было. Во всяком случае, мне ни в одной энциклопедии и ни в каком ином справочном издании даже перестроечного времени обнаружить его не удалось. Да, оказывается, об обществе можно судить не только по тому, что в нем есть, но и по тому, чего в нем нет. Например, у нас гражданского общества не было и не могло быть не только в теории, но и на практике, поскольку вся система общественных связей и отношений в обществе, все структуры, включая формально независимые от государства, фактически были встроены в предельно жесткие рамки партийно-государственного контроля и управления и по существу не могли быть действительно демократическими, самостоятельными, свободно действовавшими гражданскими институтами.

Сталин построил гигантскую и во многих отношениях эффективную государственную машину, но именно *машину*, а не *организм*. Машина бездушна, она, построенная людьми, помогает решать стоящие перед страной задачи, но в то же время противостоит своим создателям самими законами своего функционирования даже тогда, когда они ею управляют, воспроизводят и совершенствуют. Она конечна: по мере износа все чаще дает сбой, а затем и вовсе выходит из строя и отправляется на свалку истории. Общественный же организм способен к саморазвитию, к активному и гибкому взаимодействию с окружающей средой, к ее демократическому и гуманистическому совершенствованию. И государственная машина, которая конечно же сама по себе необходима, должна находиться в постоянном взаимодействии с тем организмом, который в условиях демократического строя столь же естественно складывается и существует автономно, самостоятельно от нее и обычно называется гражданским обществом. Более того, эти две силы призваны достаточно уравновешивать друг друга, ибо только такое их соотношение гарантирует действительно стабильное экономическое и устойчивое демократическое развитие общества, государства, страны. Сталин же создал систему абсолютизированного – всеобъемлющего, всепроникающего, всеподавляющего – партийно-государственного управления, систему его личной диктатуры, которая и позволила ему по существу

зачеркнуть, вольно или невольно, но фактически предать идеалы революции, идеалы социализма.

Вот мы и подошли вплотную к вопросу: а какое же общество, какой социально-экономический строй существовал в СССР при таком тоталитарном государственном гипермеханизме? Социализм? Позвольте в этом усомниться. Заглянем еще раз в исходный документ марксизма – в «Манифест Коммунистической партии». Каких только «социализмов» не рассматривают там Маркс и Энгельс: и реакционный (феодальный, в том числе поповский, христианский), и мелкобуржуазный (в том числе реакционно-утопический, немецкий, или «истинный»), и консервативный (буржуазный), и критически-утопический... И хотя речь они вели о вариантах социалистических идей, отраженных в литературе, но для наших размышлений существенно то, что основоположники марксизма считали правомочным не ограничиваться общим понятием «социализм», а давать ему некие определения, отражающие его внутреннее содержание, классовую направленность. Пойдем, отталкиваясь от их опыта, немного дальше и вспомним, какие характеристики «социализма» звучали в литературе и политике в более позднее время.

У В. И. Ленина мы читали о перспективе зрелого, развитого социализма. На практике узнали, что такое «национал-социализм» Гитлера. Задушили нарождавшийся в Чехословакии «социализм с человеческим лицом», гуманный, демократический социализм. Не без доли зависти узнавали о достижениях лейбористского, шведского и т. д. социализма. О своем сначала говорили и писали как о зрелом, развитом, а потом, поскромнее, как о реальном. Затем настало время, когда в обществе заговорили о сталинском, деформированном, государственном, государственно-бюрократическом, казарменном, казарменно-административном, а еще позже – о рыночном социализме.

Сегодня, пожалуй, самыми приемлемыми в размышлениях о социализме для большинства общества были бы такие характеристики социализма, как рыночный, демократический, гуманный. Однако, подходя к социализму со строго научных, последовательно логических позиций, следует сказать, что эти расхожие и прочие эпитеты хуже выражения «масло масляное»: они ничего не прибавляют к содержанию основного понятия, а вот его – социализм – искажают. В самом деле, ведь социализм (мы не раз уже об этом говорили) всегда ассоциируется с обществом социальной справедливости. А раз это так, то он по определению, как говорят философы, не может не быть, например, демократическим и гуманистическим. И само употребление подобных, вроде бы уточняющих качественных характеристик затеняет в какой-то мере суть дела: если есть *такой* социализм, значит, может быть и антидемократический, антигуманный, казарменный, деспотический и т. п., т. е. сталинский социализм. Нет, господа-товарищи, такой строй мог быть каким угодно другим, но не социалистическим по самому содержанию, смыслу этого

термина, по природе этого явления. Вот почему по мере работы над этой книгой я пришел к одному из главных – для меня, по крайней мере, – выводов: сталинский «социализм», в основе своей сохранявшийся до уничтожения СССР, не был и не мог быть подлинным социализмом. В направлении к нему, несмотря на крайне неблагоприятные внутренние и внешние условия, сделаны гигантские, исторической значимости шаги, но *целостного, гармонично и всесторонне* сформированного нового общественного строя создать пока не удалось. И, строго говоря, при *настоящем* социализме мы не жили никогда.

Придя к этой мысли, я испытал нечто вроде шока, но чем дольше «прокручивал» ее, тем больше укреплялся в неопровержимости, научной и исторической правильности такого суждения. А в нынешнем, 2003 г., знакомясь с новой книгой академика Л. И. Абалкина «Россия. Поиск самоопределения», с удивлением узнал, что он пришел к такому выводу и публично высказал его еще с трибуны XXVIII съезда КПСС в июле 1990 г.: «Надо ясно представить себе, что социализма мы не построили и в условиях социалистического общества не жили». Как ни странно, это заявление, которое должно было бы вызвать бурю негодования или, по крайней мере, получить решительный отпор (говоря языком прошлого), не вызвало ни на съезде, ни в печати, ни в обществе никакой реакции – ни осуждения, ни поддержки. Я, во всяком случае, отношусь к числу тех, кто о нем ничего не слышал на протяжении более чем двенадцати лет, прошедших с тех пор. Сейчас, ознакомившись с ним по стенограмме заседаний съезда, скажу, что не во всем разделяю тогдашнюю аргументацию этого положения, предложенную Леонидом Ивановичем, но не могу не подчеркнуть как научную четкость и политическую ясность высказанной им позиции, так и его личное гражданское мужество.

Однако не спешите предать анафеме ни всем известного ученого, ни автора этой книги, не взвесив следующего соображения: если и общество придет к выводу, что действительного социализма мы не знали, оно тем самым откроет перед собой огромную, важнейшую историческую перспективу. И в теоретическом, и в практическом отношении идея общества социальной справедливости сохранится как чистое, не опозоренное преступной сталинщиной знамя всех прогрессивных политических движений, как их великая историческая цель, как мощный противовес современному курсу на возвращение трудящегося человека в положение наемного бесправного раба новоявленного собственника капитала, на неизбежное превращение государственной власти, говоря словами Маркса и Энгельса, в «комитет, управляющий делами всего класса буржуазии», на ускоряющееся и неотвратимое при таком строе погружение нынешних и будущих поколений в состояние моральной деградации и духовной опустошенности. Причем самое скверное во всей нашей современной истории состоит в том, что даже лично порядочные люди – а ведь они тоже есть во власти – могут только смягчить, но не остановить эти процессы: новый капитал научится мимикрировать и маневрировать, но его факти-

ческая власть в стране будет лишь укрепляться. И отрицать всю эту жесткую реальность буквально повседневной жизни может только слепец или циничный политический лжец.

И еще одна сторона рассматриваемой проблемы состоит в том, что, размышляя о Сталине, сталинизме и сталинщине, мы чаще всего ограничиваемся идентичными, по существу, понятиями «культ личности», «культ личности Сталина», «культ Сталина» (последнее короче и прозрачнее остальных). Более или менее серьезно начали было анализировать это явление после доклада Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, ставшем действительно историческим событием по своим последствиям. А затем начались, нарастая, как многие помнят, разные отступления от принятых решений и идеологические вливания вокруг них. Думается, что борьба против культа и вокруг него до сих пор заслуживает немалого внимания со стороны историков и политологов, но эта проблематика не должна, как было в прошлом, затенять и подменять более широкий и, что самое важное, намного более существенный вопрос о созданной Сталиным целостной системе жестко централизованного управления государством и обществом, лишь одним из элементов которой был культ диктатора – единовластного Генсека ЦК партии. Не культ сам по себе, а именно *Система* единовластиа, тотального антидемократизма под флером якобы социалистической, якобы советской, якобы демократии – вот, смею утверждать, на ближайшее время основной предмет исследований в области истории советского государства. Ибо только беспощадно честный анализ этого явления будет служить трагически-набатным предостережением многим будущим поколениям.

На мой взгляд, полный, безоговорочный, публичный и искренний, какая бы боль за ним ни стояла, отказ от сталинизма и сталинщины есть решающее условие привлечения к силам социалистической ориентации, по крайней мере, доброжелательного внимания, а значит, и поддержки со стороны общества. Сделать это необходимо, и чем скорее, тем лучше, причем и с государственной, и даже с партийно-коммунистической, а также социалистической и социал-демократической точек зрения. В первом случае потому, что без такой всесторонней, объективной, очистительно-разъяснительной работы ни о каком реальном сплочении общества на почве демократии, гуманизма и социальной справедливости, ради движения к единой цели с применением единых же, более или менее одинаково приемлемых для всех слоев населения методов и средств говорить не приходится. Между тем сближение прогрессивных общественных движений есть неперемнное условие выхода страны из исторического тупика, в который ее завели те, кто пытался использовать обманные пути и насильственно насаждал фальшивый социализм, и те, кто теперь, тоже применяя ложь и насилие, навязывает народу исторически преодоленный его трудом, кровью, лишениями и гибелью миллионов и миллионов людей не менее антигуманный по его сути капитализм. В связи же с партийными интересами отмечу лишь одно: нынешние лиде-

ры коммунистов разного толка вряд ли когда-нибудь поймут, что, крестясь на портреты Сталина и апеллируя к его имени, они напрочь закрывают перспективы своим партиям стать центром притяжения всех прогрессивных групп и слоев общества.

Наши общество и государство к краху подвели Сталин, сталинизм, сталинщина и их метастазы, не удаленные радикально и вовремя. От них не могут, не умеют, не хотят избавиться и нынешние руководители различных российских коммунистических партий, надеясь в сломанной, дребезжащей, еле двигающейся карете прошлого, сверху донизу заляпанной потоками лжи и крови, въехать в будущее. Слепые поводыри! Им не дано понять, что спасти социализм как идеал, как цель жизни для большинства населения можно, только раз и навсегда, полностью, безоговорочно, искренне и публично, очистив его от сталинской лжи, от чудовищных сталинских преступлений, и прежде всего от вселенского предательства нашей пролетарской, социалистической революции. Это – непереносимое и решающее (ибо ложь отчуждает людей друг от друга) условие сплочения общества на почве демократии, гуманизма и социальной справедливости, а значит, и условие выхода страны из исторического тупика.

Так что же, жизнь нескольких поколений советских людей с исторической точки зрения прошла напрасно и они не оставили своим наследникам ничего путного? Напротив, ничего подобного. Говоря максимально обобщенно, без деталей, советские люди,

во-первых, оставили потомкам потрясающий, невиданный в истории пример коллективного, общенационального, сознательного и буквально самоотверженного служения общечеловеческой идее движения к обществу социальной справедливости;

во-вторых, накапливая и анализируя свой опыт, рассказали, а в чем-то и показали, *как может* изменить к лучшему жизнь «простого» человека идея переустройства общества на социалистических началах;

в-третьих, еще более убедительно продемонстрировали, какими не должны быть ни социализм, ни процесс его строительства, какие драматические опасности подстерегают общество, пытающееся подняться на новую, принципиально более высокую и пока еще нигде не достигнувшую ступень своего исторического развития.

С моей точки зрения, отныне и навсегда на знамени каждой партии или общественного движения, зовущих народ к обновлению, к историческому прогрессу, должны быть начертаны в их неразрывной связи два слова, два понятия: Демократия и Социализм¹. Любой фактический отрыв второго от первого, а тем более их противопоставление, попытки

¹ Строго говоря, здесь есть элемент тавтологии, ибо социализм, о чем уже говорилось, включает в себя демократию как свой непереносимый компонент и признак. Но упоминание обоих понятий упрощает понимание их взаимосвязи широкой аудиторией.

строить новый мир на деле не для человека, а за его счет, обречены на провал и с неизбежностью, как показал опыт наш, советский, и других, как их тогда характеризовали, социалистических стран – в конечном счете приведут к регрессу общества и национальной катастрофе.

Но ценность нашего опыта состоит не только в этом выводе, сколь бы значимым он ни был. Еще важнее то, что коренные положительные перемены в экономике и других сферах жизни, происходившие в СССР после и в связи с Великой Октябрьской социалистической революцией, а также в ряде других упомянутых выше стран после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, как уже было отмечено в предыдущей главе, резко ускорили социальный прогресс всего остального мира. И это при том, что подлинного социализма мы построить не сумели, в чем вовремя не разобрались сами и не помогли разобраться другим. Историческая ошибка состояла не в том, что после революции было начато строительство нового, более совершенного, чем все предыдущие, *социалистического* общества, а в том, что Сталиным были избраны *антисоциалистические* по их сути методы и формы организации этого движения, в конце концов приведшие его в тупик. И если всеобщая история человечества, может быть, когда-нибудь и назовет все это *ошибкой*, то для нас, участников и свидетелей величайшего взлета Советского государства и его бесславного крушения, произошедшее не может быть, по моему, не чем иным, как невиданным по масштабам и последствиям *преступлением* тех, кто повел страну по ложному пути, и тех, кто отнял у людей их поражавшие мир достижения.

Советский и постсоветский опыт в его негативной части позволяет сделать некоторые, если их так можно назвать, методологические, но вместе с тем и вполне практические выводы на будущее, дабы не наступать бесконечно на одни и те же грабли. Надеюсь, многие такие предложения поддержат.

1. Строить всю деятельность по управлению обществом, исходя из факта неизбежности непрерывных частных, а затем и коренных его изменений, и не пытаться быть «выше», «умнее» объективных процессов исторического развития, ибо временный успех очередного «вождя» в борьбе с ними неотвратимо обернется гигантским поражением, от которого десятилетиями, если не веками, будут содрогаться сотни миллионов людей.

2. Всякий шаг по пути прогресса делать с учетом требований безусловного большинства населения и при активном, непосредственном его участии, не навязывая ему насильно той или иной доктрины, сколь бы заманчивой и верной она ни казалась ее авторам или адептам.

3. Переходя – на научных основах – от этапа к этапу, брать с собой все лучшее, что накоплено ранее, обеспечивая тем самым стабильность существования народа и постоянное улучшение его положения как в материальной, так и в духовной сфере.

4. Подходить к решению проблем жизни страны при максимально возможном учете действительных интересов – экономических, политических, национальных, культурных и прочих – всех групп населения, включая каждую и всех вместе в процесс реализации намеченных программ.

5. Просчитывать последствия принимаемых решений – ближайшие и отдаленные, во всех сферах жизни, от экономики до экологии, от политики до нравственности, от внутригосударственных до геополитических и т. д., – не поддаваясь соблазну легких сиюминутных положительных результатов, способных подготовить почву для будущих катастроф.

6. Объединять все здоровые силы общества, какой бы политической ориентации они ни были, идеей, целью, которая полностью или хотя бы частично соответствовала их стремлениям и разделялась бы основной массой населения. Такой идеей, доступной и легко усваиваемой всеми, общенародной целью при нынешнем состоянии страны и умов может быть только одна: создание общества социальной справедливости.

7. Выстраивать политику таким образом, чтобы люди практически, в повседневной жизни каждой семьи, на каждом предприятии ощущали из года в год улучшение своего положения во всех отношениях, от материальных до моральных, реальное продвижение к этой единой, общенародной цели.

Несмотря на то что прошло уже полвека после смерти Сталина, а может быть, потому, что прошло только полвека с тех пор, страсти вокруг его имени не утихают. И прежде всего, как и в брежневские времена, это порождается острой неудовлетворенностью людей сегодняшним положением дел. Немалая и растущая часть населения мечтает о появлении дубликата «вождя» в наивной надежде, что ему удастся навести в стране элементарный порядок, при котором законы будут исполняться, а воры, грабители и всякого рода жулики из руководящих кресел переместятся в лучший для них случае на тюремные нары. Другие смотрят на проблему шире: из их сознания точно так же, как было в достопамятные времена, не ушли – приходится повторить это еще раз – накрепко вбитые в него уравнения: Сталин = Победа, Сталин = социализм. В нынешних эмоциональных баталиях вокруг имени «вождя» то и дело слышится: «Не дадим опорочить наше великое прошлое!» Правильно, надо противостоять любым попыткам оклеветать, зачеркнуть то, что было действительно великим или хотя бы нормальным. Но не надо самим поганить его, перемешивая с тем, что было и остается в глазах любого цивилизованного человека, независимо от его политических взглядов, гигантской ложью, непростительной подлостью, чудовищными преступлениями. Тем более что при этом защитники Сталина сами вкладывают в руки своих идейных противников оружие против социализма: если он действительно таков, каким был создан «вождем народов», то что тогда глухое средневековье с его инквизицией, перенесенное в XX столетие?

К тому же, прощая и покрывая преступления властителей прошлого, люди не только выдают индульгенцию уже покинувшему сей мир диктаторам-палачам, но и прокладывают путь их преемникам, которые тоже будут ломать судьбы детей и внуков нынешних «добряков». Всю жизнь они не «замечали» и не желают «замечать» преступления Сталина, затем они «простили» попрание результатов Всесоюзного референдума, уничтожение Советского Союза, расстрел Верховного Совета страны, ограбление и вымирание населения, циничный обман народа Ельциным и его «демократическими» прихвостнями, а теперь с прежним трепетом рабских душ ждут явления нового «вождя и учителя».

К сожалению, очень многим, особенно пожилым людям, трудно понять, что бездумно-односторонне, абсолютно некритически воспринимая Сталина, они как раз и забрасывают грязью сталинщины тот светлый идеал общественного устройства, каким мы представляем себе социализм. И чем основательнее и быстрее освободятся силы социалистической ориентации от позора и скверны прошлого, тем увереннее они смогут рассчитывать после этого на поддержку здравомыслящей части и нынешнего, и будущего общества. На мой взгляд, определяя сегодняшнюю политическую линию той или иной партии, крайне непредусмотрительно не принимать в расчет ближайшую и более отдаленную перспективу. А она такова, что постепенно ручеек информации, вытекающий прежде всего из пока полу- или полностью закрытых архивов рано или поздно станет по крайней мере рекой, если не морем, и то, что общество узнает нового о подлинном «товарище Сталине», ляжет исключительно на чашу весов с его кровавыми преступлениями, роковыми историческими ошибками и элементарными политическими промахами. Все, наводящее глянец на его искусно вылепленный – прежде всего им самим – хрестоматийный облик, давно введено в оборот. Очевидно, что в архивах осталась лишь наиболее неприглядная часть голой правды, иначе зачем было держать в тайне эти документы до сих пор. Но в конце концов и они станут достоянием общественности, и как тогда будут чувствовать себя партии, партийки и их вожди, зовущие людей под знамя Сталина? Что же касается сегодняшнего литературно-политического шабаша вокруг «величайшего вождя, полководца и Генералиссимуса», то он построен на той же самой поразительно примитивной, голословной демагогии и политической лжи, которые он положил в основу своей деятельности, чем и обрек ее результаты в конечном счете на бесславную гибель. В условиях закрытого, тоталитарного общества этот метод приносил некоторые дивиденды, в условиях открытого, действительно демократического общества, если оно разовьется в нашей стране, подобным приемам гарантирован провал.

Итак, если социализм есть общество подлинной демократии, а Сталин – враг ее, значит, он враг и социализма – так говорит элементарная

логика. И мне представляется, что история уже поставила перед нами проблему по-новому и однозначно: *или Сталин – или социализм!*

Конечно, избавиться от Сталина, сталинизма, сталищины в собственном мышлении, в политическом курсе той или иной партии – дело непростое. Но это необходимо сделать не столько в будущем, сколько уже сейчас. Безоглядная приверженность Сталину (а значит, и всей мерзости, с ним связанной) не позволяет исповедующим эту «веру» и ныне спекулирующим ею политическим структурам стать реальной силой в современном обществе. За годы правления Ельцина он и его приспешники погрузили страну в такую глубокую, темную и зловонную яму, что положительные сдвиги, происходящие в последнее время, пока не могут сколько-нибудь заметно подтянуть нас хотя бы поближе к свету и не вызывают поэтому у широких слоев населения большого энтузиазма. Вместе с тем они все же поддерживают в людях какие-то надежды на улучшение их положения в не слишком отдаленном будущем. Так что при всех минусах нынешней ситуации в стране нет того уровня социальной напряженности, который создавал бы взрывоопасную, революционную ситуацию. Нет и организованной, авторитетной политической силы, способной возглавить массы и действительно повести их за собой. А из этого следует, что надо всерьез задуматься над тем, что мы, общество, сегодня собой представляем, к каким целям реально могут и должны стремиться социалистически ориентированные политические структуры и каковы фактически возможные сейчас рамки и формы их деятельности.

Говоря максимально сжато, представляется, что примерно в последней трети XX в. теория конвергенции (взаимопроникновения) двух систем, социалистической и капиталистической, которую мы долго и гордо отвергали, все же в значительной мере стала исторической практикой. Государства и общества, принадлежавшие к противостоявшим мирам, так или иначе, более активно и более открыто начали учиться друг у друга, заимствуя, не всегда, к сожалению, критически, различные элементы чужого опыта. Движение человечества к смешанному типу общества, в котором присутствуют и капиталистические, и социалистические начала, стало реальностью. Другое дело, что в разных странах их соотношение и общая конфигурация заметно различны, но общую тенденцию в этом направлении вряд ли можно отрицать.

К сведению тех, кого продолжают обманывать теоретически малограмотные, а политически, как, впрочем, и экономически, нечистоплотные лидеры «правых», уверяющие внимающих им, что в современном капиталистическом хозяйстве отсутствуют государственная собственность и государственное же плановое воздействие на экономическую жизнь. Именно к отказу Российского государства от участия в процессе хозяйствования призывают они руководство страны и ее население. Но у любого заинтересованного в истине человека есть возможность совершить свое «открытие Америки» и убедиться в лживости наших «либе-

ралов от экономики». Для этого достаточно ознакомиться, в частности, с книгой В. А. Федоровича, А. П. Патрона и В. П. Заварухина «США: Федеральная контрактная система и экономика: механизм регулирования» (М.: Наука, 2002) или хотя бы с четко, по полочкам разложившей ее проблематику статьей В. В. Куликова, Ю. Н. Прудкого и Б. Г. Петрова «Американская практика госхозяйствования против либерально-рыночной риторики» в «Российском экономическом журнале» (№ 7 за 2003 г.). Книга, а вслед за ней и статья на огромном фактическом материале показывают гигантскую по масштабам государственную хозяйственную деятельность в США и приходят к выводу, что «федеральное правительство США – самый крупный в мире предприниматель». А наши то ли ученые недоумки, то ли политические подлецы тянут Россию, лживо ссылаясь при этом на опыт Запада, в том числе и американский, в прямо противоположном направлении. Вот за таким опытом, а не за фальшивыми рецептами, ведущими только к деградации отечественного народного хозяйства, надо было ездить «господам управителям» в США, раз не хватило ума и смелости создать подобный механизм в советское и не хватает их в новое, «антисоветское» время.

В России после всего произошедшего в ней продолжать говорить о восстановлении сталинского «социализма» по крайней мере нелепо, о строительстве «чистого» социализма – нереально, а вот о задаче создания в ближайшей перспективе общества смешанного типа – вполне целесообразно, ибо сейчас это, на мой взгляд, в принципе единственно достижимая практическая цель. На такой платформе возможно определенное сближение прогрессивных сил и консолидация их усилий (пресловутая «социальная ответственность») в тех направлениях, которые соответствуют их мировоззрению и здравому смыслу. При этом специфическая задача социалистически ориентированных партий и движений состоит в том, на мой взгляд, чтобы максимально полно и последовательно выражать и отстаивать интересы основной, трудящейся массы населения и вносить в систему социальных отношений те гуманистические и демократические начала, которые истари ассоциируются именно с социальной справедливостью, т. е. с социализмом. Думаю, что такую роль позитивной силы развития своей страны на этом историческом этапе невозможно исполнить, оставаясь в плену сталинского догматизма в мышлении, сталинщины как метода политической деятельности, Сталина как идола и идеала государственного деятеля. Такова реальность, с которой не может не считаться та или иная партия, если она не хочет оставаться партией фразы, а стремится быть партией дела, действительного служения человеку труда и Отечеству в целом.

Размышляя на эти темы, невозможно не сказать хотя бы в общей форме и о позиции послесталинского руководства. Оно десятилетиями оставалось в некотором смысле *справа*, поскольку в целом проводило

линию на консервацию давно устаревшей системы управления обществом, подталкивавшей его к саморазрушению, в то время как только левые или, если так угодно, левоцентристские, по нынешней терминологии, позиции могли придать ему импульс к самодвижению, к прогрессивному развитию, а значит, и к историческому самосохранению. Давайте спросим себя: допустил бы наш народ свержение Советской власти, если бы, не говоря уже о «высоких материях», страна в результате качественных и своевременных изменений к концу 80 – началу 90-х гг. была хотя бы относительно благополучной в экономическом отношении и людям не приходилось бы выстаивать очереди за продуктами и другими товарами широкого потребления, если бы трудящиеся реально участвовали в управлении предприятиями и получали от этого моральное и материальное удовлетворение, если бы ощутимо улучшалось бесплатное здравоохранение, а в политической жизни была обеспечена свобода мнений?.. Даже такой минимальный набор условий, на мой взгляд, гарантировал бы, что преобладающая часть населения отторгнет перспективу уничтожения существовавшего строя и возврата к капитализму, в «прелести» которого мы по уши погружены уже более десятка лет.

Только Ю. В. Андропов, став Генсеком, успел, как уже упоминалось, поставить вопрос о необходимости творчески осмыслить новые реальности жизни, попытаться понять действительную природу нашего общества. К сожалению, его болезнь и быстрая кончина не позволили ему конкретизировать этот замысел и, возможно, осуществить комплекс мер, который изменил бы не только облик, но во многом и сущность сложившихся, а затем и застывших, переставших развиваться общественных отношений и управленческих структур. Кое-что в этом направлении (помоему, под большим влиянием А. И. Лукьянова) сделал Горбачев, но, увы, действуя без четкой программы, пустив общество в плавание без руля и без ветрил, – если только не по выработанному за рубежом курсу – привел страну к самому краю пропасти, куда и столкнули ее беловежские собутыльники и их «менеджеры».

Спрашивается, однако, имеем ли мы, современники, и будут ли иметь наши потомки право свысока смотреть на послесталинских руководителей страны за их историческую слепоту и управленческую беспомощность? Думаю, «судьи», если они захотят быть объективными, обязаны учитывать то, что все эти партийно-государственные деятели сформировались и в личном, и в общественном плане, можно сказать, в эпоху Сталина, поскольку она не закончилась с его уходом из жизни. Ведь по существу еще на долгие десятилетия сохранились, по крайней мере, основы, о чем упоминалось выше, созданной им системы управления государством и обществом. Остались в прошлом массовые казни по главным образом надуманным политическим мотивам и сфальсифицированным обвинениям, из тюрем и лагерей вышли те политзаключенные, которые каким-то чудом в них выжили, устами Хрущева полуподпольно рассказано о малой части преступлений Сталина против человечности и

человечества, но не были вскрыты и осуждены его, на мой взгляд, главные с исторической точки зрения преступления – фактическое предательство идеалов пролетарской революции, осуществление контрреволюции в стране и создание системы абсолютной личной диктатуры и государственного терроризма, опозорившие социализм как идею и социальную практику и оттолкнувшие от него умы и сердца сотен и сотен миллионов людей. Наследники Сталина с их зашоренным, задогматизированным сознанием были просто не способны понять, что общество, застывшее в своих представлениях о самом себе, не развивающееся постоянно и непрерывно, не меняющееся динамично и качественно, даже если количественные его показатели – например, национальный доход – растут, обречено на деградацию и в конечном счете на гибель.

Именно это и произошло с Союзом Советских Социалистических Республик, а усилия США и их «правых» союзников внутри него лишь дополнили и ускорили процессы *саморазрушения* нашей когда-то действительно великой Родины. Вот почему, на мой взгляд, пресловутый «застой», который в общественном сознании связан обычно с эпохой Брежнева, в конечном счете есть порождение сталинизма и даже сталинщины, в основных чертах своих сохранившихся до уничтожения СССР. Это не снимает, конечно, ни исторической, ни политической, ни, по-моему, уголовной ответственности с конкретных лиц, подготовивших и осуществивших этот подлейший – другого слова не подберу – акт. Нарушение властью *воли народа*, выраженной через референдум, – напомним еще раз, именно таким образом подавляющая часть населения страны высказалась за сохранение обновленного СССР – должно рассматриваться в качестве тягчайшего из тягчайших преступлений и караться так неукоснительно и беспощадно, как никакое другое. Застой в политике по своим последствиям, и мы видим это на собственном, отечественном опыте, по своим разрушительным последствиям несопоставимо опаснее застоя в экономике, тем более что последний во многом и вызывается-то первым и усугубляет его.

Возможно, кто-то согласится с предложенным выводом о том, что социализма в действительности нигде и никогда еще не было. Тогда возникает естественный вопрос: а что же было? Готового краткого и однозначного ответа у меня нет, и к тому же боюсь, что эта глава и без того перегружена различными аргументами и выводами. Поэтому позвольте предложить читателям для их собственных размышлений встречный вопрос: не жили ли мы, если рассматривать сталинское и послесталинское время с *социально-экономической*, основополагающей точки зрения, по существу в условиях государственного капитализма или государственного же «социализма»?

Повторю еще и еще раз: подлинный социализм, социалистическое общество есть целостное явление, охватывающее все элементы бытия и сознания – от экономики до образа жизни. И когда мы говорим – социа-

лизм, это значит господство общенародной собственности на основные средства производства при наличии и других ее форм. Это всесторонняя, глубокая, всеохватывающая демократия. Это общество гуманистическое, все полнее реализующее систему ценностей, именуемых социальной справедливостью. Там, где этого нет, там нет и социализма. Запомним же этот вывод и скажем себе главное: появление в истории человечества действительно социалистического общества, общества социальной справедливости еще впереди!

Здесь, однако, придется ввести небольшую оговорку, так как может возникнуть очередной вопрос: а правомерно ли сейчас, когда в развитых буржуазных странах, особенно в их порядках распределения дохода, социальной защиты населения и демократии, уже функционируют системы, явно заимствованные из идейного арсенала социализма и советской практики, продолжать говорить так просто и определенно: в мире есть два основных общественных строя – капитализм и социализм? Эти сомнения вполне правомерны, и такая проблема в той или иной мере затрагивается в публикациях наших ведущих теоретиков. Некоторые из них уже прямо отказываются от этого устаревшего, на их взгляд, деления. Думается все же, что это несколько поспешное решение. Да, капитализм в экономически передовых странах теперь в какой-то степени «разбавлен» социализмом. Да, как мы его по-прежнему называем, социализм даже в Китае или на Кубе в ряде отношений несколько «разбавлен» капитализмом. Да, мир идет к новым, синтезированным, что ли, формам общественного устройства и пока не знает, ни какими реально они будут, ни какие характеристики и названия обретут. Например, вдруг появится социалистический капитализм или, напротив, капиталистический социализм, что будет зависеть от соотношения элементов того и другого и многих прочих факторов. Так что в этой почти шутке когда-то может оказаться только доля... шутки.

Однако сейчас степень взаимопроникновения, как раньше говорили, двух миров еще далеко не такова, чтобы из-за частичного и даже растущего сходства не видеть их коренного различия – преобладания частной или общественной собственности на средства производства, составляющей экономическую основу каждой из этих систем и в решающей мере определяющей прочие им присущие особенности – от хозяйственных механизмов до образа жизни и психологии людей. Так что пока изымать из научного, а тем более из политического лексикона эти понятия – капитализм и социализм – при всех происходящих внутри каждого из них и между ними изменениях, на мой взгляд, преждевременно и нерационально.

«Истины ради...» – так назвал я эту книгу потому, что стремился в ней сквозь ворох событий и фактов, размышлений и переживаний хотя бы пунктирно и фрагментарно обозначить процесс постепенного приближения общественного и индивидуального сознания к правде жизни.

Не могу сказать, что знакомство с нею мне, например, всегда доставляло бездну радости и удовлетворения. Напротив, когда под лучами правды осыпалась блестящая словесная шелуха и открывалась неприглядная суть явлений и людей, когда приподнимались непроницаемые покровы «партийных и государственных тайн», скрывавшие кровоточащие раны, а то и зловонные язвы нашей истории и современности, в памяти всплывала вечная библейская мудрость: «...кто умножает познания, умножает скорбь». И все же, сколь бы ни были горьки те или иные «открытия», они приносили и удовлетворение тем, что ты еще хоть на шаг отошел от старой и новой лжи, в которой было вынуждено и продолжает пребывать общество, что хоть немного отмылся от нее и продвинулся по пути к Истине – этой высшей цели жизни каждого мыслящего существа.

Конечно, характер и объем приобретенных знаний, степень приобщения к текущей информации о положении дел в обществе, жизненный опыт, особенности мышления и психологии человека и другие факторы делают неизбежным то, что каждый видит истину (если видит ее вообще) в том или ином свете, с той или иной ее стороны, с той или иной полнотой и глубиной. Но это не мешает людям быть единомышленниками, если у них есть общие исходные интеллектуальные и нравственные принципы: признавать факты такими, какие они есть, а не такими, какими хотелось бы их видеть; стремиться различать внешнюю сторону явлений и их внутреннюю природу, сущность; уметь признавать ошибочность суждений не только других, но и своих собственных. При соблюдении этих трех минимальных условий возможен диалог между *разно*-мыслящими людьми, даже политическими противниками, возможен совместный, пусть и непростой, поиск истины. Выражу робкую надежду на то, что и мои читатели, даже инакомыслящие, согласятся с этими принципами, несмотря на вполне вероятное несовпадение наших политических взглядов.

О моих взглядах рассказано в предыдущих главах, но для ясности сведу основные воедино и кратко обозначу здесь – во избежание ложных трактовок и передержек. Исхожу из того, что идея социализма опорочена практикой Сталина, опоганена ложью псевдодемократов («правых») и не защищена словом и делом современными коммунистами и социалистами. Новому их поколению предстоит очистить эту идею от скверны сталинизма и сталинщины и предложить обществу ее вариант, адекватный ситуации начала XXI в. Сделать это возможно только в прямой, открытой борьбе с антинародной, буржуазной идеологией так называемых правых. Ближайшими же основными целями прогрессивных сил могут быть, на мой взгляд, национальная *независимость* страны; народовластие, действительная, действенная *демократия* – всегда, везде и во всем; всеобъемлющая *власть Закона*, равно обязательная для всех; *социальная справедливость* как стержень всего устройства общества и генеральная линия его развития.

Думаю, что такая программа-минимум выражает интересы подавляющего большинства населения, кровно заинтересованного в том, чтобы:

- Россия была самодостаточным (в первую очередь в продовольственном отношении!) и равноправным членом мирового сообщества, а не нищенкой, живущей подачками и по указке правительств и финансовых кругов других стран, по их зачастую убогим стандартам в области культуры и психологии;

- народ непосредственно и через своих действительно подконтрольных ему представителей был решающей силой на всех уровнях власти, а не жалкой жертвой игр финансовых воротил и профессиональных политиканов;

- безоговорочное соблюдение прав человека и гражданина стало для каждого органа и конкретного представителя власти обязательной нормой поведения, любое нарушение которой каралось бы, в соответствии с Законом, немедленно, беспощадно и публично, а не приятным исключением из массового бюрократического издевательства над людьми, из циничного пренебрежения их здоровьем, жизнью, благополучием;

- у государства и у гражданина обязательства были взаимными, рыночные отношения экономически и законодательно все полнее ориентировались на решение социальных проблем, а не на бесконтрольное обогащение немногих и всестороннее обнищание основной массы жителей городов и сел.

Что же нужно было бы сделать в государстве и обществе сейчас для реализации такой или в чем-то перекликающейся с нею программы-минимум? На мой взгляд,

- во-первых, разработать и принять действительно демократическую Конституцию страны с четко сбалансированным соотношением ветвей и уровней власти, а также прав и обязанностей гражданина по отношению к государству и государства – по отношению к гражданину;

- во-вторых, определить экономически и социально целесообразное соотношение всех видов собственности, имея в виду ведущую роль общенародной и общественной собственности в ряде отраслей народного хозяйства и в ее различных формах, а также создать механизм изменения и развития этого соотношения в зависимости от конкретных исторических условий;

- в-третьих, в сжатые сроки критически, но непредвзято разобраться в современном курсе экономической политики, с тем чтобы он был очищен от крайне поверхностных и односторонних, монополистических решений и впредь опирался на действительно научные выводы и предложения, в том числе учитывающие такие мощные факторы ускорения хозяйственного развития в условиях рынка, как степень и формы государственного воздействия на него и энергичный рост потребительского спроса;

- в-четвертых, восстановить и постоянно совершенствовать систему социальной защиты различных групп населения, включая общедоступ-

ное здравоохранение, равные стартовые условия для получения специального среднего и высшего образования и т. д.;

в-пятых, решить проблемы существования науки, деятельности военно-промышленного комплекса, создания современной армии;

в-шестых, организовать мощный левоцентристский блок, способный объединить основную часть электората под лозунгом движения к обществу социальной справедливости;

в-седьмых, предать Специальному Суду группу лиц, поправших выраженную на Всесоюзном референдуме волю народа сохранить СССР, организовавших воровскую приватизацию общенародной собственности, создавших условия для обнищания и вымирания населения, осуществивших расстрел Верховного Совета, фальсификацию выборов и другие преступные деяния. Возбудить уголовные дела против наиболее крупных высокопоставленных взяточников, коррупционеров, расхитителей государственной собственности.

Хотел было добавить пожелание строить политику не на демагогии и лжи, а только на правде, какой бы она ни была, создать систему самоочищения аппарата управления и общества в целом от мошенников, воров и грабителей, но понял, что пока это лишь маниловские мечтания. Похоже, честность в политике, как и в бизнесе, рассматривается на Руси теперь как глупость или, хуже того, полная некомпетентность. Поэтому развивать подобные темы смысла не имеет. Может быть, следующие поколения созреют для этого?

А мне остается лишь попрощаться с терпеливым Читателем и понадеяться на то, что он не растерял веру в торжество на нашей Руси Правды, Порядка и Справедливости.